

**ЦЕНТР СИСТЕМНЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ
ИППК ПРИ РГУ**

**ЮЖНОРОССИЙСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ
ВЫПУСК 6**

***КСЕНОФОБИЯ НА ЮГЕ РОССИИ:
СЕПАРАТИЗМ, КОНФЛИКТЫ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ***

Сборник научных статей

**Ответственный редактор
Черноус В.В.**

**Ростов-на-Дону
Издательство СКНЦ ВШ
2002**

ББК 66.3 (2 Рос)+67.400.7 (2 РОС)

К 44

Редакционная коллегия серии:

Акаев В.Х., Арухов З.С., Волков Ю.Г., Добаев И.П. (зам. отв. ред.),
Попов А.В., Черноус В.В. (отв. ред.), Ненашева А.В. (отв. секретарь).

Рецензенты:

Понеделков А.В. – доктор полит.н., проф. СКАГС

Рябцев В.Н. к.ф.н., доц. РГУ

Цечоев В.К. к.и.н., доц. ДЮИ

К 44 Ксенофобия на Юге России: сепаратизм, конфликты и пути их преодоления/
Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования
ИППК при РГУ. Вып. 6. Отв. редактор В.В. Черноус
– Ростов-на-Дону: Издательство СКНЦ ВШ, 2002 – 220 с.

ISBN 5-87872-141-4

Авторы сборника рассматривают теоретические и практические проблемы конфликтологической работы на юге России, формы и типы проявления ксенофобии, сепаратистских тенденций, выявляют стабилизирующие факторы и «точки роста», служащие индикаторами нормализации в регионе социально-политической ситуации.

Сборник подготовлен в рамках федеральной целевой программы «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001 – 2005 годы)».

Д – 01 (03) – 2001. Без объявл.

В.В. Черноус

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС НА ЮГЕ РОССИИ: ОТ ВСПЫШКИ КСЕНОФОБИИ К РЕГЕНЕРАЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ОСОЗНАННОГО ЕДИНОГО ГРАЖДАНСТВА

Динамика социально-политической ситуации на Юге России постоянно находится в центре внимания исследователей¹, что позволяет отослать читателя к их трудам, остановившись лишь на некоторых аспектах темы.

Ксенофобия – вечный спутник любого общества, казалось почти полностью ушла из внутри-советской жизни к концу 70-х годов XX века, со второй половины 80-х годов стала проявляться в самых радикальных формах и особенно на Северном Кавказе.

Обычно корни ксенофобии пытаются выявить в доктринах этнонационализма, религиозного экстремизма или леворадикальных движений. Как правило, критиками ксенофобии выступают авторы, придерживающиеся, как им кажется, либеральных взглядов. В то же время позиции многих отечественных либералов, задорно клеймящих нетерпимость националистов, коммунистов, представителей традиционных религий, содержат поразительные «фобии» по отношению к любым взглядам, не совпадающим с их собственными², страдают навязчивым стремлением все закрыть, запретить, пресечь. В первую очередь это относится к любым проявлениям русского национального самосознания, а также этнического или религиозного сознания народов России.

Взрыв ксенофобии в конце 80-90-х годов XX века во многом был резонансом на либерально-радикальные преобразования союзного, а затем федерального центра, не учитывавшего социокультурные и ментальные особенности народов Юга России.

В результате одной из сторон, переживаемого Россией системного кризиса, стал кризис цивилизационно-культурной идентификации русских и народов Северного Кавказа. В результате

¹ Хоперская Л.Л. Этнополитические процессы на Северном Кавказе. Р н/Д. 1997, Волков Ю.Г. Политическое состояние общества Юга России в постперестроечное время // Проблемы этнополитики и политологии. Ростов-на-Дону. 2000. Социально-политическая ситуация на Кавказе: история, современность, перспективы. Отв. Ред.: А.А. Шаравин и С.М. Маркедонов. М. 2001 и др.

² См. напр.: Верховский А.Н., Прибыловский В.В., Михайловский Е.В. Национализм и ксенофобия в российском обществе. М. 1998.

дискредитации социалистической идеологии, составлявшей мировоззренческую основу системной целостности советского народа («советскости») как сверхнациональной общности произошла сегментация цивилизационно-культурного пространства бывшего СССР.

Современная культура Северного Кавказа исторически сформировалась в результате сложного полилога кавказской горской, исламской и русской (российской) цивилизаций и культур, модернизационных процессов XX века («российскость» по терминологии В.Б. Виноградова).

В советский период на Северном Кавказе сложился определенный баланс, взаимное «прораствание» различных культур друг в друга, их толерантность и дружелюбность, что определялось универсальным характером и авторитетом русской культуры.

Распад СССР и провал реформ в России среди прочего привели к скачкообразной утрате русской культурой в массовом сознании на Северном Кавказе своего универсального характера и авторитета. Кризис национального самосознания коснулся всех народов, но проявился неоднозначно и выход из него в настоящее время идет различными путями.

Основой национального самосознания является история, историческое самосознание. Цивилизационно-культурный нигилизм федеральных властей в 90-е годы проявился в стремлении изменить менталитет общества, разрушить ценностную систему, знаки и символы как советской эпохи, так и российской истории, русских как государствообразующей нации.

Коммуникативная атака на эти ценности сформировала стереотип отечественной истории как тупиковый путь от якобы ошибочного принятия восточного христианства и до наших дней, всегда носившего экспансионистский и катастрофический характер. Учебники серии «Обновление гуманитарного образования в России» закрепили этот стереотип рисуя Россию и ее духовно-культурные основы «как пример неудавшейся истории», практически не оставляя в ней ни одной не дискредитированной крупной личности.

Такая политика имела своим результатом кризис русского национального самосознания. В результате сформировалась генерация «россиянцев», страдающих комплексом государственной и национальной неполноценности, лишенных патриотизма, оторванных от своих корней, готовых практически к принятию любого вида асоциальной деятельности.

Создание отталкивающего образа России и русского народа, а их культуры как вторичной, якобы своего рода лишь ретранслятора европейской в полиэтническом государстве не могло не носить деструктивного характера. Если ранее принадлежность к великой супердержаве и ее достижениям в разных сферах деятельности, культуре была предметом гордости всех народов, в том числе Северного Кавказа, то теперь объективно возникла потребность дистанцироваться от «непрестижной», тупиковой социокультурной системы и ее влияния как условия этнического самосохранения.

Кризис российской идентичности актуализировал этническую, религиозную, северокавказскую и кавказскую самоидентификацию горских народов, причем в цивилизационно-культурной оппозиции собственно России.

На Северном Кавказе, как и в других обществах в условиях кризиса и процессов дезинтеграции проявился архаический синдром, т.е. регенерация комплекса архаических явлений, представлений, стереотипов и норм поведения, размывание или сужение сферы рационального, усиливалось воздействие иррационального и чувственно-эмоционального восприятия окружающей действительности, укреплялось мифологическое мышление (в т.ч. героика наездничества, пленопродавства, неподчинение государственной власти и т.п.).

Этот процесс проявляется на разных уровнях и в различных формах.

Актуализация относительно закрытой традиционной культуры происходит для современных поколений с того времени и состояния, когда она пережила свою катастрофу, т.е. с XVIII – 1-й пол. XIX в.в. (до окончания Кавказской войны). В связи с этим возросло влияние исторического сознания горских народов, как фактора, определяющего этническое и панэтническое самосознание, а тем самым культурно-цивилизационную самоидентификацию. Прессу региона всех субъектов РФ на Северном Кавказе захлестнул поток псевдонаучных и наукообразных публикаций (монографий, статей, публицистики) по проблемам истории отдельных народов, которые в принципе проявляют между собой очевидное сходство в одном – в стремлении к чрезмерному приукрашиванию и преувеличению, вопреки фактам, былой исторической роли своих народов, способах внушения им чувства собственной национальной исключительности и превосходства, идеи этноцентризма и ксенофобии³.

Как отмечалось в «Обращении участников XIX межрегиональной научной конференции по археологии Северного Кавказа «Крупновские чтения» к историкам –кавказоведам, ко всем представителям науки и образования» (апрель 1996г.), эти искажения и извращения «находят свое выражение в том, что на коренное этнолингвистическое, генетическое родство своих предков с шумерами, египтянами, этрусками, скифо-сарматами и др. теми или иными известными этносами древних эпох одновременно претендуют в разных республиках региона представители и тюркоязычных народов (балкаро-карачаевцы, кумыки) и адыгов (кабардино-черкесы, адыгейцы) и вайнахов (чеченцы, ингушы), а формирование осетин прямолинейно связывают с индо-арийцами эпохи бронзы вайнахов и англичан; о генетическом единстве касогов (предков адыгов) с китайцами или с казаками, а те же казаков с половцами; о принадлежности тюркам почти всех древних и средневековых кочевнических культур евроазиатских степей и о создании ими же нескольких ранних цивилизаций».

Вместе с тем доказывается, что предки современных этносов занимали огромные территории: «осетин – от Палестины до Британии, вайнахов – от Кавказа до Дона и Днестра, адыгов – от Малой Азии и Средиземноморья до Каспия, балкаро-карачаевцев и кумыков – от Эгейского моря до Сибири и от Месопотамии до Поволжья и Урала»⁴.

³ См.: Реальность этнических мифов. М. 2000.

⁴ Научная мысль Кавказа, 1998. №1. с. 56.

Поток этой литературы достиг своего апогея в 90-е годы и начал переключиваться в школьные учебники⁵. Протесты профессиональных археологов и историков в малотиражных изданиях тонут в потоке подобных паранаучных теорий, которые определяют формирование массового исторического сознания, «этнических мифов» поколений, формирующихся в этот период. Внедрение в обывденное сознание мысли об «утраченных» территориях предков стимулирует взаимные территориальные претензии, сепаратистские проекты, а также предъявление «прав» на южнорусские области вплоть до Поволжья.

Романтизация древней и средневековой истории сочетается с заполнением «белых пятен» северокавказской истории, носивших трагический характер для местных народов – Кавказская война и мухаджирство, депортация 1943 – 1944 года и т.п.

В изучении русско-северокавказских отношений основной акцент делается на военном противостоянии с Россией, при этом идеализируются восточные каналы культурного развития и политика в Кавказском вопросе европейских государств. Ситуация осложняется тем, что собственно русское кавказоведение фактически прекратило свое существование как научное направление к середине 80-х годов (сейчас оно находится в стадии восстановления). Образовавшуюся лакуну заполнили труды западных и восточных ученых эмигрантов-горцев, которые написаны с откровенно антироссийских и даже русофобских позиций (А. Авторханова, Хавжоко, Р. Трахо и др.).

Такая концентрированная атака на массовое сознание северокавказских народов привела к демонизации политики России на Кавказе, что вызывало протесты у отдельных местных историков, но это лишь единичные голоса в 90-е годы XX в. Подобные тенденции подкреплялись и другими факторами: изменения названий улиц, площадей шло в направлении увековечивания памяти борцов с «русским колониализмом», с этим же была связана деятельность национально-культурных учреждений.

В этот период в программах научных конференций, семинаров в регионе крайне мало ученых из несеверокавказских республик, особенно русских ученых, что объясняется не только политизированностью многих научных форумов, но и банальным отсутствием средств. В этом же причина ограниченных возможностей для ученых из Северного Кавказа проходить стажировку, участвовать в конференциях и т.п. в российских городах, в отличие от поездок при спонсорской поддержке в США, Европу, Турцию арабские страны.

Существенные различия в интерпретации Кавказской войны и ее последствий у русских и «кавказцев» (ученых и в обывденном сознании) также стали одним из факторов, придающих конфликтный характер русско-северокавказскому цивилизационно-культурному диалогу, распространения взаимной русофобии, кавказофобии и исламофобии.

При таком подходе естественен вывод типичный для значительной части «местных» кавказоведов: «культуртрегерская роль официальной России сводилась фактически к тотальному унич-

⁵ История Кабардино-Балкарии. Нальчик. 1995. и др.

тожению Кавказской культуры, а не к какому бы то ни было «влиянию». Российская культура стала восприниматься как «чужая», только как средство русификации и вызывать отчуждение.

Если старшее поколение народов Северного Кавказа в целом толерантно и сохраняло интернациональные позиции, то среди 40 – 30-летних такого единства уже не было, а последующие поколения формировались в социокультурной среде, которая определяется следующей оппозицией в своем крайнем выражении (аналогичных высказываний можно привести значительно больше и применительно почти ко всем горским народам):

«История черкесов, абазин, абхазов, вайнахов и осетин предстает как история основателей государств и цивилизаций, и, вместе с тем, как история разрушителей государств и цивилизаций... Черкесия или земля Аттехей, на протяжении тысячелетий была генератором чистой крови, ненормально агрессивной и божественно красивой черкесской породы»⁶. «Чеченская нация является этнической корневой частью Кавказской расы, одним из древнейших источников человеческой цивилизации, первоосновной духовности, прошла хурритскую, миттанскую, урартскую культуры и выстрадала свою историю и право на достойную жизнь, стала образцом жизнестойкости и демократии».

Русизм – это особая форма человеконенавистнической идеологии, основанной на великодержавном шовинизме, полной бездуховности и безнравственности. Отличается от известных форм фашизма, расизма, нацизма особой жестокостью как к человеку, так и природе, к самому Создателю Миров. Принцип действия – уничтожение всего и вся, тактика выжженной земли. Отличается шизофренической формой мании мирового господства. Обладая рабской психологией, паразитирует на ложной истории, экспансированных территориях ми народах. Русизму характерен постоянный политический, юридикто-правовой, идеологический терроризм.

Русизм – национальная и государственная политика и идеология России»⁷.

В случае утверждения в историческом и национальном самосознании горских народов (как и кавказофобии, исламофобии у русских) подобных взглядов, возможности диалога, взаимодействия различных культур в регионе были бы блокированы на долгое время.

Трагические события в Чечне (1994 – 2001), а затем агрессия международного терроризма против России, террористическая атака 11 сентября 2001 г. в США и последующая антитеррористическая операция оказали серьезное влияние на самосознание как региональных элит, так и широких слоев населения, что, к сожалению, прошло незамеченным для многих исследователей.

За последние десять лет XX века ни один регион нашей страны не привлекал такого внимания ученых, средств массовой информации, как Северный Кавказ. Таким образом, как бы воспроизвелась ситуация конца XIX в., когда академик Н.Ф. Дубровин зафиксировал аналогичное положение. Но если 100 лет назад российское кавказоведение с каждой новой экспедицией, публика-

⁶ Хотко С.Х. Черкесские (адыгские) правители Египта и Сирии в XII – XVIII в. Майкоп: 1994. с. 20 – 25.

⁷ Россия и Чечня. Документы свидетельствуют. М.: 1997. 211 с.

цией углубляло и расширяло научные знания о геологии, природных ресурсах, истории, лингвистике, этнографии и т.п. Северного Кавказа, то современное состояние науки о Кавказе, образования, СМИ не представляется столь однозначным.

Для значительной части публикаций по проблемам Северного Кавказа характерны:

- ❖ ориентация на формирование этноцентристских мифов;
- ❖ стирание грани между наукой, публицистикой и просто отдельными (часто агрессивными) представлениями;
- ❖ замыкание исследователей в национальных квартирах;
- ❖ почти исключительное сосредоточение внимания на кризисных и конфликтных проблемах.

Подобный однобокий подход привел к формированию в научном и общественном сознании ложных, на наш взгляд, стереотипов:

- ❖ Северный Кавказ объективно есть зона нестабильности и конфликтов;
- ❖ Северный Кавказ является чужеродным регионом в составе России, постоянной угрозой ее безопасности;
- ❖ народы Северного Кавказа не восприимчивы к модернизации, демократизации и просто не способны к мирной жизни.

Отталкиваясь от этих базовых стереотипов, социальнополитическая, этнополитическая ситуация на Северном Кавказе почти исключительно стала определяться в логике и категориях конфликтологии, а образ региона формируется в парадигме конфликтного мышления. Ксенофобия, экстремальные формы проявления межэтнических противоречий конца 80 – середины 90-х гг. XX в., когда на Северном Кавказе развивался процесс этнической мобилизации, стали восприниматься как естественное состояние, норма общественно-политической жизни региона. Становление этнополитики в нашей стране связано именно с этим этапом истории России, что определило превалирование в этнополитических исследованиях конфликтологической проблематики, закрепленной к тому же в СМИ и перекочевавшей в местные школьные и вузовские программы. В результате был сформирован образ Северного Кавказа как зоны сплошной напряженности.

Загнав себя в эту виртуальную реальность, общество на всех уровнях – обыденном, публицистическом, научном – во всех сложностях и противоречиях современных этнополитических процессов видит, по крайней мере, латентные конфликты. В этой парадигме сформировались и продолжают мыслить многие этнополитологи, занявшиеся северокавказской проблематикой в 80 – 90 гг. XX в.

Известная склонность национального самосознания к эсхатологичности, катастрофичности наложилась на конфликтное мышление. Заикливание на катастрофах и конфликтах привело к тому, что произошел определенный сдвиг в сознании, когда через конфликтогенную «оптику» мы перестали воспринимать мир и себя во всей сложности и многообразии. Это в полной мере относится к различного рода этнополитическим мониторингам, большей части научных экспертиз и прогнозов. Действия власти в этом контексте сводятся к ситуативной рефлексии, бесконечной

профилактике, предупреждению, отражению угроз и разрешению конфликтов (что само по себе очень важно, необходимо, но должно быть предметом внимания профессионалов, а не спекуляции публицистов), но не может вырваться из порочной «конфликтной» логики, обречены постоянно воспроизводить кризисную ситуацию.

На этот аспект под разным углом зрения обращали внимание авторы, которые рассматривают проблемы Северного Кавказа в более широком контексте, имеют больший, чем последнее десятилетие опыт работы в кавказоведении. Так, В.А. Авксентьев обратил внимание на то, что «проблемы этничности, этнических отношений вообще утратили всякий элемент позитивности и присутствуют исключительно в конфликтном варианте», и поставил вопрос о создании позитивного, пусть даже мифологического, образа межэтнической коммуникации, а на ее основе формирование навыков и умений построения системы этнокультурного плюрализма⁸.

Более глубокой представляется точка зрения ученых из Кабардино-Балкарии – А.Х. Борова, К.Ф. Дзамихова⁹, которые обращают внимание на то, что Северный Кавказ (исключая Чечню) в условиях глубочайшего экономического, социального кризиса, вмешательства внешних сил и провалов кавказской политики федерального центра демонстрирует удивительную укорененность интеграции в общероссийское социально-политическое пространство. Северный Кавказ представляет собой, как показывают события последнего десятилетия, область устойчивого взаимодействия этносов, культур и цивилизаций. «С одной стороны, эти особенности объективно сформированы всем ходом предшествующей истории, с другой – они принципиально неустранимы и будут сохранять свое доминирующее значение для народов региона и для России в целом на всю обозримую перспективу» (К.Ф. Дзамихов). Аналогичный подход развивают Ю.Г. Волков и В.В. Черноус¹⁰. В одном из своих выступлений полномочный представитель Президента РФ в Южном федеральном округе В.Г. Казанцев также подчеркнул: «необходимо уйти от мифологемы, что Кавказ изначально конфликтен в силу цивилизационно-культурного разнообразия, а северокавказские народы якобы не способны к мирному сосуществованию и взаимодействию»¹¹.

⁸ Авксентьев В.А. Проблемы формирования нового образа неконфликтных этнических отношений в Северо-Кавказском регионе // Этнические проблемы современности. Ставрополь, 1999. Вып. 5.

⁹ Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х. Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик, 1999, Дзамихов К.Ф. Адыги и Россия. М., 2000.

¹⁰ Волков Ю.Г. Политическое состояние общества Юга России в постперестроечное время: состояние, перспективы, ожидания // Проблемы этнополитики и политологии. Ростов-на-Дону, 2000, Черноус В.В. Россия и народы Северного Кавказа: проблемы культурно-цивилизационного диалога // Научная мысль Кавказа. 1999. №3.

¹¹ Казанцев В.Г. Социальная и этнополитическая ситуация в Южном регионе России. Ростов-на-Дону. 2000

Данный подход к этнополитическим процессам пока не разделяется большинством исследователей, которые остаются в плену инерционного восприятия ситуации на Северном Кавказе начала 90-х годов, т.е. пика этнической мобилизации. С середины 90-х годов ситуация медленно, но коренным образом меняется. Этнонационализм в своих крайних формах практически сошел на нет, умеренные этнонационалисты интегрировались во властные республиканские структуры. В республиках (исключая Чечню, и с некоторым отставанием в Карачаево-Черкесии) созданы нелиберальные формы демократии, и этническую форму мобилизации сменил процесс этнической реконструкции, т.е. адаптации этносов к новым условиям российского социального пространства. Иллюзорная, а затем и реальная утрата русской культурой своего приоритета на Северном Кавказе, рост ксенофобии, имели следствием неизбежную деградацию культуры на Северном Кавказе, в целом, и каждого народа в отдельности, а снижение ее интегрирующей роли вело к углублению сегментации общества, конфликтам, что было осознано местными элитами и обществом. В то же время актуализируется «внешний фактор» этнополитической ситуации на Юге России, силы, заинтересованные в сохранении управляемой нестабильности под предлогом борьбы с «международным терроризмом».

Не отрицая значения конфликтологической работы (так как ситуация остается неустойчивой, а все негативные факторы, на нее влияющие, сохраняются), основное внимание, на наш взгляд, необходимо переориентировать на выявление и укрепление факторов региональной и общероссийской интеграции, точек роста в экономической, социальной и культурной сферах. Этот же подход желательно положить в основу информационной и образовательной политики. Речь идет не о замене негативной мифологемы этнополитического процесса в регионе на позитивную мифологию, а о системном анализе состояния и тенденции развития Северо-Кавказского региона.

Данную цель и преследует наш сборник, в котором авторы нащупывают новые тенденции в развитии социально-политической ситуации на Юге России, перспективы ее нормализации, хотя придерживаются различных политических взглядов и принадлежат к разным научным школам, исследовательским культурам.

Д.Б. МАЛЫШЕВА

РОССИЯ И ГОСУДАРСТВА ЗАКАВКАЗЬЯ В ПОИСКАХ УСТОЙЧИВОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

Конец 80-х и начало 90-х годов – исходная точка периода, когда закавказские конфликты превратились в печальную повседневность социально-политического бытия сначала СССР, а затем и СНГ. Это были конфликты уже новой посткоммунистической эпохи, зарождавшиеся и развивавшиеся в процессе глобальных геополитических изменений. Возникнув в условиях единого целостного государства (СССР), одни конфликты (грузино-абхазский, грузино-осетинский) приобрели характер внутренних, и лишь армяно-азербайджанский обрел статус межгосударственного, не утратив при том прежнего содержания: ведь изначально этот конфликт был вызван стремлением карабахских армян реализовать идею национального самоопределения.

Известный российский ученый-международник Н.А.Косолапов считает, что по своему происхождению конфликты постсоветского пространства – это особая реальность. «Объективная сложность внутреннего мира постсоветского пространства, - подчеркивает ученый, - нигде не проявляется столь очевидно и не сказывается столь сильно, как в развернувшихся на территории бывшего СССР конфликтах. Естественно, что и корни конфликтов постсоветского пространства также восходят и к советскому, а во многих случаях и к еще более отдаленному прошлому»¹.

В настоящее время во всех старых «горячих точках» Закавказья – в Нагорном Карабахе, Абхазии, Южной Осетии - широкомасштабные боевые действия прекращены. В Нагорном Карабахе подписанное армянской и азербайджанской сторонами 16 мая 1994 г. Бишкекское соглашение о прекращении огня в целом соблюдается. В Абхазии и Южной Осетии миротворческие контингенты СНГ ввели в действие соглашения о прекращении огня и с тех пор они контролируются военными наблюдателями ООН. Во всех перечисленных конфликтах стороны удалось усадить за стол переговоров. Так, ведется прямой армяно-азербайджанский диалог относительно урегулирования карабахской проблемы. Налажены грузино-абхазские контакты после некоторого дипломатического затишья, последовавшего за встречей Эдуарда Шеварднадзе и Владислава Ардзинбы в 2000 г. Тем не менее, сохраняется потенциальная угроза возобновления «замороженных» конфликтов - между Арменией и Азербайджаном из-за Нагорного Карабаха, в Южной Осетии и на линии грузино-абхазского вооруженного противостояния.

Рассмотрим, как складывается ныне ситуация в каждой конфликтной зоне.

Армяно-азербайджанский конфликт из-за Нагорного Карабаха. Подоплека армяно-азербайджанского вооруженного противостояния, начавшегося в 1988 г., сложна и многопланова. Помимо историко-культурного соперничества с элементами межнациональной розни здесь имел место и собственно территориальный спор из-за Нагорного Карабаха. Идеи национального самоопределения, взятые на вооружение с конца 80-х годов интеллигенцией и общественно-политическими объединениями (Комитет «Карабах», Армянское общенациональное движение, Народный фронт Азербайджана и др.) в Армении и Азербайджане также оказали влияние на развитие данной конфликтной ситуации. Немалую роль в разжигании конфликтной ситуации сыграли и маневры тогдашнего союзного центра, намеревавшегося ослабить и расколоть национально-

¹ Косолапов Н.А. Конфликты постсоветского пространства. – Мировая экономика и международные отношения. 1995, №10, с.5.

освободительные движения в республиках Закавказья, сохранить их в орбите своего влияния. Наконец, завязавшаяся с 1993 г. интрига вокруг каспийской нефти и путей ее транспортировки превратилась со временем в существенную помеху, препятствующую разрешению конфликта, а также и в важный фактор геополитического соперничества в регионе.

Поскольку речь идет о незаконченной войне между Арменией и Азербайджаном - двумя независимыми государствами, признанными международным сообществом и его организациями (ООН, Совет Европы, ОБСЕ и др.), конфликт между ними относится к категории межгосударственных. Но это одновременно и государствообразующий конфликт ввиду того, что армяне Нагорного Карабаха, изменив административный и политический статус Нагорно-Карабахской автономной республики Азербайджана (НКАО), ставят своей целью создание собственной государственности: в 1992 г. они объявили себя независимым государством - Нагорно-Карабахской Республикой (НКР). В ходе боев Армия НКР установила контроль над семью прилегающими к Нагорному Карабаху азербайджанскими районами, превратив их в так называемую зону безопасности. Несмотря на то, что районы, входящие в эту зону – за исключением Лачинского и Кельбаджарского – остаются незаселенными и неосвоенными, власти НКР уклоняются от обсуждения вопроса об их освобождении, пока от Азербайджана не будут получены гарантии безопасного проживания армянского населения Нагорного Карабаха.

Хотя переговорный процесс вокруг карабахского урегулирования длится уже не первый год, подходы сторон к большинству спорных вопросов конфликта кардинальным образом различаются.

Позиция официального Баку базируется на тезисе отстаивания территориальной целостности азербайджанского государства. При этом обсуждение проблемы Нагорного Карабаха обставляется рядом предварительных - и явно неприемлемых для другой стороны – условий. Баку требует, в частности: отмены законодательных актов, меняющих статус спорной карабахской территории, которую продолжает считать своей; возвращения семи прилегающих к Нагорному Карабаху районов, оккупированных армией НКР, что составляет, по подсчетам азербайджанской стороны, 20% территории Азербайджана; разоружения и роспуска Армии НКР. Лидеры Азербайджана прилагают огромные усилия, чтобы заручиться поддержкой мирового сообщества, стремясь представить конфликт не борьбой карабахских армян за самоопределение, а агрессией Армении и захватом ею чужих земель с вытекающими отсюда международно-правовыми последствиями.

Стержнем позиции Армении является вопрос о безопасности армянского населения Нагорного Карабаха и такое решение карабахской проблемы, которое было бы приемлемо для НКР. Официально не признавая Нагорно-Карабахскую республику, армянская сторона поддерживает право НКР на самоопределение. По мнению президента Армении Роберта Кочаряна, «важно, чтобы решение карабахского конфликта было найдено его сторонами, а не навязано международным сообществом»². Вместе с тем объективно Армения заинтересована в установлении мира с Азер-

² Зеркало. Баку, 16.02.2000.

байджаном: во-первых, это позволило бы ей наладить нормальные взаимоотношения с соседями и мировым сообществом; во-вторых, дало бы возможность подключиться к выгодным экономическим проектам, связанным, в том числе, и с транспортировкой каспийской нефти.

Лидеры НКР стремятся убедить мировую общественность в том, что «народ Карабаха» ведет национально-освободительную борьбу и потому республика должна быть признана воюющей стороной. Тем самым НКР претендует на прямое участие в переговорах по урегулированию конфликта, чему противится азербайджанская сторона.

Неурегулированность конфликта усугубляется неблагоприятным социально-экономическим фоном, политической нестабильностью во всех участвующих в конфликте государствах. Сохраняется и внутривнутриполитическая нестабильность во всех государствах, участвующих в конфликте. 27 октября 1999 г. группа террористов расстреляла армянский парламент, в марте 2000 г. было совершено покушение на президента НКР Аркадия Гукасяна, а в Азербайджане обстановку повышенной нервозности создают слухи о проблемах со здоровьем президента Гейдара Алиева и его планы передачи власти назначенному им преемнику (на этом посту Алиев видит своего сына Ильхама). По мере того, как растет число тех, кто разочаровался в возможности решения конфликта на пути переговоров, в Азербайджане все громче заявляет о себе «партия войны». Тревожной тенденцией в этой республике становится также увеличение числа сторонников так называемых ваххабитских движений, которые представляют серьезную оппозиционную силу.

Постоянное присутствие беженцев, которых в массе своей так и не удалось возвратить в места их довоенного проживания, затрудняет восстановление подорванных войнами хозяйств. По данным Госкомстата Азербайджана, в 1998 г. в стране было зарегистрировано 233 тысячи беженцев из Армении и Узбекистана (в основном турки-месхетинцы) и 604 тысячи вынужденных переселенцев³. В Армению в 1988-1992 годах из Азербайджана переместилось 360 тысяч беженцев и вынужденных переселенцев⁴. В обеих странах беженцы оказывают дестабилизирующее воздействие на экономику, поскольку оттягивают значительную долю государственных расходов.

Одной из наиболее болезненных проблем стала вынужденная миграция. Выезжают по преимуществу городские жители, многие из которых имеют высшее образование или являются высококлассными техническими специалистами. На миграционные настроения большое влияние оказывают такие факторы, как неурегулированность карабахского конфликта, внутривнутриполитическая нестабильность, резкое падение жизненного уровня населения, отсутствие работы и перспективы. За последнее десятилетие из Армении уехало до полутора миллиона человек⁵, включая и тех, кто вынужден был бежать из Азербайджана, но так и не сумел обустроиться на исторической родине. В Азербайджане практически не осталось армян. Только в Нагорном Карабахе, который Азербайджан продолжает считать своей территорией, их насчитывается около 130 тыс. Усилился отток из

³ *Искандарян А.* Миграционные процессы на постсоветском Кавказе // Центральная Азия и Кавказ. Стокгольм, №3 (3), 1999, с.141.

⁴ *Баблунян С.* В Армении подсчитали ущерб, понесенный беженцами из Азербайджана // Известия. 6.11.1998.

⁵ *Акопов П., Колесников А.* Уроки армянского // Известия. 24.04.2000.

страны этнических азербайджанцев, а также русских. Например, в Москве и Московской области имеют регистрацию, то есть прописку, 800 тысяч азербайджанцев, а их общее число, по неофициальным данным, достигает 1-2 миллионов человек⁶.

Но позитивным все же остается то, что переговорный процесс усилиями многочисленных посредников не прерывается. В последние годы он активизировался и проходил в формате двусторонних встреч азербайджанского и армянского президентов. Тем не менее, действенного прорыва в разрешении карабахской проблемы в ходе нескольких раундов переговоров Алиев-Кочарян добиться не удалось. По-прежнему далеки от разрешения противоречия между конфликтующими сторонами относительно таких принципиальных вопросов, как статус Нагорного Карабаха, ситуация с занятыми Армией НКР азербайджанскими территориями, положение беженцев.

Конфликты Южной Осетии и Абхазии. Внутренние конфликты с Южной Осетией, Абхазией и - самый продолжительный и кровавый - с Абхазией начались за несколько лет до провозглашения независимости Грузии. Сложная и запутанная история взаимоотношений населяющих эту страну народов была усугублена в конце 80-х - начале 90-х годов действиями националистических политиков, которые, раздувая этнические разногласия, вызвали эскалацию кровопролития.

Самая серьезная для Тбилиси проблема – это взаимоотношения с Южной Осетией и Абхазией, которые превратились де-факто в самоуправляющиеся территории.

Южная Осетия. После завершения в 1992 году боевых действий в зоне конфликта и ввода в республику миротворческих сил СНГ, положивших конец вооруженному противостоянию с Грузией, здесь воцарилось относительное спокойствие. Миротворческий контингент СНГ и военные наблюдатели ООН осуществляют контроль за соблюдением Соглашения о принципах мирного урегулирования конфликта, подписанного Грузией и Россией 24 июня 1992 г. Но идея национального самоопределения сохраняет в Южной Осетии свою притягательность. Она проявляется и в дискуссиях по вопросу о «воссоединении Южной Осетии и России», и в принятии ряда законодательных актов. Так, 8 апреля 2001 г. на проходившем в республике референдуме была принята Конституция Республики Южная Осетия, первая статья которой гласит: «Республика Южная Осетия является независимым, суверенным, демократическим государством»⁷. Официальный Тбилиси расценил принятие конституции как «еще одно проявление сепаратизма и нежелания вести конструктивный диалог по урегулированию грузино-осетинского конфликта»⁸. Эти разногласия свидетельствуют о том, что конфликтный потенциал на этой части грузинской территории сохраняется, а значит - до урегулирования конфликта с Южной Осетии все еще далеко.

Конфликт в Абхазии еще серьезнее осложняет позиции грузинского руководства. Де-факто Республика Абхазия давно стала независимой и, похоже, грузинским властям не остается

⁶ Арсеньев А. Парадоксы статистики // Независимая газета. 1.12.1999.

⁷ Жажнев А. Южная Осетия в очередной раз проголосовала за независимость // Независимая газета. 12.04.2001.

⁸ Там же.

ничего лучшего, как отыскать приемлемую политическую формулу для того, чтобы, «не потеряв лицо», упорядочить свои отношения с этой территорией.

Сложная и достаточно запутанная история отношений грузин и абхазов была усугублена действиями националистических политиков, которые в конце 80-х – начале 90-х годов искусственно раздули этнические разногласия. Двигателями конфликта стали и групповые интересы. Задолго до военной фазы грузино-абхазского противостояния активизировалось абхазское политико-идеологическое движение, в котором требования равноправия абхазской культуры и языка играли подчиненную роль, а на первый план выдвигалась идея национального самоопределения. Противоречия углубились в период президентства Звиада Гамсахурдиа (1990-1992 гг.), который взял курс на создание по этническому принципу «единой грузинской нации», что усугубило межнациональные проблемы в Грузии в целом и укрепило опасения абхазов относительно будущего своей автономии. Тем более, возник прецедент: упразднение Юго-Осетинской автономной области и создание на ее месте «Цхинвальского района».

В августе 1992 г. Э.Шеварднадзе, сместивший З.Гамсахурдиа в ходе военного переворота, попытался подчинить Абхазию силой оружия: на территорию автономии были введены части Национальной гвардии и регулярной армии Грузии и начались кровопролитные бои. Подписанное в Москве 3 сентября 1992 г. соглашение о прекращении огня не было выполнено, как и соглашение о «территориальной целостности Республики Грузия». 27 сентября 1993 г. абхазскими войсками был взят Сухуми и окончательно разгромленный грузинский десант вынужден был покинуть Абхазию. 4 апреля 1994 г. стороны подписали Заявление о мерах по политическому урегулированию грузино-абхазского конфликта. 14 мая 1994 г. было подписано соглашение об отправке в зону конфликта сил СНГ, которые в соответствии с решением Совета глав государств СНГ были размещены 23 июня 1994 г. в "зоне безопасности" на двенадцатикилометровой территории по обе стороны реки Ингури, в Гальском районе Абхазии и Зугдидском районе Грузии.

За время проведения миротворческой операции в зоне грузино-абхазского конфликта погибло 85 миротворцев, в одном только 2001 г. было зафиксировано 70 инцидентов со стрельбой, более 20 фактов покушения людей и более 120 случаев разбойных нападений⁹.

С 3 сентября 1992 г. грузино-абхазский конфликт находится в сфере внимания Совета Безопасности ООН. По решению последнего в зоне конфликта присутствует миротворческая миссия ООН (МООННГ), которая призвана наблюдать за соблюдением перемирия и оказывать содействие миротворческому контингенту СНГ. В 1994 г. для содействия переговорному процессу была даже учреждена «Группа друзей Генерального секретаря ООН по Грузии», в которую вошли Франция, Германия, Россия, Великобритания и США.

Несмотря на усилия региональных и международных посредников и миротворцев, политического урегулирования конфликта так и не произошло, поскольку не удалось решить ключевой

⁹ Харкет Е. В Абхазии возобновляются боевые действия // Независимая газета. 5.10.2001.

вопрос – статус Абхазии и характер ее отношений с Тбилиси. Зашли в тупик и переговоры о возвращении беженцев.

Грузинская сторона настаивает на том, что данный конфликт является чисто внутренним (гражданской войной), и возражает против его трактовки как «грузино-абхазского», поскольку это узаконивает притязания абхазской стороны на особый статус. Тбилиси заинтересован в скорейшем завершении конфликта с Абхазией, поскольку сюда стали вмешиваться нефтяные интересы: обеспечение безопасности терминала в Супсе и самого нефтепровода Баку-Супса, который прокладывается неподалеку от зоны конфликта. Руководители Грузии готовы обсуждать с абхазскими лидерами статус автономии, но при выполнении предварительных условий, главное из которых – возвращение грузинских беженцев в Гальский район, который они покинули во время войны 1992-1993 гг. Их численность оценивается грузинской стороной в 200 тысяч человек¹⁰. В результате действий грузинских экстремистов из так называемого «Белого легиона», нападавших на абхазов в Гальском районе, еще 30-40 тыс. грузин бежало отсюда¹¹. После относительной стабилизации обстановки, а также в результате принятого абхазскими властями 1 марта 1999 г. решения, позволяющего грузинским беженцам вернуться в родные места, несколько десятков тысяч (по утверждению Ардзинбы – более 60 тысяч¹²) беженцев вернулось в Гальский район. Из них более 97% участвовали в выборах президента Абхазии 3 октября 1999 г.¹³.

Абхазская сторона не возражает против заключения с Тбилиси договора – федеративного, конфедеративного либо союзного, но не приходится сомневаться, что это – лишь эвфемизмы для реализации идеи обособления от Грузии и создания независимого государства. Официальные лица Абхазии предлагают отношения «равного партнерства» в рамках конфедерации, на что официальный Тбилиси пока не соглашается, предпочитая обсуждать варианты федерации или «общего государства».

Сама политическая ситуация в Грузии весьма далека от стабильности, а экономическая – от процветания. Результаты реформ, проводимых в Грузии, весьма скромны, а преступность и коррупция огромны. Как и в других закавказских государствах, население здесь устремляется за пределы республики в поисках лучшей доли и работы. По официальным грузинским данным, 650 тысяч граждан Грузии работают в России, а по подсчетам российских экспертов, почти 1/3 населения республики живет за счет средств грузинских граждан, работающих в России либо имеющих там бизнес¹⁴. Значительная часть грузинских беженцев из Абхазии (называют цифру в 107 тысяч человек¹⁵) также перебралась в Россию. Всего, по свидетельству Тома Гугушвили, возглав-

¹⁰ В. Барановский. Россия: конфликты и мирное урегулирование споров // Ежегодник СИПРИ 1998, М., Наука, 1999, с. 152.

¹¹ Г. Чуфрин. Бассейн Каспийского моря: измерения безопасности // Ежегодник СИПРИ 1999, М., 2000, с. 251.

¹² «Мы хотим иметь самые добрые отношения с Россией // Центральная Азия и Кавказ. 2000, №2, с. 22.

¹³ Там же.

¹⁴ Хисамова З. Где восходит грузинское солнце? // Эксперт. № 47, 11 декабря 2000, с. 86.

¹⁵ Искандарян А. Указ. соч, с. 141.

ляющего департамент миграции в Министерстве по делам беженцев, «около девятист тысяч грузин, а может быть, и миллион покинули свою страну с 1995 г.»¹⁶.

Остается беспокойным положение в районах Сванетии, Западной Грузии, Месхетии, Ахалкалаки, Панкиси. Там наблюдаются дезинтеграционные тенденции, тем более, что национальная политика Тбилиси и его отношение к «нетитульным нациям» не претерпели особых изменений. Дестабилизирует обстановку в Грузии и неблагоприятная ситуация в Чечне. Из-за притока чеченских беженцев и свободно перемещающихся через границы боевиков нарушен этнический баланс в приграничных районах Грузии, где компактно проживают родственные чеченцам кистины, что чревато этнополитическим конфликтом.

В начале октября 2001 г. в результате вторжения в Кодорское ущелье Абхазии отряда чеченских боевиков под командованием полевого командира Руслана Гелаева там сложилась взрывоопасная ситуация: грузино-чеченские формирования развернули в Абхазии боевые действия, но были разгромлены и отошли в Панкисское ущелье. Инспирированные боевиками столкновения были направлены на выдавливание из Абхазии российской базы в Гудауте, а заодно и миротворцев, которые начали воевать с чеченцами уже на грузинской земле. Подтверждением этому может служить принятое 11 октября 2001 г. решение парламента Грузии о выводе миротворческих сил СНГ из зоны грузино-абхазского конфликта. Одновременно с этим грузинский лидер предложил Турции подключиться к миротворческой операции в Абхазии, (на что представитель МИД Абхазии заявил, что его республика «выступает категорически против участия стран НАТО в миротворческой операции»¹⁷). Подобные действия и заявления официального Тбилиси свидетельствуют как об усилении антироссийской тенденции в его внешнеполитическом курсе, так и о решимости пойти на силовые акции с целью присоединения Абхазии к Грузии.

Пока ни Тбилиси, ни Сухуми не проявили политическую волю к тому, чтобы положить конец диверсионно-террористической деятельности на территориях, подконтрольных силовым структурам той и другой стороны. Не перешли они от стадии политической риторики к подлинным переговорам. Не удивительно поэтому, что ситуация с разрешением застарелого грузино-абхазского конфликта не сдвинулась с мертвой точки.

Очевидно, что нужен прорыв в решении давно назревших проблем, делающих ситуацию в регионе беспокойной и непредсказуемой. Ведь поскольку конфликты не разрешены, а лишь «заморожены», основа для возможного возобновления военных действий сохраняется. Такое положение таит в себе серьезные риски безопасности, и оно пагубно для всех народов Закавказья и их ближайших соседей. Отсутствие мира и спокойствия негативно сказывается на экономическом развитии региона, так как замедляются темпы его экономического роста. Постоянное присутствие беженцев, которых в массе своей не удастся вернуть в места их довоенного проживания, затрудняет восстановление подорванных войнами хозяйств. Сохраняется в связи с этим угроза гу-

¹⁶ *Демографическая катастрофа* //Ивестия. 8.09.2001.

¹⁷ *Ильин Г. Просьба к соседу* //Ивестия. 9.11.2001.

манитарного кризиса. Непосильным бременем на население ложатся военные расходы. Сохраняющаяся региональная нестабильность питает и такие опасные явления, как международный терроризм и транснациональная преступность.

Россию, которая сама является крупной кавказской державой, тесно связанной своей историей и культурой с народами всего Большого Кавказа, нестабильность в этом регионе затрагивает напрямую. Она негативно сказывается на проблемах российского Северного Кавказа, поскольку сепаратистские настроения имеют во многом общий характер и взаимно подпитывают друг друга. Осложняется ситуация на южных границах России, а также ее отношения с государствами Закавказья; тормозятся экономические и деловые контакты в этом важном регионе, где у России есть значительные экономические интересы. Именно поэтому с урегулированием происходящих в Закавказье конфликтов Россия связывает и достижение политической стабильности на всем Большом Кавказе, и развитие здесь регионального сотрудничества. Как подчеркивал министр иностранных дел Российской Федерации Игорь Иванов, «Россия была, есть и будет кавказской державой, поэтому мы стремимся к стабильности в этом регионе и формулируем нашу позицию открыто: состояние «ни войны, ни мира», которое царит там сегодня, нас не устраивает». Соответственно российские приоритеты в Закавказье состоят в обеспечении здесь прочной и устойчивой стабильности, а также в содействии становлению в регионе дружественных нашей стране экономически развитых демократических режимов.

Поскольку негативные тенденции в Закавказье непосредственно затрагивает национальную безопасность России, она стремится сохранить здесь свое военное присутствие. Это и фактор ее влияния в регионе, и важный компонент российской стратегии безопасности. При этом Россия стремится придерживаться сбалансированного подхода, что не исключает возможности развивать углубленные отношения в той или иной области с теми государствами, которые готовы к встречным адекватным шагам. Военные контингенты Министерства обороны Российской Федерации и ее пограничные войска, базирующиеся в Грузии и Армении, – важный фактор стабильности в регионе и одновременно средство поддержания здесь стратегического баланса. При этом закавказские государства нуждаются в России не только как в важном экономическом и политическом партнере. Россия способна создать противовес вызывающим озабоченность закавказских государств турецким либо иранским притязаниям на региональное лидерство.

С 1999 г. российское военное ведомство приступило к реформированию системы своего зарубежного базирования с тем, чтобы такое военное присутствие отвечало в первую очередь национальным интересам России. В рамках этой политической линии в ноябре 1999 г. на саммите Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) в Стамбуле было подписано российско-грузинское соглашение, ставшее официальным приложением к Договору об обычных вооруженных силах в Европе. Россия взяла тогда на себя обязательство сократить свое военное базирование в Грузии и уже частично выполнила его. На январском саммите СНГ 2000 г. министры внутренних дел Грузии и России договорились о совместных действиях в борьбе против наркомафии, организованной преступности и терроризма, а также о совместных операциях в районе

Панкисского ущелья на чеченском участке российско-грузинской границы. С Азербайджаном были проведены переговоры относительно предотвращения помощи со стороны этого кавказского государства чеченским сепаратистам. В ответ Россия еще раз подтвердила неизменность своего курса на признание территориальной целостности Азербайджана.

Россия, заинтересованная в минимизации существующих в Закавказье рисков и угроз, снижении здесь уровня межнациональной напряженности, прилагает немалые усилия к тому, чтобы помочь своим южным соседям развязать тугие узлы вражды и недоверия. Российский миротворческий контингент на реке Ингури является единственной гарантией невозобновления боевых действий на линии грузино-абхазского противостояния. 500 российских миротворцев выступают гарантами мира и спокойствия в Южной Осетии. Россия готова стать гарантом будущих мирных договоренностей между сторонами карабахского и абхазского конфликтов. Об этом неоднократно заявлял российский президент, уточняя, что речь не идет о каких-то особых притязаниях России на исключительное право гарантировать мир в зоне конфликтов. Россия просто стремится занять в миротворческом процессе место, которое соответствует ее весу и влиянию на Кавказе. Она готова развивать диалог со всеми заинтересованными сторонами.

Между тем за последние годы в Закавказье заметно активизировались и другие посредники и миротворцы – Турция, США, западноевропейские государства. Действуя параллельно России, а чаще – в обход ее, эти новые геополитические «игроки» ставят своей целью невоенными средствами закрепиться на экономическом и политическом пространстве Закавказья. Справедливости ради, заметим, что благоприятные условия для их деятельности создает заинтересованность государств региона в капиталовложениях и военной помощи Запада. Так, некоторые политики в Грузии и Азербайджане считают, что пребывание в блоке НАТО будет лучше способствовать обеспечению национальной безопасности их стран. Звучат здесь время от времени и призывы действовать в конфликтных зонах Кавказа по образцу натовских миротворцев в Косово, чтобы «принудить к миру силой» абхазскую или армяно-карабахскую стороны. Высказывается и идея привлечь войска Альянса к охране каспийских трубопроводов. Следовательно, часть закавказских политиков и государственных деятелей связывают надежды на урегулирование конфликтов именно с нероссийскими посредниками и миротворцами, полагая, что последние справятся с этой задачей лучше, чем Россия. Есть ли для таких надежд реальные основания?

Действительно, западными политиками и экспертами уже выдвинуто немало предложений, нацеленных на достижение стабильности в Закавказье. Большая их часть основывается на инициативе Соединенными Штатами и в основном поддержанной государствами Евросоюза новой мировой стратегии, отвечающей, по их мнению, «реалиям постконфронтационной эпохи». Суть этой стратегии состоит в следующем: поскольку этнические конфликты как наиболее распространенный вид движений за самоопределения выросли в реальную угрозу для многих стран и регионов, превратившись в глобальную проблему, ответом на этот вызов должна стать ревизия ключевого принципа «хельсинского мира» - незыблемости послевоенных границ в Европе. Симптоматично, что Хартия европейской безопасности, принятая на стамбульском саммите ОБСЕ (18-

19 ноября 1999 г.), содержала положения, направленные на совершенствование защиты прав национальных меньшинств. При этом идее территориальной целостности государства отведено подчиненное значение. Таким образом, движения за национальное самоопределение в Нагорном Карабахе или в Абхазии теоретически могут получить теперь поддержку – по крайней мере, теоретико-правовая база для этого имеется.

На практике же НАТО пытается превратить международный контроль за кризисами в один из приоритетов собственной деятельности. Эта организация наделяет себя с некоторых пор полномочиями проводить военные операции, в том числе и за пределами сферы действия альянса, не дожидаясь принятия соответствующих резолюций ООН. Напомним, что с 1993 г. по инициативе США в программу действий НАТО была включена идея разработки механизма проведения миротворческих операций на Кавказе, возможно, и по югославской модели (как известно, в бывшей Югославии вооруженные силы альянса использовались для нажима на конфликтующие стороны). В стратегической концепции НАТО, принятой 24 апреля 1999 г. в Вашингтоне, Каспийский регион и Кавказ не упоминаются, но они явно подразумеваются, когда там говорится о возможности возникновения региональных, затрагивающих безопасность альянса кризисов.

Эта стратегия НАТО, в случае ее реализации на Кавказе, усилила бы там напряженность и породила обстановку недоверия. Взяв на себя функцию арбитра в разрешении конфликтных ситуаций и отгеснив от их урегулирования других региональных игроков, в первую очередь Россию, НАТО де-факто превратилась бы в альтернативу Совета Безопасности ООН, девальвируя тем самым роль ООН как субъекта международного права. Этот вопрос приобретает принципиальное значение для России, которая является постоянным членом Совета Безопасности ООН и лидером СНГ, а потому не может принять ситуацию, при которой она оказывалась бы искусственно отрезанной от решения кавказских проблем.

Может ли в таком случае идти речь о появлении в Закавказье нового сильного посредника, который способен бы был применить «дипломатическую силу», чтобы либо заставить противоборствующие стороны разрешить конфликт либо навязать им компромиссное решение?

Представляется, что закавказским политикам пока не стоит связывать завышенных ожиданий с возможностью проведения в регионе «гуманитарной интервенции» с «целью принуждения к миру силой», наподобие недавней – косовской. Во-первых, результаты последней, с точки зрения стабилизации ситуации – более чем сомнительны. Во-вторых, не похоже, чтобы НАТО особо спешило на Кавказ. Большинство западных политиков весьма скептически относятся к возможности реализации в этом регионе модели урегулирования конфликта по тому же образцу, по которому НАТО действовала в Косово. К такому выводу подталкивает их оценка ситуации в регионе. Просчитывают они и реакцию России, для которой этот путь изначально неприемлем и которая к тому же не настолько ослабла, чтобы терять статус одного из ведущих игроков в большой политике. Еще один момент, формально препятствующий проведению операции такого рода: она противоречит Уставу ООН. Последний предписывает в качестве необходимого условия миротворческой операции согласие на нее обеих сторон конфликта. Трудно предположить, чтобы абхазская либо

армянская стороны согласились на миротворчество такого рода. Да и как показывает мировая практика, спорные проблемы решаются в большинстве случаев только тогда, когда учитываются на основе компромисса интересы всех сторон, вовлеченных в конфликт.

Уходом от реальных проблем, нацеленных на достижение в Закавказье устойчивой стабильности, видятся и планы по формированию здесь с западной или турецкой помощью неких новых региональных структур безопасности. Обращает на себя внимание в этой связи получивший широкий резонанс сценарий урегулирования конфликтных ситуаций в Закавказье под эгидой ОБСЕ либо других европейских структур. Он содержится в документе, разработанном в мае 2000 г. группой экспертов Европейского Союза (по аналогии с принятым в 1999 г. Пактом стабильности для Балкан) с целью найти приемлемый контекст урегулирования отношений между странами региона на базе подписанного ими некоего «Пакта стабильности для Кавказа». Документ содержит также предложения по региональной интеграции государств Закавказья и их безопасности. За образец при этом берется Европа, объединенная в рамках Европейского Союза.

Сравнение с Европой выглядит, пожалуй, несколько некорректным, ибо сегодня народы Закавказья находятся на той стадии обретения национального самосознания и на том этапе национально-государственного строительства, которые были присущи Западной Европе в 19-м веке. Чтобы осознать свою взаимозависимость, закавказским странам необходимо преодолеть путь, который европейцы прошли за целое столетие. Было бы наивно полагаться на то, что глобализация или помощь мирового сообщества ускорят эти процессы. Стоит отметить также, что надежды на коллективное сотрудничество в рамках общекавказской системы едва ли оправданны еще и потому, что в современном мире государства все же больше отдают предпочтение развитию контактов не на коллективной, а на двусторонней основе.

Трудно представить себе реальное приложение к ситуации в Закавказье и ряда других европейских инициатив в рамках означенного «Пакта стабильности для Кавказа». Во-первых, время для подписания здесь конкретных документов в области региональной безопасности еще не пришло. Это станет возможным только после того, как народы Закавказья уладят свои наиболее острые споры. Ведь неясно, как можно достичь сотрудничества в сфере безопасности, например, между Арменией и Азербайджаном, являющимися сторонами конфликта.

Во-вторых, уже имеющийся опыт ОБСЕ по урегулированию конфликтов на Кавказе нельзя признать особенно удачным: так, в деятельности Минской Группы ОБСЕ по урегулированию конфликта в Нагорном Карабахе особых прорывов не наблюдается, а инициатива проведения двусторонних переговоров в формате регулярных встреч президентов двух государств принадлежит другим посредникам.

В-третьих, ни Европейский Союз, многонациональные военные структуры которого еще не созданы, ни тем более ОБСЕ не обладают механизмами принуждения своего миротворчества, какой есть у ООН, НАТО или у Содружества Независимых Государств, имеющего в своем распоряжении Коллективные Миротворческие Силы СНГ. Нельзя в таком случае исключить, что свои миротворческие функции в кавказских конфликтах ОБСЕ может переложить – по обкатанной бал-

канской модели - на НАТО. Стоит ли говорить, что такой вариант неприемлем ни для России, ни для ее стратегических партнеров в регионе. Он способен также создать новый узел напряженности, особенно если учесть, что гарантом мира в Закавказье в последнее время поспешно самовыдвигается член НАТО - Турция. Поддержка же ее миротворческих инициатив со стороны Евросоюза и США в России расценивается как контрмера, нацеленная на то, чтобы ограничить российское влияние в регионе.

Можно ли в такой ситуации рассчитывать на мир в Закавказье в обозримом будущем?

Представляется, что сейчас самое серьезное препятствие к миру – не техническое, а скорее психологическое: стороны не желают (или не могут) отказаться от своих односторонних стратегий и оценить по достоинству основные позиции оппонента. Нет доверия к другому участнику конфликта, независимо от той роли, которая ему приписывается. Общества не готовы еще в полной мере к политике взаимных компромиссов для создания «позитивного» мира. Не достигнута внутренняя консолидация общества относительно необходимости перехода от конфронтации, от силовых методов к мирному, переговорному процессу. Сама внутривластная ситуация в каждой из сторон конфликтов близка к состоянию, которое можно определить как «скрытая неустойчивость», что также не слишком располагает к уступкам и компромиссам. Да и само перемирие в закавказских конфликтах зиждется не на международных гарантиях, а на балансе сил.

Переход к постконфликтному периоду осложняет, как правило, не народ, а преступные и коррумпированные деятели. Избавиться от них обществу достаточно сложно: некоторым удастся проникнуть во властные структуры. Кроме того, для влиятельных сторонников условной «партии войны» нестабильность, смута, экономическая военная и политическая неразбериха – благоприятная среда для личного обогащения, и потому они прилагают все силы для создания препятствий для развертывания мирного процесса.

Как показывает опыт урегулирования целого ряда международных конфликтов, активность многочисленных посредников и миротворцев не обязательно и не всегда приводит к позитивным результатам. Далеко не во всех случаях оправдала себя столь полюбившаяся в последние годы Соединенным Штатам и другим странам НАТО тактика «принуждения к миру силой». Многие миротворческие операции (например, в Сомали и Руанде) закончились провалом. Лишь в отдельных случаях натовские миротворцы могли оперативно прекратить кровопролитие или же предотвратить его, однако осуществить постконфликтное миростроительство им оказывается не под силу. Расчеты на то, что международные посредники, представляющие интересы нефтяных компаний, помогут разрешить застарелые спорные проблемы в Закавказье, чтобы появилась возможность беспрепятственно добывать и транспортировать каспийскую нефть, прокладывать новые торговые маршруты и т.п., также весьма призрачны.

Международный опыт свидетельствует и о том, что иногда стороны можно принудить подписать мирные соглашения, заставить их взять на себя некие обязательства. Однако вот выполнить их в полном объеме удается в очень редких случаях. А потому быстрые, принятые под давлением (иногда и под воздействием политической конъюнктуры) решения не всегда оказыва-

ются результативными. Об этом, вероятно, стоит задуматься тем, кто пытается побыстрее «дожать» стороны карабахского конфликта, заставить их пойти на кардинальные уступки без учета того, что кулуарные переговоры с формальным выведением из нынешнего переговорного процесса карабахской стороны, а также поспешно заключенные договоренности могут иметь нежелательные последствия для сторон-участниц конфликта.

Уводят противоборствующие стороны от достижения разумного компромисса и попытки добиться решения спорных проблем с помощью сближения двух противоречащих друг другу международных норм - принципа территориальной целостности и права народа на самоопределение, или же ссылок на международные прецеденты.

Как в таком случае достичь на Кавказе мира и стабильности?

Переговоры о статусе самоопределяющихся территорий в Закавказье должны принимать во внимание объективные обстоятельства: здесь в ходе прошедших в начале 90-х годов войн изменился этнический баланс; Абхазия, Южная Осетия и Нагорный Карабах далеко продвинулись по пути реализации идеи национального самоопределения. Вернуть политическую ситуацию здесь в довоенное состояние без масштабного кровопролития едва ли возможно. Потребуется длительный долгосрочный переговорный процесс, в ходе которого механизмы достижения мира должны будут соизмеряться с имеющимися ресурсами и возможностями. Но вот предотвратить насильственные формы межэтнического противостояния в регионе, обеспечить безопасное возвращение беженцев в места их проживания – задача вполне решаемая. И здесь может быть задействован и миротворческий потенциал России, и опыт международных организаций по развертыванию гуманитарных миссий. В таком партнерстве с Россией заинтересован и Запад: наше государство стабильно сохраняет свое присутствие на Кавказе и оно обладает многолетним опытом в содействии разрешению на постсоветском пространстве конфликтов, порождающих серьезные угрозы и вызовы международной безопасности.

Нужно время, чтобы стороны избавились от инерции конфронтационного мышления, перешли от категорического неприятия позиций оппонента к их пониманию, к диалогу, основанному на осознании возможностей альтернативных решений и взаимных компромиссов. Прежде чем начать переговоры о таких принципиальных вопросах, как статус, разграничение полномочий, компенсация за нанесенный ущерб и пр., важно привить сторонам идеи диалога, доверия, гласности. Этому способствует знание сторон друг о друге, взаимная информация о позициях и выдвигаемых требованиях.

Переговорный процесс сдвинется с «мертвой точки» только в том случае, если стороны начнут слушать друг друга и попытаются пойти хотя бы на минимальные уступки. Если вспомнить, предположим, палестинско-израильские мирные переговоры, то здесь в основу мирного соглашения и взаимного признания Израиля и ООП лег *компромисс*, который стороны смогли достичь (при посредничестве нейтральной, негосударственной и неправительственной «третьей стороны») в результате взаимных реальных уступок, в том числе и территориальных.

Есть немало примеров в мире, когда в рамках формально единого государства десятилетиями отдельные территории (свободно ассоциированные либо кондоминиумы и пр.) живут по своим законам. Но де-факто – это независимые государства, не желающие по тем или иным причинам порывать с «метрополией». Такой путь решения территориальных или этнических споров оправдывает себя по меньшей мере на переходный период – до того, как стороны решатся на подписание мирного договора.

Обращает на себя внимание и опыт урегулирования конфликта в Таджикистане, поскольку в нем была широко задействована общественная дипломатия. Этот, по существу, первый на постсоветском пространстве опыт культуры диалога создал условия для вовлечения в процесс национального согласия и государственного строительства максимально широкого числа представителей общественных организаций, неправительственных объединений - важных институтов гражданского общества.

Международный опыт постконфликтного строительства также дает немало примеров успешного использования различных факторов, которые могут способствовать приближению общества, находившегося в состоянии конфликта, к мирной жизни. Это - развитие местного самоуправления, предоставление национальным общинам квот в парламенте, поощрение неправительственных организаций, развитие культурной автономии (образования, искусства, языковой политики), запуск новых социально-экономических программ. Один из возможных выходов из существующих в регионе конфликтных ситуаций состоит в том, чтобы этническим группам было предоставлено право на беспрепятственное развитие своей культуры, языка, разрешение экологических проблем.

Действенным путем достижения устойчивой стабильности в Закавказье явилось бы последовательное соблюдение базовых международно-правовых принципов: взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности; невмешательство во внутренние дела; недопустимость изменения сложившихся интересов и стратегических балансов, в том числе за счет увеличения военно-политического влияния со стороны НАТО.

Итак, проблемы разрешения и предотвращения конфликтов не решаются силой оружия. Они требуют гибкого сочетания политико-дипломатических и экономических средств. Игнорирование интересов ближайших соседей и ставка исключительно на внешние силы, которые одни только якобы и способны разрешить противоречия, – глубоко ошибочны. Также ошибочна надежда на то, что силой можно заставить оппонента признать свою правоту. Все это не принесет в регион ни долгожданную безопасность, ни устойчивого мира.

Очевидно также, что никакой внешний нажим не заставит противоборствующие стороны пойти на уступки, которые будут угрожать их жизненным интересам. Для Грузии - это вопрос о статусе Абхазии и характере отношений последней с Тбилиси. Для Армении и Нагорно-Карабахской Республики – это безопасное проживание армян на территории карабахского анклава и снятие экономической блокады. Для Азербайджана – это решение вопроса о статусе самопровозглашенной Нагорно-Карабахской Республики, отделившейся от Азербайджана и считающей себя

независимым государством; возвращение своих территорий, захваченных в ходе боев и остающихся под армянским контролем. Все государства Закавказья заинтересованы в скорейшем решении проблемы беженцев.

Многие аспекты мирового опыта решения конфликтных проблем уникальны. Однако они применимы только к определенному, конкретному случаю, поскольку проблемы самоопределения – а они-то и лежат в основе всех конфликтных ситуаций на Кавказе – не поддаются решению на прецедентной основе. Каждый из конфликтов в рассматриваемом регионе имеет сложный внутренний характер. Для их решения нет единого сценария. Невозможно отыскать магическую формулу, с помощью которой мгновенно удалось бы преодолеть разногласия. Иностраный опыт и предлагаемые модели могут в лучшем случае стать источником вдохновения для поисков приемлемого пути решения конфликта. Дело самих сторон - разрабатывать их.

Ю.Г. Волков

И.П. Добаев

ИСЛАМСКИЙ РАДИКАЛИЗМ И ЕГО КРАЙНИЕ ФОРМЫ КАК ФАКТОРЫ, СТИМУЛИРУЮЩИЕ РЕГИОНАЛЬНЫЙ СЕПАРАТИЗМ

"Исламский радикализм" (исламизм), как идеологическая доктрина и основанная на ней политическая практика, реализуется в деятельности различного рода исламистских организаций, образующих в своей совокупности радикальное исламское движение [1]. Это движение выступает частью более широкой тенденции реисламизации общества и политизации ислама, фиксируемой в последние десятилетия во многих регионах мира, в том числе и в России. Иначе говоря, исламизм проявляется как крайняя, агрессивная часть политизированного ислама.

В свою очередь "исламский экстремизм" и "исламский терроризм" понимаются нами как частные, наиболее негативные проявления радикализма. Наиболее "узким" и опасным явлением в цепочке радикализм-экстремизм-терроризм, по нашему мнению, следует считать феномен последнего.

Теоретическое определение понятия "экстремизм", а также классификация его разновидностей, тем более относящихся к религиозной сфере, к исламу в частности, до сих пор вызывает серьезные затруднения в отечественной и зарубежной науке [2]. Одну из первых и удачных попы-

ток дать определение этому явлению сделали ученые Российского института стратегических исследований. "Исламский экстремизм" ими понимается как использование различными исламистскими группировками, ставящими своей целью захват политической власти, таких методов борьбы, которые выходят за рамки законных с точки зрения международного права [3].

Отечественный исследователь И. Севостьянов считает, что "главным действующим лицом в исламском экстремизме является агрессивное мессианство конфессионально-политического толка, нацеленное на слом гражданских обществ мусульманского и сопредельного ему пространств, внешнюю экспансию в форме панисламизма, обострение коллизий вдоль линии соприкосновения религий, прежде всего ислама и христианства". Он также полагает, что "исламский экстремизм обслуживает интересы радикальной части исламского мира, используется клерикальными, политическими, экономическими кругами и порой государственными структурами для различного рода "разборок" на мусульманском пространстве и за его пределами". Севостьянов в этой связи выделяет наиболее характерные черты исламского экстремизма: непримиримость к гражданскому светскому обществу и стремление к его замене исламским, устроенным по шариату; недопустимость раздельного существования религии и государства, мечеть и государство должны быть вместе; отрицание единства глобальной цивилизации наряду с противопоставлением исламской зоны остальному миру; нетерпимость к международному праву, отрицание таких его ключевых положений, как территориальная целостность, незыблемость государственных границ, и т.д.; опора на методы дестабилизации ради достижения своих целей при использовании, где возможно, легальных путей к власти; готовность союзничать со всеми силами, в первую очередь с национализмом, сепаратизмом и все в большей мере с социальным популизмом [4].

По мнению исследователя "исламского фактора" в современной России С.А.Мелькова, основными направлениями самореализации исламского экстремизма в современных условиях являются: нагнетание межрелигиозной розни в международных отношениях, культивирование отчуждения между мусульманской и другими цивилизациями, прежде всего христианской; радикализация мусульманского массива и смещение его к агрессивным подходам во внутренней жизни и во внешней политике; дестабилизация социально-политической ситуации на мусульманском и сопредельном ему участках постсоциалистического пространства; поддержание затяжных конфликтов по линии соприкосновения цивилизаций; взаимодействие с силами международного терроризма [5].

Исследование проблем, связанных с исламским терроризмом, в свою очередь выступающим частью исламского экстремизма, также далеко от завершения [6]. Общим в мировой теории и практике является понимание того, что терроризм - крайняя форма проявления насилия в сфере политических отношений, когда на карту ставится человеческая жизнь. За каждой подобной акцией всегда стоит попытка решения каких-то совершенно определенных политических задач. Терроризм приобретает все большее политическое звучание, поскольку он подрывает систему власти, ослабляет государственные и общественные институты, вызывает хаос, беспорядки в обществе, выходит на международный уровень, представляя опасность для мирового сообщества. Он на-

правлен на расширение влияния определенных сил в обществе, ликвидацию или подчинение деятельности их политических оппонентов, а в итоге - на захват и установление политической власти.

Среди различных видов терроризма отечественными и западными исследователями выделяется религиозный, связанный с борьбой приверженцев одной религии или секты в рамках одного государства с адептами другой религии, либо с попыткой подорвать и низвергнуть светскую власть и утвердить власть религиозную, либо с тем и иным одновременно [7]. Однако, как правило, в чистом виде религиозный терроризм практически не встречается, но переплетается с другими видами терроризма - политическим, этническим, социальным и т.д.

Составной, но достаточно автономной частью религиозного терроризма выступает терроризм исламский. Известный отечественный терролог Е.Г.Ляхов, в частности, подчеркивает, что немаловажным отличием терроризма 90-х гг. от терроризма 70-х гг. является его усиливающаяся исламизация, а наиболее питательной средой проявления терроризма в наши дни становится уже не идеология, а национальные, этнические и религиозные интересы, в частности исламский фундаментализм [8].

В настоящее время в мире существуют сотни исламистских террористических организаций и группировок. По оценкам западных спецслужб, в 1968 г. их было 13, а в 1995 г. уже около 100, причем общее число активных членов, способных совершить террористические акты, к этому времени составляло не менее 50 тысяч человек [9]. Ю.П.Кузнецов считает, что "в целом исламский экстремизм несет ответственность за 80% террористических актов в мире и в конце XX в. на мировой арене действовали почти 150 исламских организаций террористической направленности" [10]. А авторитетнейший российский исследователь проблем радикализма в исламе, профессор А.А.Игнатенко, в свою очередь, называет цифру 200.

Среди наиболее одиозных террористических группировок, действующих в современном мире можно назвать: египетские "Ал-Гамаат ал-исламийа" и "Ал-Джихад", алжирские "Фронт исламского спасения" и "Вооруженную исламскую группу", пакистанские "Джамаат ал-фукра" и "Харакат ал-ансар", палестинские "Хамас" и "Исламский джихад", ливанский "Хезболлах", международные "Ал-Каида" и "Мировой фронт джихада", среди северокавказских - многочисленные исламистские "джамааты" и т.д.

Истоки современного исламского терроризма, прежде всего в центре мусульманского мира - на Ближнем и Среднем Востоке - следует отнести ко времени завершения создания здесь колониальной и полуколониальной систем, т.е. к окончанию первой мировой войны. Тогда азиатская часть Османской империи была поделена между странами Антанты на основе подписанного в 1916 г. в Петербурге тайного "соглашения Сайкс-Пико". Уже тогда были заложены предпосылки возникновения исламского терроризма, к важнейшими из которых в период до начала 80-х годов можно отнести следующие [11]:

· Возникновение организаций, оппозиционных колониальным властям, прибегавших к методам террора (например, создание в 1928 г. в Египте первой современной фундаменталистской организации "Братья-мусульмане").

- Изменение в ходе колонизации параметров исторически сложившихся границ между странами региона (в результате территориальные претензии в настоящее время предъявляются Саудовской Аравией - к Кувейту и Йемену, Сирией - к Турции, Ираком - к Кувейту и Ирану и т.д.).

- Колонизация Палестины международными сионистскими организациями и последовавшими после образования в 1948 г. государства Израиль арабо-израильскими войнами, до сих пор далекая от своего решения проблема ближневосточного урегулирования.

- Усиление, начиная с 20-х годов XX в., экспансии США на Ближнем и Среднем Востоке.

Дальнейшее распространение исламской экстремистской идеологии и террористической практики практически по всему миру в конце XX в. было связано с рядом факторов международного и регионального характера:

- Во-первых, растущие экономические трудности в странах мусульманского мира в сочетании с такими проблемами, как безработица, особенно среди молодежи, высокая рождаемость, ухудшающееся медицинское обслуживание, рост преступности и коррупции создают благодатную почву для исламских группировок, стремящихся изменить социальный и политический порядок.

- Во-вторых, распространение экстремизма в исламском мире связано с исламской революцией в Иране (1979 г.) и провозглашением там Исламской республики. Исламское руководство Ирана на государственном уровне декларировало "экспорт исламской революции" в качестве одного из принципов своей внешней политики и осуществило некоторые мероприятия в этом направлении, стимулировав возникновение массовых религиозно-политических вооруженных группировок в Кувейте, ОАЭ, Ливане, Египте и Судане, а также в зоне палестинской автономии. Создание в Иране исламского теократического государства, помимо идейного стимулирования исламского экстремизма, значительно расширило его финансово-материальную и организационную базу.

- В-третьих, распространение крайних форм исламизма связано с войной в Афганистане и пребыванием там советского воинского контингента (27 декабря 1979 г. - 15 февраля 1989 г.). В мощную мобильную военную силу исламского экстремизма превратились подготовленные с помощью спецслужб США и Пакистана мусульманские боевики, принимавшие участие в боевых действиях против марионеточного режима и советских войск в Афганистане. Именно тогда американцами была разработана и запущена в действие так называемая "Программа-М", предусматривавшая перенос исламистского движения из Афганистана на территории мусульманских республик бывшего Советского Союза. После вывода советских войск из страны, лишившись значительной части финансово-материальной поддержки со стороны США и Саудовской Аравии, зарубежные "моджахеды" были вынуждены вернуться в свои страны. Их появление там привело к существенному усилению исламистских движений, дестабилизирующих обстановку.

- В-четвертых, расширение сферы влияния исламского экстремизма связано с распадом социалистической системы и развалом Советского Союза, образованием на его территории независимых государств. Начавшийся в этих странах процесс исламизации сопровождался усилением влияния идей исламского экстремизма, их внедрением в местные мусульманские общины. В ре-

результате мгновенного по историческим меркам распада СССР с предшествовавшим ему банкротством идей социализма во многих государствах Ближнего и Среднего Востока (Египет, Ирак, Сирия, Ливия, Афганистан и др.), идеологический вакуум там, а затем и в мусульманских регионах России быстро стал заполняться исламом, зачастую радикальным.

Все это обусловило сложное и неоднозначное протекание в нашей стране процесса исламизации, начавшегося в конце 80-х на гребне горбачевской "перестройки" и набравшего силу в смутное постперестроечное время. Особенно масштабно на территории России процесс политизации ислама происходил и все еще происходит на Северном Кавказе, где уже в начале 90-х годов активно стала распространяться идеология ваххабизма. Рост экстремистских и террористических тенденций стал здесь в наибольшей степени ощущаться первоначально в ходе "самоопределения" "суверенной" Чечни, а затем в результате последовавших военных операций на территории этой республики.

К числу других факторов, способствующих распространению исламского экстремизма можно отнести чрезмерную милитаризацию регионов исламского мира, в том числе и оружием массового поражения, имеющие место там перманентные пограничные столкновения, локальные вооруженные конфликты, возникающие на этнической и религиозной основе, участие в которых принимают и экстремистские, террористические организации и т.д.

Следует также отметить такой немаловажный фактор, как покровительство и субсидирование радикальных исламских движений из-за рубежа (например, финансирование Саудовской Аравии "Братьев-мусульман" и других экстремистских движений на территории Египта в 50-е и 60-е гг.; нынешняя поддержка чеченских сепаратистов многими государствами через возможности различных неправительственных фондов и организаций и т.д.).

На усиление экстремистских тенденций ощутимое воздействие оказывают и перманентно имеющие место в мусульманском мире кризисные ситуации. В этих случаях политическая и международная нестабильность работают на повышение рейтинга сторонников "очищенного от западной скверны" исламского общества, а радикальная исламская идеология превращается в наиболее доступный и приемлемый способ обретения идентичности. Так происходило во время кризисов в Персидском заливе в 90-е гг., в ходе арабо-израильского конфликта, гражданских войн в Афганистане, Сомали, Йемене, Алжире, Боснии и т.д. Именно тогда радикальный ислам представал как альтернатива утратившим свою привлекательность и влияние коммунистическим идеям, а также концепциям национализма и панарабизма.

Следующим фактором, укрепляющим возможности исламских радикалов, выступает неуклонное проникновение исламизма во всех его формах на Запад и в США. Дело в том, что либеральная политика многих западных стран, прежде всего Англии, Германии, Франции и США, позволила экстремистам из стран Ближнего и Среднего Востока создавать здесь своего рода форпосты для обеспечения своей деятельности по всему миру и расширения влияния.

Исламские экстремисты населяли эти страны по каналам иммиграции и получения политического убежища. Они успешно пользовались преимуществами демократических и либеральных

норм в этих странах, чтобы организовать и сформировать за рубежом эффективные террористические структуры для последующего их использования. Политические реалии этих стран создали им возможности эффективно направлять и финансировать нелегальную деятельность своих последователей не только в этих странах, но и за их пределами. Терпимая политика Запада и США обеспечивала им безопасное пребывание в этих странах, а доступ к мощным коммуникационным системам и возможность быстрого и непосредственного перевода финансовых потоков позволили укрепить их материальную независимость, сделали их структуры мощными и почти неуязвимыми.

Кроме того, их действия до некоторых пор не считались противоправными в силу того, что они, как правило, были направлены не против стран их пребывания, а государств исхода или других стран. Такая ситуация сохранялась вплоть до 11 сентября 2001 г., когда ряд американских объектов в Вашингтоне и Нью-Йорке были подвергнуты мощнейшей атаке мусульманских террористов. Вслед за ней началась массированная контртеррористическая операция США и их союзников на территории Афганистана против боевиков движения "Талибан" и "Аль-Каиды". Однако, как известно, структуры международных террористов не разрушены, их лидеры продолжают действовать, находясь на нелегальном положении, а потому исходящая от них угроза не снята с повестки дня.

Чудовищная акция международного терроризма в США не стала для специалистов, исследующих проблемы исламизма, в том числе в его крайних проявлениях, особой неожиданностью. Сказанное актуально для российских ученых, занимающихся проблемой, поскольку наша страна уже во второй половине 90-х гг. XX в. столкнулась на части своей территории, преимущественно на Юге России, с агрессией этнорелигиозного терроризма. Здесь он до сих пор подпитывается финансами, оружием, инструкторами, боевиками и т.д., поступающими из международных экстремистских и террористических организаций исламистского или националистическо-исламистского толка. К сожалению, мировая общественность, а также некоторые общероссийские структуры, с недоверием отнеслись к предупреждениям России о том, что она стала жертвой агрессии со стороны международного терроризма, который стремится расширить зону своего влияния, превратить ряд регионов нашей страны в полигон институционального строительства в духе идей исламского экстремизма. Складывавшаяся во второй половине XX в. система международной и национальной безопасности, была ориентирована на сферу исключительно международных отношений и оказалась не готовой, в известном смысле беззащитной перед вызовами и угрозами, инспирируемыми внесистемным игроком на мировой арене - международным терроризмом.

Особенность современного терроризма, с которым столкнулась Россия, прежде всего на Северном Кавказе, по нашему мнению, заключается в сращивании на основе идеологии радикального ислама религиозного, этнического и криминального терроризма, поддерживаемого аналогичными международными структурами. Чтобы лучше понять этот феномен, рассмотрим некоторые этнокультурные, этнопсихологические, этноконфессиональные особенности, элементы политической культуры горских народов Кавказа, особенно чеченцев, и механизмы их синтеза, эксплуатирующиеся в деятельности современных террористических групп.

До присоединения к России в конце XVIII - первой половине XIX вв. ядро традиционной культуры (включая потестарную) горских народов Северного Кавказа составляли морально-этические кодексы, формирование которых связано с феноменом наездничества или, так называемой, набеговой системой [12].

Экономика горских народов основывалась на сочетании скотоводства и земледелия с другими производящими отраслями. Однако производящее хозяйство в горных природно-ландшафтных условиях не могло удовлетворить все потребности местного населения, особенно молодежи. В этой связи дополняющую роль играли набеги жителей горных селений на равнину, Грузию, казачьи станицы и русские крепости. Наездничество и горские набеги фиксируются с XIII - XIV вв., но правилом они становятся только с XVII в. [13] В XVII - начале XIX вв. у многих народов Дагестана, а также чеченцев, ингушей, адыгов, тушин и др. набеги становятся своего рода промыслом: захватывалось продовольствие, скот, пленные для работоторговли или выкупа и т.д. [14]. Часть пленников продавали на сторону, другая оседала в хозяйствах "наездников" в качестве рабочих рук, "иногда составляя для всей дружины объект коллективной эксплуатации" [15].

В то же время набеги совершались не только ради военной добычи, но были одной из форм социализации горской молодежи [16]. В практике создания военных отрядов для совершения набегов Ю.Ю. Карпов усматривает косвенное использование социальных связей, характерных для мужских союзов, которые выступали автономной частью горских общин [17].

Набеги были хорошо организованы, носили систематический характер, модели сбора военных отрядов и организации набегов были очень сходными у различных горских народов. У них выработался своеобразный культ наездничества, оказавший влияние на формирование горского менталитета, правил поведения, воинской доблести и т.п. [18].

В годы Кавказской войны (1818 - 1864 гг.), которая горцами велась под исламскими лозунгами газавата, этические кодексы горцев подверглись сильной эрозии, что сказалось на характере наездничества, которое зачастую превращалось в откровенный разбой [19]. Особенно это касается абречества - террористической формы народно-освободительной борьбы, получившей развитие на Северном Кавказе в результате военного поражения горских народов. Практически идейная форма абречества была неотделимой от обычных разбоев (абреки убивали представителей царской администрации, грабили банки, поместья, захватывали в плен помещиков, состоятельных людей с целью получения выкупа), однако зачастую прикрывалась исламскими лозунгами [20].

Ислам имеет исключительное значение в духовной жизни всех северокавказских народов, в том числе и для чеченцев, для которых он неоднократно выполнял социально мобилизующую роль, особенно в переломные исторические периоды. Среди них можно выделить национально-освободительные движения под руководством имама Мансура (1785-1791 гг.), имама Шамиля (1834-1859 гг.), восстания и абречество (1866-1916 гг.), революцию и гражданскую войну (1917-1920 гг.), депортацию (1944-1957 гг.), кампании по "восстановлению конституционного порядка" (1944-1996 гг., октябрь 1999 г. - по настоящее время).

Как верно подметила М.Броксат, "все северокавказские войны велись как джихад против неверных: вначале - царской России, затем - Деникина (1918-1919 гг.), наконец, против большевиков. Большевики считались еще хуже своих предшественников, поскольку были безбожниками ("бидин"). Вопреки советской атеистической пропаганде, кавказские мюриды (учителя священного закона) не были ни дураками, ни тупыми религиозными фанатиками; никто из них, будь то Шамиль или Узун Хаджи, не воспевали прошлое и не намеревались вернуть страну назад. То, что Шамиль боролся с дагестанской феодальной знатью и старался заменить "адат" - правила обычая - нормами шариата, как более современной концепцией закона, лучше всего иллюстрирует это" [21]. Лозунгами джихада пытаются облечь свое движение и орудующие сегодня в регионе открытые националисты, сепаратисты и даже просто криминальные элементы, преследующие собственные политические цели.

Современная ситуация в северокавказских республиках характеризуется ростом значимости ислама во всех сферах жизнедеятельности общества, что в целом характерно в последнее десятилетие для всех "мусульманских" регионов России. Однако в Чечне в связи с сепаратистскими тенденциями, берущими отсчет с начала 90-х, а также длительными военно-политическими кампаниями по "восстановлению конституционного порядка", произошла более резкая и ущербная по сравнению с другими регионами исламизация социума с привнесением в республику идей и практики крайнего религиозного радикализма. Они начали проникать в республику уже в конце 80-х годов.

Сторонников фундаменталистского ислама в Чечне, как и в остальных республиках Северного Кавказа, стали называть "ваххабитами". Распространению идеологии и практики ваххабизма здесь способствовало не только явное ослабление позиций традиционного ислама в советский период, распад в постсоветский период единого управления, но и позиция чеченских властей. Пришедшее к власти в Чечне в начале 90-х гг. сепаратистски настроенное руководство не только не препятствовало, но всячески способствовало укреплению позиций исламских радикалов. Уже тогда в Грозном был открыт центр ваххабитов, который распространял религиозную литературу, организовывал коллективные моления, проповедовал идеи своего учения через средства массовой информации. Его распространение в Чечне стало возможным, так как дудаевцы заявляли, что они строят исламское государство, которое нуждалось в единой идеологии. В качестве таковой и должен был выступить ваххабизм.

Однако распространение идеологии этого крайне политизированного мусульманского течения в Чечне нельзя объяснить лишь прихотью некоторой части националистически настроенной элиты и отдельных лидеров, так же как и только внешними факторами. Среди последних можно обозначить финансовую помощь международных исламских организаций фундаменталистского толка, идеологическую обработку эмиссарами этих организаций чеченских паломников во время хаджа и чеченских студентов, обучающихся в зарубежных исламских университетах, распространение массовыми тиражами салафитской литературы и деятельность мусульманских проповедников в регионе. Все эти факторы, несомненно, сыграли свою роль, однако существует немало при-

чин внутреннего характера, которые делают ваххабизм привлекательным в глазах определенной части населения, прежде всего религиозной молодежи, которая составляет важнейший сегмент социальной базы этого движения. Сказанное особенно касается той части молодежи, которая не просто ищет в религии ответы на важнейшие проблемы бытия (такие люди часто пополняют ряды суфийских братств), но и горит желанием немедленно приступить к "исправлению" общества.

Этому в существенной степени способствует ваххабитская доктрина, которая отличается рационализмом и доступностью, обладает четкой, почти неопровержимой внутренней логикой. Декларируя строгое следование буквальным положениям Корана и Сунны, ваххабиты порой весьма умозрительно реконструируют, словно "заново изобретают" модель "чистого ислама" (особенно ее социально-политические аспекты) на базе избирательного подхода к священным текстам. Тем не менее, этот своеобразный рационализм ваххабитов позволяет преодолевать элитарность и замкнутость суфизма, как бы "модернизировать" ислам, очистив его от мистики, суеверий и патриархальных традиций, против которых восстает сознание современного человека [22].

Другой привлекательной чертой ваххабитской идеологии является ее способность транслировать протест против традиционных форм социальной организации. Ваххабизм можно рассматривать как идеологическую оболочку процесса социальной модернизации и выделения индивида из системы клановых связей, до сих пор цементирующих чеченское общество. Быстрое социально-имущественное расслоение людей в последние годы, смещение морально-нравственных ориентиров и нарушение процесса социализации наиболее болезненно сказывается на молодежи, порождая у них протест против устоявшихся, традиционных форм социальной организации. Суфийские братства, органически вплетенные в систему традиционных связей, оказались не способны сыграть роль выразителя подобного протеста. Ваххабитское же требование строгого поклонения одному лишь Аллаху объективно освобождает индивида от власти патриархальных тейповых (родовых) традиций, обеспечивая высшую религиозную санкцию свойственного особенно молодежи стремлению к самостоятельности и самоопределению в рамках новых, современных форм социальной солидарности. Не менее важно и то, что ваххабитские общины, в отличие от вирдовых братств, представляют собой организованную, нередко вооруженную, силу, способную не просто обеспечить своим членам чувство социальной защищенности, но и реальную защиту в условиях разгула преступности и анархии. Помимо этого, духовный эгалитаризм ваххабитов, проповедующих равенство верующих перед Аллахом, естественным образом сочетается в их учении с призывами к социальному равенству и справедливости. Таким образом, ваххабитская идеологическая доктрина с ее акцентом на социально-политическую активность индивида служит эффективным средством мобилизации на борьбу против несправедливости и беззакония. Салафиты символизируют новый, "исламский порядок", тогда как тарикатисты, несмотря на аналогичные призывы к введению шариатского устройства общества, воспринимаются частью "старого порядка", старой системы.

Мощный импульс радикализации исламского фундаментализма на Северном Кавказе придали события в Чечне (1994-96 гг.) и последующая ее "суверинизация". Мероприятия по "восста-

новлению конституционного порядка" в Чечне повлекли за собой тяжелейшие последствия для России и российской государственности. Тейпово-вирдовое чеченское общество, в мирное время раздираемое противоречиями, в военном противостоянии с федеральным центром сумело сплотиться посредством идеи мусульманского единства. Эта же идея во многом стала определяющей для многих сотен "воинов джихада" из Пакистана, Афганистана, Турции, различных арабских государств, принявших участие в чеченской кампании.

В эти годы несколько крупных террористических акций, осуществленных под руководством известных полевых командиров, резко изменили ситуацию, заведя в тупик "наведение конституционного порядка". Речь идет, прежде всего, об акциях 1995 г. в Буденновске, возглавлявшейся Ш.Басаевым, и 1996 г. в Кизляре и в Первомайском под руководством С.Радуева. Сопровождавшиеся исламской символикой и риторикой, эти беспрецедентные террористические акции привели к хасавюртовскому, а затем и московскому соглашениям.

Ставка на ваххабизм как интегрлистское фундаменталистское учение лидерами чеченских сепаратистов была окончательно сделана после окончания военных действий в 1994-96 гг. Однако последовавшая "ваххабизация" Чечни была осуществлена не без воздействия со стороны прибывших в Чечню в первую военную кампанию многочисленных зарубежных "моджахедов". Характерной вехой этого процесса явилось формирование весной 1995 г. на территории республики отряда иностранных наемников под названием "Джамаат Ислами", которым командовал иорданец чеченского происхождения Хабиб Абд аль-Рахман Хаттаб [23].

В 1996 г. при помощи чеченской общины в Иордании в районе селения Сержень-Юрт Шалинского района Чечни был создан учебный диверсионно-террористический центр - "Кавказский институт исламского призыва" ("Кавказский институт - Дава'а"), который фактически являлся филиалом международной экстремистской организации "Братья-мусульмане" [24]. Первоначально его возглавлял иорданский шейх Абу Сальман, имевший псевдоним "Фатх". Деятельность "института" финансировала находящаяся в Саудовской Аравии организация "Международная исламская помощь".

Институт "Дава'а" представлял собой специализированный лагерь, готовивший диверсантов и террористов. Здесь обучались потенциальные "моджахеды" в возрасте от 17 лет и старше. В течение двух месяцев они изучали идейные положения радикального исламского фундаментализма и проходили специальную военную подготовку. Затем некоторая часть из них направлялась на стажировку в зарубежные мусульманские страны. "Институт" имел свои представительства в Баку и Киеве, вербовавшие наемников, которые затем направлялись в Сержень-Юрт для прохождения спецподготовки [25]. На базах в Чечне в 1996-1999 г.г. были подготовлены сотни террористов.

В "институте" А.Хаттаб лично обучал будущих боевиков методам ведения "партизанской войны" в Чечне и проведению разведывательно-диверсионных акций в других регионах России. Из числа его "учеников" было сформировано ядро "Дагестанской исламской армии", готовившейся к свержению конституционного строя в Дагестане. Будущих террористов А.Хаттаб призывал к ненависти к русским. Инструктируя их, он рекомендовал: "... всех патриотически настроенных

русских обвинять в фашизме. Тех же, кто из них захочет встать под святое знамя пророка, необходимо вязать кровью" [26].

В результате усиленной исламизации населения уже к 1996 г. на территории Чечни, а также и Дагестана, были созданы своего рода территориальные плацдармы со сформированной инфраструктурой, обеспечивающей его культурную, идеологическую и в перспективе политическую экспансию - т.н. "ваххабитские анклав". Наряду с хаттабовским "Дава'а", наибольшую известность в республике приобрел ваххабитский "Урус-Мартановский джамаат" во главе с "амиром" Умаром бен-Исмаилом. Спецификой этих анклавов являлось то, что они содержались на "спонсорские" деньги, поступавшие из-за рубежа, и изначально являлись средствами геополитической экспансии со стороны мусульманского мира. Именно из этих анклавов должны были поступать мощные импульсы, направленные на полную ваххабизацию не только Чечни, но и всего Северного Кавказа.

Однако официальное руководство ЧРИ в этот период также берет курс на построение исламского государства, но основанного не на ваххабизме, а на традиционных для республики религиозных ценностях. Президент А.Масхадов в выступлении по республиканскому телевидению в апреле 1998 г. заявляет, что в Чечне будет построено независимое исламское государство, в котором нормы шариата будут возведены в ранг закона (еще ранее создаются "исламские" институты - "шариатский суд", "шариатская гвардия" и др.).

Однако против Масхадова и поддержавших его мусульманских традиционалистов немедленно выступили "фундаменталисты" во главе с Ш.Басаевым, М.Удуговым, З.Яндарбиевым, Э.Хаттабом и другими поборниками "чистого" ислама. После непродолжительного разыгрывания антиваххабитской карты, преследовавшей пропагандистские цели, в стан "ваххабитов" переходит и террорист номер два С.Радуев. В своей речи перед выпускниками одной из диверсионных школ 14 марта 1997 года он так озвучивает планы чеченских экстремистов: "Ваша задача - сеять смертельный ужас среди тех, кто продал Аллаха, они каждый час должны чувствовать холодную руку смерти. ...Ваша задача - внедриться во властные структуры, административные и финансовые органы России. Ваша задача - дестабилизация обстановки, экономики, финансов. ...Создавайте базы, подбирайте людей, ждать долго не придется. ...На территории национальных республик сейте национальную рознь, стравливайте националов и русских, любую беду сваливайте на русских. ...Необходимо занимать лидирующее место в мафиозных структурах..." [27].

Несмотря на то, что последователей учения аль-Ваххаба в Чечне было меньше, чем в Дагестане, там они представляли реальную боевую силу, стремившуюся вырвать власть из рук Масхадова. После кровопролития у грозненского телецентра и гудермесской резни (в середине июля 1998 г. в Гудермесе ваххабиты выступили против сил министерства шариатской безопасности: "Исламский полк особого назначения" под командованием Хаттаба вступил в бой с шариатской гвардией - И.Д.) указом президента республики ваххабизм был объявлен вне закона, несколько ваххабитских миссионеров-иностранцев были выдворены из республики, а ваххабитские воору-

женные отряды подлежали расформированию. Однако они не подчинились приказу и продолжали наращивать свою мощь.

В одном из своих телеобращений к населению Чечни по грозненскому телевидению зимой 1999 г. Масхадов, разоблачая сущность ваххабизма как крайне реакционного течения в исламе, заявил: "Эта идеология сюда привносится искусственно. ...Самое страшное - нас разделяют по вере. И так везде, где побеждает исламизм. Делят по вере, в результате чего начинаются гражданские войны... Сумели вдолбить в головы определенной части населения идеологию ваххабизма... Они говорят, что только они избранные Аллаха, и только они на истинном пути. А все остальные - их враги... Приезжают из арабских стран, уверяя, что они алимы-богословы. Берут в руки Коран... и находят в нем положения о том, что якобы можно похищать людей, ...людьми можно торговать. ...Их призывы немедленно начать войну в Дагестане ставят целью сравить Чечню и Дагестан..." [28].

Однако в отличие от президента Масхадова, пытавшегося заняться укреплением внутренних структур нового квазинезависимого чеченского государства, радикальные проваххабитски настроенные полевые командиры поддерживали курс не только на исламизацию собственно Чечни, но и на экспорт "чеченской революции" в Дагестан. Одновременно ими решалась и иная задача, позволяющая направить вовне негативную энергию межчеченского противостояния различных группировок, увязнувших в борьбе за власть и передел сфер влияния. В этих целях идет активнейший процесс консолидации чеченских и дагестанских "ваххабитов", прежде всего, путем создания совместных "ваххабитских" религиозно-политических институтов: в конце августа 1997 г. в Грозном состоялся учредительный съезд общественно-политического движения "Исламская нация" во главе с М.Удуговым. Среди целей этого движения было провозглашено содействие "реальному объединению народов Кавказа" и "восстановление Дагестана в его исторических границах" (т.е. его объединение с Чечней). Аналогичную задачу - добиваться объединения двух народов в едином исламском государстве с перспективой включения в это государство остальных республик Северного Кавказа - поставил перед собой и "Конгресс народов Ичкерии и Дагестана" (КНИД) под председательством Ш.Басаева, созданный по инициативе "Исламской нации" в апреле 1998 г. По существу КНИД превратился в военно-политическую организацию, силовое обеспечение деятельности которой осуществлялось т.н. "исламским миротворческим батальоном" под командованием Хаттаба.

На усиление позиций чеченских "ваххабитов" повлиял также переезд в январе 1998 г. на территорию Чечни Генерального штаба и военной инфраструктуры ваххабитского дагестанского "Джамаата" во главе с его лидером - М.Багаутдином (М.Кебедовым), что произошло после нападения 23 декабря 1997 г. боевиков Хаттаба на российскую воинскую часть в Буйнакске. В свою очередь, пребывание представителей дагестанского "Джамаата" в Чечне оказало мощное радикализующее воздействие на сторонников "чистого" ислама в Дагестане. С марта 1998 г. штаб М.Багаутдина располагается в Урус-Мартане, там же находятся его отборные боевики, численность которых постоянно растет. Укрепляется взаимодействие чеченских и дагестанских "вахха-

битов", целью которых по-прежнему остается построение единого исламского дагестанско-чеченского государства. Для этого они пытаются "разогреть" ситуацию в Дагестане до состояния неуправляемости, чреватого взрывом. Наблюдается вмешательство во внутренние дела Дагестана: из Чечни все чаще раздаются требования, например, по восстановлению Ауховского района, невмешательству государства в дела мусульман "Кадарской зоны" и т.д.

Одновременно в республике отмечается невиданный разгул преступности: процветают нелегальный нефтяной промысел, похищения и торговля людьми превращаются в доходное предприятие. В декабре 1998 г. осуществляется зверское убийство трех англичан и одного новозеландца. Масхадов, режим которого весьма неустойчив, объявляет кампанию по борьбе с преступностью и одновременно издает указ о частичной мобилизации народного ополчения. В своем выступлении в декабре 1998 г. по национальному телевидению чеченский президент возлагает ответственность за ситуацию в Чечне на "деструктивные силы", осевшие в Урус-Мартане: "Их руководители, прикрываясь религиозными лозунгами, выполняют задания иностранных спецслужб и любыми методами добиваются дестабилизации обстановки в республике. Для этой цели они получают извне большие деньги и теперь им необходимо за них отчитаться. ...Главная задача наших врагов состоит в том, чтобы, используя религиозный, межтейповый фактор, направить ситуацию по афганскому варианту".

В этот же период времени лидер КНИД Ш.Басаев в интервью чеченской газете "Аль-Каф" заявляет, что в рамках "Конгресса" создано вооруженное формирование - "Исламская миротворческая бригада", которая может вмешаться в любой конфликт на Кавказе с "целью разъединения сторон". Комментируя события, происходившие в тот период времени в Дагестане, он подчеркивает: "Руководство КНИД не позволит русской оккупационной армии творить беспредел в братской мусульманской стране, а своих братьев в беде оставлять мы не намерены" [29].

Вслед за этим в январе 1999 г. Хаттабом из числа зарубежных добровольцев начал формироваться "иностранная легион". По заявлению Хаттаба в ходе интервью корреспонденту "Вестник КНИД", "...создание иностранного легиона продиктовано сегодняшней обостряющейся обстановкой на Кавказе, в первую очередь в Чечне. Именно в интересах безопасности исламского государства, а также за торжество исламских идей во всем мире, будут действовать бойцы иностранного легиона, и, уверяю вас, за эти идеи наши моджахеды готовы отдать свои молодые жизни" [30].

В феврале 1999 г. в результате жестокой борьбы с "ваххабитской" оппозицией Масхадов уступает нажиму и вводит в республике "шариатское" правление, а также своим указом образует консультативный орган при президенте по политическим, экономическим и правовым вопросам - т.н. "шуру". Его противники, немедленно заявив о нелегитимности светского поста президента в исламской Чечне (т.е. о нелегитимности Масхадова), создают собственную "шуру", куда входят известные полевые командиры, сторонники ваххабизации республики. По замыслу идеолога сепаратистов З.Яндарбиева, предполагалось, что в дальнейшем из своего состава эта "шура" изберет "легитимного" главу государства, который будет ей подотчетен.

В последующий период внутричеченское противостояние нарастает: в конце марта 1999 г. чеченские власти закрывают телеканал "Кавказ"; в результате оппозиция попадает в информационную блокаду. "Исламисты" пытаются наладить теле вещание из своего идеологического центра в Урус-Мартане, куда вывозится телевизионное оборудование телеканала "Кавказ".

Тем не менее, ваххабиты все более активизируются, ими осуществляется серия террористических акций в отношении руководства республики и других известных государственных функционеров (покушения на А. Масхадова, В. Арсанова, генерального прокурора М. Магомадова, убийство заместителя министра шариатской госбезопасности Ш. Увайсаева и группы сотрудников этого министерства и т.д.). Отмечается концентрация боевых отрядов ваххабитов в Грозном и его окрестностях, а также активная подготовка "моджахедов" в диверсионно-террористических лагерях Хаттаба.

17 апреля 1999 г. в Грозном проходит очередной съезд КНИД, который констатирует невозможность захвата радикалами власти в Чечне в связи с укреплением позиций Масхадова. Чтобы не провоцировать возможную гражданскую войну в республике, принимается решение основную активность перенести на территорию Дагестана. В апрельском номере яндарбиевской газеты "Кавказская Конфедерация" "амир Урус-Мартана" Бен-Исмаил и "амир Исламского джамаата Дагестана" М.Багаутдин обратились с призывом к молодежи Кавказа "принять участие в джихаде", вступив в созданную ими "Исламскую армию Кавказа" (ИАК). Молодым людям внушается мысль о том, что "нам - мусульманам - необходимо за свою дорогую религию воевать и начать джихад" [31].

Таким образом, вторжение в Дагестан отрядов "ваххабитов" оказывается делом предпринятым, что и происходит 2 августа 1999 г. Тогда на территорию Цумадинского и Ботлихского районов Дагестана вторглись вооруженные боевики из Чечни, захватившие ряд населенных пунктов. Руководило операцией т.н. "Объединенное командование дагестанских моджахедов" (ОКДМ) во главе с Ш.Басаевым. Основные силы "ваххабитов" были сведены в три группировки - "Исламскую армию Кавказа" (М.Багаутдин), "Дагестанскую повстанческую армию Имама" (М.Тагаев) и "Миротворческие силы межджлиса народов Ичкерии и Дагестана" (Э.Хаттаб). По замыслам руководства ОКДМ, объявившего вторжение первым этапом по "освобождению" Дагестана под кодовым названием "Имам Кази-Магомед", на территории РД их должны были поддержать местные сторонники "чистого ислама", экстремистски настроенная часть чеченцев-аккинцев и некоторые другие силы. Однако этого не произошло: вторжение боевиков вызвало рост нетерпимости дагестанского населения к различным проявлениям исламского экстремизма. Именно негативная реакция на вторжение со стороны подавляющего большинства населения республики и международной общественности стала одной из основных причин, по которой от участия в вооруженной борьбе отказались дагестанские "исламисты". Население Дагестана, особенно приграничных с Чечней районов, крайне негативно отнеслось к действиям боевиков и оценило их как бандитские. И это становится понятным, поскольку ваххабиты не только призывали к вооруженному джихаду против неверных, но и против мусульман, которые не разделяют их интерпретации ислама. Такая

постановка вопроса и дала им возможность идейно обосновать ведение вооруженной борьбы, террористические акты, как против федеральной власти, так и против властей Дагестана, мусульманского духовенства, простых дагестанцев.

После неудачного завершения первого этапа по "освобождению" Дагестана руководство "ваххабитов" объявило о начале второго этапа операции под кодовым названием "Имам Гамзатбек" (этот имам в свое время основные усилия джихада направил против соотечественников, поддерживавших царизм), цели и задачи которого официально не разглашались. В сентябре 1999 г. руководством "Объединенного командования дагестанских моджахедов" прорабатывались варианты нового вторжения в Дагестан, которым не суждено было сбыться в связи с начавшейся в октябре того же года антитеррористической операцией российских войск непосредственно на территории Чечни. В ходе осуществляемой военной кампании ваххабитский анклав в Чечне были уничтожены, а "джамааты" рассеяны.

Агонизируя, в этот же период исламисты совершают крупные террористические акции в Москве и Волгодонске, потрясшие своей бессмысленной жестокостью население страны и мировую общественность. Так, в статье "Кто такие исламисты?", опубликованной в алжирской газете "Ле Матэн", осуждаются эти акты вандализма, указываются их непосредственные организаторы - Ш. Басаев и Хаттаб. Автор статьи, проводя параллель между алжирскими и чеченскими террористами, подчеркивает, что "чеченские и алжирские исламисты под лозунгом борьбы за идеалы ислама и построения исламского государства ведут жестокую борьбу с применением всех имеющихся средств и возможностей без разбора, опираясь в первую очередь на террор", а "...источником финансовой подпитки является Усама бен Ладен". Автор также указывает, что "все экстремистские течения в исламе едины, имеют общую сущность - террор, и их нельзя разделять" [32].

Сегодня противостоящее законным властям сепаратистское движение в Чечне не представляет собой единого целого. Достаточно условно его можно классифицировать по следующим основным направлениям: националистическое (А.Масхадов, Р.Гелаев и др.), ваххабитское (Э.Хаттаб, Ш.Басаев и др.) и криминально-бандитское (представлено многочисленными полевыми командирами небольших по численности банд). В руководстве чеченских сепаратистов отмечаются глубокие и практически непреодолимые противоречия, в основе которых лежит борьба за власть и ресурсы (внутренние и внешние). Как свидетельствует практика, идеи "независимости" и "исламизации" Чечни, выдвигаемые некоторыми лидерами банддвижения, не находят широкой поддержки среди масс населения. Большинство диверсионно-террористических акций осуществляется не из-за идейных убеждений, а в результате финансовых подпиток, зачастую поступающих в республику из-за рубежа. Неоднократно фиксировались случаи фальсификации "акций сопротивления", прикармливания финансовых средств, выделяемых для ведения "джихада" как крупными полевыми командирами (А.Масхадов, Р.Гелаев и др.), так и среднего звена. Между различными группировками существуют разногласия и взаимное недоверие, неприязнь. Например, "гелаевцы" крайне негативно относятся к "ваххабитам" и не желают координировать с ними свои усилия.

"Ваххабиты", хотя они также не являются какой-то монолитной силой, представляют собой наиболее боеспособные формирования, прежде всего в связи с финансовой и иной подпиткой из-за рубежа и присутствием в их рядах значительной группы зарубежных "моджахедов" из многих стран Ближнего и Среднего Востока. Вместе с тем, как подчеркивают многие исследователи, чеченских последователей "чистого" ислама (Ш.Басаев, М.Удугов, З.Яндарбиев и др.) неправомерно называть ваххабитами, поскольку это оскорбительно для мусульман тех стран, где ваххабитская идеология является доминирующей, а ислам ваххабитской направленности – традиционным (Саудовская Аравия, Кувейт, ОАЭ и др.). Скорее их можно отнести к сепаратистам, националистам и даже криминальным бандитам, что роднит их с другими группами чеченского банддвижения. Сказанное позволило исследователю радикального ислама на Северном Кавказе Д.В.Макарову охарактеризовать происходившее и все еще происходящее в Чечне как "ваххабизацию" радикальных националистов [33].

Таким образом, рассмотренный выше материал позволяет сделать вывод о том, что исламский радикализм, как, впрочем, и его крайние формы, не является основным, главным звеном, обуславливающим региональный сепаратизм. Однако он в существенной степени усиливает действие ключевых, в первую очередь социально-экономических и политических факторов. В результате этого взаимодействия возникает своеобразный резонанс стратегий социально-экономического поведения и религиозно-идеологических предпочтений, который буквально разрушает основы государства.

Существенным выступает и то обстоятельство, что исламский фактор в регионе зачастую используется в качестве идеологической и организационной оболочки при реализации практических интересов вовсе не исламских сил и субъектов политического и социального действия. Речь идет о заурядных сепаратистах, националистах, мафиозных структурах и кланах, криминалитете. Причем, "исламский экстремизм" и "исламский терроризм" зачастую подпитывается архаичными формами социального поведения горских народов, такими как "наездничество", абречество, обычай кровной мести. Все эти факторы в невиданной степени укрепляют позиции исламизма, одновременно используя его идеологические конструкты для оправдания своей политической практики и мобилизации верующих на джихад против "неверных".

Иными словами, отличительной особенностью религиозно-политического терроризма в регионе выступает то обстоятельство, что он теснейшим образом переплетается и блокируется с терроризмом национально-этнической направленности, который нередко использует "исламское" прикрытие. Растеканию терроризма способствует также криминализация региона и особенно Чечни, где терроризм в 1996-1999 гг. фактически получил государственный статус. Тогда террористические акты совершались открыто и оставались безнаказанными. Государственные структуры занимали позицию невмешательства. В результате Чечня превратилась в убежище террористов, в том числе и международных, что стало главной причиной осуществления на ее территории контртеррористической операции. Другими отличительными чертами терроризма на Северном Кавказе являются: невиданный масштаб милитаризации, участие большого количества оснащенных са-

мыми современными средствами людей в вооруженных и террористических акциях, нарастающая интернационализация региональных конфликтов и т.д.

В настоящее время исламский терроризм рассматриваются многими западными и российскими политологами в качестве одной из главных и реальных угроз существующему мировому порядку. Видимо, эта угроза сохранится и в обозримом будущем. Связи мирового радикального исламского движения с мафией и одиозными режимами некоторых государств могут привести к обладанию ими оружия массового поражения, которым отдельные исламистские группировки, несомненно, воспользуются.

Острота проблемы противодействия распространению исламского экстремизма, наносящего ущерб безопасности России, предопределяет выработку соответствующих государственных мер. Они должны учитывать опыт организации работы по противодействию экстремистам, как в мусульманских, так и западных странах. Однако в этом деле основные усилия должны быть направлены на решение социально-экономических проблем, создающих благодатную почву для распространения радикальных идей и привлечения в свои ряды новых сторонников. Таковую задачу только силовыми методами решить невозможно. Этот вывод и должен стать основополагающим для России, побуждающим ее элиты и конкретных лидеров разработать и задействовать комплекс научно обоснованных мер по противодействию разрушающему напору исламистов.

Примечания

1. Об исламском радикализме см. подробнее: Добаев И.П. Исламский радикализм в международной политике. - Ростов н/Д: "Ростиздат", 2000; Он же. Политические институты исламского мира: идеология и практика. - Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2001; Он же. Исламский радикализм: социально-философский анализ. - Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2002.

2. См., в частности, об этом: Арухов З.С. Экстремизм в современном исламе. - Махачкала: "Кавказ", 1999; Грачев А.С. Тупики политического насилия. Экстремизм и терроризм на службе международной реакции. - М., 1982; Добаев И.П. Исламский радикализм в международной политике. - Ростов-на-Дону: Ростиздат, 2000. - С. 13-14; Коровиков А.В. Исламский экстремизм в арабских странах / АН СССР. Ин-т востоковедения. - М.: Наука, 1990; Морозов И.Л. Левый экстремизм в современном обществе: особенности стратегии и тактики // Полис. - 1998. - № 3; Исламский экстремизм и фундаментализм как угроза национальной безопасности России. Научный отчет РИСИ / Под. общ. ред. Е.М.Кожокина. - М., 1995 и др.

3. См.: Исламский экстремизм и фундаментализм как угроза национальной безопасности России: Научный отчет Российского института стратегических исследований / Под общ. ред. Е.М.Кожокина. - М., 1995. - С. 14.

4. См.: Севостьянов И. "Исламский фундаментализм" и исламский экстремизм - это совсем не одно и то же // Международная жизнь. - 1996. - № 5. - С. 32-33.

5. Мельков С.А. Исламский фактор и военная политика России. - М.: Изд-во Военного Университета, 2001. - С. 14-15.

6. См. о терроризме: Белая книга российских спецслужб. - М.: ИИА "Обозреватель", 1996. - С. 124; Витюк В., Эфиров С. "Левый" терроризм на Западе. История и современность. - М.: Наука, 1987; Гаджикович Р. Терроризм и пропаганда / Сб. ИНИОН "Актуальные проблемы Европы. Проблема терроризма. - М., 1997; Корни и психология террора // Дуэль. - 1999. - № 14; Ляхов Е.Г. Терроризм и межгосударственные отношения. - М.: Международные отношения, 1991; Ляхов Е.Г., Попов А.В. Терроризм: национальный, региональный и международный контроль. - М., Ростов н/Д: Изд-во РЮИ МВД РФ, 1999; Jenkins B. International Terrorism: A New Mode of Conflict. - Los Angeles, 1975; Lapeure Edison Gonsales. Violencia y terrorismo. - Montevideo, 1995; Schmidt A.P. Political Terrorism: A Research Guide to Concepts, Theories, Data Bases and Literature. - New Brunswick, 1983; Yonah A. Middle terrorism: Current Threats and Future Prospects/ - N.Y., 1994 и др.

7. См., в частности: Белая книга российских спецслужб. - М.: ИИА "Обозреватель", 1996. - С. 130; Lapeure Edison Gonsales. Violencia y terrorismo. - Montevideo, 1995. - С. 110-115.

8. См.: Ляхов Е.Г. Терроризм и межгосударственные отношения. - М., 1991. - С. 37.

9. См.: Полонский В., Григорьев А. Джихад всему миру // Общая газета. - 1995. - № 17.

10. Кузнецов Ю.П. Террор как средство политической борьбы экстремистских группировок и некоторых государств. - СПб., 1998. - С. 31.

11. См.: Добаев И.П. Исламский терроризм как политическая практика // Насилие в современной России: Мат. науч. конф. - Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 1999. - С. 10-23.

12. Ханаху Р.А. Традиционная культура Северного Кавказа: вызовы времени. - Майкоп, 1997. - С. 75.

13. Мегреладзе Д.Г. Из истории грузинско-дагестанских взаимоотношений // Мацне. - 1967. - № 6; Гамрекели В.Н. Социально-экономическая почва развития "лекианоба" в XVIII в. // Мацне. - 1972. - № 1.

14. Цит. по: Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. - М., 1994. - С. 110.

15. Робакидзе А.И. Некоторые черты горского феодализма на Кавказе // Советская этнография. - 1978. - № 2. - С. 21.

16. См., в частности об этом: Бларамберг И. Историческое, топографическое, этнографическое и военное описание Кавказа. - Нальчик, 1999. - С. 343; Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов. - Нальчик, 1974. - С. 163; Клиндер И. Нечто о Чечне // Кавказ. - 1856. - № 97.

17. Карпов Ю.Ю. Джигит и волк. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. - СПб., 1996. - С. 127.

18. Ханаху Р.А. Традиционная культура Северного Кавказа: вызовы времени. - Майкоп, 1997; Бгажноков Б.Х. Адыгская этика. - Нальчик, 1999 и др.

19. См., например: Кешев А.Г. Характер адыгских песен // Избранные произведения адыгских просветителей. - М., 1980. - С. 126.

20. Марченко Г.В. Россия на Кавказе. Военно-исторический аспект национальной политики в Северокавказском регионе в 20-90 годы XX в. - Ростов н/Д, 1999. - С. 7.

21. Броксат М. Северный Кавказ - это Афганистан? // Мусульманский Курьер. - 2000. - № 13. - апр.

22. Макаров Д.В. Официальный и неофициальный ислам в Дагестане. - М.: ИВ РАН, 2000. - С.27.

23. Абд аль-Рахман Хаттаб, 1961 г.р., по происхождению - иорданский чеченец. Хаттаб стал первым в Иордании добровольцем, отправившимся в Афганистан в составе батальона, сформированного палестинцем Абдаллахом Аззамом на средства "Лиги исламского мира", где принимал участие в боевых операциях против советских войск в провинции Нангархар. Во время нахождения в Афганистане имел контакты с находившимися там сотрудниками ЦРУ США. В настоящее время возглавляет в Чечне отряды иностранных наемников. Женат на даргинке из Дагестана. (Intelligence Newsletter. 1999. N 364. Aug.26. P.7.).

24. Челноков А. Ваххабиты в Тобольске//Совершенно Секретно. - 1999. - №10.

25. Middle East International. 1995. Sept.2. P.17.

26. Труд. - 1999. - 7 апр.

27. Кузьминов А. Граница на замке. Чечня готовится к агрессии?//Совершенно Секретно. - 1998. - №2.

28. Добаев И.П. Исламский радикализм в международной политике. - Ростов н/Д "Ростиздат", 2000. - С. 143.

29. Аль-Каф. - 1998. - нояб.

30. Вестник КНИД. - 1999. - янв.

31. Кавказская Конфедерация. - 1999. - апр.

32. Qui sont ces islamistes? // LE MATIN. Sept. 14.

33. Макаров Д.В. Радикальный исламизм на Северном Кавказе: Дагестан и Чечня//Конфликт - Диалог - Сотрудничество (Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе). - М., 1999, - №1. - С.42-58.

С.А. Мельков

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИСЛАМА

Политическая наука все чаще обращается к анализу воинственных лозунгов борьбы за веру, существующих в идейно-политическом арсенале каждой религии. Особенно актуально это положение для ислама, где джихад («джихад фи сабиль иллах» - араб., букв.: «Усердствование на пути Аллаха») не просто призыв, а тщательно разработанная теологическая концепция. Но джихад – не только борьба за веру, это вооруженные и невооруженные действия. «Священная борьба» или

«Борьба за веру» изучалась как востоковедением, так и светскими науками, философией, политологией¹.

Сегодня не приходится говорить о детальной разработке целостной военно-политической концепции ислама, особенно применительно к отечественной специфике, хотя изучение такой концепции весьма актуально для страны. Она широко используется в идейно-политической борьбе в ряде регионов². Концепция джихада в последнее время стала объектом все более активной теоретической работы духовенства, военных и политических деятелей исламских стран, усилилось использование джихада и в идеологическом воздействии на мусульман. В понимании исламской военно-политической концепции в РФ сложились и устоялись некоторые ложные стереотипы, которые проникли в научную, публицистическую, учебную и художественную литературу. В целом данная тема, как впрочем и исламская проблематика вообще, остается вне рамок большинства серьезных исследований светских наук и не известна широкому кругу научной и педагогической общественности.

Как возникла военно-политическая концепция ислама? Какие условия и причины лежали в основе ее создания? Не совсем ясно, как соотносятся между собой военно-политическая концепция ислама и джихад: является ли джихад частью концепции с точки зрения светского исследования, или же джихад шире, если становиться на религиозную точку зрения?

По всей видимости, причина появления военно-политических вопросов в исламе заключалась в том, что исламская умма, многие мусульманские страны становились объектом военно-политического, экономического и идеологического вмешательства со стороны иностранных государств, что отмечается и исследователями³. Концепция джихада выполняла исторически противоречивые функции, была в основе внутренней и внешней политики различных сил и движений, стремившихся использовать ее в первую очередь для мобилизации мусульман на достижение определенных целей и для оправдания тех или иных акций.

В отечественной научной литературе джихад, как правило, рассматривается в контексте военно-политической истории ислама. Вплоть до середины XIX века в исламских исследованиях присутствовал в основном критический пафос, отсутствовал строго научный интерес, что вызывалось религиозной нетерпимостью, неприятием и пренебрежительным отношением к исламу, Корану и личности Мухаммада.

¹ Тегин Ю.А. Идеологическая концепция Ассоциации «Братьев-мусульман» как рудия реакции (критический анализ). Дис. Канд. филос. наук.-М. 1983; Дельмаев Х.В. Сущность и социальная роль исламской концепции джихада. Дис... канд наук.-М. 1987; Арухов З.С. Концепция джихада в раннем исламе. Дис... канд филос наук.-Махачкала. 1995; Агрономов А.И. Джихад священная война мухамеддан.-Казань. 1877; Керимов Г.М. Проблемы войны и мира в исламе// Вопросы научного атеизма. Вып. 31-М. 1983. С. 148 – 162; Сагадеев А. Джихад// Наука и религия. 1986. №6. С. 18-20; Ротарь И. Война и мир в исламе.-М. 1999 и др.

² В русле этой концепции, например, джихад взят на вооружение афганскими маджахедами и талибами, религиозными экстремистами во всем мире, в арабо-израильском противостоянии и т.д. На нее опирается военная политика и военно-политическая мысль большинства мусульманских государств.

³ Арухов З.С. Концепция джихада в раннем исламе. Дис... канд. филос. наук.- Махачкала, 1995. С. 3

Историческая и содержательная стороны концепции «священной войны» широко представлены в произведениях западных исламоведов. Среди них необходимо отметить Работы Р.Петтиерса, В. Шварца, Г. Фергасона (сравнительный анализ вопросов войны и мира в иудаизме, христианстве и исламе), М. Уотта (эволюция джихада в мекканский и мединский периоды проповедничества Мухаммада)⁴. Они содержат много ценных сведений о джихаде, хотя, как отмечал Дельмаев Х.В., страдают тенденциозностью, отсутствием научного обоснования тех или иных положений, а порой и их явной идеализацией⁵. По признанию самих зарубежных исламоведов, в общественном сознании запада сложился и господствует стереотип мусульманина как воинственно-го фанатика, отождествлявшийся ранее с образом кровожадного турка, готового резать неверного, который не желает перейти в магометанскую веру», а в наши дни – с образом « арабского террориста» в военной форме, вооруженного автоматом Калашникова и готового убивать ни в чем не повинных еврейских и христианских женщин и детей»⁶.

Современными исследователями также отмечается, что как в западном, так и отечественном исламоведении не удалось обнаружить целостной работы, всецело посвященной джихаду, за исключением мусульманских авторов⁷. Первыми наиболее серьезными работами по проблеме «право войны» считается: книги ал-Ауза «Китаб ас-сийар» и Абу Ханифа «Китаб ас-сийар ал-Кабир» («Военный трактат»).

Причины появления военно-политических взглядов и в целом концепции ислама лежат в причинах появления самого ислама. К внутренним причинам обычно относят: низкий уровень производительных сил, кровное родство, отношения между кочевниками и оседлыми мекканцами и мединцами, арабами-язычниками и иудеями, имущими и неимущими, междоусобные войны и конфликты на почве экономических и других интересов, которые были нормальным явлением, образование племенных союзов, языческие верования (магия, анимализм, фетишизм, идолопоклонство и т.д.). К внешним причинам обычно относят: захватнические войны со стороны Персии, Византии, Абиссинии, военные способы консолидации племен, формирование арабского национального самосознания.

К идейным основам джихада относится, в первую очередь, положения доисламских религий о необходимости бороться, воевать во имя своей веры с ее противниками. Как явствует из исламоведческой литературы, основатель ислама был хорошо знаком с учениями предшествующих религий, в том числе с иудейской и христианской. Преемственность исламского джихада с доислам-

⁴ Peters, Rudolf. *Gihad in Mediaeval and Modern Islam*. Leiden: E.J.Brill, 1977, *Island and Colonialism: The doctrine of Jihad in Modern History*. The Haque: Moauton, 1979; Schwarts W. *Gihad unter Musterheiten.-Studien Jum Musterheiten prrjblem in Islam*. Wiesbaden, 1980; Ferguson G *War and Peace in the world s religions*. L., 1977; Watt W.M. *Muhammad at Mecca/ L.*, 1953, *Muhammad at Medina*. Oxf., 1956.

⁵ Дельмаев Х.В. *Сущность и социальная роль исламской концепции джихада*. Автореферат дис... канд. филол. наук.- М. 1987. С.3.

⁶ Peters, Rudolf. *Islam and Colonialism: The Doctrine of Jihad in Modern History*. The Haque: Moauton, 1979.p. 4

⁷ Khaddury, Majid. *The Islamic Concept of Jihad*. Baltimore: Gohus Hopkins Press, 1984; Maududi, S. *Abu-I-ala. Gihad in Islam*. Lahore: Islamic Publications, 1980; ал-Алайани, Али Нафайа. *Ахдаф ал-джихад ва гайатуху, ар-Рийад*, 1411; Вахба, Тауфик Али. *Ал-Харб фи-л-ислам ва фи-л-муджтама ад-дували ал-му асыр*. Ал-Кахира, 1393; Кадурри, Мухаммад ибн Абдаллах. *Ал-Джихад фи сабили ллах*. Дждидда, (б.г.); ат-Тантави, Мухаммад ас-Сарайа ал-харбийя фи-л-аср ан-набави, ал-Кахира (б.г.).

скими идеями о борьбе за веру подтверждается и тем, что положения Корана, сунны и шариата о «священной борьбе» во многом напоминают, а порой и повторяют чуть ли не дословно тезисы о праве на насилие в отношении к иноверцам, содержащиеся в Библии и евангелиях. Все это опровергает утверждения некоторых западных религиоведов о том, будто исламской концепции «священной борьбы» принадлежит «приоритет во времени» в возникновении⁸.

Гносеологические корни джихада заключаются в особенностях сознания мусульман в отражении ими социальных противоречий как результата борьбы ислама с другими религиями в абсолютизации частых конфессиональных трений с иноверцами, особенно в период становления этой новой религии. В гносеологическом отношении не последнюю роль для становления джихада сыграли и особенности воздействия ислама на психику верующих, которых Мухаммад постоянно держал в напряжении (иногда отмечается, что в страхе) перед неизменной, якобы стремлением противников этой религии к притеснению и даже физическому уничтожению мусульман.

Главной предпосылкой зарождения концепции «священной борьбы» и важнейшим фактором дальнейшей эволюции и изменения ее содержания выступают социальные корни джихада. Идеей борьбы против «неверных» предопределялась политическая необходимость защиты того социального единства, которое сложилось на основе новой религии. О главной роли социальной детерминированности джихада в системе всех условий и факторов его становления и развития убедительно свидетельствует теснейшая зависимость изменений в его содержании от конкретных исторических явлений в жизни и деятельности мусульманской общины на всех этапах существования данного догмата.

К периодизации развития учения о джихаде существуют различные подходы. Так, по мнению Дельмаева Х.В., основными этапами истории джихада являются его формирование (начало VII – начало X), дальнейшее развитие в эпоху до начала буржуазной эволюции ислама (начало X – конец XIX вв.) современный этап⁹.

На первом этапе формирования ислама его доктрина являла собой преимущественно разрозненные и нередко противоречивые призывы, так как лидеры мусульманского движения ставили перед собой самые ближайшие социальные и идеологические цели. Идеологическое обоснование военных экспедиций не было системным, не отличалось стройностью и последовательностью. Ислам превратился в господствующую идеологию, когда из приближенных Мухаммада и высших военачальников образовалась привилегированная верхушка и выразился в отказе от родоплеменной общности в организации союзов в пользу надплеменной основы-общности религии ее членов¹⁰. В сложных исторических условиях новая государственность арабов могла быть образована лишь в процессе ряда межплеменных военных столкновений и внешней экспансии, например, на

⁸ Noth a. Heiliger Krieg und heiliger Kampf in Islam und Christentums/ Bonner hist. Forsh. Band 28.- Bonn. 1966.- S. 147.

⁹ Дельмаев Х.В. Сущность и социальная роль исламской концепции джихада. Автореферат дис... канд. филос. наук.- М. 1987. С.8

¹⁰ Негря Л.В. Общественный строй Северной и Центральной Аравии в V – VII вв. – М. 1981.

отражение захватнических притязаний соседних государств, а затем – на завоевание ряда территорий у них.

По мнению Бартольда В.В., “Появление проблемы идеологического обоснования военных действий вызывает появление соответствующих идей, освещающих войны как выполнение мусульманами их божественной миссии. Десяти лет, прошедших от прибытия Мухаммада в Медину (622 г.) до его смерти (632), оказалось достаточно, чтобы превратить учение мирного религиозно- и социального реформатора в религию, объявившую наступательную войну всему миру”¹¹.

“Джихад” на арабском языке – “Старание”, “усердие”, “напряжение”, “приложение усилий”, лучше, пожалуй, перевести как “борьба”, то есть предполагаются действия и невоенного характера: не только “джихад меча”, но и “джихад сердца”, “джихад языка”, “джихад руки” и т.д. Коранические тексты и хадисы о джихаде весьма различны, порой противоречивы. Появление таких отличных друг от друга указаний о джихаде в Коране вполне закономерно: каждое из них вызывалось конкретными условиями жизни мусульманской общины и пророка Мухаммада. Все это дает почти неограниченную возможность толкования джихада, а, следовательно, и отношения к войне и миру. “Джихад – это высшее проявление, как сообщил об этом посланник. Он горнило, в котором выплавляются мусульмане, и которое позволяет отличить скверного от хорошего. Он также является пропуском в рай”¹². “Или вы думали, что войдете в рай, когда Аллах еще не увидел (дела) тех из вас, которые усердствовали, и которые проявили терпение?”¹³.

В первоначальный период своей проповеди Мухаммад боролся за распространение ислама (то есть вел джихад) исключительно мирными средствами – проповедуя, увещевая, уговаривая, убеждая. “Зови к пути Господа с мудростью и хорошим увещеванием и препирайся с ними тем, что лучше”¹⁴. Из этого аята и сейчас делается вывод о мирном характере ислама, и, значит, о предпочтении решать политические споры мирным путем.

Однако когда над молодой религией нависает опасность, когда мусульман гонят и преследуют и они вынуждены переселиться из Мекки в Медину – появляется новый подход: воевать можно, но только при определенных условиях – если надо обороняться. “Но не подлежит упреку те, которые защищаются после того, как они были обижены”¹⁵.

В Мединский период, когда образовалась мусульманская община и Мухаммад стал главой теократического государства, осуществился и переход от мирных проповедей к насильственным методам распространения ислама не только среди язычников-арабов, но и нередко за пределами Аравии. Теперь положение первых мусульман зависело от решения их первого вождя Мухаммада: меканцев-идолопоклонников следует наказывать - показать им силу новой религии, к тому же набеги на мекканские караваны помогали решить остро стоящие перед общиной материальные проблемы

¹¹ Бартольд В.В. Сочинения. Т. 6. – Б. 1966. С. 417.

¹² Жизнеописание пророка (Программы по изучению шариатских наук). – М. 1999. С. 21.

¹³ 3:142. Здесь и далее Коран цитируется в переводе Крачковского И.Ю. Первая цифра означает номер суры, вторая – номер аята.

¹⁴ 16:125.

¹⁵ 42:41.

– и в Коране появляются положения, побуждающие мусульман вести войну с неверными вообще без всяких усилий. Так появляется “джихад ассайф” (джихад меча), который на практике осуществлялся зачастую лишь тогда, когда ему случалось совпадать с мирскими интересами мусульманских лидеров.

Теоретически мусульмане постоянно находились в состоянии джихада, а на практике на завоеванных землях мусульмане не всегда насаждали ислам, как принято думать, силой оружия. Выбор “меч или ислам” предлагался только язычникам. На монотеистов (христиане, иудеи) это не распространялось. Поэтому иноверцы большей частью добровольно принимали ислам, чтобы не платить подушную подать и некоторые другие налоги, взимаемые с немусульман.

Когда первая община аравийцев, принявшая новую веру, начинала после смерти создателя завоевывать новые территории, джихад становился знаменем победителей. Однако не борьба за веру подвигла на войну, а вполне земные цели, материальные соображения. А для этого нужно было завоевывать государства, не разрушая там ничего, оставляя в неприкосновенности жизни и имущества их населения, не нарушая привычный ход жизнедеятельности общества. В основе лежала тактика: заставить противника признать их власть на основе договора, платить дань и налоги, а взамен арабы будут их защищать. Однако “военные успехи арабов в Иране (Сасанидская империя) никоим образом не связаны с религией, а объясняются их военным превосходством”¹⁶.

Расширяя круг понятия “джихад”, Коран и Сунна, на определенном этапе ставят “джихад аф-нафс”, то есть противоборство со своими дурными наклонностями, выше, чем ведение войны против неверных. Считается, что Пророк после битвы у колодцев Бадр (624 г.) сказал: “Мы вернулись с малого джихада, чтобы приступить к джихаду великому”. Духовное усовершенствование объявлялось делом более трудным, нежели война с неверными. “Джихад аф-нафс”, рассматриваемый как “составная часть священной борьбы ислама за избавление человечества от власти, противоречащей законам Аллаха”, считается наиболее важным для воспитания всего сообщества мусульман. “Разве ты не видел тех, которым сказали: “Удержите ваши руки и простаивайте молитву и давайте очищение”¹⁷. “Поистине, Аллах не меняет того, что с людьми, пока они сами не переменили того, что с ними”¹⁸.

Оказание помощи воину выступить в поход (газв) путем предоставления ему верховного животного, вооружения или амуниции, пожертвование финансовых средств для ведения войны с неверными тоже квалифицировалось как форма джихада. Формируя идеологию войны за веру, Мухаммад внушал сподвижникам чувство долга перед уммой, вырабатывал в них готовность к взаимопомощи, воспитывал качества, которые позволили бы в любое время сформировать отряд и выступить в поход в сопровождении людей, движимых не только надеждой получить добычу. В более позднее время появились различия между “джихадом сердца” (борьба с дурными наклонностями), “джихадом языка” (повеление одобряемого и запрещение порицаемого, смелые высказы-

¹⁶ Колесников А.И. Завоевание Ирана арабами. Газ «Минраб ислама». – М. 1995, № 4-5.

¹⁷ 4:77.

¹⁸ 13:11.

вания против несправедливости), “джихад руки” (принятие дисциплинарных мер в отношении преступников и нарушителей норм нравственности), “джихадом меча” (вооруженная борьба с неверными, где падшему в бою уготовано вечное блаженство в раю), “джихадом пера” (отстаивание интересов ислама посредством печатных изданий)¹⁹.

Таким образом, в исламской концепции джихад – понятие триединое. “Поистине те, которые уверовали и и которые выселились и которые боролись на пути Аллаха, те, которые надеялись на милость Аллаха, - ведь Аллах прощающ, милосерд!”²⁰. Более поздние авторы хиджру идентифицировали с “единобожием”, “богобоязнью”, “покаянием”, которые бы свидетельствовали об устремленности мусульманина к Аллаху и его посланнику. “Джихад сердца” и “джихад языка” вменяются мусульманину в индивидуальной форме и не могут перекладываться одним на другого, а “джихад руки” и “джихад меча” определяются имамом с учетом возможностей того или иного мусульманина.

История и современная политическая практика показывает, что из всех разновидностей джихада различные политические силы берут на вооружение те формы, которые более всего соответствуют их интересам в данном конкретном случае. Поэтому полного единства в толковании джихада у исламских религиозных и политических деятелей нет и быть не может в силу “размытости” социально-классовых и политических структур исламского региона и отдельных стран.

Считается, что джихад – одна из главных обязанностей мусульманской общины, хотя это оспаривалось еще в начальный период распространения ислама. Так, Суфьян ас-Саури (715-777/778 гг.) утверждал, что джихад – это акт, лишь рекомендованный (мандуб) мусульманам, который становится их обязанностью только тогда, когда они подвергнутся нападению. Доктор Салих бин Ганим Ас-Садлан считает, что аль-джихад – есть долг каждого мусульманина в случаях: если он находится в отряде бойцов; при блокаде врагами своей страны; если имам, то есть руководитель, объявил мобилизацию²¹. Под современным социальным содержанием джихада понимают те виды деятельности, которые “освящаются” концепцией “борьбы за веру”, могут протекать в ее оболочке. К ним обычно относятся несправедливые и справедливые войны, колонизация и национально-освободительная борьба, антикоммунизм, исламизация страны и борьба за решение ее социальных проблем и т.д.

С точки зрения объекта вооруженной борьбы, различаются 6 видов джихада (в трудах по фикху:

Против врагов Аллаха (т.е. тех, кто угрожает существованию уммы, тех, кто преследует мусульман и язычников).

¹⁹ Есть и другие классификации. Например, Ибн Кайима ал-Джаузи: «джихад ан-нафс» (борьба за духовное самоусовершенствование), «джихад аш-шайтан» (противоборство с дьяволом), «джихад ал-куффар» (борьба с неверными) и «джихад ал-мунафикин» (борьба с лицемерами). При этом «джихад ал-куффар» рекомендуется вести рукой, то есть силовыми методами. См. : ал-Джаузи, Ибн ал-Дин Мухаммад ибн Бакр. Заад ал-ми ад фи хайда хайр ал-ибад. Дж.3. Байрут, 1412/1991.

²⁰ 2:218.

²¹ Облегчение исламского права.- Эр-Рияд. 1415 (первое издание). С.134.

Против тех, кто покушается неприкосновенность границ (т.е. против агрессии извне).

Против вероотступников (таких, как лжепророк Мусаймена).

Против притеснителя (ал-баги).

Против разбойников.

Против монотеистов – немусульман, отказавшихся платить джизью. Выбор между мечом (смертью) и переходом в ислам предлагался только язычникам, для людей же Писания (ахл-Китаб_ существовал выбор: или переход в ислам, или джизья, или война²².

Некоторые современные правоведы подразделяют джихад по характеру на два вида: наступательный и оборонительный²³. Например, в диссертации Арухова З.С.²⁴ отмечается, что джихад наступательный был характерен для начального периода ислама, когда Мухаммад был послан Всевышним Аллахом сражаться с неверием и идолопоклонничеством, распространяя новую веру по всему миру. Однако, когда пророк начал доведение (таблиг) слова Господа и приступил к увещанию (иршад) людей, язычники преступили к яростному сопротивлению. В этой ситуации пророк и мусульмане вынуждены были прибегнуть к оружию и сражению. «А если они нарушили свои клятвы после договора и поносили вашу религию, то сражайтесь с имамами неверия, - ведь нет клятв для них, может быть они удержаться? Разве вы не станете сражаться с людьми, которые нарушили свои клятвы и думали об изгнании посланника? Они начали с вами первый раз»²⁵.

Концепция оборонительного джихада вытекает из необходимости защиты мусульман и уммы в целом. Оборонительный джихад является одним из обязательных предписаний мусульман (ваджибат) и ведется любыми средствами при наличии следующих обстоятельств:

нападение на мусульманскую страну с целью уничтожения ислама или принятия опасных мер в этом направлении²⁶;

агрессия одной мусульманской страны против другого мусульманского государства в случае, если агрессор отвергает призывы к перемирию²⁷;

угроза, опасности мусульманам и национальным богатствам в целом: угроза исламской культуре, морали и нравственности, нападки и воспрепятствование доступа мусульман к ней, необходимость защиты слабых, если они беспомощны защитить себя сами²⁸;

распространение материализма, атеизма и других форм безбожия.

На последнем обстоятельстве есть смысл остановиться особо. По данному виду джихада мусульманам приписывается особо строгое выполнение обязанностей, иначе над мусульманами будут господствовать враги ислама, установив свою власть во всех сферах жизни: политическую, экономическую, культурную, военную, научную и т.д. Допустившие этот гнет будут подвергнуты

²² Ислам Энциклопедический словарь. – М. 1991. С. 66 – 67.

²³ ал – Мини, Ибрахим. Дурус мин-с-сакафа ал-исламийа. Та риб ал-устаз Джа фар ал-Хади. Дж. 1-2. Кум ал-мукаддаса. 1411.

²⁴ Арухов З.С. Концепция джихада в раннем исламе. Дис...канд.филос.наук.-Махакала. 1995. С.46.

²⁵ 9:12-13.

²⁶ 2:190

²⁷ 49:9.

²⁸ 4:75.

в ссудный день мучительному наказанию, причем муки ада будут удвоены им за то, что они отвергли джихад с целью защиты мусульманской уммы от этого угнетения. «Скажи: если ваши отцы, и ваши сыновья, и ваши братья, и ваши супруги, и ваша семья, и имущество, которое вы приобрели, и торговля, застоя которой вы боитесь, и жилища, которые вы одобрили, милее вам, чем Аллах и Его посланник и борьба на Его пути, то выжидайте, пока придет Аллах со своим повелением. А Аллах не ведет народа распутного»²⁹.

Известна следующая периодизация динамики джихада: увещевания и исправления; стойкости и терпения; хиджры и сражения. Внешнее окружение мусульман делится на три категории: ахл ас-сулх ва-л-худна (люди мира и спокойствия). С ними заключаются договора (люди договора). В случае, если от них ожидалась измена, то договор с ними следовало был отвергнуть и не начинать сражения до тех пор, пока доподлинно не подтвердятся факт нарушения ими двустороннего соглашения; ахл-харб (люди войны); ахл аз-зимма (люди покровительства).

Некоторые изменения в концепцию джихада были внесены в мединский период Мухаммада, когда важным становится не столько обращение в ислам, сколько политическое подчинение неверных. Создав общину верующих, Мухаммад нашел выход социальных противоречий в том, что направил основную деятельность вовне общины, на иноверцев. Происходит расширение идейного толкования концепции священной войны за веру, когда цели джихада исходят из благородных намерений, даже если те, ради кого он ведется, и не подозревают об этом.

Выбор формы джихада диктовался условиями, в которых находились мусульмане, их взаимоотношениями с враждебным окружением или же конкретной жизненной ситуацией, а также единобожием (таухид) и предопределением. «На пути Аллаха находится тот, кто сражается с тем, чтобы слово Аллаха было превыше всего»³⁰. В целом можно отметить, что мусульмане не ставили целью обращения всех иноверцев в ислам, так как убедились: исламизация немусульман – не самое главное для укрепления государства, а главное, чтобы все подчинялись законам Халифата и платала налог.

Наоборот, ислам призывает учитывать конкретные исторические обстоятельства при определении характера войны: учитывать условия и мотивы их возникновения, считаться с тем, по какой причине и с какими целями они ведутся. В соответствии с исламской концепцией миропорядка, войны могут быть агрессивными, в результате которых одни люди попирают права других, оккупируют чужие территории, эксплуатируют богатства угнетенных народов. Несомненно, что войны подобного рода – несправедливые и такой тип войны – есть суть зло. Если война ведется как ответная мера перед лицом свершившейся агрессии, то мусульманская религия не квалифицирует ее как зло. В этом случае считается, что выбор меча с целью обороны – мера ответная и в большей степени приемлемая, чем капитуляция.

²⁹ 9:24

³⁰ аз-Зубайди, Мухтасар сахих ал-Бухари, Ахмад ар-Рийад, 1412/1992, 1160/2810. Мусульманский мир. 950 – 1150.- М. 1981 С.4.

Мусульманские авторы подчеркивают, мир есть честное сосуществование одних народов с другими, капитуляция же абсолютна бесчестна для одной стороны и не является, по сути, истинно честной для другой. Следовательно, при определении характера войны ложные предпосылки должны быть исключены. Война как таковая есть безусловное бедствие, грех, в то время как та же война может означать и противостояние силам греха, исходя из чего мусульмане не считают ее совершенно правильной и одной из неизбежностей человеческого существования.

В современном исламе «удержание» рассматривается как ведение военных действий оборонительного характера. Считается, что именно по этой причине всем странам мира необходимо создавать вооруженные силы для своей защиты, так как существование армии с оборонительными функциями есть абсолютная необходимость, гарантирующая достаточную силу, способную отразить агрессию извне. «И если бы не удерживание Аллахом людей друг от друга, то пришла бы в расстройство земля, но Аллах – обладатель благодати для миров!»³¹.

Еще при жизни Мухаммада военные походы, как правило, заканчивались заключением мирных договоров. Согласно мнению Большакова О.Г., «военные действия мусульман не были кровопролитными, за все десять лет военных действий (622 – 632 гг.) мусульмане потеряли всего около 150 человек, а их противники – чуть больше». Таким образом, роль ислама определялась не какой-то особенной агрессивностью, а была организаторской. Ислам не только соединил разрозненные силы аравитян, но и подчинил их религиозной дисциплине и наделил убежденностью в правоте их дела и непобедимости»³².

По мнению Сагадеева А.В., понятие «священная война» принадлежит не исламу и не Мухаммаду, поскольку еще до конца V века, за 200 лет до его появления, принцип священной справедливой войны начали утверждать христианские теологи. Ислам синтезировал представления из индуизма, христианства, зороастризма и даже политеизма: ложные представления об исламе кроются отнюдь не в природе самого вероучения мусульман, а в попытках христианской Европы противостоять ему, создавая его ложный образ. «Исторически сложилось так, что христианство сформировалось раньше ислама, претендуя на роль глобальной религии. Появление новой монотеистической религии в VII веке не только противоречило представлениям христианства, но и представляло угрозу его претензиям на роль мирового лидера. Это было тем более опасно, что учение имело много общего с христианским: признавало преемственность с ним и иудаизмом, имея общих пророков, «разделить миром трон» с ним христианство не могло и не хотело. Значит, надо было отвергнуть его. И христианство начало это опровержение – и мечом – и с помощью крестовых походов, опровергая и извращая его догматы. Это относиться и к джихаду. Ислам трактовался как религия огня и меча, а джихад как стремление «грабить, забирать в плен, убивать врагов их Бога и Пророка, как агрессивное средство насаждения этой религии»³³.

³¹ 2:251.

³² Большаков О.Г. Ислам – сила организующая//Минбар ислама.- М. 1995. №3-4. С.5.

³³ Мусульманский мир. 950 – 1150.- М. 1981 С.4.

По-видимому, Мухаммад не предполагал планетарной миссии священной войны, так как при его жизни мусульмане не осуществляли военной деятельности за пределами Аравии. Эта доктрина начала складываться при первых халифах и развивается и по сей день «Ислам как религия считает своим долгом не только формирование общества, но преобразование его, более того, в нем заложены принципы, направленные на преобразование всего мира», считает аятолла М.Мтаххари. «Значит, данная религия не могла обойтись без закона о джихаде, а следовательно, и без армии, способной выполнять обязанности по нему. Несомненно, что религия должна проповедовать мир, а ведь Коран прямо говорит: «Мир лучше»³⁴, но он также проповедует и войну, в случае, если противоположная сторона не желает честного сосуществования, попирая при этом права и достоинство людей, вследствие чего они, покорно принимая это бесчестие погружаются в нищету и бесправие». Ислам признает мир лишь в том случае, если противоположная сторона готова и желает его принять, если же мир им отвергается и противником делается ставка на силу, то вынужденный выбор войны для ислама предрешен.

Ислам всегда выступал против агрессии. Он запрещал мусульманам враждовать по отношению к другим народам. «Но не преступайте, - предупреждает Коран, - поистине, Аллах не любит преступающих»³⁵, Но в то же время... «Кто же преступает против вас – то и вы преступайте против него подобно тому, как он преступил против вас»³⁶, Здесь не делается разницы между покушением на Родину, землю, душу или имущество. Ответ мусульман на агрессию – это не только их право, но и законная обязанность, поскольку речь в этом аяте идет в повелительной форме («то и вы преступайте») и исключает принцип добровольности сражения.

Некоторые мусульманские правоведы воспринимают джихад как долг и обязанность в наступательных и превентивных войнах, происходящих за пределами дар ал-ислам. Если в пределах дар ал-ислам ведется оборонительный джихад, то обязанность участвовать в нем возлагается на каждого гражданина вне зависимости от пола, возраста, происхождения, социального положения. "«выходите в поход, легкими ли будете, или тяжелыми; ревностно воюйте, жертвуя своим имуществом и своей жизнью на пути Аллаха; в этом благо для вас, если вы знаете!»³⁷. По мнению Абу Абдаллах ал-Куртуби: если джихад ведется с целью изгнания врага из пределов мусульманских стран, то мусульманам следует выступать на войну «легкими или тяжелыми» (кто с чем может), будучи молодым или старым, каждый обязан воевать так, как он может. И никто не имеет право оставаться в стороне от борьбы с врагами. Если жители этой страны не способны оказать сопротивление врагу, то другие мусульмане (жители других стран) обязаны влиться в их ряды и противостоять нападкам врагов.

По характеру войны бывают четырех типов: агрессивные (’удванийя), наступательные (худжумийя), превентивные (вика’ийя) и оборонительные (дифа’ийя). Ислам возводит в ранг религи-

³⁴ 4:128

³⁵ 2:190

³⁶ 2:194

³⁷ 9:41

озной обязанности оборонительные войны, участие в которых возлагается на всех мусульман, независимо от возраста и материального положения. Согласно современной концепции джихада, если враг приступил к расчленению дар ал-ислам, то следует предпринять действия по его изгнанию до того, как появится мысль о заключении с ним мира, который в таких условиях будет навязываться нам противником. Среди мусульманских исследователей существует единое и согласованное мнение: цель джихада – защита и оборона. Мнения расходятся, главным образом в том, что именно должно быть защищено. Так, война может считаться законной, будь то для отдельного человека, племени или народа, когда она рассматривается как самозащита или защита своей собственности. Однако в исламе мучеником считается тот, кто убит при защите своей собственности, но и тот, кто погиб, отстаивая свои принципы, что, фактически является приоритетным.

Нормы, связанные с джихадом, регламентируются отраслью мусульманского права, называемой «сийар», условно переводимой как «мусульманское международное право» (отношение мусульман с другими государствами, вопросы войны и мира, священной войны с отступниками от веры (ахл ар-рида_, отношения мусульманской общины с представителями других религий и т.п.).

Считается, то Мухаммад выдвигал различные требования к началу и ведению военных действий:

воевать следовало с теми, кто воюет с мусульманами;

войну позволялось начинать вне запретных месяцев;

Мусульманам предоставлялось исключительное право в ведении военных операций, если запрет нарушен противоположной стороной.

“И сражайтесь на пути Аллаха с теми, кто сражается с вами”³⁸. “И убивайте их, где встретите, и изгоняйте их оттуда, откуда они изгнали вас: ведь соблазн хуже, чем убийство! И не сражайтесь с ними у запретной мечети, пока они не станут сражаться там с вами. Если же они будут сражаться с вами, то убивайте их: таково воздаяние неверных!”³⁹. Ведение джихада возлагалось на мусульман в форме индивидуальной обязанности (фард ал-айн) и коллективно обязанности (фард ал-кифай).

Нет единой точки зрения о том, каким образом учение мусульман и в какой форме отражается на каком-либо виде повинности. Например, если кто-то из мусульман по различным причинам, известным религиозному законодателю, не выступал вместе с остальными в поход, то на него возлагалась обязанность охраны города, что является одной из форм джихада.

Военно-политическая концепция предусматривала и рассмотрение вопроса о допуске к джихаду. По мнению Ан-Навани, к джихаду не допускаются:

несовершеннолетние (сабби);

умалишенные (маджнун);

женщины (ниса);

³⁸ 2:190

³⁹ 2:191

больные (марид);

рабы (абд);

кафиры (неверные, идолопоклонники);

без разрешения родителей. Если родители неверные, то их мнение не влияет на участие в джихаде сына – мусульманина;

кто не имеет средств передвижения (верблюд, лошадь, мул и т.д.) и оружия.

По отношению к военнопленным изначально не было единого решения. “...Ни одному пророку не годилось иметь военнопленных, пока он не производил избиения на земле. Вы стремитесь к случайностям ближайшего мира, а Аллах жилает будущего. Аллах – великий, мудрый”. “Когда вы встретите тех, которые не уверовали, то – удар мечом по шее: а когда произведете великое избиение их, то укрепляйте узы...”, “...либо милость потом, либо выкуп, пока война не сложит своих нош”⁴⁰. Таким образом, предполагается, либо безусловное освобождение или свобода за выкуп. Решение остается за политической властью – выбрать один из двух вариантов, исходя из общих интересов, причем казнь в этой ситуации является законной.

Существуют и другие точки зрения. По мнению Джалал ал-Дин ас-Суйути, к пленным неверным предусматривается 4 вида наказания: смертная казнь (катл), помилование (манн), выкуп (фидйа), продажа в рабство (истиркак). Доктор Салих бин Ганим Ас-Садлан считает, что военнопленные делятся на две группы: женщины и дети из их числа становятся рабами; по приказу руководителя воюющих мужчин из числа военнопленных можно освободить, обменять или убить⁴¹.

В современной исламской концепции не делается различий между видами войны или военных конфликтов. Вне зависимости от того, ведется ли священная война за приобщение народов к исламской вере, за ее распространение или война оборонительная, с мятежными отступниками, правила ведения войны являются неизменными. Ведущие специалисты в этой области считают, что “все законы войны в исламе основаны на милосердии, сострадании и сочувствии, сила их обязательности вытекает из божественности власти, и поэтому область их применения простирается во времени и пространстве на вооруженные конфликты любого вида названия. Всякая иная доктрина чужда исламу”⁴².

Не допускается членовредительства, пыток и иного унижающего обращения с противником в вооруженных конфликтах. “Никогда не колечте даже собаку”, - сказал Пророк, когда на основе правила взаимности воины намеревались изувечить пленных, несмотря на то, что для самого Пророка пострадал в битве. Таким образом, приказ о том, чтобы никого не оставлять в жизни и ведение боевых действий в соответствии с таким решением противоречит всем принципам исламской веры⁴³.

⁴⁰ 8:67

⁴¹ Облегчение исламского права. – Эр-Рияд. 1415 (первое издание). С. 136.

⁴² Жданов Н.В. Исламская концепция миропорядка. Дис... докт. филос. наук. – М. 1985. С.38.

⁴³ Там же С. 138.

Законы войны излагались в наставлениях, данных армии первыми халифами. Вот некоторые общие подходы и принципы:

взаимность в применении насилия и его пределах (2:190–194);

запрет военных действий в святых местах на условиях взаимности (2:191);

милосердие к побежденным (2:192);

ислам как основа братства и милосердия (3:103);

наказания за неоправданное применение насилия (3:102);

примерность милосердия для мусульман (3:114).

В первоначальный период распространения ислама, когда вооружения не были столь массово губительны, в исламе проблемы применения оружия почти не рассматривались. Все средства достижения победы, включая военную хитрость, считались, таким образом, законными. Согласно Абу Хурейре, Мухаммад сказал: “Война – это хитрость”, то есть в период боевых действий успеха добивается тот, кто умело пользовался маневром, нестандартно решал задачи, стоящие перед войсками.

В целях достижения военного успеха разрешается использовать неверных. Побег с боя возможен только в двух случаях:

По плану войны, то есть если исламская армия движется назад в тактике.

С целью войти в другую группу бойцов.

Военные действия разрешены только между воинами, то есть разделены военные и гражданские лица. Военные действия в отношении гражданских лиц незаконны. “Сражайтесь с теми, кто сражается против вас”, то есть не воины – это люди, которые не принимают участия в боевых действиях. Руководителю перед уходом армии на войну предписывается убедиться в готовности армии, отделять трусливого и только при необходимости просить помощи у неверующего; готовить необходимое снабжение армии с нужными советами и рекомендациями. Армия же обязана выполнять указания руководителя, подчиняться и не воевать без его указания. И воевать без указа руководителя можно лишь, если враг неожиданно напал на армию, которая боится его зла и вреда”⁴⁴.

Весьма важным представляется анализ в джихаде взаимосвязи социального и религиозного. Во-первых, под одной и той же религиозной формой “усердствования на пути Аллаха” в разных скрывается, как правило, неодинаковое, различное социальное содержание: либо вся совокупность видов насилия одного (справедливого и несправедливого) характера или, по крайней мере, большая часть; либо лишь некоторые виды насилия одного социального характера; либо лишь несколько форм насилия противоположного характера⁴⁵. Так, джихад против советских войск в Афганистане по своему социальному содержанию включал и скрытую экспансию ведущих стран Запада и в первую очередь США, и вооруженную контрреволюционную борьбу и экономические диверсии. Джихад филиппинских мусульман означает борьбу за свое обособление, сепаратизм.

⁴⁴ Облегчение исламского права. – Эр-Рияд. 1415 (первое издание). С. 136.

⁴⁵ Дельмаев Х.В. Сущность и социальная роль исламской концепции джихада. Автореферат дис... канд. филос. наук.- М. 1987. С.11.

Джихад религиозно-экстремистских группировок типа “братьев-мусульман”, “партии исламского освобождения” и других направлен одновременно и против западных государств и против сотрудничества с немусульманскими странами и общественно-политическими движениями.

Во-вторых, “священная борьба” активно влияет на социально-политическое содержание протекающих под ее оболочкой движений. Она может тормозить или ускорять развертывание сил, начинающих очередной джихад и политических элит, стремящихся придавать политическому движению религиозную окраску. Например, объявление газавата смогло пробудить горцев Северного Кавказа к борьбе против местной знати и колонизации политики царизма в XIX веке, а также значительно стимулировало укрепление позиций ислама, но в дальнейшем послужило препятствием для учатия всего населения региона активно использовала «джихад меча» для консолидации именно мусульманского населения. Известно высказывание Шамиля: «Правду сказать, употреблял против горцев жестокие меры: много людей убито по моему приказанию... Бил я и шатовцев, и андийцев, и тадбургинцев, и их бил не за преданность русским (вы занете, что они ее никогда не выказывали), а за их скверную натуру, склонность к грабительству и разбоям. Правду ли я говорю, вы сможете убедиться теперь сами, потому что и вы их будете бить все за ту же склонность, которую трудно оставить. Поэтому я и не стыжусь своих дел и не боюсь дать ответ за них Богу...»⁴⁶.

В-третьих, социально-политическое содержание движений в форме «борьбы за веру» оказывает всегда активное обратное воздействие на свою религиозно-идеологическую оболочку. Именно социально-политическое содержание джихада выступало той его стороной, которая приволила к возникновению и эволюции теоретических форм «священной борьбы». Так, стремление Масхадова А. Любой ценой удержать власть заставляет его, даже объявив джихад, по сути пытаться заменить религиозную борьбу (которой почти нет, на сам ислам никто в регионе и не покушается) национально-освободительной борьбой против федерального государства.

Таким образом, в любом случае применения джихада в политическом действии необходимо различать две грани этого явления: саму его религиозно-идеологическую сторону и реальное социально-политическое содержание. Если второе может быть различным по социальной направленности, то сам лозунг «священной борьбы» всегда скрывает действительную суть явления, привносит в него религиозный элемент. В самом общем плане джихад практически неотделим от сути ислама. В узком же смысле он представляет собой концепцию религиозно-идеологического обоснования социального насилия в исламе, которая с собственных позиций объяснет общественные противоречия и формирует по отношению к ним выгодные властвующим элитам идейные и социально-психологические установки среди верующих – мусульман. Такая сущность джихада вытекает и из анализа его социальных функций.

Например, Дельмаев Х.В. выделял также функции джихада: дезориентирующую, морально-психологическую, интегрирующую и регламентирующую, выводя их из анализа основных на-

⁴⁶ Независимое военное обозрение, 1997, №46.

правлений его воздействия на политические процессы в исламском регионе и на сознание мусульман⁴⁷. По-видимому, само название функций нуждается в некоторой корректировке и дополнении. На наш взгляд, можно выделить следующие функции: мобилизующая, ориентирующая, морально-психологическая, интегрирующая и регламентирующая, социализации мусульман.

Мобилизующая функция позволяет организовать мусульман на решение социально значимых задач, в том числе и военно-политических. Нужно заметить, что джихад на определенных этапах развития мусульманского общества тогда, когда его объявление было действительно жизненно важно и необходимо.

Ориентирующая функция заключается в способности данной концепции объяснять в сознании мусульман сущность таких явлений как война, вооруженная борьба, другие виды насилия, формировать у них представления о социальном характере экономического, политического и духовного насилия, скрывать или, наоборот, разъяснять истинные цели и интересы его организатора и т.п.

Морально-психологическая функция джихада – его способность стимулировать религиозно-политическую активность мусульман, побуждать и привлекать их к участию в насилии, поддерживать в них религиозное рвение и даже фанатизм. Реализация этой функции осуществляется с помощью коранических положений и «награда» за участие и «наказания» за неучастие в джихаде, а также с помощью тесно связанных концепцией «священной борьбы» догматов о предопределении и мученичестве.

В сплочении разнородных по социальному составу участников «борьбы за веру» перед объектом джихада заключается его интегрирующая функция, которая особенно отчетливо проявлялась в годы национально-освободительной борьбы, когда призыв «сражаться на пути Аллаха» объединял все слои угнетенной и борющейся нации. И хотя главной причиной этого была, конечно, вовсе не религия, отрицать определенную роль данной концепции было бы неправильно. Эта функция по-разному рассматривается и оценивается различными современными политическими силами. До недавнего времени в СССР считалось, что, во-первых, сам джихад используется в большинстве случаев реакционными силами; во-вторых, он питает идейно реакционное движение за «мусульманское единство»; в-третьих, объединяя мусульман, джихад тем самым противопоставляет их всем немусульманам⁴⁸, создает, говоря словами Маркса, «состояние постоянной вражды между мусульманами и неверными»⁴⁹.

В определенном смысле можно говорить и о регламентирующей функции джихада, поскольку учение о нем содержит многочисленные предписания о ведении борьбы и особенно войны «за веру»: когда и против какого врага следует начинать священный поход», какими силами и средствами его вести, до каких пор, что делать с покоренными, как делить военную добычу и т.п.

⁴⁷ Дельмаев Х.В. Сущность и социальная роль исламской концепции джихада. Автореферат дис...канд. филос. наук.- М. 1987. С.13.

⁴⁸ Дельмаев Х.В. Сущность и социальная роль исламской концепции джихада. Автореферат дис...канд. филос. наук.- М. 1987. С.14.

⁴⁹ Маркс К. Объявление войны. К истории возникновения восточного вопроса//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 10.- М. С. 167.

Функцию социализации мусульманина джихад выполняет в широком смысле. Именно он помогает мусульманину подготовиться к жизни в обществе, но готовит людей с позиции исламской религии.

Таким образом, теоретическое осмысление исламской военно-политической концепции позволяет полнее и глубже понять те острейшие военно-политические реалии, на которые оказывает влияние ислам сегодня. Наиболее практическое распространение концепция получила в военной политике Ирана. Иранскими теологами, стоящими у власти, джихад трактуется как «священная война» по распространению ислама и завоеванию всех немусульманских территорий⁵⁰. Такая трактовка и усиленная пропаганда джихада против «иранских вероотступников» привела в свое время к кровопролитной войне против Ирака, а широкая популяризация «экспорта исламской революции» и шахидатсва (готовности умереть в боях «за веру») приводят к росту религиозного фанатизма и шовинизма среди иранцев.

Определенный вклад в развитие исламской военно-политической концепции внес имам Хомейни. «Порой войны необходимы ради обороны и в отсутствие имама... Например, когда враг наступает, или хочет завоевать исламские города, или хочет заключить мусульман в тюрьму, или хочет конфисковать их собственность во всех подобных обстоятельствах необходимо, чтобы жители страны защищали свои жилища и собственность и вели войну против иностранцев»⁵¹, весьма патриотичное высказывание. «Сегодня мы видим, какие чудеса героизма на фронтах и в тылу с полным подъемом, жертвуя собой, проявляет иранский народ, его вооруженные силы, полиция, Корпус стражей исламской революции добровольные формирования. Мы гордимся тем, что наши женщины, молодые и старые, наравне с мужчинами, а иногда и лучше служат в армии. Те, кто может воевать, проходят военную подготовку, что является залогом защиты ислама и исламского государства»⁵².

Джихад активно использовался в Афганистане определенными политическими силами. Душманы называли себя «муджахидами» (борцами за веру). С помощью положений Корана и других «священных» книг они пытались снять с себя ответственность за длительное кровопролитие, скрыть под религиозную оболочку борьбу за политическую власть⁵³. Войну под знаменем ислама часто объявляли (во всяком случае, в советское время) необъявленной войной. При всей спорности термина все же необходимо отметить, что он позволял использовать весьма умеренные положения, содержащиеся в Коране. Так, Коран запрещает убивать мусульман, однако на практике убивали даже мулл, которых трудно заподозрить в неверии. Коран требует откликаться на мирные предложения, а главари многих вооруженных формирований в Афганистане длительное время не реагировали на политику национального примирения. Нарушались и другие положения о «свя-

⁵⁰ Степанянц М.Т. Мусульманские концепции в философии и политике (XIX – XX вв.). - М. 1982. С. 105.

⁵¹ Имам Хомейни. - М.ю 1999. С. 60.

⁵² Политическое завещание Имама Хомейни.// Там же. С. 303, 321.

⁵³ Марчук Н.И. Война в Афганистане. Дис...докт.юфилос.наук. – М. 1993; Афганистан. Итоги бесконечной войны. - М. 1999 и др.

щенной борьбе». Например, Коран запрещает брать в свои союзники неверных. Но у душманов они по сути являлись руководителями джихада, так как подлинные организаторы антиафганской войны находились за океаном и что подрывной деятельности афганцев обучали не мумусльмане.

В качестве выводов отметим несколько принципиальных положений, характерных для исламской военно-политической концепции.

Исламская военно-политическая концепция существует, достаточно детально разработана и воздействует на общественную жизнь как исламской уммы, так и поликонфессиональных государств, религиозно-политическую ситуацию в большинстве регионов мира. Возникла концепция в период возникновения ислама и после этого продолжала разрабатываться как в теории, так практической деятельности самого Мухаммада, его последователей, религиозных мыслителей, общественно-политических деятелей исламских государств.

В содержательном плане концепция является частью джихада, в узком смысле отражает такие вопросы, как: отношение ислама к проблемам войны и мира, классификация войн, условия, начало, причины, характер, цели и формы ведения войны, система комплектования армии, отношение к агрессии, военнопленным, гражданским лицам на войне, убедительно прослеживается ее оборонительный характер и ряд других вопросов.

Достаточно долгое время существовавшее в советском и российском обществе мнение об изначальной кровожадности и агрессивности ислама не соответствует действительности, даже понятие «священная война» принадлежит не исламу и не Мухаммаду, заимствовано ими из других религий. Ислам же с момента своего появления стал претендовать на роль новой мировой монотеистической религии, поэтому христианская Европа попыталась, и весьма успешно, противостоять ему, создавая его ложный образ, отвергая его, опровергая и извращая его догматы. Это относится и к военно-политической концепции. Ислам трактовался как религия огня и меча, а джихад как стремление грабить, забирать в плен, убивать врагов их Бога и Пророка, как агрессивное средство насаждения этой религии.

Как и в любой религии, в исламской военно-политической концепции в различных ситуациях может быть различным соотношение социального и собственно-религиозного содержания. «Священная борьба» активно влияет на социально-политическое содержание протекающих под ее оболочкой движений и часто может скрывать истинные социально-политические силы, процессы и интересы. Она может тормозить или ускорять развертывание социальных сил, начинающих очередной джихад и политических элит, стремящихся придавать политическому движению религиозную окраску. Сама борьба может носить различный характер, по-разному оцениваться различными социальными и политическими субъектами. В современных условиях именно политическая борьба в исламских государствах и регионах является главным условием и фактором развития военно-политической концепции ислама.

Функционально военно-политическая концепция ислама предназначена для реализации ряда задач: мобилизация мусульман для решения социально-значимых проблем, ориентация их в со-

временном мире и их морально-психологическая защита, интеграция их в мировое сообщество и регламентация их повседневной и социально-политической деятельности, социализация мусульман. Эти задачи выступают функциями военно-политической концепции ислама.

З.С. Арухов

ХАРАКТЕР И ФОРМЫ ВНЕШНЕГО ВЛИЯНИЯ НА ИСЛАМСКИЙ РАДИКАЛИЗМ В ДАГЕСТАНЕ

90-е годы XX века в России и в Дагестане ознаменованы кардинальными изменениями в общественно-политической жизни, активизацией роли религиозного фактора. В этот период в Дагестане создавались религиозно-политические организации, партии, движения, религиозные деятели, которые все чаще обращались к политическим институтам в целях реализации религиозных проектов. В дагестанском обществе постепенно происходила политизация ислама, посредством которой предпринимались попытки как бы компенсировать относительно неэффективное воздействие религиозных норм на население. Усиленная политизация общества выявила и другую тенденцию: политические деятели в своей борьбе стали прибегать к использованию исламских лозунгов. Иными словами, в начале 90-х годов можно было говорить о новом явлении, которое несколько позже стали называть политическим исламом или исламизмом.

В рамках исламского возрождения практически во всем мусульманском мире наиболее отчетливо выражены две тенденции. Во-первых, оно воспринимается как явление реформистского плана, предусматривающее возврат к первоначальной и потому оригинальной модели исламского общества, составившей богатую культуру и цивилизацию. Шариат в рамках этой модели рассматривается как универсальная система, которая через иджитihad должна быть адаптирована к современной жизни. Во-вторых, исламское возрождение квалифицируется как явление консервативное или фундаменталистское, также требующее возвращения к корням ислама, но вместе с тем отвергающее всякое истолкование норм шариата. Иными словами, на практике он должен применяться в буквальном смысле и во всех сферах жизни.

В принципе, исламское возрождение является попыткой глобального утверждения основ классического ислама. Причины религиозного возрождения в зависимости от той или иной страны отличаются, но можно вывести и некие общие катализаторы этого процесса.

В свое время светский национализм не дал широким массам ощущения национальной самобытности, власти в мусульманских странах в основном были избранными, не способными установить политическую власть и убедить народы в своей законности. Поэтому они нередко обвиня-

лись в неспособности достичь экономической независимости, остановить растущую пропасть между богатыми и бедными.

В Дагестане процесс исламского возрождения развивался по несколько иным причинам. В данном случае трудно сказать, что активизация исламизма последовала вслед за неудачами обретения этнической идентичности, так как процесс этнической и религиозной самоидентификации дагестанских народов в течение 90-х годов протекал одновременно. В идеологическом плане основное воздействие на динамику исламского возрождения в Дагестане оказывал достаточно длительный период атеистического доминирования, сформировавший негативную историческую память в обществе, характеризующемся высоким уровнем религиозности.

После развала Советского Союза в сложных экономических, политических, социальных и психологических условиях переходного периода появление и последующий рост активности политического ислама в Дагестане был адекватным проявлением идейных исканий дезориентированных слоев населения. Нельзя сказать, что в этих условиях в определении характера религиозного возрождения ключевую роль играл внешний фактор. Если рассматривать его в качестве некоего инструмента прямого управления формами и методами деятельности дагестанских исламистов со стороны определенных зарубежных институтов, или непосредственного регулирования ими соответствующими процессами, то вряд ли значение внешнего воздействия на процессы в Дагестане стоит преувеличивать.

Вместе с тем совершенно очевидно, что принижать значимость внешнего фактора также невозможно, ибо на разных этапах она была достаточно влиятельной. В целом надо отметить, что процессы, которые в течение 90-х годов происходили во всем мусульманском мире, получали свое отражение в деятельности дагестанских исламистов, особенно их радикального крыла (1).

В 90-годах XX века исламизм в Алжире, Египте, Судане, Афганистане, а также последствия иранской революции оказывали глубокое воздействие на власти мусульманских стран, и давали о себе знать при формировании ими стратегии правления. Исламисты требовали проведения в своих странах ряда реформ в тех или иных областях. Прежде всего, речь шла о необходимости исламизации всех сфер общественной жизни и обеспечения в обществе принципов социальной справедливости. Эти проблемы с разной интенсивностью были выражены в тех или иных странах, однако, при всей глубине и масштабности исламского проекта, практически во всех мусульманских странах исламисты не сумели избавиться от идеологии национализма. Хотя ими декларировалось, что истинно исламское государство, должно отличаться тем, что его граждане будут обладать не мнимыми, а реальными правами, поскольку основой исламского государства станет единство мировоззрения и действий, которое будет пронизывать все институты власти и управления. Именно регулируемое "исламским духом и исламскими законами" государство должно было стать, по их мнению, идеальным мусульманским обществом.

В Дагестане с начала 90-х годов в русле политического ислама находились Партия исламского возрождения - первая политическая организация мусульман Советского Союза, созданная в Астрахани в 1990 году, и сформированный позже Союз мусульман России с их структурными

подразделениями в республике и регионе. Как известно, внутри Партии исламского возрождения существовали различные идеологические приоритеты, в соответствии с которыми некоторые авторы обозначали радикальное крыло, умеренно-радикальное и умеренное. В силу этого партия в условиях Дагестана и Северного Кавказа в целом имела слабо организованные структурные звенья.

Многие, в особенности западные исследователи, делают безосновательный вывод об идентификации исламизма и традиционного ислама. Ряд исследователей рассматривают исламизм как возрождение традиционного ислама, а исламистами считают тех, кто придерживается "антропологической традиции" (2). Напротив, умеренные мусульмане-сунниты характеризуются как люди, придерживающиеся вероисповедных догматов, подверженных влиянию синкретизма, лояльных к принципу отделения церкви от государства и вестернизации. (3). Такое представление абсолютно не соответствует действительности (4). Фактически, исламизм во многом противостоит и в значительной степени противоречит исламской традиции. Особенно очевидно это отклонение проявляется в отрицании им признанных атрибутов исламской догматики и отношением к суфизму и суфийской традиции. Различие между традиционным исламом и исламизмом может быть отмечено по многим признакам. Согласно традиции, что исламская юриспруденция может осуществляться в рамках четырех правовых школ, каждая из которых имеет своих последователей. Исламисты, наоборот, видят в существовании этих школ препятствие на пути единения исламской общины. Традиция приписывает власти право назначать компетентных ученых для толкования исламского закона; исламисты практически не признают никакой власти, кроме лидеров собственных групп. Традиция признает полномочия ученого, имеющего письменное свидетельство о его назначении (иджаза), выдаваемого ему предшественником; исламисты такое право зачастую дают тем, кто не имеет значимого теологического или юридического образования. В результате в большинстве случаев среди исламистов религиозно-правовыми вопросами занимаются лица с ограниченными познаниями в исламских науках.

Как отмечают последователи традиционного ислама, суннитские организационные структуры, к примеру, образовательного типа, возникают спонтанно и соответствуют локальным потребностям. Когда создается какая-нибудь суннитская организация, это происходит только по практическим соображениям, она соответствующим образом и финансируется. Напротив, исламистские школы возникают вследствие финансирования из мощных централизованных источников, когда оплачивается деятельность активистов в различных частях мира (5). Характерно, что исламисты нередко рассматриваются вне суннитского ислама. Надо сказать, что некоторые тарикатские лидеры в Дагестане также были склонны рассматривать ваххабизм не только вне суннитской традиции, но и вне ислама вообще.

Однако, возможно, наиболее важная отличительная черта исламизма заключается в отношении религии к политике. В этом же заключается и главное отличие между традиционным исламом и исламизмом, так как у них в этом вопросе полярные и взаимоисключающие позиции. Данные отличия важно учитывать, так как они напрямую связаны с проблематикой внешнего воздействия

на характер религиозной ситуации. В Дагестане процесс политизации затронул и традиционалистскую и фундаменталистскую разновидности ислама, хотя этот процесс не был равномерным и равнозначным для обоих направлений ислама (6), возможно, именно деятельность радикальных исламистов оказала воздействие на политизацию отдельных последователей тариката. Причем важно отметить, что политизация тарикатских структур во многом происходила и в результате влияния светских политиков. Эта тенденция получила значительный импульс уже после разгрома ваххабитского ислама в Дагестане.

Важно выявить и другое: насколько процесс исламского возрождения, который в Дагестане, как и в других регионах, приобрел политический оттенок, соответствует характеру религиозного возрождения в мусульманском мире в целом. Здесь можно заметить много общего, хотя у нас в республике имелись и свои особенности. Прежде всего, надо сказать, что немало общего можно отметить во времени прохождения реисламизационного процесса, можно выявить существенные параллели в структурной специфике исламистского движения, в идеологических приоритетах, формах и методах деятельности.

Исламское возрождение в Дагестане проходило в условиях обострения ситуации в религиозной среде, вызванным противоборством между сторонниками накшбандийского тариката и ваххабизма. Такая ситуация была характерна не только для нашей республики, но и для других мусульманских регионов мира, где активно действуют тарикатские группы, например в Алжире, Марокко, Египте, Турции, Пакистане. Так же как в Дагестане противоречия в основном были порождены взаимоисключающими трактовками исламских норм, теологическими спорами в различных вопросах религиозной догматики. Одна из многих причин идейного противоборства между дагестанскими ваххабитами, которые сами называли себя салафитами или сторонниками сунны и джамаата (ахл сунна ва-л-джамаа), суфиями, заключалась в салафитской характеристике форм поклонения, осуществляемого и последователями тариката. Столь же непримиримыми были позиции и в их подходах к нормам единобожия, основам шариата, понятию мусульманской теории предопределения, к ряду других проблем мусульманской догматики. Надо заметить, что эти проблемы идейного противоборства ваххабитами часто рассматривался под углом зрения, характерным для исламистов из других мусульманских регионов. Например, так же как и дагестанскими ваххабитами под "многобожием" салафитскими исламистами Марокко, как правило, рассматривается традиционный для Северной Африки марабутизм. На Северном Кавказе, и в частности в Дагестане, ваххабиты "многобожниками", а нередко и "неверными", считали последователей местных тарикатов накшбандийа и кадирийа.

Своего пика внутренняя конфронтация между силами, выступавшими в Дагестане с различными интерпретациями исламских норм, достигла в конце 90-х годов. В достаточно короткой истории распространения ваххабизма в Дагестане в последнем десятилетии XX века К.М. Ханбабаев выделяет три условных периода. Согласно ему, первый период приходится на конец 80-х -1991 год. Второй период охватывает 1991-1997 годы. Третий этап деятельности ваххабитов на территории Дагестана начинается с 1998 года и продолжается по сей день (7). В целом с данной периоди-

зацией можно согласиться, хотя период с 1991 по 1997 год неоднозначен в плане развития внутренней структуры ваххабитского движения, и, по нашему мнению, может быть разделен на две части. Дело в том, что с начала 1995 года из исламистского движения в Дагестане отчетливо вычленилось радикальное крыло, которое стало ориентироваться на вооруженную поддержку чеченских сепаратистов, на союз с так называемой армией генерала Дудаева (декабрь 1997 года) и т.д.

В этот период отмечалась активизация деятельности различных религиозно-политических структур, выступающих с непримиримых позиций и ориентированных на смыкание с интересами региональных центров силы и их стратегическими устремлениями. Со стороны сил религиозной оппозиции по отношению к Дагестану отмечалась активная подготовка к реализации намеченных программ. Действующие в Азербайджане международные исламские организации оказывали гуманитарную и иную помощь религиозным организациям Чечни и Дагестана. Деятельность функционирующих в Баку филиалов и отделений международных исламских организаций была сориентирована на развитие исламистских идей в республиках Северного Кавказа, что, в свою очередь, свидетельствовало об использовании Азербайджаном религиозного фактора в ослаблении позиций России в северокавказском регионе.

В результате мер по пресечению их деятельности десятки наиболее радикально настроенных сектантов переселились на территорию Чечни. Это обстоятельство в предложенной периодизации не учтено; так называемая хиджра ваххабитов в дар ал-ислам, то есть в Чечню состоялась в 1997-1998 годах. Поэтому с учетом специфики деятельности ваххабитов период с 1991 по 1995 год, на наш взгляд, логичнее было бы обозначить отдельно.

Если соотнести предложенную периодизацию с основными событиями в мусульманском мире в этот период, то можно сделать вывод об их взаимообусловленности. Речь, в частности, идет о событиях в Алжире (выборы в парламент в 1991 году и их последствия), в Египте (активизация радикальных движений до взрыва в Луксоре в 1997 году и репрессивная политика властей после этого), в Саудовской Аравии (появление религиозной оппозиции после завершения войны в Персидском заливе в 1990-1991 годах и взрывы на американских военных базах в Эр-Рияде в 1995 году и в ал-Хобаре в 1996 году), в Кашмире (экстремистская деятельность пропакистанских исламских групп), в Афганистане (усиление движения талибов и установление ими полного контроля над страной в 1998 году) и т.д.

Сравнительный анализ причин и форм проявления радикального ислама в указанных регионах позволяет рассматривать события в Дагестане, политизацию и постепенную радикализацию ислама на всем Северном Кавказе не изолированно от этих событий, говорить о том, что ситуация в Дагестане не могла развиваться безотносительно от характера развития обстановки в этих частях мусульманского мира.

Основные направления и специфика религиозно-политической деятельности сторонников тариката и дагестанских фундаменталистов в Дагестане сводились к тому, что, во-первых, пропаганду основ своего учения, особенно в среде молодежи, сторонники сунны и джамаата вели, не отказываясь от своей основополагающей цели - установления исламского строя. Под их влиянием

последователи тариката, по крайней мере, примыкающие к Духовному управлению мусульман, также все активнее стали обращаться к политической риторике. Во-вторых, последователи традиционного ислама и фундаменталисты вели яростную пропаганду о собственном религиозном превосходстве, что разрушало основы внутриконфессиональной толерантности дагестанского общества (8).

Столкнувшись с неприятием со стороны официального духовенства и широких масс населения, с попытками ограничения деятельности ваххабитов со стороны правоохранительных органов, идеи исламского фундаментализма постепенно претерпевали изменения в сторону все большей радикализации. В конце 90-х годов о собственно "ваххабизме" в Дагестане можно было говорить лишь условно, так как дагестанские радикалы в течение нескольких лет от мирных салафитских идей перешли к открытой экстремистской деятельности. Данная трансформация была прогнозируемой, так как до того, как они пришли к идеям ваххабизма, ими разделялись идеи "Братьев-мусульман", и, как показали последующие события, их деятельность стала все более соответствовать идеологии крайне радикальных организаций типа "Ал-Гамаат ал-джихад", "Такфир ва-л-хиджра" (9) (Египет), палестинский "Исламский джихад", "Вооруженная исламская группа" (Алжир) и т.д. (10).

Трансформация идейно-политической базы, форм и методов деятельности радикальных исламистов в немалой степени происходила под внешним воздействием. Причем определение новых приоритетов в борьбе стало возможным не только в силу активности внешних сил, но в равной степени благодаря инициативности самих исламистов, наладивших тесные контакты с исламским зарубежьем.

Характер внешнего воздействия в течение 90-х годов был неодинаковым, он постепенно менялся и преобразовывался в сторону все большей радикализации. В двусторонних отношениях дагестанских исламистов с внешними силами можно выделить два этапа. На первом из них, который можно назвать идейно-миссионерским, осуществлялось относительно мирное сотрудничество между соответствующими организационными структурами дагестанских ваххабитов с зарубежными гуманитарными фондами, учебными заведениями, миссионерскими центрами, религиозно-политическими организациями и т.д.

Временные рамки этого периода охватывают 1989-1995 годы. Именно в этот период в Дагестане создавались исламистские организации на религиозной основе, на иностранные средства широко финансировалось строительство мечетей, открывались учебно-пропагандистские центры в Махачкале и Кизилюрте, осуществлялась масштабная газетно-журнальная и книжно-издательская деятельность, в республику приезжали многочисленные зарубежные делегации и отдельные функционеры с ознакомительными, миссионерскими и образовательными целями (11).

Второй период начинается с 1995 года, со времени активного участия дагестанских ваххабитов радикального крыла в вооруженных конфликтах в населенных пунктах Дагестана и Чечни, и завершается 1999 годом, когда с участием иностранных наемников с территории соседней республики против Дагестана была совершена вооруженная агрессия (12). Этот период можно назвать

военно-диверсионным; в ходе него создавались учебно-тренировочные лагеря, осуществлялись вооруженные акции (рейды на Буйнакск и Кизляр, акции против сотрудников милиции в Карамачи, нападение на Цумадинский, Ботлихский и Новоллакский районы в августе-сентябре 1999 года и т.д.). Многие военные действия этого периода осуществлялись при непосредственном участии иностранных наемников, под их руководством, или по согласованию с ними. Так, в ходе боев в Дагестане и Чечне погибли 37 наемников из арабских стран (13). Как отмечает в связи с этим сирийский исследователь доктор Йусуф ал-Исса, "организации политического ислама поддерживают сепаратистские движения в Дагестане, полагая, что последние ведут религиозную войну. Эти организации, поддержав исламистов Дагестана, поддерживают межнациональную и межрелигиозную борьбу в России, что опасно в принципиальном плане, так как это ведет к подрыву безопасности и стабильности не только в России, но и в регионе Ближнего Востока" (14). В результате подмены понятий, пишет он, "мусульмане оплачивают закатом ошибки своих политических руководителей, поддерживающих террористические организации" (15). Более того, известно, что до вторжения этих банд в Дагестан их лидеры обращались к ряду религиозных авторитетов, в частности, Абдаллаху Аззаму, Джунайду Багдади и Абдаллаху Омару за благословением данной акции. Последние, в свою очередь, после консультаций с улемами Саудовской Аравии издали соответствующую фатву (религиозно-правовое заключение). С точки зрения ряда экспертов, развязанная война, цель которой, согласно заявлению боевиков, заключалась в создании в Чечне и Дагестане независимого исламского государства на западном побережье Каспийского моря, являлась частью более широкого плана по дестабилизации всего каспийского региона, богатого запасами нефти. Согласно американскому эксперту Иосифу Бодански, боевики представляли собой многонациональную силу, численностью свыше 10 тыс. человек, которые несколько месяцев до этого начали подготовку на тренировочных базах в Чечне и нескольких мусульманских странах, включая Пакистан, Египет, Судан и Афганистан.

Можно с достаточной определенностью говорить и об исламских странах, в которых или от граждан которых дагестанские ваххабиты в течение указанных периодов получали финансовую, гуманитарную, учебно-образовательную, военно-инструкторскую и иную помощь. С разной интенсивностью прямые и опосредованные контакты умеренные и радикальные исламисты Дагестана поддерживали со своими идейными сторонниками в Турции, Сирии, Иордании, Египте, Судане, Саудовской Аравии, Йемене, ОАЭ, Кувейте, Катаре, Афганистане, Пакистане, Таджикистане, Малайзии. Если финансирование программ первого этапа осуществлялось через отдельных спонсоров и гуманитарные фонды Саудовской Аравии и государств Персидского залива, то на те же средства военно-диверсионная подготовка дагестанских экстремистов на территории Чечни проходила под руководством инструкторов из Египта, Иордании, Йемена, Пакистана, других стран Ближнего и Среднего Востока.

Дагестан не был исключением в плане подверженности внешнему воздействию. В 90-х годах события в ряде мусульманских стран отразились на ситуации в мусульманских общинах всего мира. В связи с этим исследователи высказывают различные мнения относительно характера и при-

чин этого воздействия, а также круг стран, которые его оказывали. Так, по мнению Абдель Кадера Йасина, реальными территориями распространения воинственного ислама и исламского фундаментализма являются не Иран, Саудовская Аравия или государства Персидского Залива, которые сами опасаются роста исламской воинственности, а ряд более густонаселенных арабских стран, таких как Египет, Алжир и Судан (16).

Если проанализировать данный тезис с приложением его географии на Дагестан, то можно выявить прямое влияние исламистского движения в последних трех странах на структуры ваххабитов. Как отмечалось выше, салафитское движение в Дагестане было изначально подготовлено исламистами, сочувствовавшими идеям "братьев-мусульман". Некоторые из них получили образование в Ал-Азхаре и даже участвовали в религиозно-политической борьбе внутри Египта. Прежде всего, это относится к радикальному крылу поздних ваххабитов Дагестана.

Демократический пафос, приданный всему мусульманскому миру участием исламистов и их успехом на первом этапе выборов в Алжире, также оказал влияние на умеренных дагестанских исламистов, которые предпринимали попытки парламентской борьбы в рамках исламистского проекта. Кстати говоря, представители того же умеренного крыла исламистов Дагестана разделяли многие идеи лидера суданского исламистского движения Хасана ат-Тураби, неоднократно встречались с ним на международных форумах по проблемам возрождения ислама.

Надо сказать, что обращение к опыту и авторитету зарубежных идеологов исламского возрождения - характерное явление и для других мусульманских стран и регионов. Например, в этот же период на фоне двойного наследия в лице популярной марабутской исламской практики и массированного проникновения в Марокко современных западных идей марокканские салафиты-фундаменталисты стали все чаще отчуждаться от своих собственных обществ. В поисках приемлемой альтернативы они обращались за идейной и материальной поддержкой к силам за пределами страны в лице египетских "братьев-мусульман", иранской исламской революции или того же суданского лидера Хасана ат-Тураби. Такая же тенденция характерна и для других стран.

Если попытаться выявить основные причины, оказавшие влияние на рост числа экстремистских групп и активизацию деятельности группировок радикального исламского движения в современном мире, то на наш взгляд, следует обозначить три ключевых фактора: внешнее покровительство, воздействие "афганского синдрома" и, наконец, наследие исторического противоборства между Востоком и Западом. Для российского ислама наиболее характерны два первых фактора, хотя некоторые западные политологи (С. Хантингтон) в связи с событиями в Чечне пытаются доказать наличие и третьего.

Осуществление внешнего покровительства над деятельностью исламских и националистических групп всегда сопряжено с определенными сложностями при оказании влияния на характер их ориентации, в особенности, если в этом участвует сразу несколько стран. Группы становятся как бы заложниками этих режимов и независимо от степени их радикальности уже не могут в полной мере проводить самостоятельную политику, подчиняясь логике и стратегии покровителей.

Намерения и способности некоторых стран предложить для радикальных групп различной направленности зоны безопасности, финансы, обучение, военное оборудование, дипломатическую поддержку и другие формы содействия свидетельствуют об их заинтересованности проводить через них собственную политику. Вместе с тем логика борьбы с проявлениями религиозного и политического экстремизма диктует необходимость международного и регионального сотрудничества в этой сфере. Понимание этого не должно зависеть от характера межгосударственных отношений.

Вместе с тем надо сказать, что воздействие стран, указанных Абдель Кадером Йасином, составляет лишь незначительный спектр того влияния, которое на ислам в Дагестане в 90-х годах XX века оказывал внешний фактор. В целом надо признать, что влияние радикальных идей на специфику исламского возрождения в Дагестане было более активным и непосредственным, чем воздействие исламизма умеренного направления. Здесь прежде всего следует сказать о влиянии таких стран как Саудовская Аравия и Пакистан. Если Саудовская Аравия в основном через финансирование определенных программ осуществляла как бы общее управление процессом религиозного возрождения в мусульманском мире, и в частности в Дагестане и России, то Пакистан проводил эту работу более конкретно посредством деятельности своих функционеров, проводивших, как правило, миссионерскую работу. На наш взгляд, подобное "разделение обязанностей" было применимо ко многим регионам России в середине и во второй половине 90-х годов (17).

Что касается кавказского региона в целом, то последнее десятилетие интересы России в каспийском бассейне сталкивались с устремлениями США, Англии, Франции, Турции, Ирана, Саудовской Аравии и ряда других стран, пытающихся проникнуть и обосноваться в этом богатом нефтяном регионе. Это, прежде всего, связано со стремлением мировых держав обеспечить господство на историческом плацдарме между Западом и Востоком, установить контроль над природными ресурсами региона, а также их желанием прогнозировать ход развития процессов, имевших в последние годы выраженные исламистские и сепаратистские тенденции (18).

Чтобы понять логику внешнеполитической деятельности этих стран, в особенности Саудовской Аравии, необходимо обратить внимание на то, что в этот период правящий клан Саудидов нередко прибегал к так называемым альтернативным стратегиям. Стратегия правящей саудовской элитой рассматривалась как некое искусство руководства общественной и политической борьбой, как наука использования в условиях войны и мира политических, экономических, психологических и военных сил с целью обеспечения максимальной поддержки проводимой политики, увеличения вероятности благоприятных последствий ее реализации и уменьшения риска поражения.

Известно, что после войны в зоне Персидского залива Саудовская Аравия, чтобы защитить монархию от внешних угроз, систематически участвовала в "игре наций", когда ее стратегия направлялась на сталкивание одной коалиции стран против другой (19). В рамках этой стратегии потенциальные региональные угрозы снимались с помощью финансовых подкупов, а для информационного доминирования в регионе и мире таким же образом использовались многие арабские и западные средства информации.

Кроме того, чтобы поддержать внутреннюю легитимность режима, разрабатывались специальные стратегии, предназначенные для того, чтобы поглотить элиты, подавить своенравных членов королевской семьи. Эти же стратегии ориентировались на обеспечение лояльности и доверия на внутреннем фронте или закрепление внешнего влияния посредством "авкаф" (религиозных вкладов), "да'вы" (миссионерства), а также крупных пожертвований. В последнем случае может быть замечена особая роль международных гуманитарных исламских организаций, действовавших во многих мусульманских регионах мира, в том числе и в Дагестане. Они нередко были вовлечены в реализации упомянутых выше стратегических задач саудовского королевства.

Саудовская Аравия, которая имеет давние традиции использования ислама в политических целях, заинтересована и делает все для того, чтобы "афганские" моджахеды, находящиеся на территории самого королевства, действовали за пределами страны. Часть из них, после попыток проводить политическую деятельность на территории королевства, находятся в заключении, другая действует в составе религиозной оппозиции за пределами страны, третьи выступают в качестве политического инструмента в рамках джихада в различных регионах мусульманского мира.

В этих условиях радикальные группировки расширяют зоны деятельности и распространяют свои действия на новые регионы. В соответствии со своеобразным разделением форм экстремистской деятельности, Афганистан служил, например, мощной базой физического пополнения отрядов боевиков, где они приобретали опыт, налаживали контакты, повышали военное мастерство, прежде чем вернуться в свои страны. Территория Боснии служила для этих же целей до подписания Дэйтонских соглашений 1995 года. Радикальные исламские движения Северной Африки из-за преследований в собственных странах во многом перенесли свою деятельность, включая и пропагандистскую, в эмигрантские объединения Западной Европы. Широкое финансирование движения "Хамас" до сих пор позволяет ему действовать в Европе и Северной Америке. Группы египетского "Джихада" проводят некоторые из своих операций в Эфиопии и Пакистане (20).

Как было отмечено выше, в данном случае важно учитывать, что власти стран, на территориях которых действуют зарубежные исламские группировки, нередко также заинтересованы в их присутствии, так как надеются на реализацию с их помощью собственных программ, чаще всего военно-политического характера.

Как правило, страны-покровители, в пропагандистских целях заявляя о своей непричастности к покровительству над деятельностью таких групп, пытаются активно создавать общественное мнение о собственной подверженности негативному внешнему воздействию. Так, саудовские власти, столкнувшись с деятельностью религиозно-политической оппозиции, причем в основном из суннитского лагеря, неоднократно заявляли о том, что стали объектом внешнего влияния. Достаточно сказать, что в декабре 1992 года король Фахд выступил с речью, в которой подверг критике роль Ирана и исламских фундаменталистов из других стран в поддержке религиозного экстремизма. Имея в виду появление в стране политической оппозиции режиму, король указал на то, что в Саудовской Аравии лишь два года назад столкнулись с неизвестными до этого явлениями, сделав акцент на том, что это стало возможным в результате внешнего влияния. Вместе с тем, он признал,

что саудовские власти не должны идти по пути расширения фондов, действующих за рубежом, и одновременно не позволять соответствующим иностранным структурам функционировать в королевстве (21). На наш взгляд, подобная политика саудовских властей в большей степени объяснялась необходимостью борьбы с внутренней оппозицией, финансируемой из тех же источников, что и многие радикальные исламские движения в других мусульманских странах и регионах.

Как справедливо отмечает А. Игнатенко, распространение салафизма в ряде арабских стран может служить свидетельством наличия регулируемого процесса. Хотя сами проповедники-ваххабиты "стремятся скрыть или затушевать прямую организационную связь с государственными и общественными структурами Саудовской Аравии, которая в полной мере использует ваххабитскую пропаганду для реализации своих партикулярных интересов в глобальной исламской общности и в сфере международной политики" (22).

Достаточно сказать, что Саудовская Аравия щедро финансировала исламистские организации Алжира. В частности, руководство созданного в 1989 году "Фронта исламского спасения" не скрывало, что существует и функционирует на саудовские деньги (23). Косвенно об этом говорится и в документах саудовской оппозиции. В одном из меморандумов, обнародованных саудовскими оппозиционно настроенными исламистами в 1991 году, содержался ряд критических замечаний, характеризующих ситуацию после войны в зоне Персидского залива. В нем содержалось, например, требование искоренить практику предоставления займов "неисламским" режимам типа "баасистской Сирии и светского Египта", указывалось на недопустимость финансирования Ирака в ходе его войны с Ираном. Характерно, что в меморандуме правительство критиковалось не за поддержку исламских движений за пределами страны, а скорее, за оказание помощи государствам, которые "воюют" против таких движений на собственных территориях. В данном случае приводился пример Алжира. Власти критиковались и за тесные отношения с западными режимами, "которые ведут борьбу против ислама", в особенности, за контакты с США по вопросам "участия в процессе разрядки вместе с иудеями".

Свидетельства финансирования на саудовские деньги предвыборных программ исламистов можно найти в ряде других мусульманских стран. В свое время члены турецкой исламистской партии "Рефах" достаточно активно пытались экспортировать свои идеи в республики Северного Кавказа. Сторонники Н. Эрбакана до и после прихода к власти пользовались финансовой поддержкой не только Саудовской Аравии, но также Ливии и монархий Персидского залива. В связи с этим обращает на себя внимание тот факт, что религиозные силы, рвавшиеся к власти в Дагестане в 1999 году, после консультаций с турецкими исламистами обращались за финансовой поддержкой своей деятельности к тем же неправительственным структурам указанных арабских стран.

В целом это свидетельствует о характере экономических, геополитических, идеологических и иных интересов саудовской правящей элиты в этих странах. Причем не обязательно финансирование подобных проектов и программ осуществлялось непосредственно правительственными структурами Саудовской Аравии. Для этих целей создавались многочисленные благотворительные и гуманитарные фонды, общественные организации, якобы не имевшие ничего общего с офи-

циальной правительственной стратегией королевства. Более того, они могли быть созданы в других странах, также заинтересованных не только в контроле определенных политических процессов за пределами собственных границ, но и в зависимости от тех же саудовских финансовых вливаний в собственные программы развития.

Начиная с 1993 года, саудовское правительство стало предпринимать ряд мер, чтобы воспрепятствовать деятельности оппозиционных движений и экстремистских организаций. Прежде всего, следовало установить факты финансирования исламских экстремистских движений за границей. Известно, что частные и общественные саудовские деньги играли ключевую роль в поддержке афганских моджахедов в их борьбе против советских войск, а в последующем в укреплении движения талибов, помогали в ведении военных действий мусульманам в Боснии. В то же время они внесли свой вклад в расширение деятельности воинствующих исламских движений в Алжире, Египте, Иордании, Тунисе и Судане. В значительной степени это имело место потому, что до конца 1992 года саудовское правительство не предпринимало никаких усилий для того, чтобы контролировать частные фонды, занимающиеся благотворительной деятельностью и изучить идеологическую направленность многих исламских движений.

Только лишь в апреле 1993 года министерство внутренних дел Саудовской Аравии потребовало от религиозных групп правительственных разрешений на ведение благотворительной деятельности. Были предприняты достаточно активные меры, чтобы предотвратить неконтролируемый рост числа подобных фондов, которые, возможно, использовали ислам как прикрытие для достижения политической власти в различных мусульманских регионах (24). Несмотря на эти меры, американский исследователь Энтони Кордесман говорит о сложности и даже невозможности предотвратить рост религиозных оппозиционных движений, управлять или контролировать потоки частных финансовых средств, направляемых на поддержку исламской оппозиции вне Саудовской Аравии (25).

Дело в том, что многие саудовцы, из числа вовлеченных в спонсорство исламистов имеют большие инвестиции за рубежом, или оперируют значительными финансовыми средствами, рассматривая это как часть своего бизнеса. Власти Саудовской Аравии не могли четко определить, какие движения на законных основаниях прилагают усилия в религиозной сфере, и какие из них являются лишь прикрытием для экстремистской деятельности.

При наличии очевидного внешнего влияния исламские движения во всем мусульманском мире свои основные цели ставят для себя на внутреннем фронте. Так было и в Дагестане, правда, местными ваххабитами декларировалась идея создания исламского государства на всем Северном Кавказе с включением ряда республик региона. Даже если речь шла о власти, их задачи за рамки внутренней политики, как правило, не выходили. В связи с этим отдельно следует рассмотреть вопрос о влиянии на дагестанских ваххабитов джихадистской идеологии. Здесь, на наш взгляд, основную роль сыграло влияние практики соответствующих групп в Египте, Афганистане и Пакистане (26). Относительно влияния Пакистана на ситуацию на Северном Кавказе прежде всего необходимо обратить внимание на глобализацию роли исламского фактора в пакистанской политике

последних лет. Ориентация Пакистана на ведущие позиции в мусульманском мире, в особенности в связи с попытками управления движением талибов и оказанием давления на Индию посредством деятельности экстремистских группировок, не могла не сказаться на обстановке в самой стране. В конечном итоге это привело к росту джихадизма в Пакистане, риторика которой, так же как и на Северном Кавказе, была основана на исламской терминологии, ориентировалась на эксплуатацию исторических образов героев исламской истории. Базисные установки сторонников джихадизма направлены на то, чтобы все, не соответствующее их идейным приоритетам, называть неверием, заслуживающим уничтожения. Этой же политики придерживались дагестанские ваххабиты. Следовательно, параллель с деятельностью радикальных исламистов Дагестана, в особенности их пропагандистской практики в вопросах джихада, а также их участия в военных действиях в Чечне может выявить немало общего с ситуацией в Пакистане, Египте, Алжире, где в 90-х годах также были сильны позиции суннитского экстремизма.

Таким образом, процессы, имевшие место в последние годы на Ближнем Востоке и Среднем Востоке, Северной Африке, в других регионах, свидетельствуют о том, что политический ислам, в особенности в его радикальной интерпретации, далеко еще не потерял своей силы, способной воздействовать на характер и формы деятельности исламистских группировок в других регионах. За последние годы его влияние на региональную и международную политику было многократно продемонстрировано. Характер развития ситуации в таких странах как Алжир, Саудовская Аравия, Египет, Ливия, Турция, Иордания, Иран, Пакистан и Босния показывает, что степень воздействия исламской составляющей на обстановку в других регионах мира достаточно велика. Попытки правящих режимов сокрушить радикальную исламскую оппозицию, как это имело место в Тунисе, Алжире, Египте и Саудовской Аравии, независимо от достигнутых результатов, в долгосрочной перспективе, наверняка, будут предприниматься вновь, чтобы быть успешными в полной мере.

Решение проблемы заключается не только лишь в том, чтобы отвечать на требования исламской оппозиции. Напротив, существующие режимы, в том числе и под давлением западных стран, вероятно, будут всячески противостоять всему разнообразию движений в рамках политического ислама, начиная от радикалов, например, в Египте и Алжире, и, кончая хорошо организованными партиями, способными прийти к власти через обычные политические технологии, как это имеет место в Турции и Иордании.

Точно так же, каждое радикальное исламское движение будет стремиться развивать собственную стратегию и тактику, соответствующую особенностям страны. Следовательно, исламские группы будут и впредь расти в различных направлениях, устанавливать несоизмеримые уровни роста и активности, находить собственные пути решения важных, по их мнению, проблем. В связи с этим, можно прогнозировать, что воздействие внешнего фактора на характер, формы и методы их деятельности будет оставаться в качестве постоянной константы, которая будет лишь видоизменяться с учетом специфики происходящих в мусульманском мире процессов.

1. Подробнее об этом в масштабах России см.: Поляков Константин. Влияние внешнего фактора на радикализацию ислама в России в 90-е годы XX века. (На примере арабских стран). //Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри. Под ред. А. Малашенко и Марты Б. Олкотт. Московский Центр Карнеги. М., Арт-Бизнес-Центр, 2001, сс. 265-309.
2. Lukens-Bull A. Ronald. Between Text and Practice: Considerations in the Anthropological Study of Islam. //Marburg Journal of Religion, December, 1999, p. 6.
3. Eickelman F. Dale. Changing Interpretations of Islamic Movements. //Islam and the Political Economy of Meaning, ed. William R. Roff. London: Croom Helm, 1987, pp. 13-30.
4. См. об этом подробнее: Palazzi Abdul Hadi. The Islamists Have it Wrong. //The Middle East Quarterly. Summer 2001, pp. 34-45.
5. См.: Palazzi Abdul Hadi. The Islamists Have it Wrong, p. 35.
6. Подробнее об этом см.: Макаров Д. Радикальный исламизм на Северном Кавказе: Дагестан и Чечня. //Бюллетень Центра стратегических и политических исследований. - 1999. - № 1, - Сентябрь - ноябрь; его же: Официальный и неофициальный ислам в Дагестане. М., 2001.
7. Подробнее об этом см.: Ханбабаев К.М. Этапы распространения ваххабизма в Дагестане // Алимь и ученые против ваххабизма. Махачкала, 2001, - сс. 105 -121.
8. Залимханов З.М. Ислам в контексте современных этнополитических процессов в Дагестане и Чечне. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. Махачкала, 1999. - С. 151-152. См. также: Залимханов З.М, Ханбабаев К. М. Политизация ислама на Северном Кавказе. (На примере Дагестана и Чечни). Махачкала: Буйнакский филиал ДГПУ, 2000. - 144 с.
9. Название этой группировки отразилось не только на практике египетских исламистов, но и дагестанских ваххабитов, которые в отношении мусульман Дагестана выступили с "такфиром" - обвинением в неверии, и совершили своеобразную "хиджру" в Чечню, кстати сказать, свои действия они так и квалифицировали.
10. Арухов З.С. Ислам и политический экстремизм на Северном Кавказе. //Мусульмане. - 2000. - №1 (4). См. также: Константин Поляков. Влияние внешнего фактора на радикализацию ислама в России в 90-е годы XX в. (на примере арабских стран). //Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри. М., 2001. С.289.
11. Кстати сказать, в этот период дагестанскими ваххабитами у своих идейных соратников за рубежом перенимались и некоторые формы и методы ведения пропагандистской деятельности. Например, в населенных пунктах Дагестана широко распространялись лекции и религиозные тексты, записанные на магнитную и видеопленку. В первой половине 90-х годов подобная практика была характерна для суннитских и шиитских оппозиционных группировок Саудовской Аравии.
12. Несмотря на то, что вооруженный этап борьбы дагестанских ваххабитов радикального крыла, согласно заявлениям правоохранительных органов, не завершен, после 1999 года нет достаточных оснований полагать, что на его характер оказывается сколько-нибудь активное воздействие извне.

13. См.: Аш-Шарк ал-аусат. - 1999. - 27 августа.

14. См.: Ас-Сийаса. - 1999. - 24 августа.

15. Там же. - 1999. - 25 августа.

16. Yassine Abdel-Qader. Islamic militant movements between tradition and modernity. //The third Nordic conference on Middle Eastern Studies: Ethnic encounter and culture change Joensuu. Finland, 19-22 June 1995.

17. Подробнее об участии иностранных боевиков в военных действиях в Чечне и Дагестане см.: Арухов З.С. Вооруженные конфликты на Северном Кавказе в свете теории и практики джихада. //Ислам и политика на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону. Центр системных региональных исследований и прогнозирования ИППК при РГУ. Северо-Кавказское обозрение. Сборник научных статей. 2001, Выпуск №1, сс. 118-146; его же: Проблема насилия и религиозный экстремизм на Северном Кавказе. //Поликультурное образование на Северном Кавказе: проблемы, тенденции, перспективы. Материалы Международной научно-практической конференции. 30-31 мая 2000 г. - Пятигорск, 2000; его же: Иностранные волонтеры в Чечне: метаморфозы религиозных символов. //Наш Дагестан, - 2000. № 164-165, сс. 27-38. О коалиционной деятельности лидеров чеченских военных формирований с представителями различных мусульманских стран во время войны 1994-1996 годов, и в особенности о формах и характере участия моджахедов из этих стран в военных действиях см.: Bodansky Yossef. Chechnya: The Mujahedin Factor. www.freeman.org/m_online/bodanska.htm

18. Подробнее о геополитических устремлениях США, Турции и Саудовской Аравии на Северном Кавказе см.: Арухов З.С. Республика Дагестан в условиях трансформации геополитических коалиций в кавказском регионе. //Проблемы геополитики современного Северного Кавказа. Ростов-на-Дону. Центр системных региональных исследований и прогнозирования ИППК при РГУ. Южно-российское обозрение. 2001, Выпуск №5, сс. 111-124.

19. Nadav Safran. Saudi Arabia: The Ceaseless Quest for Security. Ithaca and London: Cornell University Press, 1988, pp. 240-281.

20. См. об этом: Emmanuel Sivan. Why Radical Muslims aren't taking over Governments. //Middle East Revive of International Affairs. Volume 2, №2 May 1998.

21. New York Times, December 22, 1992, p. A-10.

22. Игнатенко А. Исламский радикализм как побочный эффект "холодной войны". //Центральная Азия и Кавказ. Лулео. (Швеция), 2001, №1(13), с.122, 123.

23. См.: Giles Kepel. Jihad, expansion et declin de l'islamisme. P.: Gallimard, 2000, p.178. Цит. по: Игнатенко А. Исламский радикализм как побочный эффект "холодной войны", с. 124.

24. См.: New York Times, May 1, 1993, p. A-4; US State Department, Country Report on Human Rights Practices for 1994, Washington, GPO, February, 1995, pp. 1165-1173. См. также: Cordesman H. Anthony. Islamic Extremism in Saudi Arabia and the Attack on Al Khobar. Review Draft - Circulated for Comment. Arleigh A. Burke Chair in Strategy. Center for Strategic and International Studies. Washington, June 22, 2001, p.13.

25. Ibid, p. 13.

26. Власти Египта в середине 90-х годов выступали с претензиями к пакистанским властям по поводу покровительства египетским "афганцам", хотя в последующем они добились от Исламабада подписания договора о согласованной политике в борьбе с экстремистами.

С.Е. Бережной

ВЛИЯНИЕ ИСЛАМА НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ.

(НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН)

Контртеррористическая операция в Чеченской Республике значительно ослабила позиции религиозных экстремистов в регионе. Тем не менее, исламизм остаётся важнейшим фактором в политике, и значение ислама как политической идеологии продолжает расти. Наиболее рельефно основные тенденции этого процесса прослеживаются на примере Республики Дагестан - субъекта Южного федерального округа, где ислам, пожалуй, имеет в обществе наиболее прочные позиции.

Вторжение чеченских бандформирований в Дагестан в августе 1999г. явилось поворотным моментом в противостоянии ваххабитов и сторонников традиционного для Дагестана тарикатского (1) ислама. Подавляющее большинство дагестанцев решительно выступило против чеченских "освободителей" и сотрудничавших с ними дагестанцев. Значительная часть религиозных деятелей отказались признать вторжение джихадом, даже при том, что, многие из тех, кто выступили против бандитов находятся в оппозиции власти. Очевидно, что первопричиной этого является то, что фундаментализм и тарикатизм находятся в различном положении относительно существующего в Дагестане социально-политического порядка, основанного на клановых связях. Поэтому тарикатское духовенство может выступать против одной из фракций в политической элите, но не против системы как таковой. Отвергая суфизм, фундаментализм тем самым отвергает и весь традиционный социальный порядок.

После поражения бандформирований фундаментализм стал восприниматься в общественном сознании как антипатриотическая идеология. Республиканские власти в союзе с традиционным духовенством добились существенной победы, был уничтожен очаг фундаментализма в Кадарской зоне республики, были закрыты все радикальные религиозные организации, благотворительные фонды, которые обвиняли в финансировании экстремистов. Ещё в ходе боевых действий Народное Собрание Республики Дагестан, под воздействием Духовного Управления Мусульман Дагестана и связанных с тарикатистским духовенством политиков, подготовило проект закона "О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан". 16 сентября 1999г. этот закон был единогласно принят с первого чтения. Закон явился важной вехой в создании современной картины отношений власти и религии в республике.

В настоящее время религиозное население Дагестана по идеологическим показателям можно развести на два полюса: это - традиционалисты и фундаменталисты. После разгрома религиозных экстремистов Духовное Управление Мусульман Дагестана заняло положение наиболее влиятельной силы в спектре исламских организаций республики. На встрече муфтия Дагестана Ахмад Хаджи Абдулаева и группы представителей иностранных посольств, духовный лидер сообщил, что с ДУМД добровольно сотрудничают около 70% имамов мечетей. (3) Духовное управление имеет собственные печатные издания и доступ на телевидение и радио, активно вторгается в политику и оказывает влияние на различные процессы и явления в общественно-политической жизни республики. Им взят курс на установление тесных связей с государственными структурами и получение максимальной поддержки со стороны руководства республики. Это должно натолкнуть потенциальных противников ДУМД как среди религиозных деятелей, так и из числа государственных чиновников, на мысль, что любые попытки противодействия ему - легитимному и признанному государством религиозному органу - бесполезны и направлены против линии руководства республики.

Усилился контакт духовенства с властными структурами. В конце апреля 2001г. в Духовном Управлении состоялась встреча руководителей ДУМД с его представителями по районам. Об обязанностях представителей говорил заместитель муфтия Дагестана М. Карагишиев. Он сказал о необходимости наладить тесную связь между представителями ДУМД и органами управления на местах, т.е. с местными администрациями, директорами школ и другими учреждениями. (4) На инаугурации главы администрации Хунзахского района муфтий Дагестана Ахмадхаджи Абдулаев заявил, "Низкий уровень нравственности и социального развития говорит нам о том, что у нас не хватает богобоязненных чиновников. Вследствие этого наше общество чувствует острую нужду в духовном наставлении. А богобоязненный, праведный правитель - это самое большое счастье для народа. Да сделает Всевышний всех чиновников Дагестана Богобоязненными и достойными предков наших". (5)

Почти на всех встречах с участием духовенства затрагивается вопрос о социальных проблемах в дагестанском обществе. Тема участия духовенства в борьбе с распространением наркотиков и оказания благотворного влияния на моральный климат в обществе обозначается фактически на каждом совещании лидеров духовенства с представителями администрации. В тоже время, духовенство считает свои полномочия для решения подобных проблем недостаточными и выступает за расширение своих прав по вмешательству в общественную жизнь. На состоявшемся 29 апреля в Махачкале в Духовном управлении мусульман Дагестана заседании Совета алимов муфтий Дагестана Ахмад-Хаджи Абдулаев, выступивший перед собравшимися, подчеркивая серьезность проблемы наркомании отметил, что так как у духовенства нет никаких рычагов воздействия, то данной проблемой пусть занимаются правоохранительные органы и органы власти. Дабы, как сказал муфтий, действия алимов не были неправильно истолкованы и приравнены к "ваххабитским замашкам". Выступившие вслед за Ахмад-Хаджи Абдулаевым алимы все были солидарны во мнении со своим духовным лидером. (6)

ДУМД пытается внедрить "свои" духовные кадры в различные районы республики для создания прочной конфессиональной вертикали. Параллельно Духовное управление стремится иметь своих сторонников в центральных и местных административных структурах.

Более всего заметны попытки установить контроль за религиозным образованием. Духовное Управление введено в состав экспертного совета при министерстве юстиции Республики Дагестан, что даёт этой организации возможность влиять на решение комиссии о выдаче лицензий на право преподавательской деятельности. Активно лоббируется идея назначать на должности имамов только тех, кто закончил исламский институт им. Сайфула Кади в с. Комсомольское Кизилюртовского района или такой же институт в г. Буйнакске. Духовное Управление настаивает на принятии министерством образования Дагестана решения направлять выпускников названных институтов в светские вузы республики в качестве преподавателей арабского языка.

Власть пытается контролировать влияние религии на общество сделав ставку на "республиканскую религиозную организацию", однако влияние ДУМД не абсолютно. Более того, Духовное Управление по существу мононациональная организация, где ведущие посты занимают представители аварского этноса. Муфтий Дагестана Абдулаев в интервью прессе признал, что большинство руководителей ДУМД аварцы по национальности. (7) В некоторых неаварских районах республики уже были трения по поводу попыток Духовного Управления "продвигать" своих имамов. В кумыкских районах местное население вместе со своим "национальным" духовенством выступило против попытки смены имамов.

Оппозицию ДУМД составляют этнорелигиозные традиционалисты. К их числу относится определенная категория аварского, большая часть даргинского, кумыкского, лезгинского духовенства. Они не признают легитимности ДУМД. Обвинения оппозиции сводятся к следующему: Духовное управление прошло регистрацию в Министерстве юстиции Республики Дагестан с нарушением законодательства; ее состав мононационален (абсолютное большинство - аварцы); за 9 лет его деятельности сменились 4 муфтия, но ни разу не был созван съезд мусульман Дагестана; пользуясь представленными законом Республики Дагестан от 16 сентября 1999 г. "О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан" административными полномочиями Духовное управление ведет политику дискриминации оппозиционного ему духовенства, обвиняя его в пособничестве ваххабизму; Духовное управление, как монопольный организатор хаджа, пользуясь отсутствием какого-либо контроля над расходованием средств, незаконно наживается за счет дагестанских паломников. Духовное управление, официально считающееся главным органом религиозной власти, практически не контролирует всех процессов мусульманской общины. Более того, в силу преобладания в руководящих структурах религиозной иерархии представителей одной национальности, этнический фактор все более усугубляется. Народности тяготеют к своим религиозным лидерам, которые уже достаточно политически ангажированы.

В религиозной жизни республики "национальные" шейхи становятся главными фигурами, вокруг которых идёт объединение мусульман. По официальным данным, число мюридов шейха

Саид-Афанди Чиркейского составляет 10 тыс. человек (по неофициальным данным - 300 тыс.) Считается, что именно он оказывает влияние на политику ДУМД. У шейха Багауддина Рамазанова, проживающего в г. Кизилюрте, порядка 3 тысяч мюридов. (2) Лишь незначительное количество верующих в Дагестане не считают себя чьими-то последователями. Большинство шейхов находятся в постоянном противоборстве друг с другом. Религиозные лидеры реально стали серьёзной политической силой в Дагестане. Местная власть не может не считаться с их влиянием на общество.

Другой идеологический полюс дагестанского общества составляют фундаменталисты. По некоторым данным они составляют около 3% населения. (8) Удар по их позициям в 1999г. ослабил, но не уничтожил это движение в Дагестане. Здесь можно выделить несколько течений: от бытового, сторонники которого строго придерживаются четких предписаний в быту и личном поведении, до политических сект, чья идеология предусматривает установление теократической власти, используя силу оружия. Идеи фундаменталистов встречают понимание и отклик, в частности, среди оставшейся без работы и надежд на будущее молодежи, у беднейшего крестьянства отдаленных регионов Дагестана. В народе находит отклик осуждение роскоши и стяжательства, привлекает идея равенства, этика братства и единства всех мусульман, социальной гармонии, т.е. идеи, которые были популярны и в советские времена и потому вдвойне одобряются.

Вторая категория приверженцев "ваххабизма" - зажиточные обитатели нескольких крупных джамаатов недалеко от промышленных и транспортных центров. Сохранившиеся и в коммунистические времена устои традиционной жизни, высокая степень религиозности, успехи, достигнутые в нынешних условиях благодаря предприимчивости и трудолюбию, способствовали радикализации фундаменталистских настроений, которые укрепились в противодействии западной культуре и олицетворяющим её коррумпированным государственным чиновникам.

Третью группу фундаменталистов составляет интеллигенция. В нее входят отдельные знатоки исламского права и теологии, молодые выпускники исламских университетов Востока и небольшая часть светской интеллигенции, обретшая в новом для себя религиозном течении смысл существования. Новая исламская молодежь, не признает Духовное Управление, далека от почитания местных суфийских традиций, проявляет скрытый нигилизм по отношению к государственному строю и общественному устройству республики.

По-прежнему значительное влияние на обстановку в Дагестане продолжают оказывать события в соседней Чечне. Горячими точками остаются приграничные Хасавюртовский, Цумадинский, Ботлихский, Новолакский, Буйнакский и Гумбетовский районы. Среди "политических эмигрантов" продолжают рождаться идеи "исламского" будущего Дагестана. По свидетельству одного из руководителей дагестанских мятежников Сиражуддина Рамазанова, вынашиваются геополитические планы создания общекавказского исламского государства, антирусского и антизападного одновременно. Речь идет о выстраивании сложной политической системы взаимодействия с использованием уже кавказского ислама в качестве консолидирующего элемента новой геополитической конструкции. По имеющимся данным, в целях достижения своих геополитических замы-

слов боевики не отказались от подготовки к переносу боевых действий на территорию Республики Дагестан. Об этом свидетельствует возросшее в 2001 году количество информации о вероятности прорыва в ближайший период бандгрупп с сопредельной территории в Дагестан и осуществления ими на территории республики диверсионно-террористических акций, с целью оказания давления на политическое руководство страны и прекращения боевых действий в Чечне.

В настоящее время важнейшим фактором политизации ислама в Дагестане является создание политических структур религиозной ориентации и участие в выборах органов исполнительной и законодательной власти. В этой связи особое внимание привлекает тот факт, что 17 мая 2001 года Министерством юстиции РФ зарегистрирована Общероссийская политическая общественная организация "Исламская партия России" (ИПР). Лидером избран Магомедгаджи Абдулкадырович Раджабов - банкир и предприниматель, председатель правления банка "Месед", в политике известен в качестве одного из сопредседателей общественно-политического движения "Нур". Это первый в новейшей истории России случай, когда, несмотря на регламент, содержащийся в Законе о политических партиях, зарегистрирована партия религиозного толка (каким бы широким ни было содержание понятия "ислам"). Заметим, что закон о политических партиях, в котором запрещается создавать партии с религиозными целями и задачами, Думой принят после регистрации Исламской партии России. Происходит разработка политических платформ основанных на исламе, но использующих либеральную и даже коммунистическую фразеологию. М. Раджабов открыто признает, что сверхзадача вновь созданной партии - объединить в своих рядах достаточное число сторонников и идти на выборы в Государственную Думу, чтобы обеспечить активное участие в политической жизни общества посредством влияния на формирование политической воли граждан; защиту прав и свобод граждан, в том числе объединенных исламской культурой; разработку и реализацию политических, социально-экономических, культурно-образовательных программ, направленных на улучшение духовной и материальной жизни граждан. Отношения с властью, как и с другими партиями и движениями, новая партия намерена строить в конструктивном ключе и в рамках Конституции РФ. Вместе с тем не исключается возможность выступать в роли ее конструктивной оппозиции.

Своим духовным наставником М. Раджабов называет шейха Саида Афанди Чиркейского. Последний активно поднимает вопрос о целесообразности поддержать факт создания Исламской партии России, и дает понять возможным оппонентам, что образование такой партии в глазах мусульман - дело благое и более чем естественное. Через Исламскую партию, считает он, можно решать все вопросы. Она нужна для того, чтобы объединить, собрать мусульман воедино, и если бы время не вынуждало, то не было бы необходимости называть партию именно Исламской. Саид Афанди считает себя давно уже членом Исламской партии, поскольку всю жизнь старался исполнять все каноны ислама и шел по пути шариата. Последовательно выдерживая параллель с коммунистической партией и отвергая ее цели и методы как разрушительные, прежде всего, для ислама, шейх вместе с тем считает возможным прямое заимствование основных коммунистических лозунгов, связанных с декларированием благ для народа. Таким образом, достаточно провозгласить соз-

дание Исламской партии, основанной на принципах, схожих с программными целями коммунистов, и сама идея компартии, позиции которой в Дагестане все еще сильны, потеряет свой смысл.

Здесь уместно вспомнить, что сверхзадача вновь созданной партии - объединить в своих рядах достаточное число сторонников и идти на следующие выборы в Государственную Думу. Таким образом, де-факто провозглашена и де-юре закреплена роль духовенства как реальной политической силы. Исходя из этого, ошибочно всерьез принимать заверения в заведомом отсутствии у исламских лидеров Дагестана каких-либо притязаний на власть. Вопрос состоит в том, как именно будут строиться отношения с властью, каким образом будут управляться значительные массы верующих, в том числе и на предстоящих выборах главы республики.

Несомненно, что при создании соответствующих региональных и республиканских структур в руководящие органы Исламской партии России войдут в основном аварцы, которые и составят основную электоральную силу новой организации в пределах Дагестана. Данное обстоятельство может инициировать дальнейшую этническую поляризацию религиозной среды Дагестана, а также дискредитировать мононациональную структуру Духовного управления республики.

Западные аналитики уже отметили "болевые точки" Кавказа. Ведущий аналитик американского фонда "Наследие" А. Коэн отмечает, что США должны начать переговоры с лидерами этнических групп Северного Кавказа. Северный Кавказ сегодня представляет котёл межэтнических противоречий, находящийся на грани взрыва. США должны наращивать свои информационные и аналитические возможности в регионе, наладить диалог с лидерами северокавказских автономий". В ближайшие планы США входит начало вещания РС "Свобода" на ряде языков народов Северного Кавказа. В связи с этим в дагестанской прессе появились сообщения о том, что заинтересованные круги зондируют возможность приглашения на должность ведущего передач на аварском языке Адалло Алиева, находящегося в розыске после событий 1999г. (9) В печати появилось сообщение о поисках "западными исследователями" на Ближнем Востоке потомков имама Шамиля. (10) Громадный авторитет этого имени на Кавказе позволяет опираться в своих интересах на северокавказскую, в том числе и исламскую традицию. За всеми этими фактами видны попытки заполнения современного идеологического вакуума на Кавказе.

Физическое уничтожение очагов "ваххабизма" в Дагестане не уничтожило глубинных причин этого явления. Традиционный ислам в Дагестане политизирован не менее фундаментализма. Социально-экономический и духовный кризис в республике требует от религиозных лидеров дать свой ответ на основные проблемы современности. Нельзя не обратить внимание на радикализацию позиций духовенства в ряде районов Дагестана. Процесс этот заслуживает самого пристального внимания. Нередки случаи вмешательства в частную и общественную жизнь граждан (запрет концертов, кинофильмов, посещения светских школ и др.) Исследователи обращают внимание на то, что в Дагестане распространены опасения, что политизация ислама приведет к его радикализации, на территорию республики фундаменталистских и ваххабитских идей. Однако Верховный муфтий Сибири и дальнего Востока Нафигулла Аширов указывает на то, что зачастую "рост ис-

ламского самосознания мусульман и, как следствие, усиление исламского фактора преподносится как рост "исламского фундаментализма".

Рост роли ислама во внутридагестанской политике - очевидное явление. К исламским ценностям апеллируют многие политические, общественные и, разумеется, конфессиональные силы. Политический ислам в Дагестане приобретает свои оттенки, есть свои левые и есть свои правые. Первые напирают на идеи социальной справедливости содержащейся в проповеди пророка и записанные в шариате. Другие подчёркивают незыблемость частной собственности как основы исламского общества. И те и другие объединены неприязнью или даже враждебностью ко всему западному. Всех, но особенно самых обеспеченных, возмущает способность "неверных" контролировать экономику, финансы и политику мусульманских стран и регионов. Откликаясь на это, ортодоксальное духовенство достаточно откровенно декларирует свои взгляды на будущее устройство дагестанского общества. Выступая против политического и религиозного экстремизма, духовенство всё настойчивей озвучивает тезис, что будущее республики следует рассматривать очищенным от "сугубо" светских норм и законов. Духовные лидеры не только отвечают на политические заказы со стороны, но зачастую сами их порождают. Они активно работают в образовательных учреждениях государственного подчинения, ведут масштабную пропагандистскую кампанию в средствах информации, живо откликаются на призывы поддержать на предстоящих выборах того или иного кандидата или политическую партию, движение.

Многие представители мусульманского духовенства видят выход Дагестана из кризисного состояния во внедрении исламских норм в политическую жизнь республики (введение шариатских судов, контроль со стороны духовенства за образованием и культурной жизнью в республике). Всё это чревато исполнением духовенством несвойственных им политических функций. Можно прогнозировать, что реализация указанных тенденций не приведёт к выходу Дагестана из кризисного состояния. В многонациональном Дагестане религиозные организации и их лидеры тяготеют к определённой народности. С учётом сложных взаимоотношений между рядом народов республики доминирование религиозного фактора приведёт к усилению межэтнических столкновений и распаду республики на национальные анклавы, в которых доминирующую роль будут играть "свои" духовные лидеры.

Таким образом, можно отметить несколько важных моментов в современной роли ислама в политике. Теснейшее переплетение религиозных и этнических составляющих в политике. Причём национальное начало безусловно доминирует над религиозным. Ислам рассматривается в аспекте национально-культурной самоидентификации того или иного народа. Создание некой наднациональной идеологии на основе ислама, части "всемирной мусульманской уммы", за что ратуют фундаменталисты Северного Кавказа выглядит среди многочисленных исламских сил на Кавказе достаточно аномально. Тем не менее ряды фундаменталистов склонны скорее расти нежели редеть. Идеология ислама тысячами нитей неразрывно связана с политикой. Любое объединение единомышленников на основе ислама неизменно приобретает политическую направленность, а его решения по тем или иным вопросам претендуют на истинность уже в силу их религиозной ос-

ващенности. В исламе нет института сходного с церковью, как например у христиан. Как показывает история, только государство выступает в исламе арбитром истинности "общественного идеала" пропагандируемого теми или иными силами. Поэтому провозглашаемая каким-либо объединением мусульман доктрина, если она не совпадает с доминирующим в государстве видением проблемы, вызывает протест, который изначально носит антигосударственный характер.

Примечания.

1. Тарикат - метод мистического познания в исламе, зародился в X-XI веках на Ближнем Востоке. Организационно тарикатское движение опиралось на институт "учитель-ученик". Центральной фигурой был наставник, которому беспрекословно подчинялся ученик (мюрид), как единственному проводнику по пути познания истины. На базе этих отношений постепенно сформировалась иерархическая система религиозных школ, которые получили название суфийских братств.

2. Независимая газета. 7 августа 2001г.
3. Дагестанская правда. 8 марта 2001г.
4. Ассалам. 1 марта 2001г.
5. МК Дагестан. 1 июня 2001г.
6. Махачкалинские известия. 4 мая 2001г.
7. Молодёжь Дагестана 16 марта 2001г.
8. Независимая газета 8 августа 2001г.
9. Молодёжь Дагестана . 1 июня 2001г.
10. Век №26 6-12.07.01

Е.С. Сарматин

ЧЕЧЕНСКИЙ СЕПАРАТИЗМ: ИСТОКИ, ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Нет сомнения, что проблема чеченского сепаратизма еще долго будет сохранять свою актуальность как в научно-теоретическом, так и в практически-политическом отношении. О катастрофе в Чечне написано очень много. Естественно, авторы многочисленных публикаций так или иначе писали об истоках драматических событий, пытались выявить их подоплеку, дать прогнозы на будущее. Отдавая должное всем этим публикациям, отметим, что они (за небольшим исключением) носят скорее публицистический, чем концептуальный характер. Обращает на себя внимание и невероятный разброс фактического материала: многие факты даются в разных ракурсах и оттенках, подчас противоречат друг другу. Наконец, их изложение зачастую грешит неточностями и прямыми ошибками. Это означает, что проблема аутентичности наличного эмпирического мате-

риала остается злободневной. Еще более важными представляются обобщения концептуального порядка, для чего необходим тщательный и всесторонний отбор фактического материала и четкие методологические установки.

Феномен чеченского сепаратизма, равно как и феномен самой "чеченской революции" следует рассматривать в более широком контексте распада единой союзной государственности. Это означает, что чеченский сепаратизм имеет не только свои специфические корни, но и некие общезначимые предпосылки, типичные для многонациональной советской империи. Очевидно, что сверхцентрализованное тоталитарное государство с полиэтническим составом не может обеспечить органическую целостность его региональных составляющих, вопрос только в том, чтобы сделать относительно плавным и безболезненным переход к новой модели многонационального государства, отвечающей законным интересам его регионов (и населяющих их этносов).

Вопрос о том, можно ли было сохранить единое союзное государство в его полном или более или менее урезанном виде, до сих пор остается проблематичным. (Предновогодняя (2002 г.) пикировка на российском телевидении Б.Н. Ельцина и М.С. Горбачева показывает, насколько этот вопрос продолжает будоражить умы). Не затрагивая этот вопрос специально, отметим очевидное: возможности борьбы за единое союзное государство до конца использованы не были. Решающим фактором, на наш взгляд, выступило нежелание вновь сформировавшейся "демократической" политической элиты России во главе с Б.Н. Ельциным взять на себя также и обузу руководства реформированием союзного центра. Это умонастроение наложило и на инертность самого российского народа, отнюдь не рвавшегося к реанимации своей прежней роли имперского этноса, пусть даже и в трансформированном виде.

В любом случае очевидно следующее: распад единого союзного государства и формирование на его осколках пятнадцати новых независимых республик мощно подтолкнули дезинтеграционные процессы и в самих этих республиках, поставив на повестку дня суверенизацию бывших автономий.

Говоря о суверенизации последних, нужно отметить в первую очередь действие психологического фактора: пробуждение национального самосознания после многих десятилетий идеологической унификации шло повсеместно, оно затронуло как большие, так и малые этносы. Психологическая установка на суверенизацию народов бывших автономий, "равнявшихся" на государствообразующие этносы бывших союзных республик, была распространена повсеместно, выступив, таким образом, в качестве исходного базиса проявившихся в той или иной форме сепаратистских умонастроений. В массовом сознании эти умонастроения носили расплывчатый и аморфный характер, степень их радикализации зависела в первую очередь от позиции национальных политических элит. Национальные политические элиты достаточно условно можно разделить на три категории (критерием их различия в данном случае выступает их позиция по вопросу о единстве и целостности российского государства).

Во-первых, это "традиционная" партийно-советская и хозяйственная номенклатура, ранее находившаяся под жестким прессингом единого союзного центра. Ослабление этого прессинга в

результате "перестроечных" реформ, наложившись на феномен пробуждения массового национального самосознания, открыло перед ними возможность обретения более широкой самостоятельности, что в общем-то естественно как реакция на прежний сверхцентрализм. Представители этой "традиционной" номенклатуры вряд ли стремились к полному разрыву с российской (и союзной) государственностью, но их узкоэгоистическая позиция объективно работала на расшатывание не только Советского Союза, все более превращавшегося в аморфное государственное образование, но и объявившей о своем суверенитете Российской Федерации. "Парад суверенитетов" продолжился объявлением суверенизации практически всех бывших российских автономий, что создало юридическую коллизию: в Российской Конституции они по-прежнему числились субъектами единой России. Такая коллизия открывала возможности региональным политикам балансировать между союзным и российским центрами, в чем особенно преуспели лидеры Татарстана и тогда еще единой Чечено-Ингушетии.

Суверенитет Чечено-Ингушетии был провозглашен в ноябре 1990 г., что в той специфической ситуации в общем-то не выглядело чем-то из ряда вон выходящим. Новации начались потом, когда лидер республики Д. Завгаев поставил вопрос о поднятии статуса ЧИР до уровня союзной республики. Так, на встрече с Б.Н. Ельциным в Грозном в мае 1991 г. он поставил вопрос о финансировании республики не из федерального, а из союзного бюджета (1). Трудно сказать, как далеко зашли бы эти игры со стороны региональной партийной номенклатуры, если бы не разгром ГКЧП в августе 1991 г., что имело своим следствием отстранение Д. Завгаева от власти и появление на его месте куда более радикальных политических сил.

В данном случае речь идет о политической элите иного рода, не входившей во властные структуры ЧИР, но получившей образование в российских вузах и претендовавшей на роль политического авангарда. Степень радикализма этих представителей национальной интеллигенции была различной, позиции некоторых из них по ходу дела менялись, тем не менее имеет смысл выделить умеренное и радикальное крыло. Оба эти крыла обозначились еще в ноябре 1990 г., когда состоялся так называемый первый съезд чеченского народа. Этот съезд, призывав к образованию суверенной Чеченской Республики, в своих решениях слишком далеко в общем-то не пошел. Манифестом чеченского сепаратизма документы, принятые на съезде, еще не стали, его атмосфера отличалась достаточной умеренностью. Тем не менее радикалистская позиция, ведущая к сепаратизму, была обозначена в выступлении входившего в его оргкомитет литератора З. Яндарбиева. Последний представлял образованную в феврале 1989 г. Вайнахскую демократическую партию. По поводу документов, представленных этой радикалистской партией съезду чеченского народа, интересны воспоминания Р.И. Хасбулатова: "...Кажется, в декабре 1990 года мне привезли из Грозного пухлую папку с документами ОКЧН - проекты постановлений, резолюций, указов по экономической независимости, политической самостоятельности, государственному устройству. Мне показалось, что все это я уже читал, даже неоднократно. Вспомнил, подошел к одному из своих многочисленных шкафов, взял три папки: "Литва", "Латвия" и "Эстония". Все сходится! Буквально с запятыми, даже ошибками. Только вместо слов Эстония, Литва или Латвия поставлен

термин "Чеченская Республика" (2). Наибольший эффект, однако, произвело выступление на съезде ранее никому не известного генерала Д. Дудаева, который стал обличать "имперскую" политику России, призывая создавать свои вооруженные силы, свое Министерство обороны, МВД и т.д. (3).

Д. Дудаев был избран председателем исполкома Общенационального конгресса чеченского народа (ОКЧН), однако в самом исполкоме первоначально преобладали умеренные силы во главе с Заместителем Председателя исполкома Л. Умхаевым, которые выступали против намечаемого радикалами курса на конфронтацию с Россией. Подвергая осторожной критике руководство республики во главе с Завгаевым, они тем не менее считали возможным сотрудничать с ним. Этого нельзя было сказать о радикалистском крыле исполкома ОКЧН, представленном активистами Вайнахской демократической партии. Как пишет Р.И. Хасбулатов, "...зимой 1990 года и весной 1991-го экстремисты развернули широкую пропагандистскую кампанию, клеймя партократов, высвечивая реальные социальные проблемы, вскрывая факты коррупции, взяточничества в руководящих партийно-административных кругах. Их организация быстро набирала сторонников, причем имела огромные финансовые ресурсы для содержания функционеров и подкупа должностных лиц". (4)

К радикалам примкнул и сам Дудаев, уволившийся в марте 1991 г. из рядов Советской Армии и переехавший в Грозный. По оценке Р.И. Хасбулатова, "он вел примитивную, но очень активную пропаганду. Например, говорил о "золотом запасе", что чуть ли не половина его в Союзе сформирована за счет нефтяных ресурсов Чечено-Ингушетии. Подобная нелепая информация была рассчитана на не очень образованных людей, но которые, однако, помнили об извечных страданиях, преследованиях народа со стороны государственной власти. Им начинало казаться, что, действительно, все это так, как вещает Дудаев, тем более, что генерал обещает быстрое процветание республики после падения коммунистического режима и получения его полной самостоятельности. "Золотые краники, из которых будут пить верблюжье молоко". Хотя верблюдов на Кавказе никогда не разводили... (5). В июне 1991 г. национал-радикалам удалось созвать так называемый второй этап съезда чеченского народа, делегаты которого фактически были не выбраны, а подобраны по идеологическим признакам. Этот съезд объявил о низложении руководства ЧИР и переходе власти в руки ОКЧН. Одновременно было заявлено о выходе республики из СССР и РСФСР. Были созданы, таким образом, параллельные структуры власти, носители которой лишь ждали своего часа, чтобы превратить ее из номинальной в реальную. При этом, на наш взгляд, умеренное крыло ОКЧН совершило роковую ошибку: вместо того, чтобы создать параллельный Исполком ОКЧН и начать борьбу за массы, его представители просто вышли из вновь избранного Исполкома, объявив о принципиальной несогласии с принятыми политическими решениями.

Звездный час радикального сепаратизма наступил после событий 19 - 21 августа 1991 года в Москве, когда союзный центр как таковой практически рухнул. В Чечне это обернулось ликвидацией структур КПСС и возникновением вакуума власти, который и был заполнен вышеупомянутыми властными структурами ОКЧН (6). Развязка наступила в ноябре 1991 г., когда непродуман-

ный, по сути авантюристический Указ Б.Н. Ельцина о введении в Чечне чрезвычайного положения, как и следовало ожидать, не был реализован. Самое главное другое: он перетянул на сторону Дудаева последних сомневающихся, утвердив линию национал-радикализма в качестве господствующей идеологии. Все федеральные органы исполнительной, судебной и прочей власти в Чечне были ликвидированы, контроль со стороны федеральной власти под территорией Чечни был фактически потерян. Это означает, что де-факто Чечня превратилась в независимое государство, оставаясь юридически непризнанной как Россией, так и другими государствами.

Эйфория от этого события в Чечне была столь велика, с независимым статусом республики связывались столь радужные надежды, что на протяжении трех лет дудаевского правления в Чечне не нашлось ни одной политической силы, которая осмелилась бы выдвинуть иную альтернативу - возвращение Чечни в лоно Российской Федерации. Вместе с тем порочный курс национал-радикализма свое дело делал: экономика разваливалась, народ нищал, сомнения в курсе радикального сепаратизма подспудно возникали и укреплялись. Настроения такого рода проникли и во вновь сформировавшуюся политическую элиту Чечни: в начале 1993 г. Парламент ЧР подписал предварительный протокол о разграничении властных полномочий с руководящими представителями РФ (вскоре после этого он был разогнан Дудаевым), с аналогичной инициативой выступил и Председатель Правительства ЧР Я. Мамодаев (после этого был смещен Дудаевым), радикальную эволюцию во взглядах претерпел мэр г. Грозного Б. Гантемиров (его отряд муниципальной полиции был расстрелян дудаевскими гвардейцами, он сам получил при этом ранение).

Остается только сожалеть, что наметившийся тогда перелом в массовых умонастроениях в пользу отказа от радикального сепаратизма не получил адекватного подкрепления в российской политике. Более того, ее зигзаги и противоречия сбивали с толку даже аналитиков, не говоря уже о ее массовом восприятии. Можно считать доказанным следующее: в Москве существовало мощное продудаевское лобби, заинтересованное в сохранении его сепаратистского режима. Так, например, член российской делегации на переговорах с дудаевской стороной А. Вольский указывал на то, что чеченские делегаты, в частности Р. Имаев, неоднократно связывались с Москвой, обращаясь к ней за консультациями. Г.Н. Трошев в своих мемуарах указывает на факты финансирования Ш. Басаева и С. Радуева Б. Березовским (7). Очевидно, что действия такого рода носили антигосударственный характер и противоречили официально прокламируемой линии на сохранение целостности российского государства.

Вопрос о том, надо ли было вводить российские войска в Чечню, не имеет и вряд ли будет иметь однозначное решение. Очевидно одно: чеченским обществом в его большинстве это решение не было адекватно воспринято, вооруженное сопротивление федеральному центру приняло массовый характер. Акции Дудаева снова пошли вверх, его политические противники, пошедшие на сотрудничество с федеральным центром, оказались в политической изоляции. Военная акция привела, таким образом, не к размыванию, а к усилению чеченского сепаратизма. Причины, на наш взгляд, опять-таки кроются в национальной психологии. Вместо того, чтобы напрямую обратиться к чеченскому народу и разъяснить ему смысл политики Москвы, федеральный центр не

нашел ничего лучшего, чем ставить на малоизвестных чеченских политиков регионального масштаба и на закулисные комбинации с целью передачи в их руки политической власти. Реакция на это в массовом сознании не могла не быть отрицательной: диктат Москвы в коммунистический период истории страны все еще витал в историческом сознании народа. Вот почему все благие намерения российского руководства встречались с недоверием, а дудаевскому руководству, по сути, простили все его последние грехи.

В последующий период к этому добавились принявшие широкий масштаб злоупотребления российских военнослужащих, многочисленные факты коррупции среди поставленных у власти в Чечне лиц новой администрации, наконец, массированное психологическое давление "мировой общественности", прокламировавшей тезис о несправедности российских действий в Чечне. Поэтому вывод войск из республики и возвращение к ситуации декабря 1994 года следует считать вполне закономерными. Можно было говорить если не о военном, то о политическом поражении. Сепаратизм в Чечне обрел второе дыхание, перед ее народом вновь открылась перспектива независимого, самостоятельного развития, перспектива, как показали последующие события, достаточно мнимая и иллюзорная.

Масхадовское "трехлетие" по сути повторило дудаевский трехлетний цикл, только в еще более криминализованной и одиозной форме. Распад экономики и государственных структур не только не приостановился, а наоборот, был еще более усугублен. Дважды было доказано то, что с самого начала казалось несомненным любому здравомыслящему человеку: отмежевание от России и тем более конфронтация с ней ведут чеченское общество к национальной катастрофе. Как это не парадоксально, но тупиковость ситуации прекрасно понимали радикально-ваххабистские оппоненты "умеренного" сепаратиста А. Масхадова. Их попытка поднять сепаратистское восстание в Дагестане и создать на базе этого объединенное исламское государство была по-своему логичной: эта была последняя и единственная возможность прекратить скольжение Чечни по наклонной плоскости, ведь такое государство экономически могло быть вполне жизнеспособным. Не учли только самую "малость": неспособность и нежелание почти всего дагестанского народа повторить пагубный путь "чеченской революции". Эта авантюра положила конец сепаратистскому государственному эксперименту в Чечне, последующие события в многострадальной республике доказали правильность и обоснованность решительных силовых действий, подкрепленных на этот раз позитивной социально-экономической и политической программой.

Нельзя сказать, что сепаратистские настроения в Чечне уже полностью выветрились. Сила инерции еще очень велика, и эти настроения еще так или иначе будут давать о себе знать. Перелом в массовом сознании, однако, уже произошел, и только от российской власти теперь зависит, сумеет ли она воспользоваться благоприятным вектором политического развития и прочно интегрировать Чечню в укрепляющуюся систему российской государственности.

Примечания

1. Андреев Н.А. Трагические судьбы. - М.: ОЛМА - ПРЕСС, 2001. С. 392

2.Хасбулатов Р.И. Чечня: мне не дали остановить войну. Записки миротворца. М., Палея, 1995. С. 9

3.Аслаханов А. Демократия преступной не бывает. - М.: Институт массовых коммуникаций, 1994. С. 90

4.Хасбулатов Р.И. Чечня: мне не дали остановить войну. Записки миротворца. М., Палея, 1995. С. 8-9

5.Там же. С. 10

6.Более подробно о событиях осени 1991 года в Чечне и далее см. в наших предыдущих публикациях: Проблемы "чеченской" революции - ж. "Политические исследования", 1993 г. № 2; Чеченский государственный эксперимент: иллюзии и реальность - в ж. "Научная мысль Кавказа", 1995 г. № 1; Политико-правовые процессы в Чеченской Республике - в сб. "Стратегия национальной политики Российской Федерации на Северном Кавказе", Ростов-н/Д, 1995; Этнонационализм и чеченская модель этнополитических процессов (в соавторстве с Коротковым В.Е.)- в книге: "Межнациональные взаимодействия и проблемы управления в Поволжье и на Северном Кавказе". Материалы международной научно-практической конференции (21 - 22 марта 1998 г.), часть 1, Саратов, 1998 г.; К оценке чеченского кризиса - ж. "Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион", 1998 г. № 2, и др.

7.Трошев Г.Н. Моя война. Чеченский дневник окопного генерала. М., Вагриус, 2001. С. 367 - 368

С. М. Маркедонов

ЧЕЧНЯ. ВОЙНА КАК МИР И МИР КАК ВОЙНА

«Чеченский вопрос» стал первым серьезным испытанием на прочность для посткоммунистической России. Едва отразив попытки коммунистической реставрации, молодое российское государство, провозгласившее своими приоритетами свободу, демократию и верховенство права, столкнулось с вызовом иного качества - сепаратизмом. И сегодня спустя десять лет будущее Российской Федерации как федеративного и правового государственного образования во многом зависит от того, насколько адекватным будет «ответ» на столь непростой вызов. Анализируя чеченский «вызов», легко поддаться журналистскому соблазну, что объяснимо. Источниковая база исследования для историка современной Чечни ограничена опубликованными материалами (прежде всего газетными и журнальными публикациями, интервью главных действующих лиц чеченской трагедии ТВ- и – радио программам, их мемуарами). Политологи и публицисты нередко сравнивают этнополитическую ситуацию на Кавказе и на Балканах. Думается, комментарий сербского историка Радослава Петковича о невозможности беспристрастного анализа событий последних десяти лет на «постюгославском» пространстве может быть вполне приложим и к оценке со-

стояния научных исследований по проблемам Кавказа : «До того, как исследователи получают доступ к важнейшим документам и архивам, они будут не в состоянии выработать объективный взгляд на современную историю»[1]. Сколько бы не говорили российские и зарубежные ученые о научной объективности и беспристрастности в изучении новейшей чеченской истории, очевидно, что степень «отстраненности» исследователя от исследуемого материала будет минимальной. Для большей части российских политологов «федеральные войска», «боевики», «беженцы» - не отвлеченные понятия и журналистские конструкции [2].

Настоящая статья – не очередная попытка добротнo изложить эмпирический материал, дать еще одну хронологию событий в Чечне за последнее десятилетие и выработать «практические рекомендации» по установления мира в многострадальной республике. Цель автора иная. Анализ этнополитической ситуации в Чечне породил и в России, и в Европе, и в США многочисленные «идолы разума» (клише, дефиниции, искусственно сконструированные оппозиции), с успехом заменившие собой исследование реальных политических процессов в «мятежной республике». В последнее десятилетие в сообществе политологов стало правилом хорошего тона говорить о выводе российских войск из Чечни, переговорах российской власти и чеченских комбатантов как важных предпосылках для установления мира. Заключение формальных соглашений, отказ от применения силы по отношению к сепаратистам рассматриваются как синонимы либерального подхода к разрешению «чеченского вопроса», тогда как призывы к «войне до победного» конца трактуются исключительно как проявления великодержавного шовинизма и антидемократизма. «Голуби» противопоставляются «ястребам» с неизменной демонизацией последних и отказом от понимания подлинной мотивации их позиции. Из монографии в монографию, из статьи в статью кочуют конструкции «первая чеченская война», «вторая чеченская война», «межвоенные периоды», «периоды мира». Увы, но «идеал-типические» конструкции зачастую не «сверяются» фактическим материалом, а следовательно не наполняются реальным содержанием. Одной из главных своих задач автор настоящей статьи видит критический анализ бинарной оппозиции «мир-война», ставшей аксиомой отечественной и зарубежной политологии и историографии «чеченского вопроса». Что такое «мир» в республике, если из нее бегут ради сохранения собственной жизни 220 тыс. человек ? Можно ли считать синонимами понятия «мир» и «рабство», «мир» и «похищения людей» ? Может ли война стать предпосылкой для политической либерализации и установления «диктатуры закона» ? Попыткой ответа на эти вопросы, ни в коей мере, не претендующей на постановку окончательного «диагноза», является настоящая статья.

Важнейшим результатом политической либерализации рубежа 1980-1990-х гг. в России стало появление огромного количества общественно-политических объединений различной ориентации. Их лидерами были озвучены практически все существующие сегодня идеологические системы в различной их интерпретации (от либерализма и социал-демократии до “русской идеи” и этнонационализма этнических “меньшинств”). По словам Егора Гайдара, на интеллектуальный рынок было выброшено все : от «1984» до «Mein Kampf» [3]. Однако, вместо чаемого многими

отцами- основателями новой России, и прежде всего либеральными теоретиками формирования основ гражданского общества и социальной модернизации, произошел невиданный всплеск традиционализма и политической архаики, в особенности на Северном Кавказе. В кавказских республиках политическая либерализация совпала с такими параллельными процессами как этническая, клановая, тейповая мобилизация. В результате не либеральные ценности (свобода, собственность, законность), а кровнородственные (этнические, клановые, тейповые) механизмы заняли вакуум, образовавшийся в результате ослабления государственных институтов. На Северном Кавказе последовательная реализация принципа *laissez- faire*, начиная с 1991г. вовсе не стала торжеством гражданских добродетелей и экономической свободы. Освобожденные из-под опеки российского Левиафана различные политические силы на Кавказе стали вести борьбу не за приоритет права, равные правила игры для всех и свободную конкуренцию, а за верховенство (по крайней мере преференции) для своего тейпа (клана, этнической группировки). Конкретными проявлениями такого рода борьбы стали традиционные для данного региона политические методы - кровная месть, захват заложников, этнический (тейповый, и т.д.) конфликт. Иной результат трудно себе представить, так как Северный Кавказ - регион с укорененной традиционалистской культурой (в широком смысле слова). Кавказские социумы никогда не знали и не придерживались в ежедневной социально-политической и социокультурной практике принципов европейской и американской демократии [4]. Правовая регуляция у народов Кавказа осуществлялась на основе исторически сложившихся систем (антилиберальных по своей сути) - адатов, кровнородственной «дипломатии». Институт кровной мести был присущ всем народам Кавказа с древнейших времен и в трансформированном виде дошел до наших дней. Считалось, что месть должна быть адекватной, но на практике ответ пострадавшей стороны на убийство или оскорбление зачастую лишь породил новую цепь убийств и разорений. Если проследить динамику развития этого своеобразного института, то возникает любопытная закономерность. На периоды усиления российских государственных институтов на Кавказе приходятся закаты кровнородственной «дипломатии». Ее «возрождение» совпадает с ослаблением власти Санкт-Петербурга или Москвы.

Поглощенные в 1990- е гг. противоборством с национал - большевистской угрозой, победители августовского путча ГКЧП недооценили традиционалистский вызов защищаемым ими ценностям. Они оказались не готовы к “войне на два фронта” и сами фактически “отключились” от происходящего на Кавказе, проигнорировав по сути дела проблемы традиционализма и культа «крови».

Пикеты и митинги в Грозном в августе 1991 г., захватские зикры молодых джигитов и почтенных стариков вряд ли ассоциировались у кого-то с рождением на одной из частей российской территории уникального криминально-этнократического квазигосударственного образования, с появлением «новых абреков», возрождением горских набегов на сопредельные территории и кровной мести, захватами заложников и работорговлей, военными действиями регулярной армии против чеченских комбатантов. Тогда, десять лет назад манифестации в столице Чечено-

Ингушской АССР вполне укладывались в революционную эстетику борьбы с отжившей свой век партноменклатурой [5]. В дни августовского путча 1991 г. центром консолидации оппозиционных Чечено-Ингушскому обкому КПСС сил был Объединенный Конгресс Чеченского Народа (ОКЧН). После провала попыток коммунистической реставрации в Москве ОКЧН, поддерживаемый тогдашним И.о. Председателя Верховного Совета РСФСР Русланом Хасбулатовым, добился смещения со своего поста председателя Верховного Совета автономии Доку Завгаева (до августа 1991 г. занимал также пост первого секретаря местного обкома КПСС) за «проведение политики, противоречащей курсу Президента Российской Федерации на демократию и реформы» [6]. В результате свержения Завгаева политическая инициатива перешла к ОКЧН. В Грозном начались многотысячные пикеты и митинги с горячим питанием и денежным вознаграждением для его участников.

Даже поход разъяренной толпы во главе с лидерами ОКЧН на здание Верховного Совета автономии 6 сентября 1991 г. и последующий его штурм остались вне поля зрения российского федерального центра. Между тем события 6 сентября стали разделительной линией между «демократической» и этносепаратистской фазами «ичкерийской революции». «Демократический мавр» сделал свое дело. В начале сентября 1991 г. лидеры ОКЧН, пользуясь тем, что союзный центр утратил всякую власть, а российский федеральный центр был только «силой без власти», начал реализовывать сценарий по отделению Чечни от России. В ходе штурма здания Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР были жестоко избиты 40 депутатов, а один из них - председатель горсовета Грозного - Юрий Куценко был убит. По словам очевидца событий 6 сентября 1991 г., Ахмара Завгаева, «...погиб мэр Грозного Юрий Куценко. Его выбросили из окна третьего этажа. Я думаю, Куценко был пробным шаром. Они (деятели «ичкерийской революции» - С.М.) хотели проверить, как отреагирует руководство России на смерть человека, одновременно бывшего мэром Грозного и первым секретарем горкома КПСС. Никакой реакции не последовало. После этого и начался геноцид русскоязычных. Ведь русские - нефтяники, химики, специалисты приборостроения - составляли примерно треть населения республики» [7]. Тогдашний прокурор автономной республики Пушкин охарактеризовал действия ОКЧН как неконституционные. За это решение строптивый прокурор был задержан активистами Объединенного Конгресса и подвергнут недельному заключению в подвале. К сожалению, свержение единственного на тот момент единственного легитимного органа власти в Чечено-Ингушской АССР и незаконное задержание и заключение прокурора автономии, рассматривалось августовскими триумфаторами исключительно в рамках «коммунистическо - антикоммунистического» дискурса. С одной стороны - партократы Завгаев и Куценко, с другой - молодой напористый генерал Джохар Дудаев (генерал-чеченец - едва ли не единственный случай в истории Российской и Советской империй) [8]. До своего стремительного восхождения на политический Олимп Дудаев сделал блестящую военную карьеру. Во время боевых действий в Афганистане будущий президент Чечни командовал полком тяжелой бомбардировочной авиации, а затем служил в должности заместителя начальника командира бомбардировочной дивизии. По мнению некоторых экспертов, никто иной как Дудаев был одним из авторов тактики «коврового бомбометания» [9]. Тем не менее к 1991 г. генерал-чеченец заслужил репутацию

не брутального отца-командира, героя афганской войны, а диссидента и мятежника в погонах. Проходя службу в Эстонии (последняя должность- начальник Тартуского гарнизона), Дудаев отказался выполнять приказ о блокировании телевидения и парламента Эстонии [10]. Выйдя в отставку в 1990 г. и вернувшись на родину, «мятежный генерал» начал мало помалу вовлекаться в политическую борьбу в Чечне. Его имя стало символом ОКЧН, лозунги которого наряду с традиционными для 1990-1991 гг. требованиями о суверенитете, носили антикоммунистический и антиноменклатурный характер. Именно антикоммунистическая риторика помогла Дудаеву и его окружению добиться признания результатов «сентябрьской революции» Москвой. С согласия Верховного Совета РСФСР из группы верных Дудаеву депутатов разогнанного Верховного Совета Чечено-Ингушетии был образован Временный Высший Совет (ВВС), который стал важнейшим политическим рычагом для вывода Чечни из состава Чечено-Ингушетии и России.

И вот уже на митингах в Грозном вместе с танцующими джигитами все чаще и чаще появляются лозунги «Русские в Рязань, ингуши- в Назрань, армяне - в Ереван». Медленно, но верно русские (как и представители других этнических общностей – армяне, греки, евреи) начинают распродавать свою недвижимость и убираться подобру- поздорову, кто в Рязань, а кто в другие места необъятной России. Массами все больше овладевает лозунг принять самое деятельное участие в «параде суверенитетов» и добиться независимости для Чечни. Не важно, что эту независимость большая часть понимала как самостоятельное государственное существование, оплаченное из Москвы. Позднее «прозрение» российского руководства уже не смогло остановить запущенный маховик этносепаратизма. Попытки двух делегаций московских эмиссаров выработать некий комплекс мер по стабилизации в республике завершились провалом. 5 октября 1991 г. вооруженные боевики ОКЧН захватили здание КГБ Чечено-Ингушской республики. В ходе штурма здания КГБ был смертельно ранен дежурный подполковник Н.В.Аюбов [11]. В ответ на постановление Президиума Верховного Совета РСФСР «О политической ситуации в Чечено-Ингушской республике» от 8 октября 1991 г. ОКЧН объявил мобилизацию всех лиц мужского пола от 15 до 55 лет, а само постановление Конгресс расценил как вмешательство во внутренние дела суверенной Чечни.

27 октября 1991 г. в Чечне прошли «свободные выборы» под контролем боевиков ОКЧН первого президента «независимой Чеченской республики - Ичкерия». В них по разным оценкам приняло участие лишь 10-12 процентов от общего числа избирателей. Столь экстравагантная форма волеизъявления народа сопровождалась праздничными салютами вооружившегося населения и казнями врагов ичкерийской свободы (не говоря уже о составлении списков таковых). После фиктивных выборов ставший президентом генерал Дудаев 2 ноября 1991 г. обнародовал указ «Об объявлении суверенитета Чеченской Республики». Ичкерийская революция вовсе не стала продолжением августовской победы над ГКЧП, как первоначально казалось в Москве. Потоки беженцев, фальшивые авизо, спекуляции с нефтью, грабежи железнодорожных составов и физические расправы над нечеченским населением, последовавшие за объявлением суверенитета Чечни, опровергли существовавшие у российского руководства иллюзии.

События в Чечне в августе-ноябре 1991 г. кардинальным образом изменили перестроечные представления о свободе, демократии, законности, праве на самоопределение и применение силы, государственной целостности и ее защите. Чеченский кризис разрушил «коммунистическо-антикоммунистический» дискурс, в рамках которого единственными угрозами свободе, демократии, либеральным ценностям рассматривалось коммунистическое государство, а шире говоря государство как таковое. Может ли правовое демократическое государство, рожденное в борьбе с имперским тоталитарным наследием покушаться на чью-то свободу и если да, то как это сделать адекватно и где степень этой адекватности? Где линия, которая разделяет коммунизм и Советскую власть от интересов собственно государства и где защита этих интересов является одновременно защитой интересов собственных граждан, их прав и свобод? Подобные вопросы вставали при разрешении «чеченского вопроса» один за другим. В поисках ответов на него российская власть использовала в разные периоды разные способы от невмешательства и признания независимости Чечни de facto (после подписания Хасавюртовских соглашений августа 1996 г. и вывода федеральных войск российское руководство признало статус Чечни предметом будущих переговоров) до военных операций.

В борениях между «ястребиной» и «голубиной» точками зрения российское государство и общество пребывают и сегодня. Нынешняя ситуация вокруг Чечни в чем-то напоминает коллизию, описанную Жан-Полем Сартром. В 1940 г. Франция была оккупирована нацистской Германией. Молодой человек, ученик философа оказался перед сложным выбором: эмигрировать в Британию и вступить в вооруженные силы «Сражающейся Франции», но оставить в одиночестве мать, потерявшую старшего сына и мужа, или же, помогая матери, отказаться от борьбы с оккупантами. «Кто мог помочь ему сделать этот выбор?» - вопрошал Сартр. «Христианское учение? Нет. Христианское учение говорит: будьте милосердны, любите ближнего, жертвуйте собою ради других, выбирайте самый трудный путь и. т.д. и т.п. Но какой из этих путей самый трудный? Кого нужно возлюбить, как ближнего своего: воина или мать? Как принести больше пользы: сражаясь вместе с другими - польза не вполне определенная, или же - вполне определенная польза - помогая жить конкретному существу? Кто может решать здесь a priori? Никто. Никакая писаная мораль не может дать ответ», т.к. покинуть мать - зло и остаться безучастным к судьбам Родины - также не добродетель. Любой выбор в подобной ситуации будет отрицательным [12].

Похоже, то, что происходит сейчас в Чечне, ставит перед нами еще более сложный выбор. Сегодняшние общественные настроения (что фиксируют и многочисленные социологические исследования) далеки от патриотического оптимизма а-ля «август четырнадцатого». С одной стороны, «чеченская тема» возглавляет список наиболее важных проблем российского общества, отодвигая на второй план проблемы экономики, социальной защиты, безработицы и др. [13]. Но с другой стороны, по данным опроса ВЦИОМа (Всероссийского центра изучения общественного мнения), проведенного в августе 2000 г. за переговоры Владимира Путина и Аслана Масхадова выступило 50 % респондентов [14]. 22-25 июня 2001 г. на вопрос социологов того же ВЦИОМа: «Как вы считаете, сейчас следует продолжать военные операции в Чечне или начать мирные пере-

говору?» 55 % респондентов высказались за начало переговоров с чеченскими комбатантами. На вопрос же: «А если войска будут продолжать нести большие потери - вы считаете, что все равно сейчас продолжать военные операции в Чечне или начать мирные переговоры?» число сторонников переговорного процесса увеличилось до 62 % опрошенных [15]. Цифры социологических опросов становятся основой для категоричных выводов. По мнению И.М.Бунина, «чеченская тема», «на которой Путин взлетел на вершину популярности, превращается в наиболее очевидный его провал: по всем опросам, падение положительных оценок президентской политики наиболее заметно именно в связи с «антитеррористической операцией» [16].

Однако объективности ради следует заметить, что общественное мнение в своем отношении к «чеченскому вопросу» весьма изменчиво. Еще в феврале 2000 г., когда ТВ - кадры, демонстрирующие вторжение Шамиля Басаева и эмира Хаттаба в Дагестан, образы разрушенных домов в Буйнакске, Волгодонске и Москве и впечатления от ночных дежурств и рейдов вокруг собственных подъездов были свежи в памяти, за «войну до победного конца» высказывалось 70 % респондентов, тогда как лишь 30 % предпочитало «плохой мир» «доброй ссоре» [17]. Но ежедневные и уже ставшие привычными сообщения о террористических актах, гибели российских военнослужащих, милиционеров, пограничников, мирных жителей как вода камень подтачивают уверенность в том, что «чеченский кризис» вообще когда-нибудь (уже не важно, с каким результатом) разрешится. С требованиями прекратить военные действия против сепаратистов к Президенту России обращаются различные съезды и конференции правозащитников, в частности самый представительный правозащитный форум последнего пятилетия - Всероссийский чрезвычайный Съезд в защиту прав человека (январь 2001 г.). Против военной операции в Чечне выступают известные российские общественные деятели и ученые. Ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН Светлана Червоная призывает немедленно «отпустить» Чечню: «Я не могу понять людей, которые предлагают без каких-либо предварительных условий переговоры Путина с Масхадовым. У меня вопрос: о чем Масхадов может говорить с Путиным, о чем законный президент Чечни может говорить с представителем агрессивной армии, которая второй год поливает кровью его страну? Какие переговоры? Мы должны говорить, мы должны требовать... Мы должны требовать от российской армии немедленного ухода из Чечни, если хотите, немедленной и полной капитуляции перед лицом чеченского национального движения... Полное невмешательство, полный вывод преступной армии, залившей кровью эту страну, и со стороны наших россиян покаяние и извинение. Вот единственные переговоры, которые я считаю возможными» [18]. К покаянию и уходу из Чечни призывает и Мария Розанова: «Уйти и покаяться. Покаяться и уйти. Попросить прощения: мы больше не будем. Построить границу. Конечно, это трудно. Хорошо было Англии - она просто отплыла из своих колоний, но вспомним, сколько крови попортил Алжир Франции и как по сей день расплачиваются американцы за хижину дяди Тома» [19]. Удивительно схожие оценки характера российской политики в Чечне нередко высказывают и заклятые враги правозащитников, определяющие себя как православные патриоты. В своей скандальной книге «Как де-

лают антисемитом» диакон Андрей Кураев назвал «чеченскую войну» «нефтяной» и «мафиозной» [20].

Российская политика в Чечне (по крайней мере, до событий 11 сентября 2001 г.) трактовалась однозначно как имперская в трудах американских и европейских историков, политологов, социологов [21]. По мнению Алена Бьюкенена сегодняшняя Российская Федерация по отношению к Чечне выступает как преемница Российской империи и СССР: «Не может быть никаких сомнений, что чеченский народ был жертвой постоянных и тяжелых нарушений прав человека, начиная со вторжения в Чечню царских имперских войск ...» Отказ Президента России Бориса Ельцина от переговоров с Джохаром Дудаевым расценивается Бьюкененом как «колониалистское отношение» Москвы к Чечне и чеченцам [22]. В стремлении Москвы навязать Чечне подчиненный статус видит проявление «колониализма» Гэйл У.Лапидус [23]. Марк Э.Смит, эксперт Центра по изучению конфликтов Королевской военной академии Сандхерст (Великобритания) предпринял попытку суммировать претензии Евросоюза, Совета Европы, ОБСЕ к российской политике в Чечне. С точки зрения британского аналитика, руководство РФ подвергается критике со стороны европейских организаций за то, что «отказывается от переговоров с Асланом Масхадовым на основании того, что это - криминальный лидер», мешает полноценным контактам международных организаций с представителями чеченской оппозиции (т.е. с вооруженными сепаратистами, не признавая тем самым их статус полноправного участника международных отношений - С.М.), а также неадекватно использует вооруженную силу, нарушая права человека [24]. С еще более радикальной критикой российской политики в Чечне выступают турецкие политики и политологи. В июле 2000 г. министр Турции по связям с тюркоязычными республиками А.Чей сравнил действия России на Кавказе с «действиями Гитлера против евреев» [25].

Каков же выбор у российского руководства? Прекратить военные действия, пойти на новый Хасавюрт, уйти и покаяться? Но не надо быть крупным специалистом, чтобы понять: это означает дальнейшую эскалацию сепаратизма и эффект «домино» для российской государственности. Признание Чечни, одного из конституционных субъектов Российской Федерации в качестве независимого государства создаст прецедент положительного решения вопроса об этнической правосубъектности. С учетом того, что значительное большинство национальных республик в составе Российской Федерации полиэтничны, а «титульные нации» далеко не везде составляют большинство (в Башкортостане, например, башкиры- это третья по численности группа), реализация проекта по обеспечению этнической правосубъектности не сможет не нарушить хрупкое межэтническое согласие и не привести к крупным межэтническим столкновениям. Продолжить «контртеррористическую операцию»? Но это в свою очередь неизбежно повлечет за собой новые жертвы. Любая даже ограниченная военная или полицейская операция требует жертв. Это - не генеральские выдумки, а печальные реалии. Лучше бы перед таким выбором не оказываться. Но, увы, именно такой выбор мы имеем сегодня.

Постмодернисты даже не подозревают, какой благодатной почвой для их интеллектуальных построений является современная Чечня. Практически ни одна закономерность, ни одно обще-

принятое определение здесь не работает. Возьмем, для примера наиболее простые и не требующие развернутого обоснования понятия «мир» и «война». В традиционном понимании это- тезис и антитезис. Мир – это безопасность, стабильность, спокойствие. Война же, напротив, выступает синонимом насилия, гибели и разрушения. События последнего десятилетия в Чечне перевернули с ног на голову традиционную антитезу. Анализируя «чеченский кризис», политологи высказывают мысль о его «циклическом характере», чередовании мирной и военной фаз. Конструкции «первая» и «вторая чеченская война» кочуют из одного текста в другой, не подвергаясь критическому осмыслению. Следуя подобной логике, мы должны рассматривать «довоенный» (1991-1994 гг.) и «межвоенный» (1996-1999 гг.) периоды как периоды мира в «мятежной республике». Между тем даже поверхностный анализ реальных событий тех лет показывает, что подобная оценка, мягко говоря, не выдерживает критики. Два «мирных» периода в Чечне- это складывание криминально- этнократического режима на территории одного из субъектов РФ, массовые ограбления и убийства, прекращение вследствие разбойных нападений регулярного железнодорожного сообщения, вытеснение нечеченского населения.

После фактического предоставления независимости Чечне в 1991- начале 1992 гг. (российская армия выведена за пределы республики, федеральные милицейские и управленческие структуры свернули свою деятельность) под давлением дудаевских ультиматумов вооруженным формированиям Чечни, созданным в обход российского законодательства, было передано около 60 тыс. единиц стрелкового оружия, более 100 единиц бронетехники (в том числе 42 танка и 34 боевые машины пехоты, 14 бронетранспортеров), около 150 орудий и минометов, свыше 270 различных типов самолетов, 2 вертолета, 27 вагонов боеприпасов, 3050 тонн горюче-смазочных материалов, 38 тонн вещевого имущества, 254 тонны продовольствия [26]. Это, по словам военного эксперта В.В.Марущенко, «позволило Д.Дудаеву в кратчайшие сроки создать хорошо вооруженные формирования. Утвердившийся в Грозном режим открыто попирает права граждан» [27]. Дудаевцы начали практику насильственного изымания квартир и другого имущества у владельцев нечеченского происхождения.

По данным последней Всесоюзной переписи 1989 г. в Чечено-Ингушской АССР проживало 294 тыс. русских. Число же русских беженцев из «мятежной республики» определяется в 220 тыс. человек. И пик исхода русского населения приходится на первые годы ичкерийского революционного эксперимента, т.е. на «годы мира» [28]. В годы «второго мирного периода» в 1999 г. в станице Мекенская Наурского района за один час чеченскими боевиками были расстреляны 34 русских жителя [29]. Этнической дискриминации подверглись не только русские. Исход ногайского населения из Шелковского района- прекрасная иллюстрация реализации «мирного сценария» по ичкерийски. После установления фактической независимости Чечни в сентябре- ноябре 1991 г. «доминирование чеченского «титульного» этноса стало явным, хотя в официальных документах Чеченской Республики это отразилось лишь в 99-процентном преобладании чеченцев во всех руководящих органах. Тем не менее, уже тогда начинается миграция чеченцев в Россию, достигшая максимума в мирные (курсив мой - С.М.) 1996-199 гг. [30]

В первый «мирный период» территория Чечни стала землей обетованной для уголовников и экстремистов, принадлежащих к разным этническим общностям и подданных различных государств. По оценкам МВД РФ на территории «мятежной республики» нашли убежище более 1200 рецидивистов. «В вооруженные формирования «Ичкерии» было завербовано более 6 тысяч наемников из стран СНГ и дальнего зарубежья» [31].

В 1995 г. многие российские общественные деятели находили немало аргументов для если не оправдания, то «понимания» мотивов рейда Шамиля Басаева на Буденновск. Мотив оправдания чеченского экстремизма присутствовал и в научных исследованиях западных авторов. Любые действия чеченских сепаратистов рассматриваются как ответ на жестокую «колониальную политику» Москвы [32]. Шамиль Басаев был «амнистирован» общественным мнением за то, что в его действиях увидели мотив мести за гибель одиннадцати родственников. А сам рейд - ответ на бомбежки Грозного, Самашек и других населенных пунктов непокорной республики. Только авторы подобных версий упускали из виду, что легендарный Шамиль в 1991-1994 гг. («мирные годы» - !) захватывал в Минводах пассажирский самолет, участвовал в грузино-абхазской войне, брал в Кабарде в заложники пассажиров автобуса. И делал он все это тогда, когда никакие российские пули не свистели в Грозном и Самашках, бомбы не рвались, а родственники были в добром здравии.

Зато в соседних с «мятежной республикой» территориях «годы мира» совпали (во многом благодаря стараниям близких и далеких «родственников» покорителя Буденновска) с резким всплеском криминальной напряженности (убийства и похищения людей, угон скота, техники и пр.). По сути дела, геополитическая ситуация в сопредельных с Чечней регионах вернулась к началу XIX в. Те же набеги абреков, только с мобильными телефонами. В «мирные годы» получила развитие т.н. «чеченская колонизация», процесс так и не ставший предметом серьезного политологического анализа. Запустевшие в результате набегов новых абреков ставропольские земли (в наибольшей степени Курский район) стали заселяться чеченскими колонистами, которые, естественно получали «карт-бланш» от их вооруженных соплеменников. «Мирные годы» не прошли и без вооруженного противостояния ичкерийских революционеров и частей российской армии. В 1997-1999 гг. российская 136-я бригада в Буйнакске неоднократно становилась объектом нападений со стороны боевиков. Местные специалисты тут же отметили любопытное совпадение – набеги на воинскую часть происходили одновременно «с выпусками диверсионных школ Хаттаба (своего рода практические занятия или экзамены для выпускников)» [33].

Отдельного разговора заслуживает «второе издание рабовладельчества» в мятежной республике. Количество рабов в независимой Ичкерии не поддается (хочется верить, пока не поддается) точному определению. По данным депутата Госдумы РФ от Чечни Асламбека Аслаханова число рабов в «мятежной республике» равняется 70 тыс. человек. Обозреватель Общественного Российского телевидения (ОРТ) Александр Любимов в одной из ТВ-передач отметил, что в его поименную картотеку занесено более 3800 освобожденных рабов. О масштабах рабства в Чечне, по мнению А.Е.Криштопы, позволяет судить такая деталь: «множество жилищ, построенных или оборудованных... в мирные (курсив мой - С.М.) 1996-1999 г.г. имеют в подвальном пространстве специ-

альные помещения для содержания рабов (по ТВ демонстрировались даже случаи, когда на нарах была надпись: «для кафиrow»)» [34]. Между тем, социально-экономическая «эффективность» рабства была продемонстрирована как раз в «мирные годы». В 1996-1999 гг. руками рабов возводилась стратегически важная для мятежной республики дорога в Грузию.

Выгодным бизнесом в «мирные» периоды стал захват заложников и их последующее освобождение за солидный денежный выкуп. По данным «Новой газеты» 28 декабря 1998 г. командир бамутского полка Руслан Хархароев получил более 1 млн. долл. США за освобождение двух журналистов, а за солдат российской армии - по 15 тыс. долл. США. Свобода директора кизлярского коньячного и его жены была оценена братьями Ахмадовыми из Урус-Мартановского района в 3 млн. долл. США. [35]. В октябре 1998 г. цивилизованный мир был потрясен телерепортажами из Чечни: телезрителям были продемонстрированы отрезанные головы похищенных в Грозном сотрудников компании «Чечентелеком» британцев Питера Кеннеди, Дарелла Хики, Рудольфа Печи и новозеландца Стенли Шона. За их выкуп известный полевой командир Арби Бараев требовал сумму в 10 млн. долл. США. Даже за обезглавленные трупы «ичкерийские революционеры» считали возможным просить 8 млн. долларов [36].

Но, пожалуй, самое главное то, что борцам за независимость Чечни так и не удалось создать сколько-нибудь дееспособные государственные институты. Специалисты, обращающиеся к исследованию этнополитической ситуации в «мятежной республике», зачастую не утруждают себя анализом особенностей социальной структуры чеченского общества и чеченской идентичности. Рассмотрение социальных институтов чеченцев и их идентичности – темы, требующие отдельного обстоятельного разговора. Мы же остановимся лишь на характеристике самых общих принципов функционирования данных институтов. Очевидно, что уяснение особенностей социальной организации чеченцев и их самоидентификации позволило бы лучше разобраться в причинах того, почему независимая Чеченская республика Ичкерия конца XX столетия ненамного отличалась от образа, описанного еще в начале XIX столетия генералом А.П.Ермоловым. По мнению русского наместника на Кавказе «Чечню можно справедливо назвать гнездом всех разбойников», куда «принимались дружелюбно злодеи всех прочих народов, оставляющие землю по каким-либо преступлениям» [37]. Главной ячейкой чеченского социума является тейп (тайп). В этнографической литературе тейп определяется как группа людей или семейств, «выросших на основе примитивных производственных отношений. Члены его, пользуясь одинаковыми личными правами, связаны между собой кровным родством по отцовской линии». Внешние условия (соседство с воинственными горскими народами, борьба с Российской империей), а также отсутствие у чеченцев сложившихся форм государственности «сильно повлияли на сплочение тайпов» [38]. Отсутствие у чеченцев собственного государства, надтейповой структуры, способной выступать в роли конструктора надтейповой идентичности, а в перспективе и единой чеченской нации, способствовало тому, что принадлежность к тейпу для чеченцев оставалась и сейчас остается важнее принадлежности к такой общности как «чеченский народ». «Чтобы подтвердить свою принадлежность к аборигенам Чечни, каждый чеченец должен был помнить имена не менее двенадцати лиц из числа

своих прямых предков...» [39] Естественно, тейповая структура претерпевала некоторую эволюцию в результате и, царской, и большевистской модернизаций. Значительную роль в конструировании единой чеченской нации сыграла пресловутая сталинская депортация, предложившая чеченскому «мы» общего «они»- врага в лице кремлевских «колонизаторов». Формирование чеченской нации проходило параллельно с насаждением идентичностей сверху: в досоветский период – подданные Российской империи, а с 1917 по 1991 г. – граждане Страны Советов, «новая историческая общность» - советский народ. Тем не менее принадлежность к тейпу продолжала играть решающую роль в самоидентификации чеченцев. «Почти за вековое существование советская власть осталась в сознании чеченского народа всего лишь как жесткая форма подавления и не способствовала эволюционному развитию политической духовности чеченского общества и формированию у него такого психологического механизма, как законопослушание и гражданская дисциплина... Освободившись от советской «униформы», чеченцы вернулись к исходной точке, но уже изрядно растеряв и свой положительный потенциал, и не приобщившись к цивилизованным нормам гражданства» [40]. Период политической либерализации 1980-1990-х гг., как мы уже писали выше, совпал на Кавказе с такими процессами как этническая (клановая, тейповая мобилизация). Это обстоятельство «определило ретроградные тенденции в общественно- политической жизни республики последних десяти лет. Ситуация усугубилась тем, что главным носителем архаичных представлений выступило старшее поколение, не имеющее теоретической базы, но в силу бытующих традиций, пользующееся непререкаемым авторитетом» [41]. И если в 1991 г. у большинства чеченских тейпов был общий противник - Москва и общая цель- суверенитет (не важно как понимаемый), то после 1991 г. с исчезновением общего врага и общей цели на первое место вышли тейповые интересы.

Характерно, что в первый «мирный период» даже харизматический вождь независимой Ичкерии, претендовавший на роль «чеченского Бисмарка» или "чеченского Кавура» Дудаев так и не смог установить свой над всеми тейпами Чечни. Надтеречный район (в котором ведущую роль играли противники Дудаева Завгаевы) так и остался неподконтрольным первому президенту Ичкерии вплоть до ввода федеральных войск на территорию «мятежной республики» в 1994 г. [42]. Схожая ситуация сложилась и во второй «мирный период» после подписания Хасавюртовских соглашений. Второй президент Ичкерии Аслан Масхадов не имел авторитета, равного Дудаеву и по сути, остался «первым среди равных» полевых командиров чеченских комбатантов. По словам ответственного секретаря комиссии российской Госдумы по урегулированию ситуации в Чечне Абдул-Хакима Султыгова, «реально же Масхадов был обречен исполнять роль спикера анархично сосуществующих центров военно-политической власти, балансируя между угрозой начала открытой гражданской войны и прямым военным конфликтом с Москвой. Правление полевых явилось идеальной средой для взращивания на территории Чеченской республики тоталитарно-теократических структур: военных баз, карательных органов и идеологических центров режима религиозного экстремизма, милитаризма и агрессии» [43]. О жестокой казни иностранных сотрудников компании «Чечентелеком» мы уже писали выше. На вопрос журналистов о том, как прези-

дент независимой Ичкерии собирается бороться с похитителями людей и убийцами, Масхадов заявил, что погибшие британцы и новозеландец находились на территории не его тейпа. 20 октября 1998 г. масхадовское Министерство шариатской безопасности объявило ультиматум похитителям людей. По истечении ультиматуму (трое суток) ни один человек не был отпущен. Более того, 25 октября 1998 г. в результате террористического акта был убит начальник отдела по борьбе с похищениями вышеназванного Министерства [44]. О том, насколько Масхадов «контролировал» ситуацию в подведомственной республике красноречиво свидетельствует нынешний глава Чечни, а в 1997-1998 гг. соратник второго ичкерийского президента Ахмад Кадыров : «Урус-Мартановский район полностью стал контролироваться бандитами. Там были тюрьмы, где террористы содержали и пытали похищенных людей. Дошло дело до того, что сам президент боялся проехать по трассе, проходящей возле Урус-Мартана. В 1998 г., когда мы вместе с Масхадовым ехали в сопровождении президентского эскорта в Слепцовск (территория соседней республики Ингушетия- С.М), нам пришлось следовать окольными путями. Разве это дело?» [45] И, наконец, в 2002г. печальные итоги ичкерийского государственного эксперимента подвел и сам Масхадов: «Если бы мы отодвинули создание штабов, фронтов, Шуры, съездов, то построили бы свое государство... Вместо того, чтобы объединить усилия с законной властью Ичкерии (А.Масхадов имеет в виду собственную власть - С.М.), Удугов сидит за морем и заявляет, что только он воюет» [46].

Экспорт «ичкерийской революции» в Дагестан в августе-сентябре 1999 г. и российский «ответ» открыли новый «военный период» чеченского кризиса. Говорить о том, что силовая акция принесла жителям Чечни и сопредельных территорий избавление от крайностей «мирной жизни», было бы неверно. Тем не менее, очевидно, что теракты и гибель военнослужащих и мирных жителей не есть особенности исключительно «второй чеченской кампании». Подобные эксцессы характерны для любой войны (силовой операции). Сводки МВД РФ свидетельствуют, что после сентября 1999 г. улучшилась криминальная обстановка в соседних с Чечней Дагестане и Ставрополье, уменьшились набеги новых абреков и случаи похищения людей. В Чечне прекратились массовые этнические чистки по отношению к иноэтничному населению. Единственной опасностью для себя русские жители Наурского и Шелковского районов Чечни видят повторение Хасавюртовских соглашений и уход федеральных войск [47]. Постепенно происходит инкорпорирование пророссийски настроенной чеченской элиты в состав российской, а всей республики в состав РФ. Это мнение разделяют не только российские военные, чиновники администрации Президента РФ и сотрудники российского агитпропа - Росинформцентра, но и этнические чеченцы, пытающиеся вырвать свою республику из «крепких объятий» политических экстремистов и террористов. По словам Ахмара Завагева, представителя Чечни в Совете Федерации РФ, «для большинства населения республики сделано немало. Но где сообщения о том, что прошлой осенью проведен посев озимых культур на площади более 120 тысяч гектар, а нынешней весной начался посев яровых культур? Люди вкалывают на полях от темна до темна до седьмого пота, а по телевидению- все тот же ходячий образ «злого чечена»... Да, взрывы гремят. Но их природа совершенно другая. Это взрывы бессилия, организованные отчаявшимися одиночками и агонизирующими мелкими группами- ос-

колками некогда довольно сильной бандитской системы, правившей бал в Чечне посягавшей на другие регионы Северного Кавказа. Ныне с ней покончено благодаря решительным действиям федерального Центра, не давшего бандитизму распозлзиться на сопредельные территории» [48]. Опасность ухода российских войск и предоставления Чечне новой «независимости» видит и нынешний глава республики Ахмад Кадыров : «Бандитов, которые проводят взрывы и обстрелы, мы чеченцы зачастую скрываем. А значит, ключ к миру находится в руках самого чеченского народа. Но народ боится в полный голос сказать свое веское слово. И на это есть определенные причины. Во-первых, люди остерегаются того, что войска быстро выйдут из Чечни, как это было уже в прошлую кампанию, а жители останутся один на один с теми, кто воюет против федералов» [49]. В октябре 2000 г. Коллегия Верховного суда РФ приняла решение о возобновлении деятельности судов в Чечне. Таким образом, Чечня постепенно втягивается в общероссийское правовое пространство, преодолевая наследие шариатской системы, к слову сказать, противоречившей не только российскому, но и ичкерийскому законодательству! [50] Как видим, понятия «война» и «мир» применительно к ситуации в Чечне требуют серьезных дополнений и уточнений. Говорить об этих категориях как об отвлеченных «идеальных типах» невозможно. Необходимо четко определить, о каком мире и какой войне идет речь. Слова «мир» и «война» на Кавказе требуют эпитетов. Очевидно, что для России и ее граждан (независимо от этнической и религиозной принадлежности) «ичкерийский мир» во сто крат хуже «российской войны», которая завершится миром, но уже на российских условиях.

Но насколько правомерно говорить о «войне до победного конца» для государства, аттестующего себя в качестве демократического и федеративного ? Если понимать под демократией «кабаковщину», то действительно, любая попытка реализации силового сценария» в отношении Чечни выглядят антидемократичной и античеловечной. Если же считать демократией строгое следование законам государства, а не «законам гор», то военная операция по сохранению государственной целостности России и подавлению террористического очага оправдана [51]. Требования "прекратить войну" в "мятежной республике" являются антилиберальными а антидемократическими по своей сути, так как прекращение силовой операции означает укоренение традиционалистской политико-правовой культуры, которую невозможно тихо и спокойно переждать и изжить правозащитными увещеваниями. Этика кровной мести и похищения людей по определению не может найти консенсус с этикой уступок и взаимных компромиссов. Уход России из Чечни после Хасавюрта ни на йоту не продвинул Чечню к демократии и либерализму. Подписавшая Хасавюртовский соглашения ичкерийская сторона обязывалась прекратить огонь, а также «любые войсковые операции, атаки и все виды спецопераций ;

- захват, блокирование населенных пунктов, военных объектов и дорог ;
- террористические и диверсионные акты ;
- нападения на транспортные средства, колонны, военные и гражданские объекты ;
- минирование коммуникаций ;
- похищение, захват заложников, убийство военнослужащих и гражданских лиц» [52].

О том, насколько независимая Ичкерия следовал духу и букве Хасавюрта мы уже писали выше.

Не поможет разрешению «чеченского вопроса» и политика, основанная на принципе «не мира, не войны». Именно такой вариант выхода из «чеченского тупика» предложил Борис Немцов. Суть его плана такова: необходимо построить границу с Чечней, укомплектовав личный состав пограничной охраны военнослужащими – контрактниками, разделить Чечню на горную и равнинную, инкорпорировав последнюю в состав РФ. Автор подобной идеи, аттестуя себя как либерала, поборника правового государства и демократа, умалчивает о такой мелочи как Конституция. Признание Чечни (даже в усеченном «горном» виде) суверенным государством станет толчком ко второму изданию «парада суверенитетов». Строительство же границы протяженностью в 400 км. по самым скромным подсчетам обойдется в 400 млн. долл. США, а денежное довольствие пограничной «страже» составит около 100 млн. долл. США [53]. Даже если предположить, что проблема лишних 500 млн. долл. США легко разрешима для Российского правительства, то к чистой арифметике необходимо добавить соображения военного характера. Обустройство границы будет проходить в условиях постоянных набегов со стороны чеченских комбатантов, следовательно для нормальной работы военных инженеров, геодезистов и топографов необходимо будет содержать значительную вооруженную группировку. Надо будет смириться с тем, что вновь построенные пограничные сооружения будут разрушаться, а для их восстановления потребуются дополнительные ресурсы (и людские, и материальные). Для обустройства границы необходимо оборудовать приграничную зону, предварительно отселив жителей районов, прилегающих к новой границе во внутренние области России, заняться их обустройством. Где гарантии, что равнинная Чечня без горной ее части будет тихо и мирно инкорпорироваться в российское социально-экономическое и политическое пространство? И самое главное, кто сказал, что строительство границы избавит российскую власть от нападений со стороны боевиков? Французский опыт по строительству границы, подобной «немцовой» (т.н. линия Морриса между Алжиром и Тунисом) показал, что для сепаратистов это не является таким уж неодолимым препятствием.

В Северо-Кавказском регионе формирование либеральных и демократических ценностей невозможно исключительно мирным путем. В моменты ослабления российского Левиафана (например, в 1917-1920 годах) на Кавказе процесс обретения свободы всегда проходил в условиях традиционалистского взрыва, не оставлявшего шанса для скорейшего торжества свободы. Блестящую иллюстрацию складывания кавказского "особого пути" дает информация сводки политканцелярии штаба Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России в годы гражданской войны А.И.Деникина: "Родственные связи и боязнь кровной мести, по обычаям строго соблюдаемым туземцами, делают дагестанца плохим администратором, связывая его по рукам и ногам. Вследствие этого масса уголовных преступлений остаются нераскрытыми. Среди самих туземцев раздаются голоса, что пока административная власть будет принадлежать им, трудно ожидать порядка и правильной жизни в крае. По их мнению, необходимо, чтобы административные должности замещались русскими" [54]. Если не знать, что цитируемый текст датируется 1919 годом, практиче-

ски каждое приведенное выше слово в большей или меньшей степени применимо к характеристике этнополитической ситуации в независимой Ичкерии. Не зря и в 2000-2001 гг. целый ряд чеченских общественных деятелей высказывается за доминирование русских во властных структурах республики и «руководящую роль» Москвы. В ноябре 2000 г. Малик Сайдулаев высказался за целесообразность введения в республике «прямого президентского правления с руководителем на уровне вице-преьера» и воссоздания жесткую властную вертикаль [55]. В июне 2001 г. Ибрагим Ясуев (на тот момент и.о.мэра Грозного) выдвинул тезис, что «руководить городом (Грозным - С.М.) русский... Чеченец не может сегодня стабилизировать обстановку в городе по той простой причине, что не может критиковать военных» [56].

Оговоримся сразу. Автор данной статьи вовсе не принадлежит к поклонникам пресловутой "русской идеи". Речь идет вовсе не о тотальной русификации и возрождении на Кавказе имперских порядков. Очевидно другое. Общество и государство, претендующие на создание гражданского правового порядка, не могут себе позволить такой роскоши, как "культ этничности", диктат "голоса крови" в общественно-политической жизни. Реализация либерального принципа равенства всех перед законом предполагает подчинение Конституции и российскому (шире говоря государственному) законодательству, а не тотальную зависимость чиновников, депутатов, руководителей местного самоуправления от родства и кумовства. Укоренение кровнородственной политической культуры ослабляет не только государство, но и в не меньшей степени либеральные принципы. Считающие же этатизм главной опасностью для свободы в России противники «чеченской войны» явно недооценили традиционалистскую угрозу защищаемым ими ценностям, не учли тот факт, что институционально сильное государство (не важно под каким флагом выступающее), подавляющее традиционалистские политико-правовые представления, выполняло и выполняет сейчас объективно либеральную роль, даже не подозревая об этом. Государство, "выстраивая" политические структуры в Чечне, выравнивает их перед российским законом, что является важнейшей предпосылкой для зарождения ростков не кровнородственного, локального, а общегосударственного сознания. В конце концов, либерализм и демократическое сознание возникают не на основе тейпов и кланов, кровной мести и семейной вражды, а в недрах государства. Без государства (не как "большого брата", а как "великой китайской стены" против анархии и хаоса). любая свобода оборачивается против самой себя.

В начале нынешнего столетия у России есть два пути для выхода из «кавказского тупика» - вести «войну до победного конца» за торжество своих (и не только своих, но и общецивилизационных, а потому и кавказских) экономических, политических, культурных интересов, либо соглашаться на мир, сопровождающийся лихими налетами абреков, кровной мезтью и захватом заложников. История последнего десятилетия доказала, что скороспелый «мир», сопровождающийся уходом российской армии и администрации из Чечни, мира не приносит. Но где гарантия, что за очередным «миром» не последуют другие войны, куда более дорогостоящие и разрушительные, чем нынешняя ?

Подведем итоги. Очередная попытка России осуществить модернизацию вызвала всплеск традиционализма и политической архаики. Ценности рыночной экономики, гражданского общества и правового государства были отвергнуты не только и не столько экс - секретарями комитетов КПСС различных уровней, сколько лидерами возникших под общедемократическими лозунгами движений за самоопределение, «возрождение» национальной культуры и искусства, возврат и «к истокам и корням». Отказ руководства СССР и России от коммунистической идеологии и политическая либерализация вызвали масштабную переоценку ценностей. В регионах с устойчивой традиционалистской культурой (Северный Кавказ, Центральная Азия) разрыв с советским прошлым совпал с этнической, клановой, тейповой мобилизацией. Перестав быть homo soveticus-ами, бывшие подданные Советской империи занялись конструированием новой идентичности и обратились к поиску «Золотого века» за ответами на все актуальные вопросы современности. «Золотым веком» на Кавказе была эпоха «наездничества», борьбы тейпов и кланов, торжества «справедливой» кровной мести. Поэтому «самые, казалось бы невинные начинания, даже в сфере культурного возрождения, будь то реконструкция народных обычаев или восстановление исчезающих традиционных ремесел, совершенно неожиданно радикализируются и получают выход в сферу политической конфронтации, а то и военного противостояния. За рассуждениями о духовном возрождении (культурном или религиозном) оказывается потребность в региональной самостоятельности и обособлению определенных территорий» [57].

Идейные поиски интеллигенции в национальных республиках встречали противодействие со стороны КПСС, видевшей в них угрозу своей идеологической и политической монополии. Следствием подобного противоборства стала неверная идентификация движений за «возврат к истокам» как движений демократических. Между тем традиционалистские искания республиканских оппозиционеров, несмотря на антикоммунистическую риторику, никакого отношения ни к либерализму, ни к демократическим ценностям (в современном их понимании) не имели. Они начались как попытки придания своей этнической культуре статуса уникальной цивилизации, а своему этносу (тейпу, клану) – вершителя исторических судеб. Для этой цели были мобилизованы параисторики, предъявившие счет за грехи прошлого империи и соседним народам. После переписывания истории и войны памятников начался следующий этап- бросок движений за национальное «возрождение» к политической власти. Но наиболее радикальная и удачная попытка (для деятелей национального «освобождения») прорыва к политическому Олимпу имела место в Чечне. Успех сепаратистов именно в этой республике Северного Кавказа объясняется, прежде всего, двумя причинами - агрессивно- наступательным характером чеченского национального движения и неверной оценкой характера этого движения Москвой [58]. Рассматривая ОКЧН как антикоммунистическую организацию, а генерала Дудаева как диссидента, Москва проигнорировала традиционалистский вызов новой демократической государственности, а впоследствии неоднократно недооценивала силу этого вызова. Рассматривая коммунизм в качестве главной и единственной опасности развитию рыночной экономики и гражданского общества, российские руководители во многом способствовали превращению РФ в «сообщество регионов», в котором региональный ру-

ководитель самостоятельно и без демократических процедур выбирает образ правления и политический строй и экономическую доктрину. В независимой Чечне, решившей совершить «бросок назад» в свой «Золотой век», сложился такой политический режим как федерация полевых командиров (лидеров тейпов) и такая экономическая модель как возрожденное «наездничество». Функционирование подобных моделей возможно исключительно в условиях военных конфликтов и полномасштабных войн. «Переждать» «чеченский» политический и экономический вызов за возведенными границами и линиями и уговорить вождей «ичкерийской революции» за столом переговоров не нападать на сопредельные территории, не похищать людей и не обращать их в рабство невозможно. Без захватов заложников, контрабанды нефти и вторжений в соседние Дагестан, Ставрополье и Грузию независимость Ичкерии рухнет. Она держится только на этих факторах. Уход российских войск и чиновников из Чечни лишь усугубит крайности особого «горского пути».

Малайзийский премьер Махатхир Мохаммед высказал мысль о том, что нерыночные вызовы рыночной экономике позволяют отвечать на них нерыночными методами. Перефразируя малайзийского премьера, можно выдвинуть тезис: недемократический традиционалистский вызов требует недемократических ответов, и отказываться от них означает одно - признать победу традиционализма и отказ от модернизации.

Примечания:

1. Anastasijevic D. Missing Man // Time.- 2002 - February, 18. – P.27.

2. «Чеченская» тема близка автору настоящей статьи не только как исследователю. В 1995-1998 гг. я работал специалистом отдела по национальным отношениям Администрации Ростовской области, принимал участие в деятельности областной комиссии по освобождению заложников (работники предприятий АО «Гермес-Юг», АО «Волгодонскстрой» и других, занимавшиеся «мирным восстановлением» Чечни). В 1996 г. участвовал в III – ем Конгрессе вайнахов России (среди прочих Конгресс обсуждал и проблему заложников- жителей Ростовской области) и исследовании по заказу Министерства по делам национальностей РФ «Анализ причин, динамики развития и перспектив урегулирования чеченского кризиса», для чего выезжал в Республику Ингушетия.

3. Гайдар Е.Т. Новый курс? //Ивестия.- 1994.- 10 февраля.

4. См. наши работы: Маркедонов С.М. Возможна ли либеральная политика на Кавказе // Русский журнал. <http://www.russ.ru/politics/20001213.html> ; Он же. Возможно ли гражданское общество на Кавказе? //Русский журнал. [http://www.russ.ru/politics/polemics/20001225 marked.html](http://www.russ.ru/politics/polemics/20001225%20marked.html) ;

5. С нашей точки зрения необходимо более подробное изложение хроники «ичкерийской революции» августа-ноября 1991 г., т.к. этот период современной чеченской истории изучен хуже всего. Для значительной части российских (но в особенности для европейских и американских политологов) новейшая история Чечни начинается в декабре 1994 г., а открывает ее «интервенция» российских федеральных войск в Чечню. При подобном подходе «за скобками» остается анализ причин и мотивов силовой операции вооруженных сил РФ.

6. Куликов А.С., Лембик С.А. Чеченский узел. Хроника вооруженного конфликта 1994-1996 гг., М., 2000. С. 29.

7. «День бандитизма, терроризма и произвола». 10 лет назад началась новейшая чеченская история //Коммерсант-Daily.- 2001- 6 сентября.

8. Чечено-Ингушетия подарила советским силовым структурам трех генералов. Джохар Дудаев - генерал авиации, Асламбек Аслаханов - депутат Госдумы РФ от Чечни, генерал МВД, Руслан Аушев- первый президент Республики Ингушетия, «общевойсковой» генерал. Интересно отметить, что Дудаев и Аушев участвовали в боевых действиях в Афганистане, воюя с частями афганских моджахедов- исламистов. Впоследствии оба героя афганской войны станут поборниками веры в Аллаха и пророка его Мухаммеда.

9. Куликов А.С., Лембик С.А. Указ.соч. С. 26

10. Там же.

11. Марущенко В.В. Северный Кавказ. Трудный путь к миру. М., 2001. С. 75

12. Цит. по : Сартр Ж.-П. Экзистенциализм-это гуманизм //Сумерки богов. М., 1990. С. 328-329.

13. Гудков Л. А. Чеченская война и разваливающееся «мы». К антропологии «зрителя» чеченской войны //Неприкосновенный запас. - 2000.- № 5.

14. В ходе данного социологического исследования опрошено 1600 человек из 83 населенных пунктов 31 региона России. Цит. по : «Если я признаю, обещали отпустить» //Коммерсант-власть.- 2000.- 19 сентября.

15. В ходе данного исследования проведен представительный опрос 1600 жителей России. Статистическая погрешность подобных вопросов в пределах 4 % . Цит. по : Россияне о Чечне //Московская правда.- 2001.- 5 июля.

16. Бунин И.М. В России- эпоха В.Путина //Полития.- 2001.- № 5 (декабрь).- С. 24.

17. Цит. по :Россияне о Чечне //Московская правда.-2001.- 5 июля

18. Цит. по Всероссийский чрезвычайный съезд в защиту прав человека. Доклады, выступления, обращения, заявления, резолюции, дискуссии (фрагменты стенограмм), работа после съезда. М., 2001. С. 207.

19. Розанова М.В. Кавказская пленница. Таковой, увязнув в Чечне, постепенно становится Россия //Независимая газета. – 2001.- 11 мая

20. Кураев А. Как делают антисемитом. М., 1999.С. 19.

21. Бьюкенен А. Сецессия. Право на отделение, права человека и территориальная целостность государства. М., 2001. Dunlop J.B. Russia confronts Chechnya. Cambridge University press. 1998 Lapidus G.W Contested Sovereignty : The Tragedy of Chechnya // International Security. 1998. Vol. 23. № 1. P. 5-49.

Российская политика в Чечне рассматривается значительной частью европейских и американских политологов и общественных деятелей как препятствие для вхождения в «цивилизованное сообщество». «В либерально-демократических кругах Запада существует достаточно ясное понимание, что чеченская война отбрасывает Россию назад, задерживая ее модернизацию и ограничивая российские возможности участия в международной политике» (см. Заславский В. Русско-чеченский конфликт глазами Запада // Неприкосновенный запас.- 2001.- № 2). Некоторые коррективы в представления научного сообщества стран западной демократии о политике России в Чечне внесли трагические события 11 сентября 2001 г. Чего стоит «смена вех» в умонастроениях такого скептика в отношении российской политики как Кондолиза Райс. Однако и после событий 11 сентября слышны прежние оценки. Эксперт Центра по изучению конфликтов Королевской военной академии Сандхерст (Великобритания) Марк Э.Смит считает, что успех международной анти-террористической коалиции «зависит от поддержания общих стандартов в отношении прав человека и соблюдения международного права. С этой точки зрения, политика России в Чечне может оказаться серьезным препятствием к ее полноценному участию в коалиции» (см. Smith M. The Anti-Terrorist Coalition: Russia's New Opportunity? //Ab imperio- 2001.- № 4.- p.305

В интервью «Известиям» Збигнев Бжезинский заявил: «Первые российские заявления по Чечне (после 11 сентября 2001 г - С.М.) создавали впечатление, что российское правительство хотело бы получить выгоду от начавшейся войны с террористами, чтобы заклеить чеченцев как ярких террористов. Было ощущение, что Москва не намерена делать различия между умеренными деятелями и экстремистами в чеченском движении сопротивления» (см. Збигнев Бжезинский : СССР мы бы не договорились о борьбе с терроризмом //Известия.- 2001.- 2 ноября.). Фрагмент интервью З.Бжезинского – еще одно доказательство использования формулировок- клише без их расшифровки или хотя бы детализации. Где критерий умеренности или радикализма лидеров чеченских сепаратистов? Кого конкретно З.Бжезинский мог бы охарактеризовать как умеренного лидера, а кого идентифицировать как экстремиста? Можно ли считать умеренным лидером Аслана Масхадова на том лишь основании, что он лично не участвовал в нападениях на Буденновск, Кизляр и Буйнаксск?

22. Бьюкенен А. Указ. соч. С. 8

23. Lapidus G.W. Contested Sovereignty : The tragedy of Chechnya...P.p. 11-12

24. Неопубликованный доклад Марка Э.Смита (эксперта Центра по изучению конфликтов Королевской военной академии Сандхерст, Великобритания) на международной конференции «Интеграция. Что означает для нас это понятие?» (Волгоград, 2001, 6 - 9 июля). Автор выражает свою благодарность президенту Ассоциации «Евроконтакт» И.Н.Чернову за предоставленные материалы.

25. Джилавян А. Анкара обвинила Москву в фашизме //Независимая газета.- 2000.- 27 июля.

26. Чеченская трагедия. Кто виноват. М. : РИА «Новости». 1995, С. 81.

27. Марущенко В.В. Указ.соч. С 75-76.

28. Великая Н.Н., Дударев С.Л. Из истории русского населения Чечни //Россия на рубеже тысячелетий : итоги и проблемы развития. Армавир, 2000. С. 71-86 ; Голованова С.А. Государственная политика и казаки Терека : Исторические параллели //Северный Кавказ : геополитика, история, культура. М, Ставрополь, 2001. Ч.1. С. 258-262.

«Исход» русского населения из Чечни еще не стал предметом комплексного научного исследования и в отечественной, и в зарубежной политологии и социологии. Приблизительное число беженцев из Чечни равняется 220 тыс. Согласно оценке премьер-министра правительства Чеченской республики Станислава Ильясова в столице Чечни Грозном осталось (по данным на 19 апреля 2001 г.) 500 русских, в Наурском районе – 7-8 тысяч, в Шелковском районе – около пяти тысяч человек (см. Станислав Ильясов : В Грозном осталось 500 русских //Известия.- 2001.- 19 апреля). По оценке заместителя председателя комитета Госдумы РФ по международным делам Константина Косачева с 1991 по 1999 гг. в Чечне было убито 21 тысяча русских, не считая погибших во время боевых действий (т.е. в «мирные годы»), а также захвачено более 100 тысяч домов и квартир, принадлежащих нечеченцам (см. Косачев К. Чеченская дилемма. Свое слово должен сказать президент //Независимая газета. - 2001.- 3 апреля.

29. Бондаренко М. Военные будни «мирных» районов Чечни. Русских в казачьих станицах почти не осталось //Независимая газета.- 2001.- 10 октября.

30. Криштопа А.Е. Заметки на полях кризиса //Защита будущего. Кавказ в поисках мира. М., 2000. С. 186

Миграция чеченского населения во внутренние области Российской Федерации – свидетельство того, что операция федерального центра против чеченских сепаратистов не носит этнической античеченской направленности. По различным оценкам, после начала наступления российских войск в сентябре-октябре 1999 г. треть чеченского населения ушла во внутренние области России. «Безусловно, они спасались от бомб и снарядов, но то, что люди не готовы защищать независимость Чечни «до последней капли крови», да и само направление их исхода в Россию, а не например, в Азербайджан или Грузию, поддерживающие (как и в годы 1-й смуты XX века) мятеж горцев, - знаменательно. Могли ли абхазы во время войны с Грузией в 1992 году бежать, спасая свою жизнь в Грузию, а армяне из Карабаха- в Азербайджан? Такое и помыслить несообразно, а чеченцы уходят, и уходят в Россию» (см. Зубов А.Б. Политическое будущее Кавказа: опыт ретроспективно-сравнительного анализа // Знамя. – 2000.- №4.- С. 169.)

31.Марущенко В.В. Указ.соч. С. 76.

32.Бьюкенен А. Указ.соч. С. 8-10. ; Lapidus G.W. Contested Sovereignty : The tragedy of Chechnya... Р.р 11-13.

33. Криштопа А.Е. Указ.соч. С. 186.

34.Там же. С.190.

35. Новая газета- 1998- 28 декабря.

36. Марущенко В.В. Указ.соч. С. 81.

37. Записки А.П.Ермолова. 1798-1826 гг. М.,1991.С. 285

38. Чеченцы : история и современность /Сост. Ю.А.Айдаев. М., 1996. С. 188. О чеченских тейпах см. также Мамакаев М. Чеченский тайп в период его разложения. Грозный, 1973.

39. Чеченцы : история и современность... С 189.

40. Нанаева Б.Б. Политическая культура чеченского народа как источник политики //Северный Кавказ : геополитика, история, культура. М., Ставрополь, 2001. Ч.1. С. 95.

41. Там же.

42. «День бандитизма, терроризма и произвола»... //Коммерсант- Daily.- 2001- 6 сентября.

43. Независимая газета.- 2001.- 7 июля.

44. Марущенко В.В. Указ.соч. С. 81

45. Ахмад Кадыров : «Бандиты будут прокляты своим народом». Как оценивает сегодняшнюю ситуацию в Чечне глава администрации этой республики //Труд. - 2001.- 15 февраля

46. Чуйков А. Масхадов обнаружил причину чеченских бед //Известия.- 2002.- 16 января

47. Бондаренко М. Военные будни «мирных» районов Чечни... //Независимая газета.- 2001.- 12 октября

48. Ахмар Завгаев, член Совета Федерации : «Чечня, моя боль и надежда» //Парламентская газета.- 2001.- 31 марта.

49. Ахмад Кадыров : «Бандиты будут прокляты...» //Труд.- 2001.- 15 февраля

50. Мурадов М. В Чечне возродили светский суд //Коммерсант- Daily. – 2000- 31 октября.

51. Маркедонов С.М. Указ.соч.

52. Цит. по : Куликов А.С., Лембик С.А. Указ.соч. С. 252.

Одним из основополагающих пунктов Хасавюртовских соглашений была договоренность российской и чеченской стороны об «отложенном статусе» Чечни. Однако не прошло и двух недель с момента подписания соглашений в Хасавюрте как в Чечне был введен Уголовный кодекс, основанный на принципах шариата, что противоречило не только российскому законодательству, но и законам независимой Ичкерии 1991-1994 гг.. Таким образом лидеры сепаратистов сразу же нарушили Хасавюртовские договоренности, по сути дела самостоятельно определив статус Чечни как независимого исламского государства (курсив мой- С.М.). За этим нарушениям последовали другие : в ноябре 1996 г начались регулярные обстрелы позиций федеральных войск, 1 мая 1998 г. был похищен представитель Президента РФ в Чечне Валентин Власов, 5 марта 1999 г. – представитель МВД РФ в Чечне Геннадий Шпигун.

53. План Немцова по умиротворению Чечни //Аргументы и факты.- 2001.- 14 февраля. ; В Грозном появится генерал-губернатор ? //Комсомольская правда.- 2001 – 14 марта.

54. Цит. по : Цветков В.Ж. Гражданская война на Северном Кавказе. 1918-1920 гг. (национальная политика белого движения на Юге России) //Научные труды Московского государственного педагогического университета : Серия «Социально-исторические науки». М., 1998. С. 90.

55. Малик Сайдулаев : «Чечне необходимо прямое президентское правление» //Московский комсомолец.- 2000- 18 ноября.

56. На Грозный поставят русского. Порядок для чеченцев важнее, чем этническая гордость //Коммерсант- Daily. – 2001- 16 июня.

57. Минц С.С. Северный Кавказ в жерновах «догоняющей» модернизации //Северный Кавказ : геополитика, история, культура. М., Ставрополь. 2001. Ч.2. С. 98.

58. Ошибку подобного же рода Москва допустила в 1991 г. в Таджикистане, поддержав «исламских демократов» в их борьбе с партноменклатурой. Между тем «исламские демократы» с самого начала не скрывали своей главной цели - установление исламского государства в Таджикистане.

В.А. Соловьев

ПРОБЛЕМЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ЭТНОТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ И ЛИКВИДАЦИИ ИХ ПОСЛЕДСТВИЙ.

Основной предмет латентных и актуализированных конфликтов на Северном Кавказе - национально-территориальное устройство региона. В этом аспекте Северный Кавказ не представляет исключительного явления в современном мире, так как эта проблема является одной из главных в межэтнических конфликтах в различных частях света.

Первый по важности объект межэтнических конфликтов в регионе - территория и ее статус, второй - власть. Проблема доступа к власти выражено присутствует в регионе уже на субэтническом уровне, так как в структуре многих кавказских этносов устойчиво сохраняются родовые, тейповые, клановые группы. Следующий по значимости объект конфликтов на Северном Кавказе - земля. В настоящее время в конфликтных ситуациях земля пока не фигурирует в качестве основного объекта спора, однако она потенциально является таковой во многих латентных конфликтах.

Причины, обусловившие актуализацию этнических конфликтов на территории бывшего СССР, проявились в полной мере на Северном Кавказе, при этом в регионе действовал и действует ряд факторов, придающих этому процессу особую специфику и большую остроту.

Во-первых, это повышенная значимость этнической идентификации в самосознании кавказских этносов по сравнению с другими типами социальной идентификации. Такая ситуация типична для регионов со сложной этнической структурой и не завершенными процессами нациестроительства.

Во-вторых, это наследие национально-территориальных переделов. Нигде более в пределах нынешней России не было осуществлено такого большого количества изменений в националь-

но-территориальном устройстве, как на Северном Кавказе, причем эти изменения касались как изменения границ, так и изменения статуса национально-территориальных образований.

В-третьих, это особенности менталитета горских народов Кавказа, веками ориентировавшихся на "разрешение" конфликтов с помощью силы. Культ оружия и силы, обусловленные историко-географическими особенностями региона, сформировали у народов Кавказа специфическую культуру конфликта, в которой силовой его исход является приоритетным.

В-четвертых, это относительно позднее присоединение Северного Кавказа к России по сравнению с другими областями, являющимися этнической родиной или исторически сложившимися ареалами расселения народов.

В-пятых, это последствия депортаций и массового переселениями народов.

В-шестых, это отсутствие концептуально разработанной "кавказской политики" нового российского государства. Северный Кавказ, будучи специфическим в этническом отношении регионом нашей страны, требует особого подхода в управлении межэтническими процессами. Вместе с тем, попытка Миннаца России обосновать и реализовать концепцию государственной национальной политики на Северном Кавказе, поддержки не нашла, а в ряде регионов, например, в Ингушетии, вызвала негативную реакцию.

Также следует учитывать, что в ряде регионов Российской Федерации, и прежде всего на Северном Кавказе, будет сохраняться межэтническая напряженность до тех пор, пока не будут решены вопросы федеративного устройства, в том числе, уравнивания прав субъектов федерации.

Возможность возникновения в Российской Федерации этнотерриториальных конфликтов в некоторых из 32 национальных образований (21 республика, одна область и 10 округов) обусловлена также экономическими причинами. Многими субъектами поднимались вопросы о расширении прав или предоставлении особых социально-политических и экономических льгот. Позднее, с определенным усилением властной вертикали государства, эти требования стали приобретать все в большей степени характер экономических преференций.

На встрече с руководителями субъектов Юга России 8 сентября 2001г., переходя к экономическим вопросам, Президент России В.В. Путин отметил, что "при обсуждении в Думе бюджета Правительство будет отстаивать политику перераспределения финансовых средств на поддержку регионов, которые нельзя назвать самодостаточными. Эта политика вызывает определенную критику со стороны регионов-доноров, однако, регионы не виноваты в том, что они не самодостаточны". Как заметил Президент, "регионы-доноры благодаря усилиям всей страны получили в свои руки огромный ресурс, производственные мощности. Было бы несправедливо считать, что население других регионов не могло бы воспользоваться этими ресурсами".

Среди основных межнациональных конфликтов на Северном Кавказе (этнических, этнотерриториальных, этнополитических) наибольшую актуальность имеют территориальные споры. В настоящее время здесь насчитывается свыше 35 территориальных претензий. Все они имеют исторические корни, которые в условиях усиления тенденций к самостоятельности национальных республик обострились.

Законодательные акты, принятые федеральными органами в отношении репрессированных народов, не столько способствовали восстановлению исторической справедливости, сколько осложнили эту ситуацию. Хотя исторические условия не могут являться главной причиной вооруженных столкновений, противостояния и противоречий, в том числе, таких как юго-осетино-грузинский конфликт, осетино-ингушский конфликт и др., следует отметить, что на территории бывшего СССР и нынешней Российской Федерации существовало и будет существовать по объективным и субъективным причинам большое количество спорных территориальных проблем. К числу наиболее болезненных из них только в северокавказском регионе следует отнести:

- спор чеченцев и ингушей в отношении принадлежности Сунженского и Малгобекского районов;

- требование русскоязычного населения Наурского и Шелковского районов о присоединении к Ставропольскому краю;

- требование передачи Пригородного района РСО-А в состав РИ;

- создание республики Лезгистан на территории Дагестана и Азербайджана;

- требования кумыков Дагестана о создании самостоятельной Кумыкской Республики;

- требования ногайцев, проживающих на территории Дагестана, Чечни, Ставропольского края, Калмыкии о создании Ногайской Республики;

- создание единого государственного образования адыгов с включением этнически родственных народов Кавказа, в том числе с передачей им Туапсинского и Лазаревского районов Краснодарского края;

- требование разделения Карачаево-Черкесской и Кабардино-Балкарской республик;

- предложения об объединении Северной Осетии и Южной Осетии в единую республику;

- требование о территориальной реабилитации казачества и создании автономных образований вне национальных субъектов Северо-Кавказского региона и другие.

Необходимо отметить, что существо подавляющего большинства этнотерриториальных противоречий обычно состоит в том, что одна и та же территория оказывается пространством, на котором соперничающие стороны стремятся добиться своего легального доминирования. "Сторонами" здесь чаще всего выступают этнические элиты, а "легальное доминирование" предполагает обладание ими предпочтительным доступом к политической власти и престижным секторам экономики. Попытки отдельных национал-экстремистских сил "заострить" проблемы спорных территорий несут в себе потенциальную возможность возобновления конфликтов или периодического обострения общественно-политической ситуации в тех или иных субъектах региона.

В целом современную ситуацию на Северном Кавказе можно охарактеризовать как сохраняющийся на протяжении длительного периода острый этнополитический кризис. Именно поэтому актуализированные конфликты, например осетино-ингушский конфликт, могут быть поняты лишь в контексте широких политических преобразований, происходивших в советском обществе и в России. Следовательно, и пути его разрешения нужно искать не просто во взаимоотношениях

между осетинами и ингушами, а в связи с более широкими задачами российской политики вообще и национальной политики в Северо-Кавказском регионе, в частности.

Анализ перспектив практического урегулирования межэтнических конфликтов и процесса постконфликтной реконструкции социально-политического пространства предполагает уточнение содержания основных понятий, таких как "конфликт", "этнический конфликт", "этнотерриториальный конфликт". Их выверенное определение делает возможным определить более точно содержание и таких понятий как "урегулирование этнотерриториального конфликта", "разрешение этнотерриториального конфликта", "реконструкция постконфликтного социально-политического пространства".

В отечественной и зарубежной литературе отсутствует общепринятое определение конфликта.

Различия в существующих подходах, как справедливо замечают отдельные профессиональные конфликтологи, сводятся к двум моментам: а) следует или нет считать противоречия, не сопровождаемые открытой борьбой, формой конфликта; б) какие формы противоречий включить в концептуальное определение социального конфликта¹. Выбор между этими подходами методологически означает выбор разных критериев определения сущностного содержания понятия "конфликт", а через него - раскрытие сути самого явления.

Тем не менее, для управленческой практики точное определение понимания конфликта является условием конкретизации границ, в пределах которых организуется деятельность органов власти по предупреждению конфликтов, а в случае их возникновения - по их урегулированию. Полнота определений дает также возможность учесть все возможные каналы влияния на конфликт, которые иногда в своем сочетании могут оказать куда более серьезные негативные последствия, нежели сам конфликт.

На наш взгляд можно дать синтезированное определение конфликта: это различные виды противодействия, противоборства личностей и групп по поводу рассогласованных, существенно значимых для них целей, интересов, ценностей, установок, а также осознанная практическая деятельность по преодолению этих противоречий.

В. Амелин отмечает, что "в основе любого конфликта лежат как объективные, так и субъективные противоречия. А также ситуация, включающая либо противоречивые позиции сторон по какой-либо проблеме, либо противоположные цели, методы или средства их достижения в данных обстоятельствах, либо несовпадение интересов оппонентов².

Эти противоречия особенно ярко проявляются в этнических и этнотерриториальных конфликтах. Трудности разрешения этнических конфликтов объясняются мощным присутствием в

¹ Степанов Е.И. Методология анализа социальных конфликтов. Социальные конфликты в современной России. - М., 1999. - С.41.

² Амелин В.В. Вызовы мобилизованной этничности. Конфликты в истории советской и постсоветской государственности. - М., 1997. - С.119.

их природе иррациональных мифотворческих факторов и эмоциональной коллективной мобилизации, которые трудно поддаются элементарным переговорам и разрешению, как, к примеру, в случае с трудовыми конфликтами.

Так, например, осетино-ингушский конфликт относится к категории событий, чрезвычайно перегруженных факторами эмоционально-ценностного характера, среди которых "исторические несправедливости", "принадлежность территорий", "собственная государственность", "нерушимость границ" и подобные им идеологические конструкции этнической направленности.

Хотелось бы также акцентировать внимание на существующих подходах, объясняющих влияние конфликтов на происходящие в обществе процессы. Одни исследователи считают, что социальные конфликты несут угрозу, опасность распада общества. Другие ученые настаивают на содержащемся в конфликте позитивном социальном содержании. Так, известный современный конфликтолог Льюис Козер пишет: "Конфликт препятствует окостенению социальных систем, вызывая стремление к обновлению и творчеству"³. Другой немецкий социолог Ральф Дарендорф утверждает, что конфликты незаменимы как фактор всеобщего процесса социального изменения⁴.

Применительно к этническому конфликту, особенно его территориальному варианту, более убедительной представляется позиция структурно-функциональной методологии, которая рассматривает конфликт как дисфункциональное, нежелательное явление в жизни общества, которое является своего рода тормозом в решении проблем общественной жизни людей различных национальностей. Эти конфликты ведут не столько "к обновлению и творчеству", сколько вызывают застой, отбрасывают общество назад в своем развитии, влекут за собой кровь, человеческие жертвы, разруху, спад в экономике, нищету и голод.

Погасить разразившийся этнический конфликт крайне трудно, он может длиться месяцы, годы, затухать, затем разгораться с новой силой. Примером этого утверждения может служить процесс ликвидации последствий осетино-ингушского конфликта, растянувшийся уже на 9 лет, и имеющий в нынешних объективных условиях реальную перспективу дальнейшего многолетнего развития.

Разное понимание феномена этничности позволяет по-разному интерпретировать этнические конфликты⁵. В силу полиэтничного состава населения бывшего СССР и нынешних новых государств, любой внутренний конфликт приобретает этническую окраску. Поэтому грань между социальными, политическими и этническими конфликтами достаточно условная, трудно выявляемая.

Этничность обычно выступает в качестве границы противостояния в ситуациях, когда существующее неравенство в социальной, политической, правовой или культурной сферах проходит

³ Козер Л. Функции социального конфликта. - М., 2000. - С.18.

⁴ Цит. по: Санистебан Л.С. Основы политической науки. - М., 1992. - С. 106-107.

⁵ Тишков В. А. О природе этнического конфликта // Свободная мысль. -1993. -№4. - С. 8.

по этническим характеристикам. Поэтому многие конфликты, происшедшие в советский и постсоветский периоды в стране, носили этнический характер. Также следует заметить, что одна из форм конфликтов нередко включает в себя другую и подвергается трансформации, этническому или политическому камуфляжу.

В.А. Тишков дает такое определение этнического конфликта: "Под этническим мы понимаем конфликт с определенным уровнем организованного политического действия, общественных движений, массовых беспорядков, сепаратистских выступлений и даже гражданской войны, в которых противостояние проходит по линии этнической общности"⁶.

Заметим, что этнические и этнотерриториальные проблемы современной России не представляют собой исключительного явления. Они имеют многочисленные аналоги как в современном мире, так и в истории человечества. Вместе с тем в России они имеют свою специфику, обусловленную как особенностями современного этапа, переживаемого страной, так и особенностями геополитического положения России в меняющемся цивилизационном устройстве человечества. Этническая и этнотерриториальная компонента присуща большинству очагов напряженности на Северном Кавказе, который уже стал ареной конфликтов, особенно активно проявившихся в открытом вооруженном противостоянии между Россией и Чечней, провозгласившей себя в противоречие с Конституцией Российской Федерации независимой, в осетино-ингушском этнотерриториальном конфликте. На ранних этапах протекания (мобилизационном, организационном) находятся конфликты в КБР, КЧР, Дагестане и др. субъектах Северного Кавказа.

Этнотерриториальные конфликты можно разделить на две большие группы. Первая из них - это территориальные претензии одних этносов к другим. Вторая - территориальный сепаратизм, т.е. требование отделения одной территории, население которой представляет устойчивый одноэтнический массив, от целостного государства или субъекта государства, воспринимаемого как государственность другого народа. Территориальный сепаратизм имеет три основные формы: сецессия - отделение с целью создания или воссоздания собственного национального государства; ирредентизм - отделение части территории одного государства с целью присоединения к соседнему государству; энозис - отделение территории с целью присоединения к "материнскому" государству, то есть государству с одноэтническим населением. Наиболее распространенной формой сепаратизма является сецессия.

Зарубежные этноконфликтологи достаточно подробно исследовала этот феномен. Сложились несколько концепций, объясняющих причины и механизм этого вида этнотерриториального конфликта, в том числе, применительно и к российским условиям.

Первая концепция исходит из того, что процессы модернизации (ими охвачены страны бывшего социалистического лагеря и многие страны третьего мира), обостряют этнические чувства людей и укрепляют требования самоопределения.

⁶ Тишков В. А. О природе этнического конфликта // Свободная мысль. -1993. -№4. - С. 8.

Вторая концепция имеет наименование концепции "внутреннего колониализма" и ее основной идеей является утверждение, что в полиэтничных государствах одни народы угнетают и эксплуатируют другие, в этой связи единственным способом разрешения конфликтной ситуации является создание собственного независимого государства.

Третья концепция сложилась в русле "реалистской" школы в конфликтологии и ее сторонники утверждают, что за идеологической борьбой за право наций на самоопределение скрывается борьба определенных слоев общества за контроль над ресурсами, расположенными на спорной территории.

Четвертая концепция, которую можно обозначить как "процессуальную", не стремится выявить каких-либо однотипных причин возникновения требований сецессии, а сосредоточивается на исследовании механизма разворачивания конфликта в сторону сецессии⁷.

Как правило, движение за сецессию рассчитано на поддержку извне, прежде всего, со стороны государств, заинтересованных в изменении баланса сил в регионе, со стороны народов, близких в этническом, культурном или религиозном аспектах. Так, сепаратистские силы в Чечне, вне всякого сомнения, рассчитывали на широкую поддержку своих действий со стороны исламского мира и в первую очередь Ирана и Турции. Однако такой расчет оказался неглубоким, так как в региональные интересы Ирана и Турции, а также некоторых других мусульманских государств, не входит острая конфронтация с Россией.

Особым случаем сепаратизма является ирредентизм - отделение территории обычно по этническому принципу с целью присоединения к соседнему государству. Поскольку границы государств не совпадают с границами этносов, потенциал ирредентизма в мире велик, однако, в реальности ирредентистские движения оказались гораздо менее распространенными, чем сецессионистские. Объясняется это тем, что ирредентизм неизбежно влечет трансформацию внутригосударственного этнического конфликта в межгосударственный.

Еще одним видом сепаратизма является энозис, представляющий возможность воссоединения этнического меньшинства с государственно-организованным одноэтничным большинством. Типичным примером попытки энозиса является требование армянского населения Нагорного Карабаха об отделении этой территории от Азербайджана и присоединении к Армении, осетинского населения Южной Осетии - отделения от Грузии и присоединения к Северной Осетии, требование ингушского населения об отделении части Пригородного района от Северной Осетии и присоединении этой территории к Ингушетии.

Примеров заявленных стремлений к энозису в современном мире немало, однако его реализации в послевоенный период не отмечено, так как энозис предполагает изменение границ, а это практически во всех случаях - путь к вооруженному конфликту. Требование энозиса - обратная сторона территориальных претензий государственно организованных народов друг к другу.

⁷ Котанджян Г.С. Этнополитология консенсуса - конфликта. М., 1992.

Особенность этнозиса заключается в том, что инициатором этого требования является не государственно оформленное национальное большинство, а национальное меньшинство.

Этнические и этнотерриториальные конфликты являются одними из видов социальных конфликтов, для них характерны все основные черты, свойственные конфликтам в обществе. С формально-логической точки зрения этнотерриториальный конфликт можно определить как вид социального конфликта, субъектами-носителями которого являются социальные группы, различающиеся по этническим признакам, а причинами противоречий - территориальный спор.

Поскольку, как отмечалось выше, этнический конфликт обладает способностью "осваивать" предметы и объекты других типов конфликтов, в реальном общественном процессе практически невозможно обнаружить этнический конфликт, тем более - этнотерриториальный конфликт, в чистом виде (впрочем, как и другие виды конфликтов), и выделение этих типов конфликтов осуществляется на основе определения основной линии раскола в обществе.

Так, нередко случаи, когда конфликт, на ранних этапах которого преобладали экономические или другие противоречия, перерастает в этнический конфликт и наоборот. Иногда такие трансформации являются следствием целенаправленного управления конфликтом. Тем не менее, к числу основных и самых опасных проявлений политической нестабильности, несомненно, относятся территориальные споры и притязания, обладающие, особенно во времена глобальных геополитических сдвигов, колоссальным деструктивным потенциалом. Именно в период дезинтеграции Советского Союза, становления национальной государственности бывших союзных республик число этнотерриториальных споров существенно выросло, причем многие из них перешли из скрытой фазы в активную.

Термин "энтотерриториальный конфликт" трактуется в широком смысле как любое притязание на территорию, если оно отвергается второй стороной - участницей спора. Этнотерриториальные конфликты могут принимать формы более и менее острые, цивилизованные и нецивилизованные, мирные и немирные. Разумеется, это не исключает возможности и правомерности использования данного термина в более узком значении, когда под "конфликтами" понимаются лишь наиболее острые формы противостояний и противоборств. Но поскольку значительная часть этнических конфликтов на постсоветском пространстве развивается именно как этнотерриториальные конфликты либо имеет отчетливые признаки таковых, актуальнейшей проблемой стала систематизация информации по этнотерриториальным притязаниям и спорам и создание соответствующего банка данных. По оценкам этноконфликтологов, так или иначе, сохраняют актуальность около 140 территориальных притязаний⁸.

К этнотерриториальным относятся не все этнические и не все территориальные конфликты, но именно те, которые находятся как раз на стыке двух этих больших групп конфликтов. Они - одновременно и этнические, и территориальные.

⁸ Банк данных по этнотерриториальным конфликтам в бывшем СССР (сост. Глезер О.Б., Петров Н.В., Стрелецкий В.Н.) // М., Центр политико-географических исследований. - 1991-1996.

С точки зрения этноконфликтологии, ключевым представляется вопрос, какого рода связи существуют между этническими конфликтами и самим феноменом "этничности". По мнению одних ученых, между этими двумя феноменами существуют достаточно тесные, причинно-следственные связи. В самом этнокультурном разнообразии человечества потенциально заложены элементы конфликтности. Другие считают, что корни "этнических конфликтов" лежат вне собственно этнических реалий. "Этничность" этих конфликтов относится на самом деле не к их сущности, но к форме проявления. В этноконфликтных ситуациях проявляют себя противоречия между теми или иными общностями людей, внутренне консолидирующимися на этнической основе.

Такая позиция отстаивается многими конфликтологами и этнологами как за рубежом, так и в нашей стране. Ее придерживается В. Тишков, считающий, что этнический конфликт - это любая форма внутри- и трансгосударственных гражданских противостояний, "в которых хотя бы одна из сторон самоорганизуется или мобилизуется по этническому принципу или от имени этнической общности"⁹. На его взгляд, корни этнических конфликтов следует искать прежде всего в сфере социально-политических и социально-экономических процессов, этнической же в них выступает "оболочка", форма проявления. Именно благодаря характеру проявления, а вовсе не их причинам и движущим силам, такие конфликты и оправдано, и корректно называют этническими.

В связи с этим представляется целесообразным дать классификацию субъектов этнотерриториальных притязаний, предварив ее группировкой самих этнических общностей или тех сил, от чьего имени выдвигаются требования ревизии границ. Первую группу составляют этносы, имеющие свою национальную государственность, то есть "титulyные" в суверенных государствах - бывших союзных республиках. Вторую группу составляют этносы, имеющие элементы государственности в рамках своих национальных образований и входящие в состав суверенных государств. Это "титulyные" этносы бывших автономных республик, автономных областей и округов. Третью группу составляют этносы, не имевшие в СССР собственных национально-территориальных образований, но заявившие о своих правах на них. Четвертую группу составляют территориальные общности соотечественников, проживающих вне своих национальных образований.

Как правило, территориальные притязания и радикальные этнополитические требования исходят от политических элит, национальных движений и партий, их лидеров, деятелей культуры и т.п. Их позиция может не только не иметь ничего общего с интересами народов, от имени которых они выступают, но и не пользоваться поддержкой в массах. Хотя именно политические элиты утверждают, что являются проводниками воли абсолютного большинства населения.

Выдвижение территориальных притязаний "от имени" этнической группы еще не означает солидарности этноса в целом с подобными требованиями. Опасность представляют те территориальные конфликты, в которых наиболее активной и радикальной части национального движения

⁹ Тишков В.А. Амбиции лидеров и надменность силы. Заметки о чеченском кризисе // Свободная мысль, - 1995. - №1.

удается увлечь своими лозунгами большинство населения. Тогда территориальные притязания вовлеченных в них сторон оказываются сродни национальной идее, консолидирующей весь этнос, и затрудняющей поиск компромиссов¹⁰. Но опасность представляют также этнотерриториальные конфликты, субъектами которых изначально выступают лишь незначительные по численности, зато наиболее активные и радикальные группировки.

Среди субъектов этнотерриториальных притязаний можно выделить несколько уровней иерархии. Первую категорию составляют притязания, высказанные как индивидуальное мнение пользующихся авторитетом и имеющих влияние среди населения отдельных национальных лидеров. Вторая категория субъектов притязаний - общественные движения и партии, в программных документах которых закрепляются территориальные притязания. Именно общественные движения стояли во главе национальных устремлений ингушского этноса за обретение государственной автономии на территориях, очерченных лидерами этих движений. Третья категория субъектов притязаний представлена органами власти от местных до республиканских. Четвертая категория субъектов территориальных претензий представлена высшими органами власти суверенных государств.

Отметим, что этнические и этнотерриториальные конфликты, независимо от конкретных форм проявления, - это конфликты культур, конфликты ценностей, ценностного отношения к действительности. Именно этим обусловлена острота их протекания и сложности постконфликтного урегулирования и практическая невозможность окончательного разрешения. В этой связи можно сделать вывод, что именно исследование этнотерриториального конфликта как составной части этнического конфликта представляет собой наиболее перспективное направление дальнейшего изучения конфликтов, как с позиций философского знания, так и политических наук, и имеет особую практическую значимость в условиях сложившейся общественно-политической и социально-экономической обстановки в Российской Федерации и ее важной в стратегическом и геополитическом отношении части, - северокавказском регионе.

А.В. Чубенко

ПЕРЕГОВОРНЫЙ ПРОЦЕСС КАК СРЕДСТВО УРЕГУЛИРОВАНИЯ ЭТНОТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

¹⁰ Алаев Э.Б. Региональные этнические конфликты // Федерализм, - 1996. - №1. - С. 103-118.

(НА ПРИМЕРЕ ОСЕТИНО-ИНГУШСКОГО КОНФЛИКТА)

Касаясь непосредственного разрешения этнических и этнотерриториальных конфликтов, следует заметить, что на ранних стадиях постконфликтного периода, а также в ходе преодоления последствий конфликта переговорный процесс инициируют и возглавляют властные структуры государства через сформированную специальную структуру в зоне конфликта с привлечением, в случае необходимости институтов власти (заинтересованных министерств и ведомств). От умело поставленной посреднической работы во многом будет зависеть как ход урегулирования отношений между сторонами конфликта, так и своевременное и полное решение проблем ликвидации последствий конфликта.

Р.Г. Абдулатипов отмечает: "Самые претенциозные организации были подключены для разработки механизмов выхода из ингушко-осетинского конфликта. Провозглашались разные лозунги, но чаще всего для самообозначения и самоутверждения. Ничего реального фактически не было сделано. В данном случае прежде всего важно, чтобы сами конфликтующие стороны поняли необходимость перехода в режим диалога, согласования интересов. Роль государственных органов - посредничество, содействие, создание условий, обеспечение договоренностей"¹.

В связи с тем, что в переговорном процессе органы государственной власти должны играть ведущую роль, следует предусмотреть:

- разработку критериев ведения переговорного процесса;
- определение темы, целей, задач, места и состава проводимых переговоров;
- определение состава посредников в лице представителей федерального Центра и руководителей соседних субъектов федерации;
- наделение руководителя федеральной структуры, созданной в зоне конфликта, достаточными полномочиями, позволяющими решать все оперативно возникающие вопросы самостоятельно, без повседневного участия руководителей федеральных министерств и ведомств или иных представителей федеральных органов власти;
- поддерживать соответствующий уровень полномочий руководителя федеральной структуры в зоне конфликта в его взаимоотношениях со сторонами конфликта, только в случае крайней необходимости целесообразно вовлекать в переговорный процесс руководителей более высокого ранга;
- определить формат проведения встреч и технологию проведения переговоров;
- определить круг лиц, участвующих в подготовке документов;
- до начала переговоров? подготовить возможные варианты проектов итоговых документов, принимаемых в ходе переговоров;
- принять меры по техническому обеспечению переговоров.

¹ Р.Г. Абдулатипов. Парадоксы суверенитета. Перспективы человека, нации, государства. М., 1995, с. 128.

Проведение переговоров на государственном уровне с учетом трудностей переговорного процесса определяет необходимость выработать такую технологию или механизм их проведения, которые бы позволяли добиваться максимально возможного результата с наименьшими потерями.

Общераспространенными являются два варианта ведения переговоров, которые условно можно обозначить как мягкие и жесткие. Как правило, стороны, ведущие переговоры, в зависимости от ситуации самостоятельно определяют вариант проведения переговоров (своего поведения на переговорах).

Проведение переговоров по "мягкому" варианту предусматривает стремление ведущих переговоры партнеров избежать углубления конфликта, добиться обязательного заключения соглашения, договора (достижения конечной цели), проявлять готовность идти на существенные уступки. При этом одна из сторон конфликта, как правило, виновная, вынужденно занимает такую позицию.

"Жесткий" вариант проведения переговоров основывается на твердых позициях и упорном стремлении одной из сторон добиться принятия своих требований. При этом воля, напор, жесткость воспринимаются как необходимые условия обеспечения достижения поставленных целей. Занятие жесткой позиции, как правило, ведет к "выматыванию" как своей стороны, так и своего "противника" и приводит к серьезному обострению отношений между сторонами, ведущими переговоры. При таком варианте ведения переговоров достижение конструктивного результата относится на более далекую перспективу. Подготовка переговоров между сторонами конфликта должна обеспечивать проработку всех возможных вариантов ведения переговоров, а также их последствий. При разрешении конфликтных ситуаций теоретически можно предусмотреть следующие варианты позиций сторон на проводимых переговорах:

- 1 вариант - мягкий - мягкий;
- 2 вариант - мягкий - жесткий;
- 3 вариант - жесткий - жесткий.

При разрешении конфликтных ситуаций первый вариант ведения переговоров и решения стоящих проблем можно предусматривать лишь теоретически. Практического же подтверждения возможности реализации такого варианта ведения переговоров не встречается. Он возможен при условии, когда участниками переговорного процесса являются партнеры, ставящие перед собой цель достигнуть соглашения и для которых не составит труда сделать уступку противоположной стороне для сохранения с ней добрых, цивилизованных отношений.

Этот подход рассчитан на взаимное доверие, возможность изменения своей позиции и на надежду конструктивного рассмотрения выносимых предложений. При таком уровне взаимоотношений в ходе переговоров допустимы односторонние потери ради продвижения в решении проблемы и достижения поставленной цели. Естественно, что в таких условиях допускается возможность поддаваться давлению противоположной стороны, но недопустимы попытки состязания воли.

В принципе такой вариант взаимоотношений возможен на заключительных этапах разрешения последствий конфликта, особенно в случаях, когда произошла смена лидеров конфликтующих сторон. Новые политические лидеры, не участвовавшие непосредственно в конфликтных событиях, менее отягощенные обязательствами и ответственностью перед собственными национальными элитами, бывают более свободны в выборе возможных шагов по нормализации отношений.

Второй вариант ведения переговоров встречается чаще, как правило, в тех случаях, когда одна из сторон считает себя подавленной, виновной, желающей искупления своей вины. Вторая же сторона переговорного процесса считает возможным оказывать давление на партнера, добиваясь единственной цели - одержать победу путем односторонних уступок, которые к тому же рассматриваются в качестве условия для продолжения переговоров и поддержания сложившихся взаимоотношений.

При этом варианте переговоров субъекты переговоров не доверяют друг другу, а одна из сторон твердо придерживается своей позиции. Для достижения поставленной цели она готова использовать угрозы, обвинения и безусловное настаивание на своей позиции.

Наиболее распространенным при разрешении конфликтов является третий вариант ведения переговоров, когда обе стороны, садящиеся за стол переговоров, занимают непримиримые, крайне жесткие, исключаящие компромисс позиции. Разрешение этнических и этнотерриториальных конфликтов, происшедших на территориях бывшего СССР и России, обусловлено, как правило, проведением переговоров по третьему варианту.

"Сопоставление позиций в оценке конфликта и блокирующая роль этих позиций всего хода переговорного процесса показывает, что речь в данном случае идет не о частных расхождениях, которые могли быть согласованы и преодолены в ходе дискуссии, а о самых фундаментальных положениях, имеющих первостепенное значение для самовосприятия каждой из этнических групп и вместе с тем для восприятия "контр-группы". Более того, избрание той или иной позиции в оценке конфликта в настоящее время является важнейшим признаком национально-этнической самоидентификации"².

В проекте "Политической и правовой оценки осетино-ингушского конфликта осени 1992 г.", подготовленном весной 1994 года С.М.Шахраем отмечается, что "главными препятствиями на пути урегулирования конфликта является неспособность или нежелание руководства обеих республик политическими средствами в процессе переговоров урегулировать конфликт, а также неэффективность действий федеральных органов государственной власти и управления"³.

Ведя речь об урегулировании конкретного конфликта, важно проследить, с какими взглядами, позициями и стереотипами стороны идут на переговоры. Практика показала, что позиции

² Р.Г.Абдулатипов. Парадоксы суверенитета. Перспективы человека, нации, государства. М., 1995, с. 128.

³ «Независимая газета», 23 марта 1994 г.

сторон конфликта, как правило, бывают взаимоисключающими, носят ярко выраженный обвинительный характер.

Р.Г. Абдулатипов отмечает, что "из случившихся трагедий, конфликтов надо выходить, используя именно цивилизованные, согласованные механизмы. Что характерно для этих конфликтов? В них никогда невозможно найти виноватых, провокаторов. Уважаемый Президент Ингушетии встает и говорит: почему до сих пор в Москве не названы имена преступников, которые в этом конфликте участвовали и убивали? Встает тут же Президент Северной Осетии и также спрашивает: почему до сих пор в Москве не названы имена преступников? Но известно, что и с той, и с другой стороны не создавали нормальные условия для работы следственной бригады в зоне конфликта. Между тем ведь на месте лучше знают друг друга и в том числе преступников, провокаторов"⁴.

В таких условиях стороны обеспокоены в большей степени не сглаживанием имеющихся противоречий, а решимостью еще раз, но уже на официальном уровне, в присутствии посредников, СМИ не только изложить свое видение проблемы, но и отстаивать свою позицию. Так было на первых официальных переговорах по урегулированию осетино-ингушского конфликта, которые проводились в период с 23 января по 20 марта 1993 года в г. Кисловодске. Существенный интерес представляет то, с какими позициями участники переговорного процесса прибыли на переговоры.

Естественно, что выход сторон на переговоры с жесткими, обвинительными позициями не предвещает достижения конструктивного, устраивающего обе стороны, результата. Более того, "сохранение сложившихся оценок и устоявшихся клише способствует лишь дальнейшему нагнетанию напряженности, концентрируя сознание людей на самых болезненных вопросах и блокирующих не только переговорный процесс, но и реализацию жизненных интересов"⁵.

Важно также учитывать, что каждая сторона переговорного процесса преследовала в ходе переговоров собственные интересы.

Осетинская сторона добивалась обеспечения территориальной целостности и закрепления правового статуса Пригородного района как составной и неотъемлемой части Северной Осетии. Интересы "национально-государственного строительства" требовали оказывать всемерное сопротивление возвращению вынужденных переселенцев-ингушей. Обусловлено это было тем, что в случае возвращения в Пригородный район всех проживавших в нем граждан ингушской национальности, демографический баланс в обозримой перспективе был бы нарушен в пользу ингушской части населения. "Перевес же численности этнической группы при условии доминирования

⁴ А.Г. Здравомыслов. Осетино-ингушский конфликт: перспективы выхода из тупиковой ситуации., М., РОССПЭН, 1998, с.16.

⁵ А.Г. Здравомыслов. Осетино-ингушский конфликт: перспективы выхода из тупиковой ситуации., М., РОССПЭН, 1998, с.16.

этнических ориентаций и есть предпосылка фактического обеспечения контроля над территориями"⁶.

Также руководство республики добивалось, чтобы закрепленные в республиканских актах оценки конфликта приняли характер общероссийских. Проблемам конфликта в односторонней интерпретации уделяли постоянное внимание лидеры Северной Осетии, которые отвлекали таким образом внимание населения от многочисленных внутренних проблем социально-экономического характера. Сохранение напряженности в осетино-ингушских отношениях и сдерживание процессов преодоления последствий конфликта давало на определенных этапах деятельности руководителей Северной Осетии дивиденды под видом отстаивания национально-государственных интересов.

Ингушская сторона стремилась не только сохранить притязания к Северной Осетии на спорные территории, но и стремилась придать им видимость законности и исторической обоснованности. Так, статья 11 Конституции РИ, принятой 27 февраля 1994 г. определяет, что "возвращение политическими средствами незаконно отторгнутой у Ингушетии территории и сохранение территориальной целостности РИ - важнейшая задача государства". Считая себя невинно пострадавшей, ингушская сторона требовала, чтобы федеральные власти восстановили нарушенную, как ей представлялось, историческую справедливость, причем любой ценой.

Возвращение вынужденных переселенцев в места прежнего проживания также являлось национально-государственной задачей РИ, при этом временами личные интересы пострадавших граждан, не желающих возвращаться в места прежнего проживания, ставились в зависимость от интересов общенациональных. Своеобразное "поражение" ингушей в 1992 году, а также крайне медленное преодоление последствий конфликта, не только углубило антиосетинские настроения, но привело и к антироссийским настроениям среди некоторой части ингушского населения. В то же время культ "обиженного" народа стал приносить вследствие многочисленных жалоб и апелляций в федеральный Центр политические и экономические преимущества республике по сравнению с соседними субъектами Российской Федерации.

Интересы федерального Центра состояли не только в непосредственном урегулировании отношений между двумя республиками, но и в стабилизации обстановки в целом на Северном Кавказе. Не допустить повторения аналогичных конфликтов, которые могли бы вызвать общекавказскую войну и усилить сепаратистские настроения, - эту задачу пытаются решить федеральные органы власти и в настоящее время. В федеральном Центре исходили из необходимости отказа от насильственного пересмотра границ и передела территорий в регионе, при этом за основу была взята конституционная норма о том, что территориальные изменения могут решаться лишь на основе взаимного согласия субъектов федерации.

⁶ А.Г.Здравомыслов. Осетино-ингушский конфликт: перспективы выхода из тупиковой ситуации., М., РОССПЭН, 1998, с. 21.

Далее важно уяснить, что разрешение конфликта путем переговоров - это процесс движения от "жесткого - жесткого" варианта к "мягкому - мягкому". Если стороны конфликта подойдут в ходе переговоров к такому состоянию, когда будет достигнуто взаимопонимание, взаимодоверие, конструктивность, готовность пойти на уступки для достижения позитивного результата, то тогда можно считать, что переговоры вступают в повседневную, "рутинную" фазу, и последняя страница "истории конфликта" становится почти закрытой.

Между "жесткими" - "мягкими" переговорами необходимо предусматривать возможность проведения так называемых "конструктивных" (консенсусных) переговоров.

Особенность проведения конструктивных переговоров состоит в том, что в их основе лежат не политические спекуляции, а существенные вопросы, стремление сторон найти взаимную выгоду, настаивание на таком результате, который был бы и в правовом отношении, и одновременно морально-психологически обоснован вне зависимости от позиций сторон и их возможностей делать уступки. В этом варианте ведения переговоров необходим жесткий подход к достижению существа дела при соблюдении мягких, ровных, корректных, консенсусных взаимоотношений между участниками переговоров. Именно этот вариант ведения переговоров позволяет достичь: разумного, взаимовыгодного соглашения; выработки эффективных механизмов реализации достигнутых соглашений; существенного улучшения взаимоотношений между субъектами переговоров.

Условия для проведения переговоров между осетинской и ингушской сторонами по такому варианту сложились после подписания 4 сентября 1997 года Договора "Об урегулировании отношений и сотрудничестве между Республикой Северная Осетия-Алания и Республикой Ингушетия" и 15 октября 1997 года "Программы совместных действий органов государственной власти Российской Федерации, Республики Северная Осетия-Алания и Республики Ингушетия по преодолению последствий осетино-ингушского конфликта и оздоровлению ситуации в республиках", а также кадровых изменений, происшедших в республиках в январе-марте 1998 года.

Подписание этих документов могло ознаменовать завершение этапа политического урегулирования отношений между РСО-А и РИ. Однако стороны сознательно опустили в подписанных документах территориальную проблему, что не позволило вывести переговорный процесс на принципиально новый уровень. Тем не менее, в тот период были установлены достаточно конструктивные отношения и постоянный диалог между Президентом РСО-А и Президентом РИ. Деловой, рабочий характер приобрели взаимоотношения руководителей правительств, парламентов, министерств и ведомств республик. Уровень контактов стал таким, что позволял все в большей степени самостоятельно, без посредников в лице федеральной структуры в зоне конфликта принимать взаимосогласованные решения. Важной особенностью этого этапа переговорного процесса являлось также то, что принятие решений и необходимых мер осуществлялось чиновниками все более низкого уровня.

Конструктивный характер проведения переговоров обуславливает необходимость выработки кодекса правил поведения участников переговоров и их основных принципов. Как известно, ни одна из сторон переговоров не может влиять на состав участников противоположной стороны.

Поэтому в ходе переговоров нельзя допускать проявление личных антипатий, эмоционального восприятия, перехода от обсуждения позиций сторон к оценке действий конкретных участников переговорного процесса, поскольку участники переговоров должны стремиться, прежде всего, к поиску путей решения рассматриваемой проблемы.

Особенно недопустимо такое положение, когда одна из сторон конфликта выражает недоверие отдельным представителям из состава делегации противоположной стороны или из числа посредников. Здесь одной из главных задач посредников является предварительная работа с участниками переговоров и жесткое соблюдение переговорных принципов. Главная задача - всячески поддерживать установленный кодекс правил проведения переговорного процесса и не допускать возможности его изменения ни при каких обстоятельствах.

При проведении переговоров важно определить те взаимные интересы, которые позволили бы сконцентрировать основное внимание на достижении позитивного конечного результата. Успех в реализации этого намерения во многом зависит от того, насколько в ходе переговоров глава посреднической миссии будет сопоставлять интересы сторон для принятия взаимовыгодных решений. Зачастую это сделать бывает трудно. Лишь опытный в области переговорного процесса специалист способен нацеливать внимание участников переговоров не на озвучивание взаимных упреков, а на определение взаимных интересов. Тем более, что официально заявленные на переговорах позиции часто не соответствуют истинным намерениям сторон.

Также необходимо учитывать, что иногда на переговорах одна из сторон переговорного процесса сознательно преследует цель ухода от существа рассматриваемой проблемы. Однако следует помнить, что попытки достижения результата на переговорах любой ценой, в том числе путем торга по принципиальным позициям приводят к углублению противоречий между сторонами конфликта и к затягиванию сроков решения проблемы.

Роль и значение интереса каждого партнера или, что еще более существенно, взаимного интереса сторон является практическим определением путей выхода из кризиса. Эта сложная работа предполагает "челночную" дипломатию, которая на этом этапе работы не должна поддаваться освещению в СМИ и тем более обсуждению в национальных общественных формированиях. Практика ведения переговоров показала, что, как только нащупываются общие точки соприкосновения, незамедлительно в дело вступают силы, "объективно" не заинтересованные в решении главной задачи. Лишь сочетание тактической гибкости и твердой позиции посредников при наличии точно сформулированной конечной цели и путей ее достижения позволяют склонить конфликтующие стороны к действиям по требуемому сценарию.

Должностным лицам, осуществляющим посредническую миссию в период подготовки переговоров, следует прорабатывать возможные варианты достижения результатов в диапазоне от максимально возможных до минимально допустимых и сосредотачиваться на принятии результативных и взаимовыгодных решений, особенно при условии, когда "максимум результата" становится недостижимым, а "минимум" - крайне нежелательным.

При этом предлагается учитывать, что достижение максимального результата под давлением или нажимом на стороны бывает сложным, а иногда и невозможным. Поэтому "давление" посредника должно оставлять возможность сторонам конфликта для проведения маневра на пути поиска конструктивных решений. Для реализации этого намерения можно использовать такие принятые в практике переговорного процесса меры, как продление времени, необходимого для принятия решений, обсуждение проблемы с каждой из сторон в отдельности, устранение возможных стесняющих обстоятельств, лоббирование политических и экономических интересов участников переговоров в правительстве и законодательных органах. Из вышесказанного следует, что необходимо быть заранее готовым к возможному принятию достаточных на данном этапе взаимовыгодных компромиссов, которые не решают всего существа проблемы, но в то же время позволяют поддержать переговорный процесс, смягчить позиции сторон, не допускать обострения отношений между участниками переговоров.

При урегулировании осетино-ингушского конфликта наиболее сложной темой переговоров было решение проблем возвращения вынужденных переселенцев в места прежнего проживания. Позиции сторон при этом были диаметрально противоположны. Одна сторона конфликта настаивала на безусловном и незамедлительном возвращении всех вынужденных переселенцев в места прежнего проживания. Другая сторона на официальном уровне приняла решение о невозможности совместного проживания. При этом обе стороны жестко придерживались своих позиций.

Решение указанных вопросов было осложнено рядом сопутствующих проблем: обеспечение безопасности передвижения, транспортное обеспечение, сложный морально-психологический настрой населения, необходимость согласования всех вопросов с главами администраций местного самоуправления и общественностью населенных пунктов. Таким образом, принятие позиций одной из сторон конфликта в этих условиях было невозможно, поэтому предстоял длительный путь поиска компромиссных решений.

Проведение переговоров должно быть обусловлено объективными критериями, базирующимися на взаимных интересах сторон конфликта. Эти интересы не должны выходить за рамки законности (имеются в виду те условия, которые выдвигают субъекты переговоров). Предложения же посредников должны основываться на конституционных нормах, при этом критерии оценок и подходов должны быть таковы, чтобы они не воспринимались одной стороной как уступка другой. Партнеры, участвующие в переговорном процессе, должны быть уверены, что процесс переговоров нацелен на поиск справедливых и конструктивных решений. Поэтому в ходе переговоров необходимо использовать только объективные и по возможности нейтральные критерии.

Так, на начальных этапах переговоров по урегулированию осетино-ингушского конфликта стороны в большей степени волновал не конечный результат, не конструктивное решение рассматриваемой проблемы, а гласное заявление своих позиций и стремление "защитить их от нападок" противоположной стороны. Естественно, что спор по поводу позиций ограничивал возможность принятия позитивных решений и достижения соглашений. Именно поэтому, даже не за-

ключив принципиальных соглашений, стороны были удовлетворены уже тем, что ни шагу не отступили от своих "принципиальных" позиций.

В этом отношении характерен этап переговорного процесса по обсуждению "Порядка возвращения вынужденных переселенцев в места их прежнего постоянного проживания на территориях Республики Северная Осетия-Алания и Республики Ингушетия" и "Программы совместной работы РСО-А, РИ и ВГК РФ по оздоровлению морально-психологического климата в республиках". Переговоры шли поочередно в г. Назрани и г. Владикавказе в период с 23 июля 1995 года по 20 апреля 1996 года. В первоначальный вариант документов, разработанных сотрудниками ВГК РФ под руководством представителей Государственно-правового Управления Президента Российской Федерации и отличавшихся конструктивностью, соблюдением взаимных интересов, и самое главное - соответствием требованиям российского законодательства, официальные делегации сторон внесли такое количество изменений и исправлений, что принятые 20 апреля 1996 года документы не представлялось возможным реализовать.

Принятие конкретных решений и достижение соглашений не всегда дает возможность реализовать их на практике. Применительно к осетино-ингушскому конфликту это объяснялось тем, что в ходе переговоров острые, непримиримые позиции сторон несколько размывались, на субъектов переговорного процесса оказывалось определенное давление со стороны посредников в лице руководителей соседних субъектов федерации и руководителей федеральных министерств и ведомств.

Однако после переговоров стороны во многих случаях сохраняли ранее занимаемые позиции, а дальнейшие взаимоотношения сторон превращались в своеобразное состязание воли, нервов, угроз. Именно поэтому отстаивание сторонами занимаемых неконструктивных позиций, стремление объяснить их конституционность, законность приводило к росту напряженности между участниками переговорного процесса, и соответственно к обострению общественно-политической ситуации в зоне бывшего конфликта.

Тем не менее, в результате напряженной работы, происходила нормализация двухсторонних отношений и сближение позиций руководителей конфликтующих сторон федерации по принципиальным вопросам преодоления последствий этнотерриториального конфликта. Стал налаживаться конструктивный поиск путей нормализации двухсторонних отношений и ликвидации последствий конфликта, в том числе решаться проблема возвращения и обустройства вынужденных переселенцев в местах их прежнего компактного проживания.

Совершенно очевидно, что взятая в руки федерального Центра инициатива, активная роль представительства полномочного представителя Президента Российской Федерации в Республике Северная Осетия-Алания и Республике Ингушетия, позволили начать реальное управление ситуацией в регионе. Проблема урегулирования последствий конфликта, не затрагивая политическую плоскость постепенно стала переходить в плоскость экономического взаимодействия и сотрудничества.

Важным достижением стало желание президентов РСО-А и РИ окончательно выработать согласованный "кодекс правил поведения", что предполагало возможность посредникам постепенно отходить на второй план в решении существующих проблем. В республиках стали осуществляться шаги по замене тезиса "извечной вражды" на тезис "осетинский и ингушский народы никогда не противостояли друг другу, были лишь экстремисты, которые подталкивали их к трагедии". Итак, федеральному Центру удалось перевести перспективы решения осетино-ингушских отношений и вопросов ликвидации последствий конфликта из состояния тупика в позитивную, конструктивную плоскость.

Следует отметить, что привлечение для участия в ведении переговоров посредников оказывает как позитивную, так и негативную роль. Опыт проведения переговоров по преодолению последствий осетино-ингушского конфликта показал, что обе стороны переговорного процесса (официальные делегации РСО-А и РИ) всегда настаивали на том, чтобы в переговорах принимали участие представители федерального Центра. В то же время в ходе переговоров они неоднократно отмечали, что наличие представителей федеральных органов власти не способствует скорейшему преодолению последствий конфликта и принятию конструктивных решений. В частности, на переговорах неоднократно отмечалось, что "без посредников мы бы давным-давно обо всем договорились".

С сожалением можем отметить, что в этой ситуации с трудом удавалось добиться единства взглядов представителей федеральных органов власти о путях решения имеющихся проблем. Лишь с формированием относительно устойчивой концепции урегулирования отношений между республиками и преодоления последствий трагедии удалось придать посредническим миссиям характер твердости и решимости в реализации намеченных планов.

Следует обратить внимание, что стремление посредников занимать в ходе переговорного процесса уравновешенную, конструктивную, не выражающую интересы ни одной из сторон позицию, воспринималось как неспособность тех или иных посредников понять существо происходящих процессов, заставить одну из сторон принять "нужную" (по мнению другой стороны) точку зрения. Этим лицам прямо или косвенно выражалось недоверие, заявлялось о нежелательности их дальнейшего участия в переговорном процессе.

По итогам проведенных переговоров довольно часто руководители сторон конфликта упрекали посредников в неспособности убедить противоположную сторону, а то и в соглашательстве, занятии "проосетинской" или "проингушской" позиции. Ими делались заявления о необходимости отстранить посредников от ведения переговоров, от участия в посреднической миссии, а для дальнейших переговоров направлять более ответственных, вышестоящих (по должности), занимающих "конструктивную" позицию представителей.

Из этого следует извлечь следующий урок: переговоры между сторонами конфликта должен вести тот руководитель, который определен федеральными властями. Повышение статуса участников посреднической миссии нежелательно, так как это ведет к девальвации значимости усилий федерального Центра. Стороны конфликта должны видеть в должностном лице, назначенном фе-

деральным Центром, руководителя, обладающего всеми необходимыми полномочиями, и выражающего волю всех ветвей власти Российской Федерации. Руководителям государства недопустимо принимать апелляции сторон конфликта, не учитывая мнение руководителя федеральной структуры в зоне конфликта.

Некоторые исследователи считают, что посредник должен быть готов выполнить по меньшей мере три функции - коммуникативную, исследовательскую, организаторскую. Реализуя коммуникативную функцию, посредник поддерживает связь между участниками конфликта, устанавливает связи с социальными институтами (органами власти, средствами массовой информации и т.д.). Выполняя исследовательскую функцию, посредник на основе социологических, политических и иного рода исследований вырабатывает стратегию и тактику своей деятельности, планирует переговорный процесс, прогнозирует возможные варианты развития ситуации.

Особого внимания в деятельности посредника заслуживает организаторская функция. В первую очередь здесь необходимо отметить важность проведения необходимых совещаний, встреч (переговоров) для обсуждения существующих проблем со сторонами конфликта. Начинать эту работу необходимо не с "нуля", а имея определенный опыт по разрешению конфликтов. При проведении данной работы следует привлекать все необходимые интеллектуальные силы для решения первостепенных проблем.

Проведение такой подготовительной работы дает возможность сконцентрировать усилия на базовых, основополагающих интересах, позволяет учесть позиции обеих сторон, и главное - удовлетворить обе стороны переговорного процесса предложением приемлемых вариантов решения проблемы, основанных на справедливых, объективных критериях. Такой путь подготовки переговоров и их организации позволяет достичь компромисса, консенсуса, привести к заключению разумного соглашения.

При проведении переговоров важно принимать во внимание то, что в них участвуют не просто делегации, представляющие стороны конфликта, а лидеры этнонациональных элит. Как правило, они имеют определенные личные амбиции, приоритеты и обязательства. Следует также учитывать их характер и поведение. То есть на переговорах мы имеем дело с человеческим фактором, который может быть конструктивным и созидательным, а может быть и разрушительным.

Также необходимо учитывать, что достижение позитивного результата на переговорах, особенно по проблемам, негативно воспринимаемым той или иной стороной, зачастую бывает осложнено тем, что предлагается уже готовое решение или рецепт решения. В такой ситуации одна из сторон конфликта зачастую заявляет о своем категорическом неприятии внесенного предложения. Мы полагаем, что при решении особо сложных, болезненных проблем целесообразно не предлагать уже готовую формулу, решение, а стремиться вовлечь оппонентов в поиск различных возможных вариантов компромисса. Причастность конфликтующих сторон к процессу поиска и выработки решений является одним из кардинальных факторов успеха на переговорах.

Достижение соглашения или конкретного результата на переговорах зачастую осложняется тем, что одна из сторон понимает его целесообразность, конструктивность, обоснованность, но

не может принять потому, что оно может быть негативно воспринято националистически настроенной общественностью стороны. То есть стороны конфликта могут сдерживать опасения, что их деятельность будет оценена представителями органов власти и общественности своей республики как проигрыш или уступка национальных интересов. Поэтому принимаемые решения, формулировки позиций в заключаемых договорах или соглашениях должны выглядеть таким образом, чтобы по возможности сохранять положительный имидж и авторитет каждой стороны - участницы переговоров.

Негативная оценка общественностью одной из сторон конфликта совместного решения может вызвать отказ от принятых договоренностей. Так, 11 июля 1995 года в г. Владикавказе по инициативе Временного Государственного комитета Российской Федерации состоялись переговоры между делегациями Республики Северная Осетия-Алания и Республики Ингушетия. Возглавляли делегации президенты двух республик А.Х. Галазов и Р.С. Аушев при посредничестве участия Председателя ВГК РФ В.Д. Лозового.

В результате переговоров, проходивших в целом в конструктивной, доброжелательной атмосфере, было подписано Соглашение между РСО-А и РИ о реализации указов Президента Российской Федерации по вопросам ликвидации последствий осетино-ингушского конфликта, в котором стороны подтвердили свою приверженность Конституции Российской Федерации и заявили об отказе от территориальных притязаний друг к другу.

Такое решение вызвало резкое неприятие у жителей РИ, поэтому Р.С. Аушев следующим образом разъяснил свою позицию: "Никаких территориальных претензий у нас не было и нет, поэтому и отказ от них вещь вполне закономерная. А что до Пригородного района, то он должен быть возвращен Ингушетии в соответствии с законом, принятым еще Верховным Советом Российской Федерации. Закон этот пока никто не отменял. А на чужое мы действительно не претендуем"⁷. Это "разъяснение" вызвало бурю негодования уже в РСО-А. В результате столь опрометчивого заявления реализация отдельных положений указанного Соглашения затянулась почти на год.

Конструктивность хода переговоров в определенной степени зависит от их эмоциональной окраски. На начальных этапах разрешения конфликтных ситуаций, отягощенных гибелью многих людей и другими болезненными последствиями, эмоциональный фон бывает крайне негативным. В таких условиях участники переговоров в большей степени готовы к противоборству, нежели к конструктивному сотрудничеству и решению стоящей проблемы.

Ведение переговоров на негативном эмоциональном фоне часто заводит их в тупик или вообще срывает возможность их продолжения. В связи с этим целесообразно не превращать переговоры по разрешению конфликта в продолжение конфликта, а посредники должны стремиться к тому, чтобы стороны проявляли сдержанность и сбалансированность.

⁷ В.В.Амелин. Вызовы мобилизованной этничности. Конфликты в истории советской и постсоветской государственности. М., 1997, с. 279.

Исходя из практики урегулирования осетино-ингушского конфликта следует объективное предложение учитывать в ходе переговоров следующие позиции:

- не относиться к участникам переговоров как к выразителям мнений определенных организаций, групп, сословий, принимавших активное участие в конфликте, чтобы не вызывать негативное восприятие другой стороны;

- не пытаться возложить вину за происшедшую трагедию и негативные последствия конфликта на конкретных участников переговоров;

- не давать ни одной из сторон возможности снимать собственное эмоциональное напряжение выплескиванием претензий, обвинений в адрес своих оппонентов.

Таким образом, при выработке рекомендаций и основных подходов переговорного процесса в ходе урегулирования этнических и этнотерриториальных конфликтов в нашей стране, необходимо учесть и использовать уже накопленный опыт проведения переговоров по преодолению последствий осетино-ингушского конфликта октября-ноября 1992 года.

И.В. Ракова

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОНФЛИКТОГЕННОЙ МИГРАНТОФОБИИ.

Усилия исследователей политической конфликтности в России сосредоточены преимущественно на специфически этнических взаимоотношениях в региональном срезе общества.

Однако последовательно возрастающие волны вынужденной миграции спровоцировали усиление и возрастание конфликтности между местным населением и репатриантами, что в ряде случаев спровоцировало столкновения на этнической почве. Такая ситуация резко усиливает политическую актуальность ситуации, что в свою очередь требует поиска оптимального решения. В этом контексте проблемное поле исследования составляет мигрантофобия как специфическая часть ксенофобии.

У современного процесса вынужденной миграции в постсоветском пространстве, в котором Россия выступает основной принимающей страной, нет прецедентов в российской истории. Хотя завершение продолжавшейся с XVI в. русской колонизации и начало репатриации россиян произошли давно - в 1960-е годы в Закавказье и в 1970-е годы в Центральной Азии, феномен мигрантофобии со стороны российского населения в отношении притока тех лет не отмечался.

После институционализации распада СССР, за которой последовал резкий скачок миграционного притока в Россию, население бывшего СССР оказалось разделено гражданством, правовыми, языковыми, валютными и таможенными барьерами, не получив необходимого времени для осознания новой ситуации и возможности выбора гражданства и страны проживания. Начался процесс реальной дезинтеграции, выразившийся в разрушении культурных, информационных и экономических связей. Одновременно наметились тенденции к внутрирегиональной интеграции (в

Прибалтике и Центральной Азии) и изменениям внешних ориентаций новых государств не в пользу России. В основу построения практически всех новых независимых государств лег этнический принцип. Многие из них начали проводить политику, направленную на приоритетное развитие титульной нации, на повышение ее доли в составе населения, на обеспечение преимуществ в образовании, в экономике, в том числе в сфере занятости и управления, и даже в гражданских правах.

Большинство русскоязычного населения новых государств за пределами России испытало в этих условиях глубокую этнокультурную и этносоциальную дизадаптацию. Начался процесс утраты этими людьми гражданской и социальной идентичности, не сопровождавшийся обретением новых удовлетворительных идентичностей, в поисках которых русскоязычное население устремилось в другие страны, преимущественно в Россию. Эмиграция из новых независимых государств в значительной мере стала определяться выталкивающими факторами, связанными с изменениями в положении русскоязычного населения, с превращением составляющих его этнических групп, во-первых, в национальные меньшинства, во многих странах незащищенные и дискриминируемые, и, во-вторых, в диаспоры. Суммирующим результатом этих изменений стали страх за будущее детей и ощущение отсутствия перспектив, устойчиво занимающие первое место среди мотивов эмиграции в наших опросах. В наибольшей мере эти изменения затронули русскоязычных жителей в не-славянских странах.

Сильнейший дискомфорт, испытанный в странах выхода, зачастую на грани этносоциального шока, страх вновь оказаться в ситуации чужих, которая в конечном счете и вынудила этих людей уехать, а с другой стороны, тоска по оставленным местам, где была прожита вся жизнь или большая ее часть, порождают тенденцию переселения в Россию.

В России же мигранты сталкиваются с новым, ранее не существовавшим в современных масштабах феноменом - процессом институционализации мигрантофобии.

На наш взгляд причины отсутствия мигрантофобии в историческом развитии России напрямую связаны с причинами институционализации мигрантофобии в современное время. Таким образом, выделяется группа факторов, служащих своего рода индикаторами, условиями наличия или отсутствия мигрантофобских настроений.

Таковыми индикаторами выступают:

1. Масштабы миграционного процесса: с повышением этих масштабов пропорционально растет мигрантофобия.

2. Рассеянность миграционных процессов: с повышением концентрированности расселения миграционных потоков повышается и мигрантофобия. Исторические внутренние миграции характеризовались индивидуальностью, рассеянностью переселения.

3. Положение на рынках труда: чем более оно благоприятно, тем менее мигрантофобские настроения, тем меньше социальная конфликтность.

4. Добровольность миграции: при позитивной мотивации переезда, которая определяется притягивающими, а не выталкивающими факторами мигрантофобия не имеет конфликтной природы.

5. Вынужденность расселения в России: выбор мест проживания должен быть адекватен социальному составу и уровню урбанизированности мигрантов. При ином варианте мигранты изначально попадают в чужеродную социокультурную среду, что служит питательной почвой конфликтогенности.

Перечисленные параметральные индикаторы процесса возвращения россиян трансформировались в последнее десятилетие в резко негативном контексте. Кардинальным образом изменилась и ситуация в принимающей России. Для анализа существующей ситуации представляется целесообразным применение вышеприведенного индикаторно-модельного метода оценки негативных процессов, сопровождающих социальную приживаемость и психологическую адаптацию мигрантов.

Таким образом, мигрантофобия зарождается в случае деструктивной индикаторной специфики взаимоотношений, складывающихся между мигрантами и остальным населением. Деструктивность в данном контексте оформляется несовпадением, диссонансом объективных и субъективных процессов, сопровождающих миграцию. Такие процессы детерминируются объективными условиями и результатами миграции, субъективными социально-психологическими, политическими оценками и установками.

В своем наглядном оформлении мигрантофобия представляет собой негативную реакцию российского населения на приток

беженцев, вынужденных переселенцев, внутренне перемещенных лиц. Однако вышеуказанными категориями мигрантов мигрантофобия может не ограничиваться. Негативные реакции населения, концентрирующиеся против одной определенной группы мигрантов, неизбежно косвенно затрагивают и другие группы.

Подавляющее большинство в миграционном притоке последних лет составляли русские и представители этнических групп, традиционно проживающих на территории России.

Русские, которые возвращаются в основном в "русские" регионы Российской Федерации как впрочем и другие этносы, прибывавшие преимущественно в места своего традиционного расселения, далеко не всегда встречают здесь дружелюбный прием со стороны соотечественников

И хотя мигрантофобию в отношении вынужденных переселенцев в России нельзя назвать массовой и тем более доминирующей фобией, она, к сожалению, представляет собой довольно заметное явление.

Устойчивой тенденцией можно назвать рост негативных и индифферентных отношений к мигрантам в 2000 - 2002 г.г. Реакция населения не может не ощущаться переселенцами. С чем же связано наличие негативного стереотипа переселенцев в сознании жителей России?

С некоторой долей условности индикаторы мигрантофобии можно подразделить на две группы: объективные предпосылки и субъективные причины. Причем необходимо заметить что объективные предпосылки мигрантофобии, трансформируясь в субъективные причины приобретают попутно гипертрофированные, иногда даже демонические масштабы

Каковы же предпосылки мигрантофобии?

1. Усиление локально-идентификационных тенденций. Развитие процесса регионализации и политизация региональности привели к мобилизации локальной идентичности, существовавшей раньше в пассивных латентных формах, и к обострению на ее основе противопоставления "свой - чужой". Этому же способствовало и резкое снижение территориальной мобильности населения России после 1992 г., которое сильно сократило контакты и усилило замкнутость местных сообществ.

2. Общеэкономические предпосылки. Можно предположить, что повышение уровня мигрантофобии прямо связано с влиянием перманентного экономического кризиса, понижающего уровень жизни населения. Причины этого порядка практически не связаны с мигрантами как таковыми: они диктуются нестабильной экономической обстановкой в стране.

3. Ухудшение ситуации на рынках труда. Однако на последствия экономической стагнации накладывается повышение конкуренции на рынках труда. Именно последнее обстоятельство непосредственно связано с мигрантами. Объективно мигранты обостряют конкуренцию на рынке труда, причем такое обострение одновременно связано с более высокой квалификацией мигрантов, повышенной работоспособностью, а также с заниженными экономическими претензиями на размер заработной платы.

4. Обострение жилищных проблем. Активный целенаправленный переезд мигрантов на новое место жительства обычно приводит к повышению цен на недвижимость, что также негативно оценивается местным населением в экономическом и социально-комфортном аспекте.

5. Социально-льготная конкуренция. Участие мигрантов в распределении социальных льгот также выступает как предпосылка мигрантофобских настроений. Мигранты, претендуя на определенную социальную помощь, выступают как объективные конкуренты местному населению в процессе её получения.

6. Ухудшение оперативной обстановки. Объективная предпосылка мигрантофобии - повышение криминогенности оперативной ситуации, рост количества преступлений, эскалация вооруженного насилия. Данная причина инициирована преступлениями двух видов: в которых мигранты выступают как субъекты преступлений, и те случаи, когда они являются объектами преступных посягательств. И в том и другом случае результат един - общее повышение криминогенности, активизация криминальных структур.

Однако гораздо масштабнее по своим размерам и результатам воздействия субъективные факторы мигрантофобии. Эти факторы формируются на негативном фоне конституирования объективных причин мигрантофобии, содержание и размер которых неадекватно расширяются.

Специфика мигрантофобских настроений определяется как характером отношения населения к мигрантам, так и тактикой отношения мигрантов к коренному населению. Сложность построения адекватной модели состоит еще и в том, что сами слои населения и группы мигрантов неоднородны, и дифференцируются по разным критериям: этническому, конфессиональному, экономическому и другим. Тем не менее, с известной долей условности можно констатировать: об-

ественное мнение об одной группе в среде мигрантов в определенной степени обуславливает формирование аналогичных априорных установок о другой группе.

Оценки населения совсем не обязательно и далеко не всегда реализуются в виде конкретных проявлений в поведении и поступках. Эти оценки в значительной мере характеризуют состояние общественного сознания, сложившиеся в общественном мнении представления, образы и стереотипы.

В отличие от коренного населения восприятие переселенцев больше основывается на реальных недружественных проявлениях по отношению к себе или на оценке каких-либо проявлений как недружественных и потому более точно отражает реально складывающиеся отношения.

Первый год проживания на новом месте иногда называют "годом эйфории": у переселенцев еще не начали разрушаться иллюзии, ожидания и сильно выражено ощущение возвращения на родину, обретения более комфортной в этнокультурном отношении среды по сравнению с предыдущей.

Однако действие бюрократических препон, в первую очередь в виде ограничений на регистрацию по месту жительства приводит к практическому закрытию легальных сфер занятости мигрантов. Именно поэтому мигранты, пытаясь приспособиться с течением времени к новым условиям, становятся основными претендентами на теневые рабочие места.

Такой результат "нелегальной адаптации" ситуация служит удобным аргументом и источником обвинений переселенцев в их имманентной криминальности.

По-видимому, некоторая часть российского населения не может простить переселенцам предыдущей хорошей жизни. Очень распространено субъективное представление о вынужденных мигрантах как богатых людях, благоденствовавших в других республиках, когда остальное российское население бедствовало в России, или, по крайней мере, жило гораздо хуже.

Однако объективно бедственное современное положение вынужденных мигрантов в достаточной мере осознает и само принимающее население - в этой связи образ богатых переселенцев, претендующих на крохи благ, предназначенных нищим россиянам, относится больше к разряду мифологем.

Таким образом, имущественное положение большинства вынужденных мигрантов довольно незавидно, хотя до переезда это был неплохо обеспеченный слой населения. В этой связи, представление о богатстве вынужденных мигрантов может порождаться притоком горожан в периферийные села российских областей. Имущество, которое они с собой привозят и которое в городах и даже в пригородных селах воспринимается как обычное, на периферии может расцениваться как роскошь.

Субъективная причина мигратофобии - формально-нормированный поведенческий кодекс. Внешнее поведение мигрантов в этом контексте может восприниматься местным населением как аморальное и подозрительное, хотя по сути оно является просто инокультурным, более урбанистическим. Ведь большинство переселенцев - это бывшие жители столиц, мегаполисов с устоявшимися установками космополитичности.

Весомой субъективной причиной мигрантофобии может являться существование феномена обособленности мигрантов.

Обособленность - это объективно существующая тенденция. Этот феномен обусловлен двумя обстоятельствами: стремлением переселенцев к консолидации и с их отрицательной установкой в отношении интеграции, основанной на существующих в их сознании негативных стереотипах местного населения.

Это объясняется в основном более высокой потребностью вынужденных мигрантов в психологических механизмах, сплачивающих группу, повышающих позитивную идентичность ее членов.

Отчасти такая высокая самооценка сформировалась у переселенцев еще в странах выхода, что явилось одной из причин конфликтности их отношений с коренным населением стран прежнего проживания. Этот конфликт они в определенной степени "импортируют" в Россию, причем в наибольшей степени актуализируется он в малых городах и селах, население которых воспринимается высокоурбанизированными переселенцами как малокультурное и провинциальное.

При таких представлениях о местном населении неудивительно стремление переселенцев к некоторой обособленности. Они не избегают контактов с местными жителями, но предпочитают общение между собой. В сознании вынужденных мигрантов существует резкое разделение на "мы" и "они". По-прежнему проблема необходимости интеграции часто вызывает у них негативную реакцию. Такой субъективный негативизм иногда имеет под собой объективную почву, хотя по существу интеграция, хотя и не в равной мере, но все же процесс взаимный. Поэтому всегда остается возможность позитивного интегративного обмена, трансформации интеграции в положительных целях общего общественного блага

Таким образом, специфика процесса вынужденного возвращения, определяющая взаимоотношения между переселенцами и принимающим российским социумом, заключается в том, что в результате совпадения действия негативных индикаторных факторов миграционных процессов подготавливается почва мигрантофобии, этнофобии, ксенофобии, что может привести и иногда приводит к конфликтным ситуациям, перерастанию их в длительные формы конфликта.

Для превенции таких негативных конфликтогенных последствий необходимо проводить на теоретико-индикаторной базе комплексные мероприятия по предупреждению возникновения и развития объективных предпосылок, масштабирования субъективных факторов мигрантофобии

В.П. Уланов

КОНСТРУКТИВИЗМ КАК ЭЛЕМЕНТ ТОТАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ СЕПАРАТИЗМА

*"Общеизвестно, сэр, что никакие усилия
так не сплачивают людей, имевших несчастье*

поссориться между собой, как совместная
антипатия к одному и тому же третьему лицу"
Пэлем Грэнвил Вудхауз. "Ваша взяла, Дживс".

Банальной чертой современной демократической жизни России являются те коалиции и мезальянсы, которые заключались и заключаются, распадались и распадаются на российском политическом Олимпе. Те союзы между вчерашними врагами или непримиримая вражда между вчерашними союзниками, которые в силу своей эпатажности привлекают внимание публики, ей объясняют, как правило, беспринципностью политиков. Но беспринципность беспринципностью, а Чубайса сопредседателем партии нацболов или Э.Лимонова пресс-секретарем СПС представить все-таки невозможно.

В чем же дело? Принципиальный ответ на этот вопрос еще в 20-е годы прошлого века в рамках социологии знания дал К.Манхейм, выделив понятие частичной и тотальной идеологии: "О понятии частичной идеологии мы говорим, когда это слово должно означать, что мы не верим определенным "идеям" и "представлениям" противника, ибо считаем их более или менее осознанным искажением действительных фактов, подлинное воспроизведение которых не соответствует его интересам. Здесь речь может идти о целой шкале определений - от сознательной лжи до полуосознанного инстинктивного сокрытия истины, от обмана до самообмана" [1].

В качестве радикальной тотальной идеологии мы обозначаем идеологию эпохи или конкретной исторической и социальной группы (например, класса), "имея в виду своеобразие и характер всей структуры сознания этой эпохи или этих групп" [2]. Разница между подходами к идеологическим конструкциям, задаваемая данными определениями, очевидна: "Если понятие частичной идеологии рассматривает как идеологию лишь часть высказываний противника (и только в аспекте содержания), то понятие тотальной идеологии ставит под вопрос все мировоззрение противника (в том числе и его категориальный аппарат), стремясь понять и эти категории, отправляясь от коллективного субъекта" [3]. Таким образом, если некие политические силы имеют единую тотально-идеологическую базу, то все их взаимные демарши не более, чем торг по условиям неизбежной коалиции - торг, в принципе невозможный у носителей разных тотальных идеологий.

Проиллюстрируем эту теоретическую модель конкретным примером десятилетней давности. После провозглашения независимости Ичкерии в непримиримую политическую борьбу в республике вступили чеченские радикалы, объединенные вокруг знамени чеченской революции - генерала Дудаева, и чеченские либералы, объединенные вокруг целого сонма чеченских интеллектуалов: профессоров, академиков, директоров. В оценках друг друга противники на комплименты не скупилась. "Наш президент может только гонять над Грозным самолет [4], делать перед телекамерой физзарядку и регулировать цены на мороженое [5]", - восклицала парламентская либеральная оппозиция. "Парламент - пятая нога в телеге чеченской революции" [6], - отвечали им сторонники президента. "Триумф хамокрации" [7], - оценивал происходящее в Чечне аспирант кафедры политологии Грозненского университета. "Объясните, как это вы смогли сделать завидную карьеру в

советское время, не сотрудничая с КГБ?" - пыталась рвущихся к власти профессоров и директоров из демократического движения "Даймохк" "гвардия" М.Удугова [8].

Но вот настал октябрь 1992 года. Недалеко от Ичкерии возник осетино-ингушский конфликт, и вскоре к границам независимой Чечни подошли российские танки. В эти же дни выходит в свет номер газеты чеченских либералов "Импульс", специализировавшейся на прославлении идеалов демократии и критике дудаевского режима, в котором в статье "Без взаимных угроз" движение "Даймохк" заявило, что "на период внешней угрозы чеченской республике оно приостанавливает оппозиционную деятельность...Если конфликта не удастся избежать, то члены движения будут в первых рядах защитников своей Родины. Именно поэтому даймохковцы сформировали свой батальон в Урус-Мартановском районе" [9].

Итак, спор о том, должна ли быть Чечня президентской или парламентской республикой, могут ли занимать в ней важные посты люди с несколькими судимостями или все должно достаться лицам с несколькими дипломами о высшем образовании - лишь следствие столкновения частичных идеологий, если и та, и другая сторона стоят за полную независимость своей республики от России. Но, конечно, о тотальной идеологии сепаратизма в России говорить на уровне "любит-не любит" некий субъект федерации, точнее, его титульный этнос, нашу общую Родину не следует: как известно, Россия не доллар (а русские - тем паче), чтобы ее все любили. Тотальная идеология сепаратизма есть обусловленное определенными структурами сознания видение социально-политического пространства России, в котором сепаратизм оправдан, объективно обусловлен и абсолютно необходим.

При этом моделисты-конструкторы, создающие тоталитаристские структуры сепаратистского восприятия российской действительности, на уровне частичной идеологии могут объявлять и даже воспринимать себя государственниками, патриотами РФ и т.д. Если так оно и есть, тем более следует показать двусмысленность их теоретических построений, доведя ряд их недоразвиваемых посылок и элементов до "совершенства". В качестве базы сепаратизма как тотальной идеологии я предлагаю рассмотреть конструктивизм.

Истоки и смысл русского конструктивизма.

Вот уже полтора десятка лет главный российский этнолог и антрополог, доктор исторических наук, специалист по индейцам США и Канады В.А.Тишков предпринимает попытки "пост-националистически взглянуть на национализм". Попытаюсь и я кратко и более-менее систематически изложить его взгляды по этому вопросу, что, как покажу в дальнейшем, является достаточно нелегкой задачей.

Итак, нация, а также этносы и их производные (суперэтносы, субэтносы и т.д.) - по большому счету, научно-политический миф. Не существует естественных, биополитических или биосоциальных общностей людей, а есть конструкции политиков и ангажированных ученых, которые под лозунгом единой нации или этнического возрождения мобилизуют обывателей, наращивая тем самым свой социально-политический капитал.

Большинство людей, которых "достали" живущие в непосредственной близости представители иных этнических общностей, пожалуй, воскликнут: "Как верно сказано!". В самом деле: перед нами, по сути, отказ в предмете любого межнационального спора, попытка - либеральная до основания - свести "реализацию главной жизненной задачи" каждой личности к "социальному преуспеванию": ведь "человек рождается не для служения нации" [10]. Ладно, когда подобные идеи поддерживает убежденный русский либерал, но когда хвалу конструктивизму я стал встречать на страницах исследований, далеких от либерализма, но зато близких к этнонационализму, стало ясно, что здесь скрыта какая-то концептуальная тайна.

Пришлось в очередной раз припасть "воспаленной губой" (В.В.Маяковский) к трудам человека, не посчитавшего за труд снабдить "грамотными и политически ориентированными формулами" конструктивизма "наше малопрофессиональное обществоведение" [11]. Обратившись к его трудам и в его веру В.А.Тишков помимо прочего, подобно искусному индейскому знахарю, намекал на возможность избавления от "интеллектуальной импотенции" [12]. Заинтригованный такой, нечасто встречающейся в академических изданиях рекламой, я погрузился в изучение, стало быть, "интеллектуального приапизма". Правда, меня ожидали немалые трудности. Известно, что человек, длительно разрабатывающий какую-то тему, в конце концов отождествляет себя с предметом изучения. Вот и В.А.Тишков стал применять в своем научном творчестве некоторые индейские методы, в частности, такой известный, как запутывание следов.

К примеру, профессор заявляет: "Мой подход основан на том, что нация - это категория семантико-метафорическая, которая обрела в истории большую эмоциональную и политическую легитимность и которая не стала и не может быть категорией анализа, то есть стать научной дефиницией...Достаточно ясно, что эта дефиниция не работает применительно к основным формам человеческих коллективов (государственные образования и этнические общности - В.У.), на которые она распространяется как учеными, так и представителями самих этих коалиций" [13].

Не работает - и ладно! Забудем о нации! Но дальше мы читаем: "Наряду с гимном и гербом метафора нации служит символом в утилитарных целях достижения консолидации и общей лояльности населения государства. Общая гражданская идентичность, которая достигается через понятие нации, не менее важна для государства, чем конституция, общие правовые нормы и охраняемые границы. Ибо этот общий дискурс о нации придает важную дополнительную легитимность государственной власти через создание образа, что последняя представляет некую целостность и осуществляет управление от ее имени и с ее согласия" [14]. Как мы видим, здесь уже речь идет не о том, что категория нации приобрела политическую легитимность, а о том, что с помощью этой категории легитимизируется государственная власть, а это все-таки разные стороны рассматриваемой проблемы. Причем, если быть последовательным, то наряду с категорией нации надо отказать в значимости гербу и гимну, конституции и государственным границам, которые, строго говоря, вряд ли в каком-либо государстве отвечают всем критериям научности. Так, может быть, все-таки стоит оставить в социально-политическом дискурсе категорию нации, если с ее помощью происходит утверждение "общеразделяемого чувства принадлежности к государству не

только через оформление правовой связи и обязательств между бюрократией и гражданином, но и через эмоциональную лояльность или привязанность" [15]? Ведь это так важно для современного расколотого общественного сознания России.

- Нет, - отвечает В.А.Тишков, - это невозможно в принципе, а у нас еще и в силу тяжелого советского наследия. Ведь тоталитарный режим "позволил себе роскошь осуществить этнонациональный принцип в политике и в государственно-административном устройстве страны...в полемических целях (как известно, большевикам в условиях развала Российской империи либерально-демократическими деятелями Февральской революции только и оставалось заниматься научными спорами - В.У.) осуждения "буржуазного федерализма" [16]. В результате уже в 90-е годы, когда в России идейные потомки Февраля 1917 года опять начали проводить "антиимперскую" национальную (то есть антинациональную) политику, "на Западе по причине инерции менталитета холодной войны" этого не поняли и решили российскую "мини-империю" дожать: "Именно в последние годы международные юристы стали пересматривать доктрину самоопределения в пользу отказа от принципа территориальной целостности государств и признания самопровозглашенной сецессии. Именно в последние годы политические философы сделали радикальный пересмотр понятия "национальность" в пользу его этнокультурного (советского) смысла" [17]. Остается, правда, неясным, почему вышеупомянутые политические философы не сделали этого пересмотра, пока существовала сама "Советская империя", а занялись этим, когда в Кремле оказались ее ненавистники и разрушители. Но уважаемый доктор исторических наук, стоит только возникнуть проблеме "как и почему это произошло" - то есть проблеме собственно исторической - как правило, заявляет, что "это другой вопрос" [18] и снова возвращается к раздумьям над дефинициями. Последуем же за ним и попытаемся перевести вышеприведенные мысли с "конструктивистского" на русский.

По причине того, что после разрушения СССР Россия все равно сохранилась как полиэтничное и огромное по территории государство, международные юристы, проживающие в дружественных нам теперь странах, продолжают холодную войну Запада против русского и братских ему народов, начатую задолго до октября 1917 года и тем более декабря года 1922. На современном этапе, не имея возможности использовать в борьбе с Россией антикоммунистическую риторику, данные юристы делегитимизируют российское государство в его современных границах, рассматривая прежде всего титульные (но не только) этносы РФ в качестве наций с правом на самоопределение вплоть до отделения, провоцируя тем самым "попытки реализовать принцип этнической государственности через узурпацию власти представителями одной группы, через подавление меньшинств или через сецессию" [19].

С этим утверждением можно только согласиться. Этнический национализм, возвращаемый на постсоветском пространстве международными юристами и политическими философами из различных фондов и гуманитарных миссий, действительно является мощным дестабилизирующим обстановку в стране фактором, с которым необходимо решительно бороться. Другое дело, как пишет В.А.Тишков, этнический национализм у русских. У них (то есть у нас) этнический национализм выступает "в чем-то с претензией на общегосударственный патриотизм", в результате чего "в

данном случае грань между этническим и гражданским (государственным) национализмом в значительной степени стирается" [20]. Итак, оставим в силе русский и татарский этнонационализмы, как близкие к национализму гражданскому, а остальным откажем в праве на существование.

-Вы опять меня не так поняли, - скажет на это В.А.Тишков четырьмя страницами далее, - ведь периферийный этнонационализм (но никак не гегемонистский, коим в нашей стране, как легко догадаться, является этнонационализм русских) "в своих неэкстремистских культурных и политических формах играет позитивную роль, содействуя, в частности, в России децентрализации власти и сохранению культурной отличительности и целостности групп. Этнонационализм, будучи антиподом основанного на правах человека гражданского общества, в настоящее время компенсирует недостаток демократии и общегражданских лояльностей. Он может быть ослаблен или устранен только через улучшение социальных условий существования и общественного правления в рамках доктрины культурного плюрализма и принципа "единства в многообразии". Ведь "самым серьезным препятствием на пути утверждения гражданского национализма (или российского патриотизма) является не столько национализм нерусских народов, сколько национализм от имени "русской нации" как некоей "государствообразующей" или "сплывающей" нации, да еще превращающий ее в некий "суперэтнос" [21].

Да, это, конечно, не "интеллектуальная импотенция". Это какая-то "интеллектуальная камасутра". Прежде, чем привести следующие несколько примеров диалектического мышления вождя российских конструктивистов, обратим внимание на еще одну особенность индийского мышления. Многие специалисты в области индийской культуры отмечают и отмечают удивительную наивность примитивных народов. Чем, как не долгой работой среди индейцев, можно объяснить надежду В.А.Тишкова на существование где-то "неэкстремистских культурных и политических форм" этнонационализма, а также на миротворческий потенциал "доктрины культурного плюрализма"? Что касается последнего, то, как показано Э.Хобсбаумом, "фольклорно-литературный" (культурный) этап сплошь и рядом представляет собой лишь первую фазу националистических движений, которая переходит в стадии формирования политических требований и взятия их на вооружение широкими массами [22]. А уж будут ли они после этого экстремистскими или толерантными, думается, заранее никто предсказать не сможет. Вот, например, в Прибалтике в конце 80-х русские оказали активную поддержку автохтонам в придании государственного статуса языкам титульных наций как первому шагу на пути к независимости прибалтийских республик. А потом "оккупанты" в лице одного из русских лидеров демократического движения Латвии Владлена Дозорцева с удивлением обнаружили, что "к сожалению, в кадровой политике нарастает вал шовинизма...Республику покинули многие ценнейшие специалисты-нелатыши. Их убирают и под предлогом незнания языка, и под предлогом неблагонадежности... Право собственности на недвижимость, на землю - только гражданам. И теперь вообще не поймешь - что же осталось негражданам, кто они вообще, чем и как им жить" [23].

Давно известно: если что-то не понимаешь в какой-либо проблеме, обратись к профессионалу. В этнонациональной проблематике главным российским специалистом является В.А.Тишков.

Вот что он пишет на эту тему: "Этносы", "суперэтносы", "субэтнические группы", "национальные группы" и многие другие неизвестные мировой науке понятия и категории вошли в язык официальных текстов постсоветской политики, провоцируя конфликтность" и будучи "с нучной точки зрения уязвимы или просто бессмысленны" [24]. Это статья В.А.Тишкова "О нации и национализме". А вот статья "Забыть о нации": на современном этапе выработки национальной политики России "речь идет...не о ликвидации этнокультурных общностей...Этнические общности существовали в России до "социалистических наций" и будут существовать после них" [25]. Впрочем, как мы видим, В.А.Тишков действительно "забыл": но не о нации, поскольку требование ее забвения ему постоянно приходится держать в памяти, а о том, что он сам писал в одной из предыдущих статей.

Подобное явление М.М.Бахтин, изучивший его на примере творчества Ф.М.Достоевского, назвал полифонией. Не подумайте плохого: это смешение в одном сознании самых противоречивых суждений, вызванное, как правило, противоречивостью исторической эпохи, в которой проживает персонаж произведения. В данном случае полифония вызвана реальной сложностью самих объектов исследования, то есть этноса и нации. Давно уже исследователи нашли выход из крайностей примордиализма и конструктивизма, доказав, что в любом этносе и нации есть как черты "статические" - примордиальные, так и "динамические" - ситуационно конструируемые, причем существуют они в неразрывном единстве. Так зачем же стулья ломать?

Сейчас мы на этот вопрос и попытаемся ответить. Вот В.А.Тишков, в очередной раз заклеив нацию как семантико-метафорическую категорию, провоцирующую политическое соперничество, призвав забыть о ней, о категории, видимо, как о первопричине этнонациональных конфликтов, вдруг замечает: "Кто успешнее и кто менее успешно пользуется метафорой нация на общегосударственном уровне зависит не только от осознанных усилий самого государства в сфере идеологии... Богатые государства с социально благополучным населением и с либеральными свободами легче добиваются лояльности своих граждан, которые готовы признать "единую нацию" и считать ее своей родиной, поскольку в ней живется лучше, чем в соседних или в далеких странах. Гомогенный облик западноевропейских наций-государств обусловлен...безоговорочным предпочтением большинства членов этих сообществ пребывать в достигнутых условиях социального комфорта" [26].

В принципе в национальном вопросе мы имеем следующую типологию - "существование слабых и сильных, богатых и бедных государств с разными политическими режимами, в которых граждане и особенно элитные элементы испытывают разные степени лояльности и возможности их проявления". Исходя из этого, "сегодня перед государствами бывшего СССР главный вопрос заключается в улучшении условий жизни гражданина и в укреплении законодательного регулирования общественных процессов...В условиях глубоких трансформаций и смены (ослабления) государственных институтов важнее сам по себе обеспечиваемый прежде всего государством социальный порядок, чем форма, в которой он осуществляется, и идея, которой он освящается" [27].

Итак, казалось бы, дело ясное. Рост этнонационализма в РФ обусловлен развалом за реформаторское десятилетие советского производственного наследия, падением уровня жизни и т.д., но

никак не содержанием категориального аппарата российской этнологии. Но нет, вспомнив о своей главной идее, В.А.Тишков восклицает: "Если мир будет оставаться заложником идеи нации и не найдет другой более рациональной доктрины государствообразования, тогда России предстоит трудный процесс переобучения экспертов, политиков и населения пользоваться иным смыслом этого слова, в основе которого не этнос, а демос как субъект самоопределения" [28]. В общем, если раньше оставались хоть какие-то надежды на решение национального вопроса в России благодаря усилиям самого российского демоса, то эти надежды В.А.Тишков похоронил окончательно: ждите теперь, пока весь мир найдет другую доктрину государствообразования! Ведь, как показал сам профессор Тишков, "международные юристы" занялись сейчас научным обоснованием как раз-таки доктрины этнонационализма, развивая ее аккуратно под развал российской мини-империи. Легко себе представить, чему эти юристы и подобные им политические философы "переобучат" наших экспертов и политиков - ведь, как повелось с эпохи перестройки, учиться российской элите больше не у кого.

Думается, после подобных интеллектуальных кульбитов возможность толкования конструктивистских построений В.А.Тишкова и вкрявь и вкось ни у кого не вызовет сомнений. На основании этого я предлагаю определить конструктивистскую концепцию В.А.Тишкова как научный миф. Вполне возможно, это не помешает им обоим одержать в российской этнологии победу. Но тут надо учесть, что пока гордые российские этнофоры, испорченные национальной политикой большевизма, начнут воспринимать себя демосом, или плебсом, из конструктивизма интеллектуальные импотенты - а В.А.Тишков знает, что "нас тьмы и тьмы, и тьмы" (А.Блок) - могут сделать два взаимоисключающих вывода.

Во-первых, конструктивизм тотально делегитимизирует понятие национального государства, то есть отрицает необходимость лояльности по отношению к нему со стороны как элит, так и самого плебса. Если нации как реальности нет, а есть лишь некий фантом - все позволено по отношению к государству, подданным или формальным руководителем которого ты являешься. Ведь идея нации, как это признает и сам В.А.Тишков, выполняет важную интегративную функцию в атеистическом государстве модерна, переводя формальные отношения господства-подчинения на внутриличностный интимный уровень. Равно как смысл примордиализма в выполнении им функции воспроизводства образца, то есть в доказательстве не извечности того или иного этноса, а изначальности этнических моделей поведения для каждого этнофора в силу того, что следование этим моделям помогало выживать его предкам в определенной экологической и геополитической нише. То, что это "сконструировано", то есть не от природы дано, ничего не доказывает. В человеческом обществе все сконструировано: человек изначально погружен в систему символов, называемую культурой.

Зато отрицание реальности нации и этноса, в чисто научном плане представляющее собой вламывание в открытую дверь, в плане политическом вполне укладывается в логику глобализма: сущность глобализма на современном этапе - "в общем принципе нового естественного отбора, который требует ликвидации любых средств, помогающих слабым и неприспособленным защи-

щаться от напора сильных и приспособленных. Важнейшее из этих средств - национальное государство, оказывающее протекционистские услуги своей экономике и своему населению. Тот самый социал-дарвинистский принцип, который требовал разрушения социального государства - прибежища неприспособленных внутри страны, требует демонтажа национального суверенитета и границ, рассматриваемых как прибежище неприспособленных народов, уклоняющихся от законов мирового рыночного отбора" с помощью ненаучных доктрин [29].

В.А.Тишков об этом не писал? Он утверждал обратное? Да он обо всем утверждал "обратное", но общая линия из его взаимоисключающих друг друга утверждений все-таки выстраивается. В чем, к примеру, пафос его обращения к опыту нацистроительства в западных странах? В том, чтобы сказать: родина не там, где ты родился и крестился, а там, где ты можешь реализовать свою главную жизненную задачу - достичь социального преуспеяния, где ты обретешь надлежащие условия социального комфорта. Отсюда земля, в которой тебе приходится мерзнуть и голодать - не родина тебе, даже если ты на ней родился, а основа политического мифа о воображаемой общности. Так пусть же княжить и владеть ею будут те, кто уже доказал свою способность к созданию "предпочтительных социальных условий жизни" у себя и к установлению где угодно "желанного (для них же - В.У.) социального порядка" (как, например, страны НАТО в Ираке, Югославии, Афганистане, бывшей советской Средней Азии), а "форма, в которой он осуществляется, и идея, которой он освящается", не так уж важны. Впрочем, решать, что главное в социально-политической идентичности - ирреальное чувство национальной принадлежности или чувство реального социального комфорта (вовсе не гарантированного всей "нацией" в случае перехода ее элиты под патронаж светочей "мировой цивилизации") - это, как говорится, личное дело каждого, дело ценностного выбора, но опять-таки "не наука".

Итак, глобалисты увидят в конструктивизме именно этот сюжет. А какой существует лучший способ развалить национальное государство, учитывая его полиэтничный состав и доминирование культуры лишь одной из проживающих в нем этнических общностей? Правильно, натравить обделенных на ассимиляторов. Как ни странно, но конструктивизм и тут придется в самый раз. Выше уже отмечалось, что в любой этнической, как и национальной, общности есть примордиальные, а есть и сконструированные профессионалами производства символической продукции черты. Но это еще не вся правда. Правда в том, что у разных этнических общностей эти черты имеют разную по интенсивности выраженность. Проиллюстрируем это отечественным примером.

Русские на протяжении тысячелетней истории своей государственности находились на перекрестке весьма интенсивных этнических перемещений. При этом они обладали письменностью, что позволяло русским грамотеям, не предвидевшим появление конструктивистов, исправно фиксировать иноэтнические вкрапления в русский этнос. Известно, какие выводы в области русского этногенеза сделал на основе этого обстоятельства великий примордиалист Л.Н.Гумилев.

С другой стороны, народы Кавказа умело избегали "полного контакта" с мощными иноэтничными потоками, уходя в горы и сохраняя тем самым чистоту своего генофонда. Более того, различные случаи "порчи крови", даже имея они место, не могли быть зафиксированы по причине

отсутствия необходимой для этого письменной традиции. В результате в случае с русскими мы имеем сконструированный - собранный - чуть ли не на наших глазах из славян и тюрков этнос, а в случае с северокавказскими народами - примордиальные общности, ведущие свою незамутненную чужими генами родословную едва ли не с начала антропогенеза. Поэтому неудивительно, что адыгейскому исследователю советского интернационализма М.Б.Беджанову, с одной стороны, "импонирует...справедливое высказывание Э.Геллнера": принято-де считать, что у человека должна быть национальная принадлежность, как есть у него нос и два уха; все это кажется очевидным, однако на самом деле это не так; национальная принадлежность - не врожденное человеческое свойство, но теперь оно воспринимается именно таковым [30]. А, с другой стороны, по мнению М.Б.Беджанова, "этничность, национальное - нечто древнее, почти вросшее в нас на биологическом уровне" [31]. И никакого противоречия здесь нет, если принять, что "безухие" и "безносые" - это, скорее всего, "сконструированные" русские. А их противоположность - чистокровные народы Кавказа. Вот вам и готово "расистское" толкование конструктивизма.

Внимательный читатель, конечно, уловил в приводимых мной рассуждениях В.А.Тишкова момент, когда он из области спекулятивных дефиниций, куда его закономерно заводит "семантико-мифологическое" толкование понятий этнонационального дискурса, внезапно переместился в область социальной реальности, заметив, что, в общем-то, конструируй - не конструируй понятие нации, а главное в процессе нациестроительства - наличие воспроизводства данного социального организма в конкретных государственных границах. Исходя из этого, можно дать следующее толкование нации, как системы, включающей в себя: 1. Экономическую подсистему, условием формирования и воспроизводства которой является создание и расширенное воспроизводство индустриального сектора экономики; 2. Политическую подсистему, условием формирования и воспроизводства которой является наличие необходимого количества прибавочного продукта и соответствующих кратических традиций в обществе, позволяющее содержать модернистские институты юридически и фактически суверенной государственной власти; 3. Культурную подсистему, основой которой является создание на базе традиционной культуры одного из проживающих в стране этносов и идеологемы "нация" (или ее функциональных аналогов) единой государственной системы образования (с начальной школы до получения ученых степени) и, как следствие, общенационального дискурса (единых для всего населения государства структур восприятия базовых характеристик действительности). Поскольку с разрушением СССР ни одна из стран СНГ и Прибалтики всем этим критериям в совокупности не отвечает, можно утверждать, что последней по времени нацией на занимаемых этими государственными образованиями пространствах была такая историческая общность, как советский народ, и ни один субъект РФ по отдельности на уровень нации тем более не тянет.

Очевидно, что данная позиция во многом противоположна тишковской. Если В.А.Тишков "демистифицирует" понятие нации, сводя ее реальность к "лидерам и активистам-интеллектуалам", то вышеприведенное определение делегитимизирует "лидеров и интеллектуалов", не способных обеспечить воспроизводство национального организма. Основываясь на этом

определении, относящемся к тотальной идеологии державного надэтнического национализма, подойдем к работам северокавказских исследователей, так или иначе апеллирующих к конструктивизму в качестве теоретической основы своих рассуждений и развивающих вследствие этого отдельные сепаратистские сюжеты.

Желание быть собой: национальная идея
как сеанс коллективного соблазнения.

Среди современных исследователей национального вопроса в России, которым выход из "концептуальной трясины,..присутствующей в современных штудиях национализма" [32], указал В.А.Тишков, видное место принадлежит А.А.Цуциеву. Он занимается этнонациональной проблематикой в районе острых межэтнических противоречий, принадлежа к автохтонному этносу, а это дорогого стоит с точки зрения остроты восприятия и глубины понимания проблемы. Но тот ценный материал, который содержится во всех известных мне статьях осетинского исследователя, как только автор вспоминает о постулатах конструктивизма, начинает приобретать своеобразный политический акцент, о котором я и попытаюсь сейчас дать представление. За основу будут взяты работы "Перспективы урегулирования осетино-ингушского конфликта" и "Национальная идея как ядро концепции национального развития", написанная совместно с Л.Дзугаевым.

В первой из названных статей автор подчеркивает функциональное различие между "объективными предпосылками" исследуемого конфликта и его "субъективным конструированием", после чего сообщает, что конструктивист Д.Десслер "объективные предпосылки" уничижительно называет "background". Это всего лишь "фон" [33]; иначе говоря, это работа для марксистов-примордиалистов, традиционно занимающихся изучением этнических, исторических, демографических и экономических факторов межнациональной конфликтности.

Но конструктивисты знают, что сами по себе эти факторы - ничто, ибо "сила связей, различные формы солидарности никогда не существуют вне влиятельных социальных агентов, которые своей деятельностью олицетворяют смысл солидарности, ее содержание, "святость" и надежность связей, соединяющих группы в единое целое...Иначе говоря, солидарность нужно "проводить в жизнь". Ее проводит и утверждает элита" [34]. Именно стратегии элит, выстраиваемые, конечно же, на основе "презренных" "объективных предпосылок", "фона", и актуализируют конфликт.

Собственно, здесь спорить не с чем. С тем, что этнолидеры обладают большим талантом в стравливании народов друг с другом, согласится любой примордиалист. Но можно ли "конструированность конфликтности" отождествлять с "конструированием этничности"? Судя по всему, да. Ведь "возможность иноэтнического террора" не сможет отменить никакое государство [35]; значит, хорошо сконструированный конфликт практически вечен, а раз конфликт, в свою очередь, конструирует этничность - следовательно, спровоцированный элитами конфликт равнозначен этногенезу.

Вот, например, какими видит хронологические перспективы осетино-ингушского конфликта А.А.Цуциев: перемены, ведущие к формированию солидарности поверх узкогрупповых, этнических связей и способствующие тем самым смячению разрушительных тенденций, "зреют десятки

лет и никогда не станут необратимыми". Естественно, что данный процесс зависит от параллельного возникновения в конфликтующих группах "элит-плотин", которые синхронно займутся разрушением "синдрома коллективной ответственности и коллективной солидарности" [36], то есть расконструированием этничности. Иначе говоря, процесс урегулирования политико-правового конфликта вокруг статуса Пригородного района "открывает целый спектр возможностей для того, чтобы элиты обеих сторон показали свое качество и уровень политической культуры - будет ли это безоглядное упорство в требованиях "реализовать в полном объеме закон о реабилитации"...или что-то более компромиссное...Занятые рутинной сценической стратегией урегулирования (конечно же, под воздействием "фона" - В.У.) политики обеих сторон могут сделать возможным совмещение фоновых целей". Итак, перспективы ясны. Десятки лет осетинская и ингушская элиты будут за столом переговоров решать вопрос о статусе Пригородного района, причем смена поколений будет, вероятно, возвращать маятник конфликта в зону дестабилизации [37].

На фоне этого вечного двигателя глубоким смыслом наполняется помещенная на стр.61 дежурная фраза об "игре сторон": где есть игра - там должна быть и команда [38]. Десятки лет одни "идеологи" из разных команд будут формулировать "взимоисключающие" картины мира, а другие - "блокировать и развенчивать" труды экстремистов [39]. И, самое главное, что у них, судя по практически прошедшим десяти годам с начала осетино-ингушского конфликта, это, скорее всего, получится. Что же это значит? Признание правоты конструктивистов в том, что именно корыстный интерес элит - интерес в воспроизводстве своей актуальности - творит этнические общности посредством этнических мобилизаций? На мой взгляд, в рассматриваемом случае, по крайней мере, в том, что касается осетинской стороны, реальная ситуация доказывает слабость конструктивистской концепции. Посмотрим, к примеру, что вызывает недовольство А.А.Цуциева и Л.Б.Дзугаева в современном им осетинском обществе.

В Осетии, по их мнению, преобладает "плачущая национальная идея". Ее адепты, говоря о "гибели" и "катастрофе" Осетии, пытаются найти выход для нее с помощью каких-то внешних гарантий [40]. Они отвергают "путь свободы, самоиспытания и творчества, путь риска и жизни, создающий сильный народ с достойным будущим". Они выбирают "путь несвободы, бегства от испытаний, путь медленной смерти, путь без всякого риска". Они "не почувствовали, что высший соблазн современной эпохи - быть собой. Этот соблазн уже вызвал мощный и повсеместный этнический подъем. И осетины уже никогда не исчезнут, потому что они уже вкусили этот соблазн. Он с неизбежностью развернет их прочь от былых ценностей служилой русификации, культурной кавказизации или политической советизации" [41].

Другими словами, в то время как осетинская политическая элита и - особенно - ее культурные легитиматоры горят желанием проявить "волю, волю государственной власти, волю к гражданской солидарности, волю защищать свои права, волю вкладывать деньги и т.д." [42], осетинский народ, к примеру, в Южной Осетии пока не развернул "никаких самоутверждающих практических действий ни в строительстве, ни в других сферах" [43].

Итак, критика соавторами осетинской общности за нежелание стать собой сводится, в первую очередь, к тому, что осетины по-прежнему предпочитают "былые ценности служилой русификации" "врастанию в территорию" [44] под флагом национальной идеи. Осетин понять можно, поскольку два самых распространенных способа "врастания в территорию" под флагом национальной идеи на постсоветском пространстве - это рытье окопов и могил. Поэтому они, переживая "крах коммунистически-советского гарантированного мира", продолжают ожидать гарантии национальной безопасности и "процветания" [45] взамен исчезнувших советских по старому московскому адресу. При этом доказательства того, что иерархия национальных ценностей и приоритетов изменилась на новом историческом этапе и вместо врастания в российскую государственность и общероссийское социокультурное пространство надо восходить к своей уникальности, судя по разочарованности соавторов темпами раскрытия творческого потенциала осетин, находят слабый отклик. Почему бы это?

Вот А.А.Цуциев перечисляет "объективные" - фоновые - препосылки осетино-ингушского конфликта и его воспроизводства в экономической сфере: "общая дотационность региона и перспективы долговременного отставания региона от темпов развития в среднем по стране" [46]. Какое экономическое развитие автор обнаружил в 1998 году в целом по РФ - это вопрос в данном случае непринципиальный, ровно как и положение дел в северокавказской экономике в целом. Зато следует отметить, что непосредственно в Северной Осетии и Ингушетии в отрезки времени, близкие к началу конфликта вокруг Пригородного района, наблюдались случаи не только "экономического отставания", но и "экономического преуспевания".

Так, в Северной Осетии в 1992 году местное правительство "вынуждало предприятия республики сдавать лом цветных металлов исключительно кооперативу "Вторчермет" в обход государственных структур". Лом продавался за границу по цене в 40 раз большей закупочной, в результате чего "вторчерметовцам" удалось "прикарманить...по курсу того времени...около 25 миллионов долларов", что послужило в дальнейшем почвой для целого ряда громких скандалов на осетинском политическом Олимпе, не прекращающихся до сих пор [47].

С другой стороны, в Ингушетии после прихода к власти Р.Аушева была создана свободная экономическая зона "Ингушетия": "Зона стала громадным насосом, перекачивавшим деньги из всей России в маленькую Ингушетию, по размерам сравнимую с двумя-тремя районами Московской области и вообще лишенную значимых природных ресурсов и полезных ископаемых. Но богатство Ингушетии стало прирастать Сибири, компании регистрировались в Назрани, получали налоговое освобождение, но платили администрации "зоны" разовую дань. Причем далеко ездить было не нужно, скажем, в Москве достаточно было добраться до Фрунзенской набережной" [48.].

Интересно, что наличие столь мощных финансовых потоков, омывавших территорию близ Пригородного района, слабо отразилось на процветании местных жителей: в Северной Осетии в конце 1998 года 31% работоспособного населения были без работы (в среднем по РФ эта цифра составляла 11,5%), тогда как в Ингушетии эти цифры были еще выше. Хуже по РФ эти показатели

были только в Дагестане [49]. Это к тому, что вышеупомянутые финансовые потоки не стали инвестициями в республиканское, под флагом национальной идеи развиваемое производство.

Если о данных финансовых гольфстримах узнали московские журналисты, то уж в самих республиках про них было известно тем более всем от мала до велика. А ведь "народ" верит лишь в ту элиту, которая тянет вместе с ним одну лямку: и с этой точки зрения неудивительно, что многие осетины по-прежнему на Москву надеются больше, чем на своих "лидеров" и "идеологов". Предвижу недоумение: это что, пресловутая федеральная власть "тянет одну лямку" с северокавказскими народами? Представьте себе, да. Если уж на то пошло, именно Федеральный центр содержит воинские части, разнимающие давних соседей то в одной, то в другой части Северного Кавказа. И это Федеральный центр, по некоторым оценкам, обеспечивает доходную часть бюджетов Северной Осетии и Ингушетии на 65 [50] и 80-85% [51] соответственно, в то время как "выразители национальных идей" "восходят к своей уникальности". Причем даже их переговоры по поводу конфликта, который некоторые лица уже наметили перевести в ранг народной традиции, проходят под контролем представителя Москвы.

Итак, поверив В.А.Тишкову, что этносы и нации конструируются элитами, осетинские авторы занялись воспитанием воли к уникальности у народа, судя по всему, связывающего свою историческую судьбу с нахождением в российском социально-политическом и социокультурном пространстве, то есть проявляющего волю к социально-политической и определенной культурной унификации. Поэтому необходимость развития национальной государственности в направлении восхождения к уникальности обосновывается, в частности, тем, что федеральное государство (непонятно кто) могут попытаться "представить исключительно в качестве "русской этнонациональной государственности" и использовать его институты для осуществления соответствующей только такому статусу политико-правовой деятельности" [52]. Возникает вопрос: за что такие подозрения? На каком историческом опыте они основываются? Когда это Москва выступала по отношению к Осетии в качестве русской этнонациональной государственности? Когда казачьими районами Ставрополя компенсировала Чечено-Ингушетии приобретение Осетией Пригородного района?

Вобщем, запугивание осетин "русской этнонациональной государственностью" имеет лишь одно объяснение: это прогноз на будущее, вероятная и - возможно - желательная для "национальной элиты" реакция Москвы на определенные попытки "соблазнения" осетин стать "самими собой". Зачем ей, элите, это надо, соавторы объясняют очень четко: именно в нее входят те осетины, которые, уже вкусив этот соблазн, "с неизбежностью развернулись прочь от былых ценностей служилой русификации", ставя последнюю в один ряд с культурной картвелизацией и приравнивая тем самым политику Москвы в отношении Северной Осетии к политике Тбилиси в отношении Осетии Южной.

В этом - вся суть конструктивистской концепции. Объявляя "элиту" творцом "этничности", она, как ловкий фокусник, концентрирует внимание зрителей на "лидерах" и "идеологах", сводя к их "стратегиям" и "играм" все чаяния и надежды этноса. Посему предпочитаемый носителями по-

добных взглядов способ решения этнических проблем заключается не в укреплении российской государственности, не в восстановлении общероссийского экономического пространства (вот по каким "векторам" регионы должны оказывать давление на федеральную власть!) - а в выращивании в республике некоего "гражданского достоинства" на одной клумбе с "так ненавистными сегодня в Осетии (неужели "народу"? и с чего бы это? - В.У.) "буржуазными" институтами: ...свободные и честные выборы, ... снова и снова - свободные и независимые от власти СМИ, ...разделение властей" [53].

К сожалению, эти институты обуславливают не воспроизводство этносов и наций, а лишь воспроизводство национальных и наднациональных элит, получающих в кормление "Вторчерметы" и свободные экономические зоны. Так что знаменитый призыв В.А.Тишкова следует дополнить: Осетин (ингуш, русский...), забудь о нации и помни о ее элите! Для того, чтобы обеспечить такое забвение и тем самым снизить межэтническую напряженность, В.А.Тишков, как уже отмечалось, предложил ввести вместо мифологических понятий-пустышек "нация" и "этнос" куда как более конкретное понятие "народ".

Перспективы такой игры в конструктивизм В.А.Тишков указал вполне откровенно: "забыть о нациях во имя народов, государств и культур, даже если будущие исследователи подвергнут сомнению и эти последние дефиниции" [54]. Как в воду глядит профессор: в случае погружения российского национального государства в омут сепаратизма этнографическими государствами проживающих в России народов, эти дефиниции будут подвергнуты сомнению моментально.

Литература

1. Манхейм К. Идеология и утопия// Манхейм К. Диагноз нашего времени. 1994. С.56.
2. Там же. С.56-57.
3. Там же.
4. С болью о настоящем, с надеждой о будущем//Голос Чеченской республики. 1992. 10 сентября.
5. Преодолеть кризис политическим диалогом//Голос Чеченской республики. 1992. 11 сентября.
6. Протокол схода граждан села Хаттуни//Свобода. 1993. 12-16 марта.
7. Триумф хамократии//Импульс. 1992. №35.
8. Зашевелились//Ичкерия. 1992. 24 сентября.
9. Без взаимных угроз//Импульс. 1992. №45.
10. Тишков В.А. Забыть о нации//Бюллетень Центра социальных и гуманитарных исследований Владикавказского института управления и Владикавказского центра этнополитических исследований Института этнологии и антропологии РАН (далее - Бюллетень). 1999. №2. С.33.
11. Тишков В.А. О нации и национализме//Бюллетень. 1998. №1. С.20.
12. Тишков В.А. Забыть о нации. С.16.
13. Там же. С.28.
14. Там же.

15. Там же. С.28-29.
16. Там же. С.30.
17. Там же. С.20.
18. Там же. С.28.
19. Тишков В.А. О нации и национализме. С.9.
20. Там же. С.15.
21. Там же. С.19.
22. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб, 1998. С.23.
23. Губогло М.Н. Переломные годы. Т.1. Мобилизованный лингвицизм. М., 1993. С.165-166.
24. Тишков В.А. О нации и национализме. С.13.
25. Тишков В.А. Забыть о нации. С.39.
26. Там же. С.32-33.
27. Там же. С.36-37.
28. Там же. С.39.
29. Панарин А. Народ без элиты: между отчаянием и надеждой//Наш современник. 2001. №11. С.206.
30. Беджанов М.Б. На пути национального возрождения. Майкоп. 1992. С.18.
31. Там же. С.111.
32. Тишков В.А. Забыть о нации. С.5.
33. Цуциев А.А. Перспективы урегулирования осетино-ингушского конфликта//Бюллетень. 1998. №1. С.59.
34. Там же. С.76-77.
35. Там же. С.71.
36. Там же. С.77.
37. Там же. С.74.
38. Там же. С.61
39. Там же. С. 79.
40. Цуциев А.А., Дзугаев Л.Б. Национальная идея как ядро концепции национального развития//Бюллетень. 1998. №1. С.30-31.
41. Там же. С.28.
42. Там же. С.33.
43. Там же. С.32.
44. Там же. С.34.
45. Там же. С.30.
46. Цуциев А.А. Перспективы...С.61.
47. Марченко В. Еще раз - о Хетагурове//Завтра. 2001. №52.
48. Баранов А. Гуцериев & К0//Завтра. 2000. №28.

49. Дзадзиев А. Северная Осетия: опыт политологического мониторинга//Бюллетень. 1999. №2. С.77.

50. Там же. С.74.

51. Денисов А. Чей кошелек толще?//Завтра. 2001. №36.

52. Цуциев А.А., Дзугаев Л.Б...С.35.

53. Там же. С.29.

54. Тишков В.А. Забыть о нации. С.43.

Е.В. Морозова

И.В. Мирошниченко

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ НЕТИПИЧНОСТИ В ПОЛИТИКЕ

Появление в конце XX века различных политических феноменов, выходящих за рамки представлений, сложившихся в современной политологии, поставило вопрос о поиске новых подходов к изучению политической реальности, которые бы позволили бы объяснить все многообразие проявлений "нетипичности" в политике.

Рассмотрение социокультурных аспектов политической жизни позволяет определить константы и переменные в эволюции политических систем, что особенно важно в условиях переходности, характерной для современного российского общества. Не имея четких ориентиров в политической сфере невозможно достичь эффективной и жизнеспособной системы политического управления. Национальные отличия воспринимаются не с позиции иерархии, а с точки зрения непреходящего и самоценного многообразия. На рубеже тысячелетий культурно-исторические структуры становятся паритетными с прежде доминировавшими социально-экономическими структурами, политические процессы в значительной мере приобретают характер социокультурных. Политический опыт прошедших лет показал, что слепое заимствование образцов атлантической цивилизации и их трансплантация на российскую почву без учета цивилизационной специфики России грозит еще более разбалансировать политическую систему.

Осмысливая политические явления и процессы, происходящие в современном мире, можно говорить о многовариантности и социокультурных детерминантах развития политической жизни, которая основывается на базовых цивилизационных ценностях.

Разнообразие политических явлений требует рассмотрения их не только с позиции "правильной" или "неправильной" модели, но и с точки зрения, политической эффективности и органичности политических институтов данному обществу.

Наиболее показательна в этом случае концепция А. Лейпхарта "многосоставного общества"; когда при оценке демократии и создания механизмов ее эффективности учитывается уровень взаимодействия этнических, религиозных и культурных общностей, составляющих политику¹. Оценивая категории "демократия", "свобода" А. Лейпхарт не случайно ссылается в своей книге на знаменитый "синдром из семнадцати пунктов" Л. Пая², который обобщив бытующие в науке до-рациональные представления и эмпирические наблюдения создал модель незападного "политического процесса" с учетом определенного кода и ценностей культуры.

Преодоление кризиса классических методологий и смещение акцентов на изучение многообразия происходит в рамках утверждения новых парадигм в социально-гуманитарном знании, которое связано с вхождением человечества в "эпоху постмодерна". М. Фуко, обосновывая творческий метод нового мышления в своей книге "Слова и вещи. Археология гуманитарных наук", отмечал, что принцип раскодировки мира, ставящий под заведомое сомнение все то, что воспринимается обыденным научным сознанием в качестве раз и навсегда данного и гарантированного, колеблет все привычки нашего мышления - нашего по эпохе и географии - и сотрясает все координаты и плоскости, упорядочивающие для нас великое разнообразие существ, вследствие чего утрачивается устойчивость и надежность нашего тысячелетнего опыта тождественного и иного³.

Принцип примата реконструирования, "расколдовывания" был некогда предложен канадским социологом Д. Лайоном, причем он исходил не только из текстов постмодернистских мэтров Р. Барта, Ж. Бодрийера, Ж. Лиотара и др., но и из реальной практики постмодернкультуры. Он создал трехчленную схему постмодернистской идеологии и практики; в первую очередь имеющее отношение к культурно-интеллектуальным феноменам.

¹ Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. М., 1997

² «Синдром из семнадцати пунктов Л. Пая, в совокупности определяющих характер политического процесса «незападного типа»: 1. В западных обществах сфера политики не отделена резко от областей общественных и личных отношений. 2. Политические партии склонны претендовать на выражение мировоззрения и представляют образ жизни. 3. Политический процесс отличается преобладанием клики. 4. Характер политических ориентаций предполагает, что руководству политических группировок принадлежит значительная работа в определении стратегии и тактики. 5. Оппозиционные партии и стремящиеся к власти элиты часто выступают в качестве революционных движений. 6. Политический процесс характеризуется отсутствием интеграции среди участников, что является следствием отсутствия единой коммуникационной системы. 7. Политический прогресс отличается значительными масштабами рекрутирования новых элементов для исполнения политических ролей. 8. Для политического процесса типично резкое различие в политических ориентациях поколений. 9. Западные общества отличаются незначительностью консенсуса в отношении узаконенных целей и средств политического действия. 10. Интенсивность и широта политической дискуссии мало связаны с принятием политических решений. 11. Отличительной чертой политического процесса является высокая степень совмещения и взаимозаменяемости ролей. 12. В политическом процессе невелика значимость явным образом организованных групп интересов, играющих функционально-специализированные роли. 13. Национальное руководство вынуждено апеллировать к недифференцированной общественности. 14. Неструктурированный характер западного политического процесса вынуждает лидеров придерживаться более определенных взглядов во внешней, а не во внутренней политике. 15. Эмоциональные и символические аспекты политики оттесняют на второй план поиски решений конкретных вопросов и общих проблем. 16. Велика роль харизматических лидеров. 17. Политический процесс обходится в основном без участия политических «брокеров». // Там же. С. 18 – 19.

³ Рашковский Е. Постмодерн: культурная революция или культурная контрреволюция // МЭМО, 1999, № 9. С. 46.

- "Феномен первый связан с отказом от фундаментализма, т. е. от той философии науки, согласно которой знание строится на твердой основе наблюдаемых фактов. Стало быть, постмодернизм ставит под вопрос все ключевые убеждения эпохи просвещения.

- Феномен второй связан с распадением всех иерархий знаний, вкусов и мнений, и, следовательно, с интересом прежде всего к локальному, а не универсальному.

- Феномен третий связан с вытеснением книжной продукцией телеэкраном, с уходом от слова к образу, от логики к зрелищу"⁴.

В связи с этим, методологические принципы "постмодерна" позволяют по иному взглянуть на проблему нетипичности в политике. Признавая многообразие культур и уходя от принципов универсализма, компартивный подход может расширить объект своих исследований до анализа социокультурных особенностей конкретных обществ, т. к. в них кроется потенциал разнообразия политических институтов, которые могли бы объяснить стабильность и эффективность политической системы, конечно при этом не отвергая социально-экономические факторы мирового развития.

1.1 Социокультурная парадигма в познании мира политического.

Политика является многоаспектным и многофакторным явлением, поэтому вопрос о генеральной детерминанте развития "сферы политического" всегда был приоритетным в политической науке.

Сегодня важность этой проблемы подкрепляется целым рядом ситуационных обстоятельств. Во-первых, конкретные исследования и европейского, и - в особенности - восточного "материала" выявляют гораздо большую роль культуры (общественного сознания, менталитета), чем это можно было предположить, исходя лишь из нейтрально-ценностного подхода⁵.

Во-вторых, продолжается бум исследовательского интереса к проблемам культуры, повышается научный статус самого понятия "культура", в связи с утверждением гетерогенности и различия культур современного мира в рамках постмодернизма, который представляет собой своего рода реакцию на "монотонность" универсального видения мира в модернизме⁶. В своей взаимосвязи эти обстоятельства подготовили почву для активизации исследований детерминантной роли социокультурного.

Социокультурная парадигма в анализе общественно-политической системе формировалась в течение столетия (второй половины XIX - XX вв.) в рамках социологии культуры Э. Дюркгейма и М. Вебера, культурной антропологии (А. Кребера, Р. Бенедикта, Б. П.П. Эванс-Причарда), системной функциональной теории Т. Парсонса и Р. Мертона, системно-функциональной теории Д.

⁴ Там же, С. 47.

⁵ Крапивенский С.Э. Социокультурная детерминанта исторического процесса.// Общественные науки и современность, 1997, №4, С. 134.

⁶ Философия. (Под. ред. Губина В.Д. и др.).М., 1998, С.408.

Мида, цивилизационного направления (Н. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби, П. Сорокин) и нашла своё отражение в трудах зарубежных политологов Г. Алмонда, С. Верба, Л. Пая, У. Розенбаума, Д. Каванаха, Ж.-М. Денкэна, Х.-Г. Велинга, М. Догана и Д. Пеласси и среди таких отечественных исследователей как Ю. С. Пивоваров, А. И. Соловьев, А. М. Салмин, К.С. Гаджиев, Ионин Л.Г., А. Б. Зубов, В. В. Ирхин, Ю.В. Журавлев и др.

В отечественной политической науке в последние три десятилетия сформировалось собственное социокультурное направление в изучении политики. Ученые Ю. С. Пивоваров, А. И. Соловьев, К. С. Гаджиев, А. М. Салмин, А. Б. Зубов, Ю. В. Ирхин⁷ объясняют специфику российского политического процесса через культурные детерминанты, которые определяют строение, механизмы развития и форму политических явлений. По мнению А.В. Соловьева, в методологическом отношении социокультурная парадигма дала возможность дополнить концептуальные критерии политической науки методами цивилизационного анализа, делающими акцент не на объясняющих, а понимающих деятельность подходах. Отстаивая идею уникальности сложившихся социальных и политических явлений, эти методы более пластично применяют принципы антропоцентризма для толкования факторов, обуславливающих реальное содержание политикокультурных объектов и их роль в политическом процессе (наряду с иными причинами и предпосылками развития), усиливают внимание к механизмам, обеспечивающим целостность социального и политического пространства (т. е. механизмам преемственности общественного опыта, наследование традиций и т. д.)⁸.

Таким образом, социокультурное измерение политики позволяет изучать политику не как абстрактную форму жизнедеятельности, а как конкретную форму, которая соотносится с определенным временем и пространством, неотделимой от исторических и персональных условий её бытования. Особенность культурологического подхода заключается в том, что объяснение различных социально-политических феноменов возможно лишь через понимание их посредством изучения социально-культурной среды, в которой данные феномены функционируют.

Введение категории "нетипичности" в данном исследовании обусловлено тем, что отход от концепции и ее категориального аппарата без предложенных новых теоретических рамок ведет к терминологической путанице, поэтому оперируя сложившимся в политической науке категориальным аппаратом, мы будем причислять те явления, которые не вписываются в данные рамки гипотетически к категории "нетипичности", природа же нетипичности, на наш взгляд кроется в культурных особенностях. При этом следует замечание идеолога критического рационализма К.

⁷ Соловьев А. И. Политическая культура: проблемное поле метатеории // Вестник МГУ. Сер. 12. Полит. науки. 1995. № 2, 3; Пивоваров Ю. С. Политическая культура: методологический очерк. М., 1996; Журавлев В. В. Человек. Культура. Политика. М., 1998; Гаджиев К. С. Политическая культура: концептуальный аспект // Полис. 1991. № 6; он же. Размышления о политической культуре современной России // МЭМО. 1996. № 2; Ирхин Ю. В. Политология. 2-е изд. М., 1996; Ирхин Ю. В., Слизовский Д. Е. Роль политической культуры и лидерства в общественном развитии. М., 1995.

⁸ Соловьев А. И. Политическая культура: проблемное поле метатеории // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки, 1995, № 2, С. 35.

Поппера: "Все научные описания фактов в значительной степени избирательны, или селективны, они всегда зависят от соответствующих теорий". Сравнивая науку с прожектором, он пишет, что научное описание существенно зависит от нашей точки зрения, наших интересов, связанных как правило, с теорией или гипотезой, которые мы хотим проверить. "Теорию или гипотезу можно представить как кристаллизацию определенной точки зрения...Поскольку ни одна теория не является окончательной и всякая теория помогает нам отбирать и упорядочивать факты, то ясно, что любая теория есть рабочая гипотеза в этом смысле"⁹.

Методологические принципы социокультурной парадигмы позволяют по иному взглянуть на проблему нетипичности в политике. Признавая многообразие культур и уходя от принципов универсализма, компаративные исследования могут расширить объект своих исследований до анализа социокультурных особенностей политических систем, так как в них кроется потенциал разнообразия политических институтов, которые могли бы обеспечить стабильность и эффективность политической системы.

1.2. Многообразие проявлений нетипичности в политике

Подтверждение факта существования нетипичности в политике требует анализа политических феноменов не только по критерию места и времени, но и в различных сферах политического бытия. Потому мы считаем возможным за единицу анализа взять политическую схему, которая представляет собой совокупность ряда подсистем (институциональная, нормативная, коммуникативная и культурная). (См. приложение 2). Подсистемы политической системы в свою очередь представляют сложные системы, состоящие из структурных подразделений, взаимосвязанных между собой.

В этой связи, по мнению Анохина М. Г., понятие "политической системы" позволяет:

- представить политическую жизнь как систему деятельности, поведения людей, реализации механизмов влияния политических действий, поступков на характер политических институтов и структур;

- рассматривать политику как целостность, иметь возможность анализа способов форм ее взаимодействия с окружающей средой ее компонентами;

- выявить способности политической системы эволюционно адаптироваться к воздействию среды;

- видеть политическую систему во всем многообразии состава и функций¹⁰.

1. Институциональная подсистема политической подсистемы представляет собой совокупность институтов, связанных с функционированием политической власти. К структурным элемен-

⁹ Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М., 1992, С.300.

¹⁰ Анохин М.Г. Политическая система: переходные процессы. М., 1996, С. 6-7.

там данной подсистемы относятся государство, политическая инфраструктура (политические партии, общественно-политические организации и движения, лоббистские группы), средства массовой информации, а так же церковь. (См. приложение 3).

Особенность политических институтов в том, что они представлены множеством специфических форм, а при их различном сочетании это множество увеличивается в несколько раз.

Если мы например возьмем разновидности институализации принципы разделения власти в современных государствах, то с учетом двух измерений, т. е. по горизонтали - организация власти сверху (президентская, парламентская и смешанная формы правления) и по вертикали в зависимости от формы государственного устройства (федеральное, унитарное, "государство автономий"), мы получим 9 теоретических моделей разделения властей. (См. приложение 4)

Однако, при изучении национальных особенностей механизма разделения властей, "матрица" предложенных моделей раздробляется на следующие части:

о по горизонтали (с учетом концентрации власти в руках главы государства)

- парламентская форма правления,
- премьеро-президентская,
- американская модель президентский формы правления,
- латиноамериканская модель президентский формы правления,
- афро-азиатская модель президентской формы правления;

о по вертикали (с учетом уровня децентрализации)

- централизованное унитарное государство,
- децентрализованное унитарное государство,
- государство "автономий",
- централизованная федерация,
- децентрализованная федерация.

На пересечении этих шкал мы получаем 30 моделей разделения властей (см. приложение 5). Однако вероятность институциональных разновидностей, как показано в данном примере, существенно большая, чем количество эмпирических примеров.

Но несмотря на столь богатый выбор моделей, которые существует для реализации разделения властей, многие страны не вписываются в эти стандарты. Ярким примером являются Объединенные Арабские Эмираты - государство Юго-Западной Азии, которое являясь абсолютной монархией, соблюдает разделение властей по вертикали. ОАЭ - федерация. Каждое из входящих в ее состав княжеств, представляющих собой абсолютную монархию, сохраняет значительную самостоятельность. Еще одна нетипичность в организации государственных институтов - это выборность абсолютного монарха на 5 лет среди высшего органа государственной власти "Высшего Совета", состоящего из правителей эмиратов¹¹.

¹¹ Страны мира. Справочник. 1999, С. 314.

Чиркин В. Е. Нетипичные формы правления в современном государстве // Государство и право, 1994, № 1.

Такая нетипичность, "архаичность" формы государственности объясняется тем, что ОАЭ принадлежат к числу стран, официальной религией которых является ислам (см. приложение 6). Для ислама характерна интегрирующая функция религии и слияние идейно-институциональных структур мусульманской общины (уммы) и политики¹². Религия и государство (дин и даула) неразрывны и существуют в качестве единой субстанции, причем под контролем либо духовенства, как в Иране, либо монарха, как в чистом виде в Саудовской Аравии, или в менее жесткой форме в Марокко и ОАЭ. В этих странах основным источником легитимности режимов является использование идеологии, иными словами, политического ислама и/или национализма - популизма, которые взаимно поддерживают друг друга и связаны между собой настолько тесно, что зачастую трудно говорить о каждом течении отдельно. Подобное положение способствует поддержке авторитарных режимов и препятствует возникновению демократической законности. Исключением из мусульманского мира является Турция, единственное по своему конституционному устройству светское государство (светским государством был и Южный Йемен до объединения в 1990 году с Северным Йеменом)¹³.

Примером институциональной нетипичности уровня местного самоуправления является станичные (хуторские) казачьи общества на территории Ростовской области. Данный институт был закреплен Уставом Ростовской области от 19.05.1996 года в ст. 24: "Граждане, относящие себя к потомкам донских казаков и выразившие желание совместно восстанавливать и развивать казачьи формы хозяйствования, культуры, быта и участвовать в несении государственной службы могут объединяться в хуторские и станичные общества, создавать окружные, войсковые и иные традиционные для казачества общества. В казачьи общества в установленном порядке имеют право вступать и граждане, не являющиеся прямыми потомками. Станичные (хуторские) казачьи общества являются одним из форм территориального общественного самоуправления"¹⁴. Закрепление такого института связано с тем, что донское казачество как социально-политическая общность сложилась к середине XVI века. Оно представляло собой, по мнению современных исследователей, "уникальный симбиоз славяно-русской общины (с ее традициями вечевого народовластия и взаимной опеки) и тюрко-азиатской военной системой управления (в решающей роли военачальников и жесткой дисциплины). Войсковой круг является высшим органом казачьего самоуправления, в оригинальной форме продолжая вечевые традиции Новгорода, Пскова, Вятки"¹⁵. Поэтому современное казачье самоуправление на Дону является органичным институтом органи-

¹² Васильев Л. С. История религий Востока. Ростов-на-Дону, 1999.

¹³ Демократия в мусульманских странах: сравнительный анализ перспектив Турции. // Международный журнал социальных наук. 1991, № 1, С. 115 – 133.

¹⁴ Конституции, уставы и договоры субъектов Российской Федерации на Северном Кавказе, Ростов-на-Дону, 1998. С. 420.

¹⁵ Маркедонов С. М. Казачий круг как политический институт // Полис, 1996, № 1, С. 151.

зации публичной власти в сельских поселениях, основанный на традициях управления, передающимся из поколения в поколение потомственными казаками.

2. Нормативная подсистема политической системы представляет собой совокупность политических нормы и традиции, определяющие и регулирующие политическую жизнь общества. К ним относятся правовые нормы, нормы деятельности общественных организаций, неписанные обычаи, традиции, а так же этико-моральные нормы (см. приложение 7).

Нормативная подсистема как и институциональная предлагает политологам богатый выбор проявлений нетипичности, это в большей степени относится к неписанным обычаям и традициям, чем к нормам юридического характера, так как первые напрямую связаны с многообразием культур в современном мире. К числу "нетипичных нормативно-правовым" актам принадлежит некодифицированная конституция Великобритании. Ее отличие от нокодифицированных конституций (Канада и другие) состоит в том, что она включает в себя такие акты, как "Великая хартия вольностей", датированная 1215, и которая на сегодняшний день фактически не действует из-за своей архаичности, но в силу консерватизма и традиционализма британцев "Великая хартия вольностей", так же как и монархия, палата лордов, обычное право и наследственное пэрство были сохранены и приспособлены, а не уничтожены¹⁶.

Конституция Индии характеризуется нетипичным для современных государств характером статей, которые отражают специфику индийского кастового общества. Так одна из статей конституции закрепляет привилегированное положение определенных каст. И несмотря на то, что в Индии достаточно крепко прижились британские институты, полученные от колониальной зависимости в наследства, традиции индуизма пронизали и парламентские институты¹⁷.

Неписанные нормы кастовой принадлежности, которые определяют место человека в индийском обществе, его положение, права, поведение, отражаются и в нормах конституционного строя¹⁸. Кастовая идентификация самая сильная в индийском обществе. Так, проведенные в разное время опросы показали, что на вопрос "Кто вы?" по снижающейся частоте ответов респонденты называют касту, деревню, язык или диалект, религию, штат. Реже всего встречается ответ "Я - индиец". Через двадцать лет после написания этих слов обозреватель газеты "Экономик таймс" Биной Шармс с сожалением замечает: "У нас лидеры ядавов и брахманов (касты), лидеры тамиллов (этнос), лидеры мусульман и христиан (религиозные общины), но нет лидеров Индии"¹⁹. Это, очевидно, сказано слишком безапелляционно, но тенденция отражена правильно. "Личность индийца живет одновременно в разных социальных мирах, которая придерживается несовместимых ценностей, которая играет роли противоположного свойства. Будучи уже членом многих групп совре-

¹⁶ Актуальные проблемы современной зарубежной политической науки. Выпуск 1. М., С. 71-83.

¹⁷ Селезнев П.Н. Политические системы современности. С-Петербург, 1996, С.89.

¹⁸ Авторитаризм и демократия в развивающихся странах. М., 1996. С. 47.

¹⁹ Индия: страна и ее регионы. М., 2000. С. 124.

менного типа (класс, производственный коллектив, профсоюз, политическая партия), она продолжает оставаться в составе традиционных обязанностей (большая семья, каста, община)"²⁰.

3. Идеологическая подсистема политической системы общества - совокупность различных по своему содержанию политических идей, взглядов, представлений, чувств участников политической жизни (см. приложение 8). В ее структуру входят не только общечеловеческие представления и классовые (групповые воззрения), но и индивидуальные взгляды и идеи. В идеологической подсистеме выделяют два уровня: теоретический - уровень политической идеологии и эмпирический - уровень политической психологии. Политическая идеология проявляется в виде взглядов, принципов, идей, лозунгов, идеалов, концепций, которые обычно синтезируются в теорию неопределенной идеологии. Формы проявления политической психологии - чувства, настроения, предрассудки, эмоции, мнения, традиции.

Одним из доказательств устойчивой нетипичности в области политической идеологии Китая является один из ее компонентов, который выдвигается на первый план при реформировании и модернизации Китая, начиная с 60-х годов XIX века, для преодоления отсталости страны. Таким компонентом политической идеологии является тезис "китайские знания - сущность, западные знания - инструмент" ("Стунсюэ вэй, сисюэ вэй юн"), авторство которого обычно приписывается видному сановнику - реформатору конца XIX века Чжан Чжидуну, хотя подход, выраженный в данной формуле, возник еще на рубеже Минской и Цинской эпох. Первая половина тезиса провозглашала основополагающими принципами политики и морали традиционные нормы и догмы, а вторая - указывала на возможность прикладного применения западной науки и техники.

Написанная еще в 1898 году работа Чжан Чжиду на "Призыв к учению" поясняла сущность прокламируемого подхода. Она сводилась к двум основным моментам.

1) Китай остается Китаем постольку, поскольку соблюдаются отношения между господином и подданным, между отцом и сыном, между супругами, поскольку существуют нормы добродетели, определяющие, что достойно почитания, а что - презрения, что бесценно, а что - ничтожно, поскольку имеется простая этическая система, в центре которой - понятие долга, потому рассуждения о свободе, равенстве народа недопустимы.

2) Усиление Китая сегодня не возможно без западных знаний. Но если грамотный человек не усвоит сперва китайских знаний, то "чем больше он углубится в западные знания, тем сильнее станет ненавидеть Китай. Такой человек не может быть полезен Китаю, а в худшем случае может стать вдохновителем смуты"²¹.

Эффективность этого компонента может оценена через успешный экономический рост в современном Китае и устойчивости социалистического устройства, которое не отрицает древних традиций.

²⁰ Там же, С.125.

²¹ Бергер Я. М. Модернизация и традиция в современном Китае. // Полис. 1995, № 5. С. 63 – 64.

Мифологизация массового сознания среди членов индийского общества обусловило такую нетипичность, которая не свойственна ни одному политическому пространству. "Некоторые популярные киноактеры, сыгравшие десятки ролей богов, любимых народом мифологических персонажей и исторических деятелей, в глазах массового зрителя предстают как олицетворение своих героев, что позволяет таким артистам занимать ведущие роли в региональной политике, становиться основателями политических партий, главными министрами штатов. Как бы парадоксально это не звучало, мощная киноиндустрия Индии содействует росту числа региональных партий"²².

4. Коммуникативная подсистема политической системы общества представляет собой совокупность отношений и форм взаимодействий, складывающихся между классами, социальными группами, нациями, индивидами, по поводу их участия в организации осуществления и развития политической власти в связи с выработкой и проведением в жизнь политики (см. приложение 9).

Нетипичность политических отношений наглядно проявляется в политической практике Юга Италии, в основе которых лежит не принцип соревновательности программ как на Западе, а иерархические структуры, опирающиеся на персональные и групповые корпоративные, а не общественные цели"²³.

На Юге Италии наиболее явно распространено недоверчивое, враждебное отношение к государству, представление о нем, как о всегда чужой силе. Привычка во всех бедах обвинять власти отражена в ироничной пословице "Plove - governo ladri" - "Идет дождь: мошенники в правительстве". Это один из давних стереотипов, защитных рефлексов, порожденных долгой и пестрой историей страны, видевшей бесчисленные смены властей, династий, "своих" и чужеземных государей²⁴.

И в то же время, считает К. Г. Холодковский, "arte d'arrangiarsi" (искусство приспособления) - другой защитный рефлекс итальянского простолюдина перед лицом всемогущей власти имущих. Это стремление по возможности обеспечить себе место под сенью мощного покровителя, будь то хозяин, синьор, священник или местный политик. В сочетании с этой реакцией враждебное отношение к государству порождало стремление "перехитрить его, паразитировать на нем. Свойственное простонародной традиции стремление к обеспечению сильного покровительства создало благоприятнейшую почву для распространения сначала на Юге, а затем и в остальной Италии феномена "клиентелизма". Отсюда - стремление как-то приспособиться, присоединиться к мощным клиентам". Для граждан, вплетенных в сеть отношений "патрон - клиент", избирательный бюллетень - "всего лишь способ немедленного и личного получения тех или иных благ".

Система "патронажа и клиентелизма" так же ярко представлена в латифундистской области Испании - Андалусии. Здесь, как и во всей Южной Европе, она была политически эффективна для

²² Индия: страна и регионы. М., 2000. С. 125.

²³ Морозова Е. В. Региональная политическая культура. Краснодар, 1998. С. 93.

²⁴ Холодковский К. Г. Италия: массы и политика. М., 1989, С. 25.

интеграции крестьянства в центральные институты государства. В Испании отношения "патрон - клиент" в сельской местности были известны под названием "касикизм". Крупные боссы в сельской местности контролировали голоса на уровне семьи, связывая экономику (займы, закупка продукции) с голосованием за определенного кандидата.

В политическом сознании клиентелизм порождал синдром "подчинения фатализму", вызванный защитным авторитаризмом тех, кто всю жизнь вынужден кому-то подчиняться.

Исходя из рассмотренных феноменов нетипичности в различных подсистемах политической системы общества показывает, что корни этих явлений находятся в культурном своеобразии. Даже такие одинаковые по своему проявлению "патрон-клиентельные отношения" в Италии и Испании имеют различное происхождение.

Проблема разноразличности и многообразия форм "нетипичности" в политике, порождаемых социокультурными основаниями, требует их разграничения, так как "нетипичность" может проявляться на локальном, региональном и государственном уровне. Поэтому следует различать

"микронетипичность" - локальный уровень;

"мезонетипичность" - региональный уровень;

"метанетипичность" - уровень политической системы

(см. приложение, рис. 12).

Так проявлением "нетипичности" на микроуровне является лагуна - г. Сочи - в политической культуре Краснодарского края. Считающийся лидером курортного комплекса региона, географически удаленный от административного центра края, город имел особый статус еще в советское время - "город федерального подчинения". Он живет с краем как бы в разных экономических скоростях. Кубань является индустриально-аграрным регионом, в то время как в Сочи развиваются отрасли "третичного сектора". Рыночная ориентация у населения, связанная с обслуживанием отдыхающих, сформировалась достаточно давно. Время воспринимается циклично: от одного курортного сезона до другого. Население открыто для контакта с представителями других культур как российских, так и зарубежных. Эта "особость" проявляется в локальном самосознании и стимулируется мощным информационным комплексом, функционирующим в городе. Жители его в основном негативно реагируют на обращение "кубанцы", общепринятое в крае. Особенности политического сознания и поведения проявляются во время выборов. В Сочи зафиксирован минимальный для края процент участников граждан в выборах (в среднем 30-35 %) и устойчивые демократические предпочтения.

Проявлением "мезонетипичности" является, например, избрание депутатов в национальный парламент республики Дагестан по особой избирательной системе - куриям, в отличие от мажоритарной избирательной системы в регионах Российской Федерации, что объясняется полиэтничностью данной территории.

"Метанетипичность" в современном политическом пространстве представлена политическими системами стран Латинской Америки и России, которая обусловлена противоречивостью, антиномичностью и дихотомностью цивилизаций российской и латиноамериканской. Объясняется

этот факт особым цивилизационным синтезом, в котором выступает культура с двумя ядерными образованиями или же с неустоявшимся антиномичным ядром, через который происходит раскол.

Элементы культурного ядра цивилизаций Запада и Востока состоят из сверхпрочных в плане исторического воспроизводства элементов (мировоззренческие принципы, образцы мышления, стереотипные оценки, жизненные смыслы). Элементы, в свою очередь, образуют и на Востоке и на Западе защитный цивилизационный каркас. Национальные устои подкрепляются имеющимися цивилизационными устоями: например, наряду с французской или немецкой национальной политикой имеется еще и европейская политика, накладывающая свои ограничения на национальные "импровизации".

В отличие от Запада и Востока Россия и страны Латинской Америки не имеют защитного каркаса: за их национальной политикой не стоит солидарность более крупных сообществ, которые бы гарантировали тот или иной ее цивилизационный и геополитический статус.

По мнению Шемякина А. Г. "пограничность" цивилизаций Латинской Америки и России представляет собой переплетение трех основных типов межкультурного взаимодействия:

- прямого враждебного противостояния культур;
- симбиоза, т.е. такой разновидности взаимодействия, при которой вошедшие в соприкосновение культурные элементы уже соединены неразрывной внутренней системной связью, однако нового культурного качества не возникает, каждый из участников контакта остается самим собой;
- и синтеза, т.е. такого взаимодействия, в котором рождается нечто качественно новое, отличное от первоначальных составляющих данного процесса. (Подробнее различные формы нетипичности в политике стран Латинской Америки и России будут рассмотрены в третьей главе данной работы).

Изучение различных проявлений нетипичностей в политике показало, что в своем большинстве они имеют социокультурную природу, тем самым подтверждая то положение, что культурная подсистема является интегральным фактором политической системы, комплексом типичных для данного обществ укоренившихся образцов (стереотипов) политических представлений, ценностных ориентаций и политического поведения (см. приложение 10). Таким образом, культурная подсистема обеспечивает: стабильность политической системы общества; единство различных слоев общества; прочность социальной базы политической власти правящей элиты; возможность предвидеть реакцию населения на принимаемые политико-управленческие решения; воспроизводство политической жизни общества на основе преемственности.

1.3. Виды социокультурных оснований "нетипичности" в политике

Определение "нетипичности" в политике как специфического политического феномена, порожденного своеобразием культуры требует подробного рассмотрения социокультурных оснований.

Во всех политических отношениях, действиях и взаимодействиях социокультурное выступает, с одной стороны, как условие или среда той или иной политической активности, с другой стороны, обеспечивая цикл воспроизводства политической жизни, культура определенным образом подытоживает результаты опыта политической деятельности, продуктом чего является развитие старых или становление новых политических традиций.

Социокультурные основания "позволяют выстроить определенную логику познания предметного поля политики и упорядочить, систематизировать политологические категории. Исходным политическим отношением в этом плане, по мнению А.А. Дягтерева, "выступает взаимоотношение власти и влияния, предпосылкой которого являются ценности господствующей культуры и которое отражает "первичную клеточку" анализа политического механизма интеграции, поддержания целостности и регулирования социальными общностями на некий консенсус или согласие ("общественный договор") людей на основе пересечения их социальных интересов. Отношения власти и влияния, господства и подчинения между управляющими и управляемыми, властвующими и подвластными связаны всегда с контролем и распределением определенных ресурсов, основывающихся на доминирующей в данной культуре системе норм и ценностей".

Многообразие социокультурных оснований, действующих в политической системе общества, ставит вопрос о сведении их в "единую сетку координат", которая бы позволила определить характер действия различных политических феноменов в политической системе конкретного общества. Именно содержание и наполнение политического социокультурными константами определяет способ функционирования не только составных частей, но и всей политической системы. По мнению Ковалева А., социокультурные основания представляют собой определенный способ производства общественной жизни в виде некой совокупности человеческого потенциала, социальных условий и культурной среды.

Разновидности социокультурных оснований в отечественной социальной философии учеными Б.С. Ерасовым, И.Г. Яковенко, А.А.Пелипенко, А. Анисимовым, Н.С. Розовым. Обобщая их исследования, все многообразие социокультурных оснований можно свести к следующим единицам, объединенных согласно определению в три группы:

1. Единицы человеческого потенциала:

- неосознаваемые установки,
- мотивы, потребности, страхи, влечения, причем не только индивидуальные, но также групповые и массовые.

2. Единицы социальных условий представляются в виде:

- моральных ценностей,
- религиозных ценностей,
- идеологических ценностей, имплантированных в массовое сознание,
- нормативных ценностей (в виде основных законов, запретов, табу и т.п.). Все ценности при различном сочетании образуют образцы между людьми (роли, ожидания, нормы, структуры, институты).

3. Единицы культурной среды представляют собой набор определенных образцов, которые существуют в трех бытийных формах :

- как идеальные объекты (образы, смыслы и знаки),
- материальные носители (тексты в широком смысле),
- индивиды, способные понимать эти тексты и пользоваться соответствующим смысловым и

образным содержанием. Эти образцы также тесно связаны с системой моральных, идеологических и религиозных ценностей (См. приложение 11). В каждой из этих единиц скрыт потенциал, готовый рано или поздно проявиться в политической сфере.

Так землетрясения, которые потрясли Армению в 1989 году и унесли тысячу человеческих жизней, повлекло за собой обострение конфликта в последующие годы в Нагорном Карабахе между азербайджанцами и армянами, так как ситуация конфликтности была обострена "чувством страха" потерять жизнь.

В Канаде проблема провинции Квебек усугубляется, например, комплексом "страха и подозрительности", о котором писал еще в 1907 г., французский исследователь А. Сигфридф. Комплекс определяет психологические мотивы политического поведения квебекцев во взаимоотношениях франко- и англо-канадцев. Он вырывается наружу как в кризисных ситуациях (террористические действия фронта освобождения Квебека в 1970 г., приведшие к введению закона о мерах военного времени), так и на уровне повседневного общения.

После победы на местных выборах 1976 г. квебекские сепаратисты приняли "закон 101", обязывающий граждан на работе говорить только на французском языке и запрещающий рекламные надписи на английском языке. Был сформирован штат специальных "языковых полицейских" для осуществления контроля и взимания штрафов с нарушителей закона. Продуктовый магазин в Монреале разместивший рекламу на двух языках (французском и английском), был разбомблен. В результате дискриминационных мер в 1980-1988 гг. 250 тыс. чел., включая 14 тыс. высокопоставленных управляющих корпорациями, покинули Квебек²⁵.

Африка, несмотря на то, что является "полигоном" для различных экспериментов развитых стран, в своем политическом развитии постоянно воспроизводит нормы, характерные только для американских общностей. Парадоксален пример с Африканской хартией прав человека и декларацией "Права народов", которые вступают в противоречие с принятой во всем мире "Декларацией прав и свобод человека и гражданина". Проповедующие доктрину "африканской" концепции прав человека считают, что в Африке свободу не следует интерпретировать так, как это делается в остальном мире. Так, они полагают, что определенные свободы, применимые на Западе, не уместны в Африке. Например, только в Африке приемлема однопартийная система, поскольку почитание вождя является одной из традиционных ценностей, которую необходимо сохранить, потому что в Африке нормой является жизнь в общине. Африканцы не должны требовать гарантии прав личности так, как это делают жители западных стран. Короче говоря, право на взаимопомощь и "права

²⁵ Нэсбитт Д., Эбурдин Л. Что нас ждет в 90-е годы?// Мегатенденции – 2000. М., 1992, С.137.

третьего поколения" более африканские, чем другие права, и лучше подходят африканскому образу жизни²⁶. Поэтому пытки, произвольные аресты и заключения в тюрьму являются неотъемлемой частью политической жизни во многих государствах Африки.

Правление Ж.Б. Бокасса в ЦАР (1966-1979) - "императора-убийцы" не выходило за пределы "африканской" концепции прав человека, хотя за время правления он успел путем террора и насилия объявить себя маршалом и пожизненным президентом ЦАР, затем провозгласил страну империей, а себя императором. Новоявленный император за годы правления всех неугодных лиц и потенциальных конкурентов смещал с постов, высылал из страны, подвергал арестам, средневековым истязаниям и казням. Он был изложен в октябре 1979 г., когда выяснилось, что ко всему прочему был еще и каннибал²⁷.

Традиционный корпоративизм в Японии и переплетение коммуникационных связей между формальными группами за счет личных связей членов неформальных групп породил феномен "корпорации Япония", в которой три неформальных макрогруппы: политические круги (сэкай), экономические круги (дзайкай) и государственные чиновничество (канкай) оказывают влияние на развитие политического процесса.

Организованный бизнес, однопартийное правительство и управленческая бюрократия являются ножками треножника, на котором покоится японская политическая система.

Трехкомпонентная социально-политическая структура была унаследована у мэйдзийской государственности, что свидетельствует о живучести социального структурирования, основанного на этнокультурных традициях. Но все же она функционирует в рамках демократического государства и в целом по его правилам игры. Это, несомненно, создает определенную путаницу в восприятии японских реалий, в которых мирно соседствуют элементы демократии с их отсутствием²⁸.

Межличностные неформальные коммуникации могут в политическом мире также быть "нетипичными". Так, например, они негативно воспринимаются в Северной Европе и англосаксонском мире, но становятся связующим звеном между политикой и принятием деловых решений в таких обществах, как испанское, итальянское, бразильское и японское, которые характеризуются преобладанием традиционных неформальных связей. В этом случае сплетни опережают и дополняют факты и статистику²⁹.

Яркий пример особой системы региональной коммуникации является Юг России в силу компактности и большой однородности местных сообществ. Они более "прозрачны" для информации, передаваемой по "горизонтальным" каналам (личных контактов, слухов и т.п.). успех по-

²⁶ Нзуанкэ Ж.-М. Отношение к демократии в Африке // Международный журнал социальных наук, 1991, №1, С. 155.

²⁷ Сумбатян Ю.Г. Военные режимы и армия: африканский опыт // Африка и Азия сегодня, 1996, №5, С.76.

²⁸ Японский феномен. М., 1996. С. 91.

²⁹ Льюс Р. Д. Деловые культуры в международном бизнесе: от столкновения к взаимопониманию. М., 1999. С. 34.

литической риторики региональных лидеров во многом зависит от наличия "маркеров" принадлежности к региональной общности. Эти "маркеры" могут носить как невербальный (например, казачья форма), так и вербальный характер (упоминание событий или имен, значимых для общности). Знаковый характер имеет и владение местным диалектом. Зачастую, кандидаты в губернаторы Кубани или на должность главы района на встречах в сельских поселениях переходят с литературного языка на "балаканье"³⁰.

Таким образом, мы наблюдаем тот факт, что проявления нетипичности в политике в конкретной культуре и единицы социокультурных оснований тесно переплетаются друг с другом.

Данное явление объясняется тем, что все единицы социокультурных оснований объединяются в смысловое культурное ядро³¹ или в определенную "осевую идею" (идеал), составляющих парадигму развития общества. На основе осевого идеала складывается образ жизни, форма менталитета, культуры, социальной, экономической организации"³², а также определенный характер функционирования политической системы, тип ее организации.

"Полития государства, - писал в "Моралиях" Плутарх, - все равно, что характер человека, а они разнообразны. Полития - это норма политического устройства общества и одновременно генезис, и развитие данной формы в прошлом народа. Исследователь политики рассматривает современное политическое бытие общества, его институты, их взаимоотношения, постоянно держа в уме, что они возникли не вдруг; но складывались на протяжении всей его жизни, хотя, как правило, обнаружить в далеком прошлом истоки настоящего очень нелегко"³³.

Так генезис западной государственности и общественности во всех их национальных и локальных проявлениях соотносился с одним историческим началом: распадом христианизировавшейся Римской империи. Все последующие явления западной истории можно рассматривать как реакции и контрреакции развивающегося общественного организма на свои предшествующие состояния, цель которых восходит, в конечном счете, к моменту генезиса.

Эти реакции оставили более или менее заметные, актуальные в данный момент, - но тем более неуничтожимые, чем сильнее они проявились в опыте той или иной отдельной страны, - следы в гражданском обществе, в политике, в идеологии. У всякой страны, разумеется, своя история, или, если можно так выразиться, свои проблемы в ней, но изначальная общность культурного поля позволила каждой из них пережить все эти этапы, хотя бы чужим опытом. Точнее, ни одной из стран Запада этот опыт в целом не чужд. Даже если он не полностью актуализировался в национальной истории³⁴.

³⁰ Морозова Е.В. Региональная политическая культура, Краснодар, 1998, С.389

³¹ Шилз Э. Общество и общество: макросоциологический подход. // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. М., 1972, С.348-59.

³² Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 241.

³³ Цит. по Ретроспективная и сравнительная политология. М., 1991. С.15.

³⁴ Там же, С. 12.

Соответственно все социокультурные характеристики общества определенного культурного или цивилизационного ареала находят свое отражение в политической жизни общества. Показателем пример сравнения, в этом случае социокультурных характеристик "индивид - социум, которые в политике нашли свое отражение в форме партийной системы.

Человек на Западе, исходя из принципа индивидуализма и антропоцентризма, является высшей ценностью; его гражданские права и свободы - определяющие принципы функционирования государства, которое создано человеком и для человека.

Восток не приемлет "автономных человеческих единиц", опираясь при этом на общинно - комплексное наследие. Забота о благе индивида производна от блага общины, а не на оборот.

Первично-родственные, общинно-племенные, кастовые связи обеспечивают существование, охраняют социальный статус членов общины, но лишь в условиях их подчинения конформистской линии поведения и мышления. Человек- член коллектива, он служит освещенным традициям обычаям и институтами, его жизненный путь предопределяют в социальной ячейке. Эксплуатация осуществляется в формах личной зависимости от "большого" или "сильного" человека. Господствуют незыблемые клиентарные отношения.

Процесс автономизации и дробления социального пространства и свободные индивиды в совокупности с рациональностью способствовали зарождению демократических начал в западной цивилизации, оформившейся в виде конкуренции, идеологии политических партий и политических лидеров и концепции гражданского общества.

Коллективистский, корпоративный, социальный генотип в странах Востока не вписывается в категории демократии, хотя консенсусное решение вопросов в общине, устанавливаемое старейшинами, но выглядящее как утверждение мнения коллектива, достаточно демократично, но, по существу, маскирует непререкаемую власть "верхушки", а также старейшин. Деспотизм верхов общины закамуфлирован под демократию, точнее, под общинный консенсус. Последний не предполагает особой борьбы мнений, голосования, отсюда - отсутствие традиций оппозиции, ведущих к образованию партий и оригинально восточная парламентская форма доминантно-партийной системы, где доминантной партией фактически является сама правительственная бюрократия. Напротив, в Европе доминантно-партийные системы модели встречаются как исключение, и даже они в действительности очень не похожи на азиатские доминантные партии.

На Востоке система с доминантной партией обеспечивает большую политическую стабильность, нежели двухпартийная или многопартийная система³⁵.

Анализ социокультурных оснований "нетипичности" в политике позволяет сделать вывод, что социокультурное измерение пронизывает всю политическую жизнь, представляя собой некую "осевую (или "стержневую") вертикаль", пересекающую насквозь всю систему горизонталей отношений многомерного реального и аналитического пространства политической жизни, и выпол-

³⁵ Политическая модернизация в третьем мире: некоторые обобщения / Авторитаризм и демократия в развивающихся странах. М., 1998. С.304.

няя в нем по аналогии с кибернетикой и биологией функцию некоего "информационного кода" или "матрицы генотипа"³⁶.

Поэтому можно утверждать, что социокультурные основания в политической системе и политическом процессе определяют следующее:

- набор и поведение акторов, характер их отношений (консенсусный, конкурентный или конфликтный);
- доминирующий тип личности (индивидуальный, общинный);
- конфигурацию политических институтов ;
- вектор общественного развития и его скорость (циклическое, линейное, маятниковое).

Таким образом, проявление нетипичности в политике прослеживается во всех подсистемах политической системы общества: институциональной (в виде республиканской монархии в ОАЭ, или донского казачьего самоуправления в Ростовской области); в нормативной ("Великая хартия вольностей 1215 года как составляющая часть неcodифицированной конституции Великобритании, закрепление привилегированного положения ряда каст в конституции Индии); в идеологической (компонент политической идеологии Китая в виде тезиса: "китайские знания - сущность, западные знания - инструмент"); в коммуникативной (патрон-клиентарные отношения в Италии и в Испании). Многообразие феноменов нетипичности проявляется на локальном (микронетипичность), региональном (мезонетипичность) уровне и уровне политической системы (метанетипичность).

Культурная подсистема является интегральным фактором политической системы, комплексом типичных для данного общества, укоренившихся образцов (стереотипов) политических представлений, ценностных ориентаций и политического поведения, то есть природа нетипичных политических феноменов кроется в культурном своеобразии. Компонентами культурной подсистемы являются социокультурные основания, которые представляют собой определенный способ производства общественной жизни в виде некоей совокупности человеческого потенциала, социальных условий и среды.

Социокультурные основания позволяют выстроить определенную логику познания предметного поля политики и упорядочить, систематизировать политологические категории.

Многообразие социокультурных оснований, действующих в политической системе общества, ставит вопрос о сведении их в "единую сетку координат", которая бы позволила определить характер действия различных политических феноменов в политической системе общества. Именно содержание и наполнение политического социокультурными константами определяет способ функционирования не только составных частей, но и всей политической системы.

Таким образом, проявление нетипичности в политике прослеживается во всех подсистемах политической системы общества: институциональной (в виде республиканской монархии в ОАЭ, или донского казачьего самоуправления в Ростовской области); в нормативной ("Великая хартия

³⁶ Дяттерев А.А. Основы политической теории. М., 1998. С.224.

вольностей 1215 года как составляющая часть неcodифицированной конституции Великобритании, закрепление привилегированного положения ряда каст в конституции Индии); в идеологической (компонент политической идеологии Китая в виде тезиса: "китайские знания - сущность, западные знания - инструмент"); в коммуникативной (патрон-клиентарные отношения в Италии и в Испании). Многообразие феноменов нетипичности проявляется на локальном (микронетипичность), региональном (мезонетипичность) уровне и уровне политической системы (метанетипичность).

Культурная подсистема является интегральным фактором политической системы, комплексом типичных для данного общества, укоренившихся образцов (стереотипов) политических представлений, ценностных ориентаций и политического поведения, то есть природа нетипичных политических феноменов кроется в культурном своеобразии. Компонентами культурной подсистемы являются социокультурные основания, которые представляют собой определенный способ производства общественной жизни в виде некой совокупности человеческого потенциала, социальных условий и среды.

Социокультурные основания позволяют выстроить определенную логику познания предметного поля политики и упорядочить, систематизировать политологические категории.

Многообразие социокультурных оснований, действующих в политической системе общества, ставит вопрос о сведении их в "единую сетку координат", которая бы позволила определить характер действия различных политических феноменов в политической системе общества. Именно содержание и наполнение политического социокультурными константами определяет способ функционирования не только составных частей, но и всей политической системы.

Таким образом, проявление нетипичности в политике прослеживается во всех подсистемах политической системы общества: институциональной (в виде республиканской монархии в ОАЭ, или донского казачьего самоуправления в Ростовской области); в нормативной ("Великая хартия вольностей 1215 года как составляющая часть неcodифицированной конституции Великобритании, закрепление привилегированного положения ряда каст в конституции Индии); в идеологической (компонент политической идеологии Китая в виде тезиса: "китайские знания - сущность, западные знания - инструмент"); в коммуникативной (патрон-клиентарные отношения в Италии и в Испании). Многообразие феноменов нетипичности проявляется на локальном (микронетипичность), региональном (мезонетипичность) уровне и уровне политической системы (метанетипичность).

А.К. Дегтярев

НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ И ПРОГРАММИРОВАНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ: СЦЕНАРИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РИСКА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Северный Кавказ прочно удерживает лидерские позиции по этнической напряженности и интенсивности миграционных процессов. Социальная и экономическая проблематика региона рассматривается политологическим сообществом через призму логики доминирования, институционализации титульных наций и "аутсайдерства" национальных меньшинств.

Альтернативность толерантности логике доминирования приписывается через логику "опосредования различий", формирования гражданского общества. Национальные и конфессиональные группы добровольно, действуя в условиях общественного самоконтроля, реализуют принципы политической корректности и мультикультурализма. Толерантность включает разнообразные культурные смыслы: безразличие к различиям, изнеможение от конфликтов, моральный стоицизм, веру в право на различие, на культурный выбор и поощрение различий, культурную гетерогенезацию общества (6, с.25). Северный Кавказ квалифицируется идеальным для апробирования функциональной толерантности, создания общества гражданских ассоциаций и мультикультурализма.

Реляционистский подход означает отказ от наследия модерна, понятия гражданства, которое "можно расшифровать двояко: оно не ограничивается юридическим статусом, определяемым в терминах гражданских прав, и обозначает членство в культурно определяемом обществе" (5, с.370). Модерн одобряет национальное государство потому что культурная однородность сопряжена с гражданской идентичностью. Функциональная толерантность выявляет признаки постмодерна: плюрализм культурных ориентаций, точнее культурных стилей, делает национальное государство анахронизмом. Базисное согласие "держится" на "анархическом интернационализме", "вселенной" миноритарных групп (религиозных, культурных, профессиональных, гендерных), которые объединяет потребность в самовыражении и правовой гарантии систем культурных идентичностей. "Программирование толерантности" чем-то напоминает проект немецкого социолога К. Манхейма с мечтой о "мирном и стабильном наступлении на защитные механизмы с помощью средств образования, пропаганды и социальной работы" (3, с. 494).

Программирование толерантности допускает до-рациональное обоснование "здорового демократизма" индивида и "малой группы", большие социальные общности неизбежно ориентируются на идеи превосходства и нетерпимости. "Малая группа" готова к самоанализу, национальное государство страдает комплексом "уникальности" и репрессивно к культурному диссидентству.

Позиционирование толерантности альтернативой националистическому проекту, вызывает вопросы, которые требуют самостоятельного анализа. Какие последствия несет "атака на наследие модерна", национальное государство? Является ли сегментированность политических и культурных структур условием для преодоления этнократических и изоляционистских интенций? Может ли простое общество сегментарного типа, к чему стремится толерантность, разрешить проблемы "опосредования различий" и интеграции "чужих" в принимающее общество? Выдерживает ли то-

лерантность "требование нейтральности государства в отношении всеобъемлющих доктрин и связанных с ними представлений о благе"? (7, с.87).

Миграционные процессы, как бы мы их не рассматривали, влияют на внутривластную ситуацию в регионе, имеющем достаточно высокий процент безработицы (до 15 % самодеятельного населения), скромные доходы на душу населения (1439 р/м) и высокий уровень этнической напряженности и преступности. Пограничье северокавказского региона и относительно схожие природно-климатические условия, существование диаспор привлекает мигрантов, преимущественно из Закавказья (Армения и Грузия). Курды, турки-месхетинцы, крымские татары также вносят лепту в миграционную проблематику Ставрополя, Кубани, Адыгеи.

Нашей целью не является исследование мотивации (экономической, культурной) мигрантов: нам представляется актуальным проследить к каким социальным последствиям приводит миграционная политика при позиционировании националистического проекта или реализации "программы толерантности".

Националистический проект весьма ясен в создании этнократических образований, осуществляет политику "гомогенизации" населения. Практика "тихого вытеснения" инонационального населения путем языковых, культурных, правовых ограничений, как бы не желали это признавать, дает свои всходы на Северном Кавказе. Исход русского населения, имевший начало в 1989-1990 г.г., обусловлен не стремлением "возвращения" на историческую Родину: бесперспективность существования в статусе "второсортных" и потеря традиционных социокультурных ниш приводит к миграции русского населения. Принимаемые сейчас паллиативные меры правового и политического характера возможно дадут кратковременный пропагандистский эффект, разрешить же ситуацию в пользу достижения политики "равных возможностей" навряд ли они способны.

Националистический проект последователен в логике доминирования "титупольной нации": для националистически ориентированного политика непонятны претензии к политическому и культурно-языковому монополизму "титупольной нации": "национальным меньшинствам" и "мигрантам" предлагается однозначная модель "ассимиляции" в культурно-языковой сфере и "права по милости" в политической сфере. Проект создания этнократического государства предусматривает, что несогласные группы должны быть сделаны различимыми, а затем подвергнуться ассимиляции или устранению (4, с.302). Культурная идентичность, вымышленная или реальная, становится из факта "принадлежности" к культурной общности сильным политическим аргументом, который обосновывает политику разных возможностей. В националистическом проекте символизируются чужие, чтобы подтвердить собственные права на статусное преимущество или мобилизовать нацию для противодействия или диффамации "козлов отпущения". В качестве таковых могут выступать различные этнические группы (русские, цыгане, чеченцы, ингуши) в зависимости от баланса этнополитических сил и целей, которые они преследуют.

Толерантность настаивает на выявлении различий вроде бы в альтернативу национализму: поощрение различий предоставляет индивиду больший выбор культурного и социального самоопределения. Но индивид может чувствовать себя комфортно и в гомогенной культурной группе.

Поощрение различий направлено к сокращению этнодистанции: амальгамирование национально-культурной идентичности, дифференциация культурных и политических ориентаций уменьшает проблему этноконфликтности. Последовательный антинационалистический пафос толерантности содержит определенные социальные и политические риски. Несмотря на обвинения в "искусственности" наций, государство создает современные социальный и политический порядки. После распада Советского Союза национальная идентичность сыграла стабилизирующую роль в реструктурировании постсоветского пространства. "Анархический интернационализм" с провозглашением права миноритарных групп и отдельных личностей на самостоятельные субполитику и субкультуру (1, с.293) отрицает полезность институтов власти и авторитет ценностей модерна. С толерантностью могут выявиться тенденции контрмодерна, инверсией патриархального, племенного и фундаменталистского сознания.

Толерантность в политике обошлась России волной ваххабизма, который вовсе не стремится поддерживать различия, а откровенно манифестирует проект авторитарной теократической государственности. "В отличие от арабийского ваххабизма, где он имеет изначально арабские черты и зародился как идеология национального освобождения и возрождения, кавказский ваххабизм взращивался в воспитательной среде национального нигилизма и преследует по сути антинациональные цели" (2, с. 81). Толерантность реабилитирует родовые и семейные обычаи и этим умело пользуется ваххабизм, апеллируя к сохранению семейных ценностей и идеологии ваххабизма.

Культура толерантности, адекватная в контексте "миграционного общества", сопровождается неоднозначными социальными и политическими эффектами в полиэтничном и поликультурном пространстве Северного Кавказа. Скрытое или открытое программирование толерантности аффилировано с ростом национального нигилизма, но не избавляет от "страха разрушения стабильности". Консоциативное политическое устройство (Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Дагестан) строится на принципе приблизительного равенства сторон и любые социальные или демографические перемены (рост карачаевского населения в Карачаево-Черкесии или требование получения престижного этнополитического статуса лакцами и даргинцами в Дагестане) делают политическое равновесие зыбким. Однако, обращение к индивидуальной терпимости, минуя равенство гражданских прав, в одинаковой степени приводит к культурной и политической изоляции, национальному сектантству.

Институциональные предписания государства ограничивают политическую активность национальных меньшинств, что объясняется подозрением в национальном сепаратизме. Северный Кавказ пережил эпоху "балкарского", "черкесского", "лезгинского" вариантов национального суверенитета. И трудная задача государства - содействовать развитию культурных идентичностей при соблюдении гражданских прав остается нереализованной. Культурно-просветительское движение "политизируется", если социальные и политические статусы в обществе детерминированы принципом этнической субординации. Культура толерантности, интерпретируемая функционально, устраняет государство, но не устраняет этностатусные предпочтения и каким образом этнические группы добровольно могут отказаться от логики доминирования остается неясным. Предпоч-

тение гражданской или национальной идентичностей идентичности "малой группы" способствует "родоплеменному" фаворитизму. При всех печальных последствиях националистического проекта, в нем содержится "равенство в нации", иначе не объяснить феномен политической карьеры Дж. Дудаева из бедного ламрского рода.

Толерантность в отношении мигрантов исключает принцип "гомогенной нации". В мирное сосуществование культурных различий включается требование свободной конкуренции на основе индивидуальных возможностей. Гиперреальность толерантности приводит к недооценке того, что "мигрант обычно вынужденно занимает свободные ниши в экономической и социальной структуре принимающего общества" (3 с.82). На Северном Кавказе передел собственности, социальных статусов и власти осуществлялся в форме этнических конфликтов и регион с трудоизбыточным населением не в состоянии обеспечить мигрантов оптимальным выбором социально-профессиональных статусов. Большинство мигрантов устремляются в сферу "криминального и серого" бизнеса. Отличаясь высокой степенью консолидации и девиантным поведением, некоторые группы мигрантов провоцируют всплеск межэтнической напряженности (курды в Красногвардейском районе Адыгеи, турки -месхетинцы в Крымском и Анапском районах Краснодарского края).

Практика толерантности "размывает" границу между культурной самобытностью и социальной лояльностью, если ее абсолютизировать: доводы в пользу того, что необходимо учитывать "торгово-посреднические" навыки турок-месхетинцев или "антигосударственный" менталитет курдов не выдерживают критики. Уклонение от гражданских обязанностей (служба в армии, уплата налогов, соблюдение законов) вкупе с претензиями на получение социальных и правовых льгот, кстати не предусмотренных законом, формирует негативизм местного населения к "чужим". Чужими они являются по собственному выбору, так как пытаются демонстрировать обществу свою "исключительность", основанную на групповом изоляционизме и нетерпимости к социальному и культурному порядку общества-реципиента. Между тем, подобные амбиции маловероятны в этнократическом государстве: "закрытые общества" ограждаются от мигрантов различными политико-правовыми, языковыми и информационными барьерами. От "наплыва" мигрантов страдают демократические Германия и Франция, но что-то не слышно о проблемах миграции в националистической Латвии. На Северном Кавказе миграционные процессы приходится на русские административно-территориальные образования и национально-территориальные образования с традиционной культурой толерантности (Северная Осетия, Адыгея).

Диаспоризация мигрантов делает процесс интеграции в общество-реципиент по крайней мере, управляемым и прогнозируемым: аккультурация мигрантов основана на компромиссе в виде отказа от ценностей и норм, которые вступают в противоречие с интересами и потребностями принимающего общества. Толерантность может быть дополнена осознанием своей культурной и профессиональной идентичности в процессе интеграции, что делает излишним чувство культурной и цивилизационной исключительности. Не потеря этнокультурного своеобразия, а вхождение в общество на правах адаптируемой группы представляется оптимальным.

Если национальные меньшинства компактно проживают или идентифицируются с определенной территорией (туркмены в Туркменском районе Ставропольского края) мигрантские сообщества в местах компактного проживания не испытывают нужды в контактах с обществом-реципиентом и могут проявить стремление к изменению этнического статуса территории (Курский район Ставропольского края). Толерантность в контексте "сокращения различий" замыкает мигрантов в мире "старой родины".

Чтобы избежать соблазна националистического проекта "ассимиляции", региональное сообщество не может принимать на веру принцип толерантности. Нормы религиозной, культурной и этнической терпимости существуют у народов Северного Кавказа издавна и различия не являлись помехой в добрососедских отношениях русских и армян в Краснодарском крае, аварцев и лезгин в Дагестане, кабардинцев и балкарцев в Кабардино-Балкарии. Ссылки на "имперское прошлое", позволяющем существовать культурным различиям в условиях господства наднациональных структур, не убедительны. Программирование толерантности в обществе, разделенном этническими и конфессиональными барьерами, не влечет торжества мультикультурализма, который отталкивается от культурного релятивизма и номиналистической демократии. Коллективистские структуры Северного Кавказа предрасположены к равенству национальностей и, в меньшей степени, равенству отдельных индивидов и малых групп.

Программирование толерантности смещается, напротив, к "децентрации" политики, координации субполитик миноритарных групп. Государство в проекте толерантности подвергается процедуре специализации политики (1, с.344), оставляет свое право на монополию в сфере культуры и национальной политики. Неконтролируемая миграция в северокавказском регионе конфликтна, так как культурный модерн не симметричен социальному антимодерну. Общество-реципиент более готово к националистическому проекту "закрытого общества" и "практике ассимиляции", чем к "политике открытых дверей". Социальная фрустрация делает мигрантов разменной фигурой в "шахматной игре" функционального либерализма и "этнонационализма". Выиграет ли население региона в условиях предложения "плохого или худшего выборов" проблематично, но сценарии риска делают перспективы демократизации общественно-политической жизни туманными.

Очевидно, что было бы ошибочным и несправедливым приписывать сторонникам проекта толерантности стремление денационализировать население Северного Кавказа ради построения "общества мультикультурализма". И все-таки не следует путать иллюзию с реальностью: националистическому проекту может быть альтернативой проект российской государственности, опосредующий различия конфессиональных и этнических групп на основе принципов гражданского патриотизма и конституционных прав, какими бы абстрактными они не казались в сравнении с вроде понятной логикой доминирования "титальной нации".

Литература:

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну, М: 2000.

Ислам и политика на Северном Кавказе, Ростов-на-Дону: 2000.

Левин З.И. Менталитет диаспор, М: 2001.

Манхейм К. Диагноз нашего времени, М: 1994.

Нации и национализм, М: 2002.

Уолцер М. О терпимости, М: 2000.

Современный либерализм, М: 1998.

И.П. Чернобровкин

СТРАТЕГИЯ ПРОФИЛАКТИКИ И НАСИЛЬСТВЕННОГО ЭТНОНАЦИОНАЛИЗМА НА ЮГЕ РОССИИ

В социальных науках и среди политиков распространена точка зрения о бесперспективности подавления этнонациональных конфликтов силой: поскольку сепаратисты не изменяют ценностным приверженностям по приказу, конфликты регулируются переговорными средствами. Консенсологи не учитывают фазы терроризма и потому игнорируют стратегию репрессивной пачификации в отношении этнонационализма. В этой статье мы проанализируем стратегию и тактику подавления насильственного этнонационализма (ЭН) на Юге России с 90-х годов до конца 2001 года. Стратегия подавления представляет собой систематическое пресечение действий насильственного ЭН посредством применения силы федерального государства. Тактика стратегии подавления – это ситуативный способ противодействия экстремизму. Она подчинена цели стратегии. Нас будет интересовать эффективность данной стратегии, оцениваемой с точки зрения ее значимости для населения региона.

Этнонационализм на Юге России – это идеология и активность этнической организации, требующей у государства политического признания этнообщности в форме автономии, независимости или преобладания.¹⁴ Если мобилизационные усилия этнолидеров находят поддержку у населения, ЭН становится массовым движением. В 1990-х гг. распространение ЭН на Юге России было следствием конфликта этноорганизаций и федеральной власти, отстаивающей территориальную целостность государства. Росту ЭН движений способствовали региональные, федеральные и международные причины. К региональным причинам относятся: нерешенные ЭН проблемы советского периода: травма сталинской депортации кавказских народов и псевдонаучная мифология об истории народов Юга России, ставшие мобилизационной основой сепаратистской солидарности; дотационность Юга России, провоцирующая борьбу этноорганизаций за власть и доступность ресурсов. К федеральным причинам относятся неспособность Центра поддерживать конституционный порядок на Юге России и контролировать политический экстремизм. Международные при-

¹⁴ Волков Ю.Г., Добренъков В.И., Нечипуренко В.Н., Попов А.В. Социология. М., 2000, с. 418.

чины проявлялись в активности международной организации исламских радикалов, поддерживающих ЭН на Юге России поставками оружия, денег, наркотиков и вербовки наемников; сохранилась апологетика вооруженной сецессии на Юге России со стороны западных либерал-националистов, что является рудиментом старого мышления холодной войны¹⁵.

Можно выделить несколько этапов эволюции ЭН на Юге России.¹⁶ В 1988-1999 гг. возникли национал-демократические движения. Их программы сочетали лозунги культурного возрождения народов и общедемократические требования (кабардинское движение «Адыгэ Хасе», балкарское «Тере», кумыкское «Тенглик», лезгинское «Садвал», даргинское «Цадеш», чеченское «Барт» и др.) В 1991-1993 гг. под влиянием самопровозглашения независимости Чечни произошло размежевание националистов и демократов, сепаратистов и федералистов. Организационным центром в поддержку чеченской вооруженной сецессии и сепаратизма на Юге России стала Конфедерация народов Кавказа. Ингушско-осетинский конфликт, а также абхазский сепаратизм в Грузии и карабахский сепаратизм в Азербайджане создавали дополнительные стимулы радикализации ЭН на Юге России. Попытка федеральных властей покончить с антиконституционным режимом в Чечне вылилась в военную кампанию 1994-1996 гг. и подписанием соглашений о мире в 1996 г. и 1997 г. Чеченский конфликт не был разрешен. В 1997-1999 гг. в чечне существовал преступный режим соперничающих вооруженных групп. Они пытались обрести легитимность через обращение к радикальному исламу, а материальные средства найти через теневую экономику, торговлю людьми и внешние заказы на террористическую деятельность. В 1999 г. с территории Чечни были осуществлены вооруженные вторжения в Дагестан и террористические акты в различные города России. В ответ последовали массированные военные действия федеральных сил и разгром незаконных вооруженных формирований в Дагестане и Чечне в 2000 г. Антитеррористическая операция в Чечне остается незавершенной. Ограничению массовой базы ЭН должна способствовать социально-экономическая программа Юг России, принятая Правительством РФ в 2001 году.

В 90-е годы и в начале 2000 года на Юге России наблюдалась тенденция повышения общественной опасности насильственного ЭН. Она обусловлена существованием многочисленных экстремистских структур, стремящихся к ослаблению конституционного строя РФ насильственными средствами и к его вооруженному изменению. С этой тенденцией связана увеличение масштабов ведения экстремистской пропаганды на националистической и религиозной-фундаменталистской основе. Главным показателем повышения опасности насильственного ЭН для жизни личности, населения региона и Федерации остается расширение практики терроризма.

Этнонационалистический терроризм (ЭНТ) отличается своими особенностями. Он имеет истоки в этнонационализме, но не является его логическим следствием. ЭНТ означает отказ радикальной части движения от легальной борьбы и представляет собой: а) ряд намеренных коллективных действий прямого физического насилия против населения; б) адресных и непредвиденных

¹⁵ Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте. М., 2001, с. 552.

¹⁶ Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. М., 2001, с. 464.

извне; в) систематически совершаемых с целью психического воздействия на других людей жертвы физического насилия и дискредитации реакций центральной власти; г) действия, осуществляемые в рамках политической стратегии. ЭНТ возникает при рутинизации конфликта, чередования соглашений и борьбы, когда центральная власть неспособна восстановить иерархические отношения с периферией, а политизированная этногруппа превращается в этносекту и объединяется с военизированными формированиями.

ЭНТ отличается от партизанской войны. Насилие партизан – инструментально, направлено на ослабление военных сил противника. Для террористов на первом месте находятся коммуникативные последствия насилия: запугивание населения, не пострадавшего от террора, и дискредитация в глазах общественного мнения центральной власти, не желающей идти на уступки радикальным силам сепаратизма. Террористическое воздействие осуществимо оппозиционными или «независимыми» СМИ, но наиболее важный канал воздействия – слухи.

ЭНТ в Чеченской республике Ичкерия сформировался в 90-х годах при рутинизации конфликта сепаратистской организации и федерального центра. ЭНТ был встроен радикальными этнолидерами в чеченское общество и представлял собой систему разнонаправленных актов насилия четырех видов; 1) самопроизвольный ЭНТ (спорадическая депортация иноэтнического, преимущественно русского населения); 2) ЭНТ бандформирований в пограничных районах с Чечней (похищение людей в целях вымогательства денег и другие преступления); 3) организованный ЭНТ политического характера (например, в Буйнакске в 1997 г., Москве, Волгодонске в 1999 г.); 4) официально одобренный чеченским руководством ЭНТ во время военной и антитеррористической операции федерального центра в Чечне в 1999-2000 гг.; 5) компании «промывания мозгов».

К стихийному ЭНТ, который частично предсказуем, чеченское руководство проявляло терпимость. В невоенное время террористические банды находились вне пределов правительственного контроля и рассматривались потенциальным союзником в чеченской военной экспансии на Кавказе. Тайно при внешней поддержке фундаменталистских сил третьих стран велась подготовка профессиональных террористов.

Ошибочно сводить ЭНТ к преследованию инакомыслия. Он принуждает к покорности население, находящееся под его властью, а также самих террористов о чем свидетельствуют фракционные конфликты. Чеченский ЭНТ не довольствовался восхвалением, но желал, чтобы в него верили. Его практика обнаруживала перманентное непонимание реальности. Его идеология не могла быть морально интернализирована, поскольку была лишена способности порождать убеждение в правоте действий. Она лишь поддерживала покорность и лицемерное восхваление ЭНТ. Исходная двусмысленность пропагандистского языка ЭНТ предельно затрудняла понимание смысла террора.

В этой ситуации чеченские ультранационалисты создали всеохватывающую систему пособничества ЭНТ, которая поддерживалась угрозой преследования. Ее формами в Чечне были соучастие в экзекуциях, похищение людей, работорговля, укрывательство награбленного имущества, хранение оружия, строительство военных укреплений. ЭНТ, чья радикальная идеология требовала

высшей эффективности власти, довел чеченский сепаратизм до абсурда. Негативным образом он делал всех членов общества равными перед угрозой преследования и породил массовый скептицизм. Терроризм в Чечне препятствовал введению легального порядка экономического обмена и кооперации, поскольку в теневой экономике находились финансовые ресурсы насильственных акций. Чеченские кланы сопротивлялись роспуску неармейских вооруженных формирований. Часть из них нашла поддержку у правительственных ваххабистов Ичкерии, преуспевших в создании международного центра террора.

Терроризм ведет к эскалации конфликта, если остается безнаказанным. Без подавления терроризма этнонациональный конфликт не может быть политически урегулирован. Репрессивная пацификация содействует переходу конфликта из нелегитимного в легитимное русло, оставляет пространство солидарности и кооперации народов России, федеральной и местной власти. Пример Чеченской республики Ичкерия свидетельствовал об отсроченности прогрессивного процесса восстановления конституционного порядка, который обещает гражданское развитие в ходе социальных изменений.

В целях противодействия тенденции повышения общественной опасности насильственного этнонационализма на Юге России федеральные органы власти избрали стратегию его подавления. Главным политическим средством подавления стала военная и антитеррористическая операция в Чечне. Дополнительными средствами подавления политического экстремизма на Юге России были усиление уголовно-правового контроля и контрпропаганды.

В ходе военной операции в Чечне 1999-2000 гг. были разгромлены незаконные вооруженные формирования, базы терроризма, отменена шариатская система власти и суда. Новая правительственная администрация совместно с федеральным центром стали восстанавливать светский конституционный порядок, правоохранительную систему, местные органы управления. В Чеченской республике началось восстановление экономической и бытовой инфраструктуры для возвращения беженцев.

Чрезмерная длительность второй военной операции в Чечне снизила ее эффективность. Аналитик В. Серебрянников видит главную причину этой длительности в низкой оснащенности (25%) новейшими образцами оружия и боевой техники Вооруженных Сил РФ, в сравнении с 70-80% оснащенности западных армий.¹⁷ Эту точку зрения разделяет командующий СКВО генерал-полковник Г. Трошев: «Техника, которой оснащены части СКВО имеют, к сожалению, двадцатилетний возраст. Статистика такова, что последнее десятилетие войска округа не получали ни одной единицы новых образцов боевой техники, как бронетанковой, так и авиационной».¹⁸ Армия нуждается в реформе и новой технике. Без этого не будет успешным сдерживание повторных попыток антифедеральных сил к созданию незаконных вооруженных формирований на Юге России.

¹⁷ Серебрянников В.В. Генералы и политика // Формирование России: от мифов к реальности. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2000 г. Т. 1. М., 2001, с. 261.

¹⁸ Красная звезда. 2000. 10 января, с. 1.

К стратегии подавления насильственного этнонационализма относится уголовно-правовой контроль, специализированная деятельность органов государства по защите граждан от преступных посягательств. На Юге России некоторые субъекты РФ ввели запреты на создание религиозно-экстремистских организаций, стремящихся заменить светскую республику теократическим государством. В конце 90-х годов власти Ингушетии и Дагестана приняли законы о запрете ваххабистской деятельности.¹⁹ В 2000 г. в Чеченской республике была отменена шариатская система власти и суда, и новая правительственная администрация совместно с федеральным центром стали восстанавливать светский конституционный порядок. В РФ строгие судебные приговоры выносятся лидерам и активистам экстремистских организаций, совершивших тяжкие уголовные преступления. Требования части общественности об исполнении приговоров к смертной казни (приостановленной в РФ с 1996 г.) сочетается с амнистией рядовых участников незаконных формирований.

Важной особенностью в освещении ситуации в Чечне стала трансформация позиций различных российских СМИ. Если в первую чеченскую кампанию (1994-1996 гг.) большинство СМИ оправдывало вооруженную сепаратистскую войну и часто вело репортажи со стороны сепаратистов, то в ходе антитеррористической кампании (1999-2000 гг.) практически все СМИ оправдывали необходимость защиты России от агрессии и угрозы, исходящей от режима Чечни как очага терроризма.

В 2001 г. по данным социологических исследований большинство жителей Чеченской Республики (69%) считали себя гражданами России. В возрастной группе 39-40 лет минимальная доля сепаратистов (13%) и большинство сторонников конституционного порядка, соответствующего Конституции РФ (71%). В этой возрастной группе преобладают лица со средним специальным и высшим образованием, которые осознают губительность разрыва с русской культурой и чаще не желают жить по законам шариата. Для части респондентов (всего 17%), в том числе молодежи (20%) и лиц старше 50 лет (27%) переход чеченского общества к мирной созидательной жизни представляется проблематичным. Федеральная военная и антитеррористическая операция в Чечне прервала тенденцию повышения угрозы политического экстремизма, но не покончила с терроризмом, который поддерживается извне. Участие России вместе с мировым сообществом в борьбе с международным терроризмом служит в перспективе ослаблению угрозы терроризма на Юге России. Этой же задаче будет способствовать устойчивое, сбалансированное и социально ориентированное развитие Юга России.

У. Зартман

¹⁹ Сампиев И.М. О некоторых аспектах противостояния религиозному экстремизму // Ислам и политика на Северном Кавказе (отв. ред. В.В. Черноус). Вып. 1. Ростов-на-Дону, 2001, с. 79.

ПРЕВЕНТИВНАЯ ДИПЛОМАТИЯ*

Превентивная дипломатия начинается у себя дома, независимо от того, имеем ли мы дело с разделившимися, распадающимися или соседствующими государствами, касаемся ли взаимоотношений в области коммерции, безопасности или окружающей среды, независимо от этого, предвидение и предотвращение конфликта путем переговоров, а не рассмотрение его с жестких и заранее заданных позиций, является полезным политическим выбором. Он подразумевает замену подхода, предполагающего завоевание других (или преобладание над другими), подходом, ориентированным на "завоевание" сторонами друг друга путем убеждения. Он призывает смотреть в будущее, что предполагает хорошо обоснованные расчеты и преобразование конфликта в терминах, предусматривающих позитивную формулу для выработки сторонами соглашения. Сотрудничество, расчеты, переформулирование (в данном случае у автора речь идет о позициях - Перев.) - вот три основных элемента превентивной дипломатии. Иногда обсуждение данного вопроса на этом и заканчивается. Когда стороны подвижны (и это главное!) перспективой будущего примирения, а не конфронтацией по отношению друг к другу, остальное - это детали и тактика. Действительно, многие из анализов спорных вопросов в различных сферах - уже разделившихся и распадающихся государств, в области территориальных и пограничных споров, межэтнических переговоров и разногласий по сотрудничеству, глобальных разногласий в области окружающей среды - акцентируют внимание именно на этих элементах как ключевых для успешного ведения превентивной дипломатии. Это заключение касается именно этих общих элементов, присущих практике и пониманию менталитета превентивной дипломатии, и которые выведены из отличных друг от друга областей анализа.

Политика превентивной дипломатии - это не просто идеологический выбор. Она не зависит просто о "веры" какой-либо стороны в мирные взаимоотношения, в возможность избежать политической катастрофы...или каких-либо идеалистических предпочтений. Это политика для реалистов, которая дается ради эффективности и результативности. Стороны обнаруживают, что они могут увеличить шансы в деле достижения своих целей при меньших затратах, превращая своих оппонентов в своих союзников и соратников. Это подразумевает, как при любых переговорах, "покупку" сотрудничества с другой стороной, причем обязательно с учетом своих целей. Но при этом надо обязательно смотреть вперед и делать акцент не на приостановление старого или настоящего конфликта, а на возможности избежать будущих конфликтов. Это не подразумевает отречение от целей, которые явились предметом конфликта, а скорее предусматривает пересмотр,

* Зартман, Уильям (Zartman William) - известный американский специалист в области конфликтологии и ведения переговоров. Он автор множества книг и руководств, многие из которых имеют мировую известность (в частности, работа "Переговорщик", 1982). В настоящее время является профессором Школы передовых международных исследований знаменитого Университета Джона Гопкинса (США). Предлагаемая вниманию читателя публикация представляет собой работу, развивающую основные мысли данного автора по вопросам предупреждения и предотвращения конфликтов (см. W.Zartman. Preventiv Diplomacy. Setting the Stage // Космополис. Альманах 1999. М., 1999. С.153-160). При переводе произведены некоторые сокращения текста. В силу специфической терминологии У.Зартмана, а также невозможностью однозначного толкования ряда используемых им понятий, местами дается авторизованный перевод его работы. (Примечание переводчиков).

сокращение или расширение своих целей, по крайней мере, до тех пор пока они укладываются в те же рамки и достижимы в сотрудничестве с другой стороной. Выбор делается под натиском осознания будущих затрат в сравнении с настоящими и настоящих возможностей решения проблемы в сравнении с будущими.

Требования превентивных действий выходят за рамки раннего предупреждения и перерастают в своевременное понимание проблемы, предшествующее предупреждению. Стороны просчитывают, что, если не предпринять сейчас действий, заплатив при этом какую-то цену, то будущие затраты окажутся значительно выше и сами будущие действия окажутся значительно более трудными. Они полагают, что есть больше шансов достичь большую часть своих целей сейчас, чем потом (а промедление, в свою очередь, увеличит будущие затраты)... Если только что-нибудь не будет сделано сейчас, то положение вещей ухудшится вдвойне-и не только в смысле затрат, но также в смысле возможности вообще чего-либо достичь. Надо подчеркнуть: это не простой расчет, как правило, присутствующий на переговорах, когда сравниваются альтернативные результаты, возможные на текущий момент....

Такие расчеты на будущее не являются типичными и для политической практики. Соображения рационального расчета достаточно популярны и являются обычной базой для принятия решений. Упреждающее принятие решений с целью избежать будущих потерь отличает искусное ведение государственных дел от простого "присмотра" за своими запасами и от "тушения пожаров". И все же именно в этом заключается "нормальная дипломатия". Превентивная дипломатия ассоциируется с таким понятием, как дальновидность, при этом подчеркивается тот факт, что ее успех зависит от распознавания факторов неопределенности в будущем, которые, в случае, если политика будет успешной, никогда не материализуются... Именно потребность действовать против факторов неопределенности делает превентивную дипломатию незаурядной. Даже тогда, когда одна сторона принимает установки превентивной дипломатии, она обычно должна "превзойти" различные расчеты другой стороны или других сторон, вовлеченных в конфликт. Если же ни одна из сторон не мыслит в терминах превентивной дипломатии, то нужна третья сторона для того, чтобы создать новые понятия и расчеты.

Итак, действительно, превентивная дипломатия не начинается у себя дома, но она заключается в потребности убедить своих как внутренних, так и зарубежных оппонентов в необходимости смотреть вперед. Если все же окажется, что превентивная дипломатия будет заключаться не в том, как действовать, а как заставить поступать другую сторону, то методы действия обеих будут фактически идентичными. Главные аргументы, имеющиеся у первой или третьей стороны (имеется в виду посредник - Перев.), с тем, чтобы убедить вторую сторону в необходимости вступить в переговоры по превентивной дипломатии--это грозящие ей потери от бездействия, перспективы положительного выхода из ситуации и получение от другой стороны согласия на участие в процессе примирения. Эти определяющие черты переговоров в режиме превентивности являются также главными факторами для стимулирования ситуации, которая обладает целостностью и преимуществами, но также имеет недостатки. Когда конфликтующие стороны считают, что потери от без-

действия пока как бы не ощущаются и вполне переносимы, а перспективы совместного достижения успеха проблематичны для сторон или вообще равны нулю. Предложениям же примириться, по мнению сторон, нельзя доверять или они являются признаком слабости, которым можно легко воспользоваться. Тогда еще нельзя садиться за стол переговоров в режиме превентивности, поскольку нет базы, которая могла бы сделать эту политику привлекательной.

Условия.

В основе того, что превентивная дипломатия более предпочтительна, чем конфронтация или позиция безразличия, лежат вполне объективные критерии эффективности и результативности. И это не просто идеологический выбор или философское пристрастие к либеральному, а не реалистическому подходу в международных отношениях. Поскольку этот выбор делается людьми, здесь имеют место субъективные оценки, что является вопросом понимания (если не философии) в том, что касается способности соотносить возможные выгоды и затраты. Благодаря этому пониманию, объективная база превентивности включает реальные затраты и возможности, которые обеспечивают структурные условия для переговоров. Их можно представить в виде шести условий, которые в плане их специфики могут быть представлены по восходящей линии.

Самое основное требование-это проблема, которую надо решить. Превентивная дипломатия --это попытка решения проблемы, где потери от беспорядка, неэффективности и неуверенности препятствуют достижению целей, ради которых и заключаются соглашения. Хотя на первый взгляд это может показаться банальным, важно признать, что превентивные усилия начинают оправдывать себя в ответ на брошенный вызов: "В чем проблема?". Нависшие опасности - это коллективное социальное зло, которое затрагивает некоторые аспекты безопасности взаимодействующих сторон. Но стороны должны быть убеждены, что опасность действительно нависла и их безопасность поставлена на карту. Иными словами, нужно избегать феномена стороннего наблюдателя, борясь с той точкой зрения, что это - чья-то проблема, которая разрешится сама собой. Проблема заключается в неурегулированности отношений, которая дорого обходится сторонам, независимо от того, является ли она следствием неопределенного статуса, вызывающего пограничные или территориальные споры, нестабильности, присущей разделившимся или разделяющимся государствам, или она является следствием раскола из-за стремительного соперничества в торговле или других отношениях.

Вторым компонентом является то, что и нужно предотвратить, т.е. ухудшающаяся ситуация, влекущая за собой еще большие издержки. Необходимо, чтобы проблема рассматривалась как нечто, что можно предотвратить, а не как проблема, с которой ничего нельзя сделать. И, если проблема будет понята как потенциальная возможность, элемент превентивности должен появиться как несомненный факт. Чем яснее то обстоятельство, что ситуация ухудшается, тем нужнее работа в плане предупреждения, но эта ясность несет на себе печать субъективности, допускающей много оттенков "серого цвета". Именно этот факт делает превентивную дипломатию такой редкой и трудной вещью: к тому времени, когда ход событий уже необратим, часто бывает слишком поздно для того, чтобы принять превентивные меры.

Понимание ухудшения ситуации и возможности ее предотвращения не представляли трудностей для дипломатов, которые занимались вопросами глобальной безопасности, которая оказывалась под угрозой из-за гонки ядерных вооружений. Они видели возможность выхода этого соперничества в данной области из-под контроля и работали на достижение предсказуемости, стабильности и прозрачности взаимоотношений. В других областях это понимание носило менее четкий характер, лишь с некоторыми элементами осознания того, что ситуация ухудшается. Это и явилось толчком к превентивным переговорам, в других же ситуациях понимание оказывалось слишком запоздалым, когда ход вещей приобретал необратимый характер.

Так, в некоторых странах пограничные конфликты были упреждены демаркацией, в то время как бездействие других приводило к войне. В других странах этнические разногласия удалось уладить до того, как они стали необратимыми. Опыт третьих показал, что эти разногласия можно устранить только тогда, когда за их улаживание берутся сами недовольные стороны. А когда насилие угрожает сорвать переговоры, направленные на то, чтобы положить конец этническим беспорядкам, решающим фактором в продолжении переговоров являлась установка на то, чтобы избежать самого худшего результата. Разделенная Германия смогла избежать угрозы войны путем принуждения и последующего объединения, в противоположность опыту Йемена, где при первоначальном разделении и последующем объединении страны не удалось избежать войны. В опыте же Кореи имели место как принуждение, так и война /.../. Вообще же в каждом конкретном случае разницу между проблемами, которые удалось предотвратить, и наоборот, следует искать в контексте развития событий, как, впрочем, и в правильных ответных политических шагах сторон.

Третьим объективным элементом является возможность распределения затрат. Если сторонам суждено предпринимать попытки по предотвращению возможных катаклизмов, то им надо быть уверенными в том, что другие тоже будут нести груз этих усилий. Превентивная дипломатия всегда предполагает несколько сторон, будь то стороны, непосредственно вовлеченные в конфликт, или третья сторона, призванная стать между враждующими сторонами. Превентивная дипломатия всегда влечет за собой затраты, направленные на предотвращение наихудших вариантов развития событий. И именно затраты от предпринимаемых действий, а не от катастрофы, которую удастся избежать, в первую очередь принимаются во внимание дипломатами при их подсчетах. Поэтому конфликтующие стороны должны осознать необходимость распределения текущих затрат с тем, чтобы снизить их для каждой стороны в отдельности, а также избежать будущих затрат для всех.

Так, политика демаркации и автономизации накладывает ограничения на участников конфликта и взаимоотношения властей по обе стороны границы. Попытки объединения разделившихся государств являются при этом не уступками, а принятием на себя обязательств: как политических, так и экономических. В нормальных отношениях сотрудничества конфликты можно предотвратить, когда затраты распределяются равномерно. Большая часть разногласий по поводу превентивных мер в области охраны окружающей среды от глобальных природных катастроф сконцентрировалось на том, как можно в равной мере распределить затраты сторон, без чего превен-

тивные меры не могли бы найти поддержку. То же самое касается глобальных катастроф в области безопасности /.../.

Четвертое условие -это возможность получения новых преимуществ посредством превентивности. Доказано, что во многих случаях упреждение затрат недостаточно. Чтобы мотивировать превентивные переговоры должен быть в наличии альтернативный преимущественный фактор, т.е. возможность извлечь выгоду из результата, который следует за превентивными мерами. Превентивная дипломатия может привести к процветанию, а не просто помочь избежать затрат. Такие выгоды требуют действия, хотя, как указывает теория перспектив, они должны обладать более высоким уровнем определенности, чем просто защита от возможных потерь /.../.

Изменение ставок (расстановки сил) подталкивает к превентивным действиям, когда стороны видят удобный случай для плодотворного сотрудничества вместо приводящего к нулевому результату конфликта. Так, осознание того факта, что озоновый слой находится под угрозой и необходимы меры для ее устранения, значительно обострилось, когда химические компании увидели возможность продавать заменители химикатов. До этого же они рассматривали превентивные меры как угрозу своим объемом продаж. Разделенные государства объединились, когда действующие лидеры, как, например, в Йемене или альтернативные, как в Германии, увидели в объединении возможность более благоприятного будущего. Они увидели возможность не просто прыгнуть с тонущего корабля, а взойти на борт более способного к плаванию корабля. Затяжные пограничные конфликты урегулируются не тогда, когда взрывоопасность ситуации становится очевидной для сторон, а когда открываются новые возможности - такие, как, например, новые месторождения или просто развитие в регионе и когда обнаруживается, что их эксплуатация невозможна, пока над сторонами нависает неразрешенный конфликт.

Пятое условие-это исходящее изнутри давление. Внутренняя база для превентивной дипломатии имеет место как при возникновении угрозы, так и при ответных действиях. К этому процессу должна подключиться общественность или даже предвосхитить официальное признание предстоящих затрат и поддержать текущие затраты с целью предотвратить возможный конфликт. Если общественность не убеждена, что опасность приобрела угрожающие размеры, она не будет предпринимать усилия для ее предотвращения. Существует целый ряд косвенных предпосылок этого понимания. Оказывающая давление общественность должна быть убеждена в том, что в самой опасности заложена предпосылка к ее устранению и что причина и следствие этой угрозы - не чья-то вообще, а их проблема.

Как правило, идущая изнутри реакция исходит не от общественности в широком смысле слова, а от весьма "разношерстной" публики, состоящей из идеологически мотивирующих свое поведение, обладающих самосознанием групп, а также групп, заинтересованных в получении прибыли. При этом последние особенно чувствительны к возможности извлечения выгоды из превентивного решения проблемы. Какими бы странными партнерами ни казались эти группы, поддержка обеих необходима, чтобы достойно встретить будущее. Их "брак" укрепляется, когда ухудшающаяся ситуация и вытекающая из нее необходимость в распределении затрат, имеют предпо-

сылки, выходящие далеко за рамки конкретного случая, и когда требуется предпринять меры обобщенного характера...

Потребность в общественной поддержке также имеет отношение к составу руководящей группы. Проведенные исследования подчеркивают (при любом виде урегулирования конфликтов) потребность в "центристских умеренных коалициях", широко опирающихся на различные заинтересованные группы, которые открыты для различных точек зрения и подсчетов, имеющих место при превентивных действиях и убежденных в необходимости сдерживания жестких политиков, которые могли бы использовать конфронтацию в целях укрепления своих позиций. При многих типах угрозы (опасности) дополнительный мотив к превентивным действиям заключается в том, чтобы не дать экстремистам повода, который они могли бы использовать для отвлечения внимания во внутренней политике. Вместо того, чтобы оставлять представления и осознание на субъективном уровне, коалиции внутренней поддержки ставят превентивную дипломатию на более объективный уровень политики взаимоотношений элитных групп. Поляризованные экстремистские группы начинают войну или устанавливают, наконец, мир, но они редко предпринимаяют в политике дальновидные шаги.

Эти элементы поддержки со стороны общественности и элитных групп очевидны в опыте решения различных спорных вопросов. Поддержка общественности явилась самым существенным фактором, который направлял многие переговоры с целью предотвращения катастроф как в области безопасности, так и окружающей среде; ...иногда эта поддержка шла даже впереди официальных шагов.

На лидеров, пытающихся достичь долгосрочных перемирий в своих спорах по территориальным вопросам и вопросам суверенитета, а также третьи стороны, пытающиеся вмешаться в споры о суверенитете, часто набрасывалась узда, когда они заходили слишком далеко по сравнению с общественностью, которая их до этого поддерживала. Существование умеренной центристской коалиции явилось существенным показателем в часто встречающихся спорных ситуациях по вопросам суверенитета, таких, например, как распад государства или его объединение, этнические или территориальные конфликты. Для большей уверенности лидеры, вовлеченные в превентивные демарши, должны притягивать к себе поддержку со стороны общественности и руководства, но, как неперемное условие этого, в некотором смысле их должна подталкивать растущая потребность к действию.

Последним условием является гальванизирующее событие, (неважно: положительное или отрицательное), которое работает на улучшение других, более широких, объективных элементов. Гальванизирующие события великолепно мобилизуют разум, рассматривая затраты и проблемы с точки зрения будущего и укрепляя поддержку действий лидеров со стороны общественности. Иногда они, рискуя, подходят слишком близко к самому кризису, который уже слишком поздно предотвращать. Если проблемой не заниматься, то пограничные или этнические инциденты, жесткие столкновения между распадающимися или уже распавшимися государствами, балансирующая на грани глобальная безопасность или природная катастрофа являются последним предупре-

ждением затянувшимися конфликтам, последним криком, который должен привлечь внимание, пока ситуация не стала необратимой. В подтверждение научным свидетельствам, вот-вот готовые произойти несчастные случаи, сигналы опасности (такие, например, как неожиданные неурожаи или рискованные несанкционированные столкновения), а также предупредительные декларации могут стать толчком к раннему осознанию, необходимому для того, чтобы начать подниматься вверх по лестнице превентивных действий /.../.

Процессы

При учете этих шести структурных условий, соответствующие процессы могут быть использованы первой или третьей стороной для того, чтобы способствовать превентивным переговорам. Эти процессы призваны изменить как точки зрения, так и расстановку сил для того, чтобы выработать раннее осознание необходимости предотвращения нависших угроз и альтернативных возможностей, вытекающих из эффективных превентивных мер. В уже рассмотренных нами областях спорных взаимоотношений намечается шесть последовательных шагов.

Основной шаг-это выработка раннего осознания проблемы. Этот термин используется в качестве более значимой альтернативы термину раннее предупреждение, который стал довольно популярным, но вводящим в заблуждение "дорожным знаком" на пути в превентивности... Раннее предупреждение означает, что вы смотрите (наблюдаете) любую область спорных взаимоотношений, где можно применить превентивные меры... Проблема заключается не в нехватке своевременных индикаторов, а в недостатке умения смотреть, в отсутствие политической культуры, которая благоприятствовала бы упреждающему анализу и решению проблемы. Таким образом, раннее осознание означает комбинацию способности "смотреть" и "видеть", возможность смотреть далеко вперед на отдаленные проблемы и умение идентифицировать уже имеющиеся предупредительные сигналы. Раннее осознание также предполагает аналитическое понимание возможности превентивных действий; понимание того, что проблема не только усложняется, но и с ней можно что-то сделать. Как и в любых переговорах, началом любых действий является диагноз...

В конце концов осознание и превентивность могут быть вопросом культуры; некоторые общества более склонны смотреть в будущее и более открыты пониманию того, что что-то можно сейчас предпринять. Скажем, американское общество разрывается между двумя этими пониманиями, но больше готово смотреть в будущее, нежели традиционные общества, представители которого воспитаны в духе фатализма. В народной культуре аксимы типа "Унция превентивных мер стоит фунта лечебных", "Семь раз примерь-один раз отрежь", "Лучше в безопасности, чем в горе", "Раньше предупредил-раньше вооружился", "Планируй наперед" и др. соперничают с такими максимами, как "Не тревожь беду, пока она не потревожит тебя", "Не ищи приключений", "Не буди спящую собаку" или недавно появившейся: "Не чини, пока не сломалось". (Заметьте, что в этом списке первые три максимы происходят из фаталистских и традиционалистских концепций в американской культуре, негритянских spirituals и иудаистских традиций). Возможно, именно эта амбивалентность, присущая большинству основных выражений о трудностях жизни людей, на которые и наталкиваются превентивные действия.

Другим шагом является устранение или, по крайней мере, уменьшение нерешительности. Осознанию способствует переход от уверенности, что опасности нет к неуверенности; решения, вытекающие из превентивных переговоров, должны преобразовать эту неуверенность обратно в уверенность; в понимание того, что опасности нет, но при новых (созданных превентивными действиями) условиях. Первый сдвиг (переход) осуществляется с помощью информации о настоящей и надвигающейся ситуации, а также с помощью анализа опасностей, внутренне присущих ей. Второй переход происходит с помощью соответствующих мер, чтобы распознать суть конфликта, устраняя его причины, смягчая его последствия, ограничивая возможности несчастных случаев и мотивированных инцидентов, заменяя опасную динамику более благоприятной. Необходимость сократить позиции неуверенности подчеркивает важность установления режимов, усиливающих предсказуемость за счет определенных правил.

Третьим шагом в превентивных действиях является переструктурирование проблемы таким образом, что имеющие к ней отношение могут увидеть суммарный положительный результат благодаря превентивным усилиям. Это означает устранение или смягчение дистрибутивного характера проблемы или же ее понимание и преобразование в интегративную (общую для сторон) проблему. Или же, если проблема действительно изначально дистрибутивна, то это означает поиск приемлемого понятия справедливости для того, чтобы разумно распределить результаты, вытекающие из превентивных переговоров /.../. Таким образом, переструктурирование является ключом к продолжающемуся процессу и естественному продолжению первого шага, заключающегося в осознании возможностей решения проблемы. Оно также является ключом к созданию атмосферы, которая, в свою очередь, лежит в основе последующих усилий и постоянно поддерживает надежду на мирное и плодотворное решение проблемы.

В то же самое время, в качестве четвертого шага, первая и третья стороны должны создать себе сторонников среди единомышленников (партнеров) по целям, и должны поощрять внутреннюю поддержку, которая уже должна существовать внутри их собственных политических линий действия. Это не должно быть отдельным усилием, поскольку, как уже отмечалось, оно взаимозависимо и переплетается с другими решениями, которые принимаются в ходе превентивных переговоров, если вопрос при этом оказывается довольно спорным. Это может даже потребовать усилий держать на месте умеренную центристскую коалицию, создавая благоприятные условия и адресуя свои обращения к группе поддержки в коалиции и помогая изолировать экстремистские силы. Широкое использование информации внутри национальных границ также становится важным аспектом превентивной деятельности.

Пятый шаг предполагает создание привлекательного и сбалансированного пакета (комплекса) возможностей с незначительными затратами по нескольким измерениям. Как указывают объективные данные, сегодняшние затраты должны быть меньше будущих затрат и должны быть при этом равномерно распределены. В дополнение к этому должны иметь место возможности благоприятного решения, которые будут предварять и перевешивать сегодняшние и будущие затраты, вызывая при этом поддержку лидирующих групп среди целых слоев общественности. Те же самые

рассуждения распространяются и на контролирующие элементы соглашения путем выработки санкций за невыполнение и поощрений за исполнение его будущих положений. При распределении затрат и благоприятных возможностей необходимо проводить различие между сторонниками и противниками внутри затронутого конфликтом сообщества, так что "свободное плавание" не будет поощряться, в то время как участие в равной степени будет поощряться.

Заключительным шагом является создание нужного (соответствующего) режима, обеспечивающего процесс непрерывно продолжающегося предупреждения проблемы. Ведение дальновидной политики может стать способом заблаговременной борьбы с конфликтами, причем двумя способами: либо путем предвидения последствий какой-то особой ситуации, либо путем предвидения ситуаций общего типа. Первый из них включает особые расчеты и особые решения, принимаемые для того, чтобы предотвратить возникновение и разрастание конкретного конфликта. Второй подразумевает решения общего характера, а также механизмы для устранения элементов неопределенности как при рациональных расчетах, так и при принятии решений о создании режимов, призванных улаживать проблемы, которые могут привести к конфликту и насилию. Каждый из них пытается заменить проводимый в настоящее время опасный курс действий более благоприятной альтернативой выхода из кризиса /.../.

Переговоры

Множество конфликтов было предотвращено. Многие из них были предотвращены именно благодаря переговорам по ряду спорных вопросов. Хотя каждый спорный вопрос имеет свои собственные характеристики, есть тем не менее и общие моменты, которые полезно рассмотреть.

В центре превентивных переговоров находится реструктуризация, изменение ставок, поскольку это сделать легче, нежели изменить точки зрения. Изменение же ставок способствует изменению точек зрения. Ключом к тому, чтобы склонить стороны к превентивному выходу из ситуации (либо одной из сторон, находящейся в конфликте с другой, либо третьей стороны) является умение заставить стороны пересмотреть свою точку зрения на то, что именно вовлечено в конфликт. Это достигается посредством побочных вознаграждений, изменением формулировок или уступок. Нельзя априори указать, какие из этих трех средств "управления" ставками предпочтительнее или нужнее /.../.

Рассмотрение силы как дополнительной величины в сочетании с возможными выходами из ситуации дает переговорщику возможность подумать о способах того, как сделать альтернативы более или менее привлекательными. Как привлекательные стимулы, так и последствия, показывающие, как не надо поступать, освещаются как дополнения или альтернативы либо для окончания, либо, соответственно, для продолжения конфликта. Например, стороны понимают, что достигнутое совместными усилиями процветание или экономическое развитие предпочтительнее пограничного, территориального конфликта или конфликта по поводу раздела государства, так же как и то, что продолжающийся прогресс в переговорах, направленных на прекращение этнического конфликта, является альтернативой наихудшему результату, возможному в случае эскалации этого конфликта. Во время многих переговоров стороны часто ссорятся, жестикулируют или ведут

себя хуже того, для того, чтобы проверить альтернативу или угрожающе помахать ею перед своим оппонентом... К сожалению, нельзя "размахивать" благоприятными альтернативами, по крайней мере, с одинаковой результативностью. Это походило бы на поддержку теории, согласно которой стороны склонны избегать потерь, а не гарантировать достижение своих целей. Однако, опыт решения спорных вопросов показывает, что стимулы намного чаще подвергаются испытанию, но они требуют больше времени, чтобы это дошло до осознания сторон. Стороны чаще обещаниями, а не угрозами, склоняются к сотрудничеству в целях избежания конфликтов, скажем, в случае возникновения конфликтов в области охраны окружающей среды именно перспектива новых выгод решает исход сотрудничества, чтобы предотвратить наихудшее.

Регулирование ставками включает переформулирование позиций. Переговоры в целях предотвращения конфликтов идут легче, когда имеющиеся в настоящий момент элементы спора можно выразить в других терминах, даже без привлечения новых элементов в качестве стимулов. Так, стороны могут рассматривать предмет спора не как собственность, а как право пользования чужим имуществом; могут рассматривать автономию региона как альтернативу его выходу из состава государства; предпочитают делать взаимные уведомления о военных учениях, а не запрещают их. Тогда ставки перестают быть остро дистрибутивными, приобретают в большей степени мягкий характер, а возможности сторон становятся только интегративными /.../.

Превентивные переговоры в своей основе обязательно включают изменение точек зрения. Как уже отмечалось выше, стороны должны менять точки зрения на свои взаимоотношения... Как бы объективно не менялись ставки, до тех пор, пока у сторон не изменятся взгляды на их взаимоотношения, конфликт будет продолжаться. Изменение точек зрения может происходить либо в направлении того, как рассматриваются ставки, либо в направлении того, как рассматривается другая или другие стороны. Это поразительно, как стороны, находящиеся в тисках жесточайшей демагогии по поводу глобальных конфликтов в области безопасности, в конце концов, начинают легче воспринимать друг друга, как потенциальных партнеров в предотвращении глобальных катастроф в области безопасности /.../.

И, наконец, процесс превентивной дипломатии обладает особой природой в области тактики переговоров. По своей сути, превентивные переговоры являются процессом интеграции, при этом наравне с высоким мастерством. Отсутствие же этих характеристик - ключ к их провалу. В отличие от других переговоров, превентивная дипломатия не реагирует на созревшую проблему. По своей природе, она представляет собой шаги, предпринимаемые еще до того, как проблема заявит о себе. В результате этого, при отсутствии остроты ситуации, она должна создавать свою собственную мотивацию. Она должна выстраивать диспозицию, предполагающую учет двух факторов: push factor раннего осознания и pull factor'будущих завоеваний (приобретений). Оба фактора трудно достижимы, что само по себе объясняет редкие случаи достижения положительных результатов. Раннее осознание требует чувствительности к предупреждению и готовности действовать... Но укрощения бури и перераспределения будущих затрат недостаточно. Средства, призванные выполнить это, должны вместе с собой нести возможность просчитать настоящие и будущие за-

траты. Труднее всего делать уступки на будущее в условиях неуверенности, что заставляет превентивную дипломатию зависеть от условия раннего предупреждения, если она должна подстегнуть стороны к действиям, направленным на то, чтобы избежать будущих потерь (перевод В.Н. Рябцева, И.Г. Рябцевой).

А.В. Козлова.

ФОРМИРОВАНИЕ ТОЛЕРАНТНОГО СОЗНАНИЯ У ПОДРОСТКОВ В СМЕШАННЫХ СЕМЬЯХ.

В условиях трансформации российского общества и интеграции его в мировое сообщество особую важность приобретает проблема толерантности в качестве нового типа социальных отношений. В условиях общественно-политического кризиса в России наблюдается снижение согласия и терпимости в социуме, что приводит к конфликтам на почве межэтнических отношений. Снижение толерантности в полиэтничном российском обществе в последние годы существования СССР самым негативным образом сказалось на характере межнациональных отношений практически во всех регионах страны, а в особенности на Северном Кавказе.

"Решение проблемы толерантности нужно искать в конкретных видах социализации людей, в их специфике, вырастающей из национальных социокультурных и субкультурных традиций"¹. В этом плане значительный интерес представляет исследование и анализ особенностей формирования и трансформации этнического самосознания, определенных стереотипов поведения в обществе у подростков из смешанных семей, протекающих в процессе их социализации и дальнейшей жизни. Почему оказалось так, что при очень высоком уровне межэтнической брачности в бывшем Советском Союзе после его распада столь же высокой оказалась и степень обострения межнациональных отношений. После идиллического единства братских народов подобный результат кажется несколько неожиданным. По всей видимости, терпимость народов по отношению друг к другу была лишена глубины при отсутствии диалога культур. А самое главное, нашему народу не достает культуры толерантности, которая формируется на протяжении длительного времени на основе либерализма и демократии.

В процессе взаимодействия представителей разных этносов на микро- и макроуровнях формируется культура межэтнического общения. Особо важными для объяснения определенных стереотипов поведения и характера межэтнических отношений в данном регионе представляются процессы, происходящие на микроуровне. Микросреда оказывает влияние на формирование личности и ее ценностные установки. В семье закладывается тот фундамент, на который, порой сами того не подозревая, опираются люди в процессе своего жизненного пути. Иными словами, чтобы прогнозировать события, а тем более пытаться их изменить в лучшую сторону, необходимо вла-

¹ В.В Шалин. Толерантность. Ростов-на-дону, 2000 г., с. 6.

деть информацией о микроклимате в конкретном регионе и постараться ответить на вопрос: как может повлиять на макропроцессы изменение микроклимата данной среды? К сожалению, современные исследователи не уделяют много внимания проблемам межэтнических семей, в центре их внимания оказались социально-политические, экономические и др. проблемы на фоне политизации всей общественной жизни.

Тем не менее, еще не так давно, в 60-80 -е годы XX в. изучение межэтнической брачности являлось одним из популярных направлений отечественной этнографической науки. Разработка данной проблематики активно поддерживалась в рамках государственной идеологии. Под эгидой дружбы народов и создания единой "советской" нации межэтнические браки поощрялись советским правительством и были в числе самых актуальных и широко исследуемых тем. Об этом свидетельствуют многочисленные историко-этнографические исследования, проводимые на данную тематику в различных регионах бывшего СССР и на Северном Кавказе в частности. Пик этих исследований приходится на конец 60-х - 70-е годы. В исследованиях представлена различная тематика: это и динамика межэтнической брачности, и факторы, обеспечивающие стабильность межэтнических семей, и проблема детей в смешанных семьях и многое другое.

Рост межэтнических браков рассматривался учеными, как развитие и укрепление дружественных отношений. Конечно, этот аспект нельзя отрицать, так как он, безусловно, присутствовал. Однако исследователи оставляли за кадром внимания целенаправленную политику советского правительства в этом направлении, которая являлась мощным фактором, определявшим динамику этого процесса.

После распада СССР отошла в прошлое и советская идеология, обнажился целый ряд проблем, и в третье тысячелетие Россия вошла с комплексом нерешенных задач и кризисом, практически, во всех сферах жизни. В состоянии кризиса оказался и институт семьи.

На функционирование института семьи в современной России оказали существенное влияние современные этнополитические процессы, особенно в полиэтничных регионах. Они актуализировали проблему этнического самосознания, этнической обрядности и, тем самым, обнажили культурные различия, которые преодолевались на индивидуальном уровне в рамках межэтнических семей. Этнополитические процессы повлияли и на динамику межэтнических браков: с начала 90-х годов их число заметно пошло на убыль. Вместе с тем, широко известно, что через институт семейно-брачных отношений всегда стихийно решалась проблема укрепления межэтнических отношений, развивался процесс этнической адаптации, и этнической диффузии. Поэтому любое полиэтничное государство заинтересовано на уровне формирования специальной государственной поддержки в расширении межэтнических браков и поддержании стабильности межэтнических семей. Одним из наиболее сложных полиэтничных регионов России является Северный Кавказ. Он отличается не только высоким уровнем этнокультурной мозаичности населения, но и политической напряженностью на почве межэтнических отношений. Именно здесь подобного рода государственная политика востребована и остро актуальна. Однако ее разработка требует прежде всего

специального изучения уровня стабильности этого типа брачных отношений, их функций и факторов, обуславливающих их стабильность.

Вместе с тем, не смотря на острую практическую востребованность исследования функционирования этого типа брачно-семейных отношений на региональном уровне, число исследовательских работ этого направления крайне незначительно.

Практическая необходимость и слабая теоретическая разработанность данной проблематики обуславливает актуальность исследования данной темы.

Не требует доказательств, на наш взгляд, тот факт, что полиэтничное общество Российского государства должно строиться на принципах интеграции, когда каждый гражданин России, принадлежащий к той или иной национальности, тем не менее будет осознавать себя и россиянином, не испытывая неприязни и ненависти к другим народам, населяющим многонациональную Россию, и ущемления своего национального достоинства. Не последнюю роль в процессе этнической интеграции играют межэтнические семьи. В национально-смешанных семьях воспитываются некоторые черты интернационализма, внутрисемейная атмосфера в подобных семьях больше способствует выработке толерантности и чувства гражданственности в самосознании детей из межэтнических семей, что, несомненно, отражается на состоянии межэтнических отношений и способствует формированию здорового гражданского общества.

Толерантность, по мнению известного отечественного психолога А.Г. Асмолова² понимается как социальная норма, определяющая устойчивость к конфликтам в поликультурном обществе.

Формирование толерантного типа сознания позволит снять негативные влияние стереотипов восприятия и снизить конфликтный потенциал региона, а, следовательно, предотвратить развитие конфликтов и напряженности в таком сложном регионе, которым является Северный Кавказ.

Специфика межэтнического взаимодействия определяется уровнем культуры межэтнических отношений в данном регионе. В свою очередь на воспитание у нового поколения негативных или позитивных установок по отношению к национальным культурам и их взаимодействию, на формирование интернационалистских или, напротив, узко националистических установок влияет уровень культуры межэтнических отношений в семье. Смешанная семья - это полиэтничная среда, в которой на микроуровне формируется культура межэтнического общения, и детям, выросшие в подобной семье, легче вступать в контакты с представителями других этносов, чем детям из однонациональных семей: этнические границы не являются для них столь четкими и однозначными.

Будущая жизнь и деятельность человека во многом определяется тем, в какой семье рос ребенок, какая атмосфера царил в ней, какими были ценностные установки этой семьи, как проходила социализация ребенка и т.д.

² А.Г. Асмолов Толерантность: от утопии - к реальности. // На пути к толерантному сознанию. М., 2000.

Хорошо известно, что именно семье принадлежит основная функция трансляции и воспроизводства культуры, в соответствии с нормами и ценностями которой формируется личность. Таким образом, именно в семье происходит социализация индивида.

"Социализационное поведение представляет собой систему действий и отношений по содержанию и воспитанию детей, по формированию социально компетентной личности". В семье происходит приобщение ребенка к нормам и ценностям общества, формирование социально-зрелой личности. Обычно выделяют две фазы социализации индивида.

Первая фаза связана с адаптацией, приспособлением к существующим условиям. Адаптация индивида к миру начинается буквально с момента его появления на свет. Психика ребенка пластична и легко адаптируется к той жизненной среде, в которой индивид растет. Тем успешнее будет протекать адаптационный процесс, чем меньше негативных явлений будут его сопровождать. Соответственно и дальнейшая жизнь ребенка и его отношение к окружающим людям сильно зависят от того, насколько успешно он прошел адаптацию в данном обществе. Основная роль на этом этапе принадлежит семье.

Ребенок, как губка впитывает все, происходящее вокруг него, усваивает те нормы и ценности, которые приняты в данном обществе и имеют приоритетное значение. В этом случае семья выступает основным транслятором идей и культурных установок. Соответственно, важное значение имеет то, какой микроклимат царит в данной семье и ее ближайшем окружении. С этими процессами связана другая фаза социализации индивида - это интериоризация, усвоение социально-культурных и моральных норм и ценностей, превращение их в личные убеждения. Конечно, между этими фазами нет четкой границы. Дети не только адаптируются к жизни, но и приобретают некоторые стойкие представления о моральных ценностях и т. д.

Интериоризация становится доминирующей в процессе социализации личности в юношеском возрасте, когда идет активное становление собственного воззрения на мир.

Социализация индивида - сложный и противоречивый процесс. В его осуществлении участвуют практически все социальные институты и организации. Государство, семья, школа, искусство, наконец, сама повседневная жизнь социализирует индивида и прививает ему те качества, с которыми ему будет удобно жить в окружающем мире.

Для межэтнической семьи функция социализации ребенка является одной из важнейших, поскольку в подобных семьях почти всегда присутствует элемент выбора: языка, культуры, национальности и т.д. На начальном этапе этот выбор определяется родителями и, как правило, ребенок, воспитанный в соответствии с данным выбором, не меняет его в последствии. Таким образом, содержание функции социализации с точки зрения трансляции и воспроизводства культуры зависит от типа внутрисемейных отношений. По типу внутрисемейных отношений межэтнические браки могут быть демократическими или авторитарными.

В семьях с демократическим типом внутрисемейных отношений семейный уклад строится на основе выборочного усвоения обычаев, традиций, норм семейной жизни наций обоих супругов. Общение идет на двух языках и дети, как правило, легко усваивают их. Такой тип семьи преобла-

дает в городах. Кроме того, особенности семейного уклада той или иной семьи, помимо места проживания, зависят и от других факторов, таких, как уровень образования обоих супругов, их профессиональная направленность и т.д.

Демократический тип семейных отношений характерен, в основном, для тех семей, в которых муж и жена имеют высшее образование. В интеллигентных семьях более четко выявляются черты интернационализма, толерантности, и дети воспринимают культуру обоих родителей, выбирая в будущем ту национальность, которая ему ближе, причем на его выбор давление со стороны родителей проявляется не так четко и жестко, как в семьях авторитарного типа. Надо сразу отметить, что таких семей крайне мало, и встречаются они, как правило, в городской местности.

В обоих вариантах семей на Северном Кавказе при национальном самоопределении дети выбирают, как правило, национальность родителя, в чьей национальной среде они выросли (как правило - отца). Это и не удивительно, так как на Северном Кавказе доминирует семьи с авторитарным типом внутрисемейных отношений. Очевидно, авторитаризм межэтнических браков является производным от маскулинности культур Северного Кавказа. В смешанных семьях этого региона, особенно национально-русских, доминирует культура представителей коренной национальности, то есть маскулинная культура. Это можно объяснить тем, что на Северном Кавказе очень высокий процент коренного населения, которое, несмотря на все попытки советского правительства создать единый советский народ со всеми вытекающими последствиями, не утратило своей культуры и самобытности.

Для детей может это и лучший выход из положения, когда в семье доминирует один тип культуры. Л. Н. Гумилев в своей работе "Этносфера" говорит о том, что для сохранения этнических традиций необходима эндогамия, потому что эндогамная семья передает ребенку отработанный стереотип поведения, а экзогамная семья передает ему два, взаимно погашающих друг друга".

Перед подростками из межэтнических семей всегда стоит проблема, связанная с их этнической идентификацией, даже если они сами уже определились в выборе национальности. Их часто не принимает ни та, ни другая сторона, и они становятся этническими аутсайдерами. Высокая степень этнонационалистических тенденций делает положение этих детей очень сложным и неопределенным. У ребенка - "гибрида" жизнь редко бывает гладкой. Сверстники стремятся определить его именно в ту этническую группу, которая менее уважается. И часто бывает, что ни одна из сторон его не принимает полностью. Не признанный ни той, ни другой стороной, он становится "этническим" маргиналом.

В качестве особенности этнической идентичности у подростков из национально-смешанных браков отмечается ее большая аффективная нагрузка по сравнению со сверстниками из однонациональных браков. Так, Е.М. Галкина подчеркивает, что "если для выходцев из однонациональных семей этническая идентичность - это реакция на события внешней жизни, то для подростков из национально-смешанных семей это также часть их внутреннего мира. Она не всегда осознается

ими, а иногда, вызывая определенный дискомфорт, даже подавляется, отодвигается на подсознательный уровень"³.

Безусловно, особенности этноконтактной среды оказывают влияние на формирование и трансформацию этнической идентичности не только у выходцев из межэтнических семей. Значимо прежде всего то, живет ли человек в полиэтнической или моноэтнической среде, и какова плотность этнического окружения.

Ситуация межэтнического общения дает человеку больше возможностей для приобретения знаний об особенностях своей и других этнических групп, способствует развитию межэтнического понимания и формированию коммуникативных навыков. Роль межэтнических семей в этнокультурных процессах связана прежде всего с тем, что они действуют как канал взаимной информации о культурных особенностях контактирующих этносов.

Образование национально-смешанной семьи открывает возможности передачи информации между контактирующими этносами в пределах поколения (сами супруги, их друзья, родственники), так и между поколениями (прежде всего через детей от таких браков). Дети от смешанных браков в той или иной степени усиливают элементы культуры обоих этносов.

В национально-смешанных семьях воспитываются некоторые черты интернационализма, внутрисемейная атмосфера в подобных семьях больше способствует выработке толерантности в самосознании детей из межэтнических семей.

В процессе общения на межличностном уровне передаются специфические для данного этноса элементы культуры, такие как:

соционормативная культура (то есть нормы поведения, характерные для членов каждой из контактирующих групп);

язык;

отдельные элементы материальной культуры (например, пища);

отдельные элементы художественной культуры (песни, танцы).

Образование смешанных семей неизбежно влечет за собой появление в их быту многих качественно новых черт. Прежде всего, это проявляется в особенностях функционирования каждого из языков супругов. Возможно несколько вариантов развития событий: исчезновение из обихода языка одного из супругов; употребление в равной или почти равной мере обоих языков; использования третьего языка, известного обоим супругам. "Параллельно с языковыми процессами в таких семьях происходит формирование своеобразных черт культуры, домашнего быта, традиций, отличающих их семейный уклад от семейного быта тех однонациональных семей, к которым ранее принадлежали супруги".

Это не значит, что межэтнические браки имеют исключительное или преобладающее значение при трансмиссии некоторых специфических черт элементов культуры. В процессе сближения

³ Галкина Е. М. Этническая идентичность подростков из национально-смешанных семей. М., 1993г., с. 86.

соционормативных культур контактирующих групп большую роль, видимо, играет не прямое взаимодействие, а скорее изменение норм общения под влиянием межэтнических контактов во всех сферах общения, включая соседские, дружеские и прочие контакты.

Язык общения играет не последнюю роль в процессе сближения этносов. Он выполняет этнодифференцирующую функцию. Межэтническое общение, в том числе и смешанные браки, способствуют распространению двуязычия. Однако, межэтническое общение является одним из основных факторов, обуславливающих распространение двуязычия.

Иногда, оценивая роль межэтнических семей в развитии этнической культуры, возникает опасение в том, что межэтнические браки ведут к "распаду" этнических культур, подрывая тем самым основы существования некоторых этносов.

В принципе, опасение вполне оправданное, но, надо отметить, что этнос не может оставаться абсолютно неизменным, испытывая на себе постоянное внешнее влияние.

Развитие культуры возможно лишь там, где есть взаимодействие культур во всем своем многообразии. Иначе культура, которая замкнулась в себе и не позволяет проникновению новых элементов, обречена на гибель.

В современном мире сейчас достаточно каналов для взаимовлияния культур, однако, роль межэтнических семей от этого не уменьшилась и никогда не уменьшится. Именно через семью происходит глубокое усвоение многих важных элементов соционормативной культуры другого этноса. Быт межэтнической семьи, отношения между супругами, между поколениями и т. д. сильно отличаются от образцов, принятых в однонациональных семьях. В результате этого взаимодействия возникает разнообразие образцов соционормативной культуры. Усвоение этих образцов потомками от межэтнических браков может служить источником развития культур каждого из этносов.

Межэтнические семьи, в силу своего существования, не могут не оказывать влияния на окружающих, так как они находятся в одном социокультурном пространстве с однонациональными семьями, однако, они не могут способствовать полному исчезновению национальной культуры.

Хоть образ жизни межэтнических семей и отличается от образа жизни однонациональных семей, они не могут "навязать" однонациональным семьям специфические для себя элементы культуры и стереотипы поведения и мышления. Социальное окружение, в котором существуют межэтнические семьи, как бы отбирает для себя лишь те образцы поведения, которые соответствуют тенденциям развития культуры самого этноса, воспринимая их. И наоборот, если образцы межнациональной семьи не соответствуют тенденциям развития культуры этноса, тогда характерные для нее элементы поведения не воспринимаются данным этносом и в той или иной мере отвергаются им.

Таким образом, межэтнические семьи выступают скорее в роли ускорителя уже идущих процессов, нежели инициатора.

Характерно, что в межнациональные браки чаще вступают те, кто уже имеет опыт родственного общения с людьми другой национальности. Это не значит, что межэтнические браки имеют

исключительное или превалирующее значение при трансмиссии некоторых специфических черт элементов культуры. В процессе сближения соционормативных культур контактирующих групп большую роль, видимо, играет не прямое заимствование, а скорее изменение норм общения под влиянием межэтнических контактов во всех сферах общения, включая соседские, дружеские и прочие контакты.

Важно отметить, что смешанные семьи влияют на изменение структуры населения с точки зрения его этнического состава, оказывают влияние на этническую идентификацию подростков.

На определение собственной этничности оказывает влияние осознание статуса этнической группы в социальной структуре общества. Этнический статус, являясь элементом социального статуса, определяет место индивида или группы в структуре межэтнических отношений на личностном и групповом уровне. "Этнический статус представляет собой атрибут любого неизолированного этноса или этнической группы, и личность обладает им постольку, поскольку принадлежит к определенному этносу"⁴.

Этнический статус характеризуется широким набором показателей, которые можно сгруппировать по двум основаниям. Как разновидность статуса он определяется уровнем профессионального престижа этнической группы, ее включенностью в структуры управления, уровнем доходов, образования. Этнический аспект статуса характеризуется степенью включенности в национальные отношения. К элементам этнического аспекта можно отнести сохранность культуры и внутреннюю сплоченность этноса, которая определяется степенью идентификации личности с этнической общностью.

Вопрос о национальном самоопределении подростков и об их этнической идентификации требует особого рассмотрения, так как анализ этих процессов позволяет определить характер межэтнических отношений в данном регионе, а также дает возможность определить степень влияния межэтнических браков на этническую структуру региона.

На этническое самосознание оказывает влияние ряд факторов, без учета которых невозможно объяснить направление тех или иных процессов. Среди них можно выделить такие факторы, как степень двуязычия, этническая инерция, политика коренизации и т.д. Нельзя также забывать и о субъективных факторах.

В настоящий период вопрос о национальном самоопределении подростков, как и многие другие вопросы, связанные с межэтническими отношениями и межэтническими браками, очень актуален. На межэтнические отношения сильное влияние оказывает ситуация национальной напряженности и нестабильности. Все негативные явления, происходящие в нашем обществе в последние десятилетия, отражаются на детском самосознании, и это тоже проходит не бесследно. Дети, выросшие в обстановке межэтнической напряженности, а подчас и ненависти, в которой этническая принадлежность играет большую, а порой и главную роль, в большинстве своем не бу-

⁴ Савва М.В., Чупров В.И. Этнический статус в молодежной среде. /Социс/, 1992, № 7, с.

дут вступать в брак с представителем другого этноса. Поэтому, можно почти смело утверждать, что события последних десятилетий, отмеченные высокой степенью конфликтности на почве межэтнических отношений, самым негативным образом повлияли и будут продолжать влиять на динамику межэтнической брачности. Численность смешанных браков будет уменьшаться, не зависимо от состояния межэтнических отношений. Потребуется немало времени, чтобы приостановить этот процесс. Прогноз же на ближайшее будущее не внушает оптимизма, поскольку тенденция падения межэтнической брачности на Северном Кавказе будет сохраняться в ближайшие десятилетия, так как подорвана сама основа для заключения межэтнических браков.

В настоящее время ряд факторов оказал влияние на динамику межэтнической брачности в Северо-Кавказском регионе, то есть на падение уровня межэтнических браков.

Это, прежде всего распад СССР, усиление этнонационалистических тенденций, обострение Северо-Кавказских межэтнических конфликтов, войны в Чечне, большой отток русского населения из республик Северного Кавказа и др. В результате, многие межнациональные семьи, особенно в зонах межэтнических контактов, рушатся, увеличивается число беженцев. Межэтнические браки стали резко непопулярными, и усилилось негативное отношение к ним со стороны коренных народов.

На дальнейшее снижение межэтнической брачности повлияют следующие факторы:

этнокультурные процессы, происходящие во всех республиках Северного Кавказа, в результате чего браки чаще будут заключаться между представителями одной национальности;

в результате миграционных процессов повысится концентрация коренных народов на территории своего этноса и снизится численность других наций, что также скажется на динамике межэтнических браков;

межнациональные конфликты, военные действия, связанные с ними, продолжающиеся на территории Северного Кавказа, также окажут негативное действие на численность заключаемых смешанных браков;

не очень выгодное положение русскоязычного населения по сравнению с коренным и уже сточение отношения к русским со стороны последнего.

Поскольку исторически сложившаяся система расселения народов нашего государства способствует осуществлению межэтнических контактов, есть надежда, что настоящая тенденция снижения уровня межэтнических браков изменится к лучшему, и наше общество перейдет к новому этапу своего развития, когда каждый гражданин нашего государства, не зависимо от национальной принадлежности, сможет с гордостью сказать, что он - гражданин России.

Дети - наше будущее, и если мы хотим, чтобы это будущее было мирным и счастливым, мы должны стремиться изменить настоящее, изменить в нем то, что не позволяет нынешнему подрастающему поколению выработать такой стереотип поведения и мышления, в основе которого будет находиться принцип толерантности, что могло бы послужить гарантией стабильности межэтнических отношений даже в условиях социально-политической нестабильности.

Смешанные семьи, в силу своей этнокультурной специфики, могут служить примером толерантности, и в этом, на наш взгляд, заключается их глубокая гуманная сущность.

Возможности и пределы толерантности диаспор
(теоретический аспект)

Реалии и тенденции современных межэтнических отношений в России акцентируют этническую идентичность не только больших и малых народов, но и переселенческих национальных меньшинств - диаспор. Оптимальная реализация этнической идентичности может рассматриваться как основа для межэтнического диалога, для взаимной этнокультурной осведомленности и заинтересованности, а, следовательно, и взаимной этнической толерантности. В развитии эффективного этнокультурного взаимодействия должны быть в равной степени заинтересованы все субъекты российской этносферы. Однако на наш взгляд, особую заинтересованность в этом плане могут проявлять диаспоры, не имеющие таких преимуществ, как большая численность, исторически закрепленные территории, формы национально-государственной жизни. Не являясь основной, коренной (автохтонной), титульной этнической группой, диаспоры (прежде всего, внешние) прямо зависят от уровня терпимости (толерантности) окружающих этносов и этнических групп.

В обстоятельствах кризиса прежней этнополитической иерархии, в условиях новых интерпретаций национального суверенитета и федерализма "этничность как основа коллективной солидарности, и этнический национализм как политическая доктрина бросили серьезный вызов существовавшему статус-кво" (1). В ответ на вызовы национального вопроса переселенческие этнические меньшинства - диаспоры - также дали национальный ответ, т.е. актуализировали собственную этничность. Отметим, что для переселенческих этнических меньшинств коллективная солидарность на основе этничности и этнокультурной общности является в большей степени актуальной, чем для народов и этнических групп, имеющих коренное (автохтонное) происхождение. Применительно к диаспорам, как и к другим субъектам национальных отношений, справедлив тезис о вечно присутствующем этническом сознании, которое оживляется и проявляется в ситуациях опасности и угрозы (2).

Проблемы толерантного взаимодействия этнических групп приобретают сегодня особую значимость, во-первых, в силу актуализации этнического фактора, во-вторых, в силу интенсификации информационных и коммуникативных систем. В этой связи межэтническое взаимодействие наполняется новым содержанием, в котором выделяются такие аспекты, как:

- распространение достоверных этнографических, этнологических знаний;
- оптимизация новой иерархии этносов и этнических групп;
- определение общих, взаимовыгодных интересов;
- поиск межэтнических компромиссов;
- преодоление негативных этнических стереотипов.

Этничность диаспоры как этничность переселенческого меньшинства имеет собственные формы выражения. Она опирается на целостный этнокультурный комплекс, который заменяет диаспоре исторические территории проживания, государственные формы этнической жизни. Этнокультурный комплекс, на базе которого диаспора функционирует как организованное, структурированное и целеустремленное сообщество, является, на наш взгляд, примордиальной основой, сохранившейся в ходе долгого перемещения диаспоры во времени и в пространстве. В то же время усиление или ослабление этничности, как равно ресурсы ее этнокультурной толерантности диаспоры зависят от конкретной этнополитической ситуации. Применительно к ней справедливы следующие тезисы Дж.Комарффа:

А) этничность обязана своим происхождением отношениям неравенства (неравенства демографического, профессионально-социального, политического - М.А.);

Б) этническое самосознание (тем более диаспоры - М.А.) формируется в ходе контактов между теми, кто этнизирует и теми, кого этнизируют (3).

Как национальное меньшинство диаспора, скорее всего, оказывается в положении тех, кого этнизируют на экономическом, социально-политическом, морально-нравственном уровнях. В этой связи этническая идентичность диаспоры приобретает особую значимость и служит:

- самоидентификации, самоопределению;
- саморазвитию, самоорганизации, самоуправлению;
- соотносению с общим этническим массивом;
- отчуждению от других этнических сообществ;
- сохранению этнической дистанции и этнокультурной самобытности;
- противостоянию деэтнизации, ассимиляции и аккультурации.

Этническая идентификация диаспоры выступает социоохранным механизмом, замещая узкие места диаспорного бытия. И в то же время в этнической идентичности диаспоры заложены и возможности толерантной межкультурной коммуникации. Диаспора тяготеет к позитивному межкультурному общению, прежде всего, потому, что является подвижным сообществом, как по форме, так и по сути. При этом: формальная подвижность является результатом перемещений в пространстве и времени; сущностная подвижность является результатом включения диаспоры в иноэтническое, инокультурное окружение.

Имея в основе примордиальный этнокультурный комплекс, диаспора во многом становится продуктом обстоятельств времени и места, а также результатом собственных целенаправленных усилий в достижении смыслообразующих целей. В неблагоприятных, но естественных, условиях деэтнизации, ассимиляции, аккультурации диаспоры демонстрируют:

- аккумуляцию специфических черт традиционной этнической культуры, связанных, в частности, со свадебным, похоронным обрядами, обрядами детского цикла (например, карачаевцы и балкарцы в качестве зарубежной диаспоры в Сирии и Турции (4);

- компенсацию утраченных этнодифференцирующих признаков (общность территории, родной язык, письменность, этнологические знания и др.) за счет бытовых элементов материальной и духовной культуры (например, корейцы в качестве зарубежной диаспоры в Казахстане) (5);

- поддержание позитивной этнической идентичности в условиях разностатусных субъектов РФ в зависимости от возможностей местной этнополитической конъюнктуры (например, удмурты в качестве внутренней диаспоры в Башкортостане, Татарстане, Республике Марий Эл, Пермской области) (6);

- стремление к обретению родины после неоднократного географического перераспределения, репатриации и далее - реэмиграции (например, армяне в странах Ближнего Востока, Турции, Греции, Франции и Америке) (7);

- идентификацию в качестве особой этнокультурной группы, отличной от материнского массива, в связи с двойственным и многоуровневым этническим самосознанием (например, татары и башкиры Прикамья) (8);

- изменение этносоциального диапазона (насильственное и добровольное) (например, немцы на Урале) (9).

Все отмеченные проявления свидетельствуют о стремлении диаспоры, во-первых, сохранить свою этнокультурную самобытность (анклавность), а, во-вторых, интегрироваться в окружающее общество. В целе-

сообразном сочетании самобытности и ассимилированности заложены широкие возможности для этнокультурной толерантности и преодоления негативных этнических стереотипов.

В политико-правовых условиях, которые сложились в постсоветской России коллективная идентичность диаспоры приобретает новый смысл. В этой идентичности исследователи определяют несколько ориентиров: а) культуру материнского этноса и соответствующей республики или государства; б) культуру собственного этнокультурного сообщества, которая, так или иначе, близка материнской; в) культуру федеративного государства (общероссийскую) или доминирующую культуру субъекта федерации (10).

На наш взгляд, для диаспоры важнейшей является не проблема выбора альтернативного направления в сфере культурных интересов, а проблема совмещения отмеченных культурных ориентиров и создания особого синкретического типа диаспорной культуры. Иными словами, само положение и состояние диаспоры определяет мозаичную культурную идентичность, которая является транскультурным симбиозом, выходящим над административными и государственными границами. Культурная идентичность диаспоры, содержащая несколько компонентов, является социальной универсалией, которая шире и масштабнее по функциональным возможностям, чем культурная идентичность малочисленных народов или коренных (автохтонных) меньшинств. Именно за счет сохранения элементов культуры материнского этноса, а также включения элементов культуры окружающих этносов и этнических групп, собственная идентичность диаспоры приобретает мультимедийный характер. Именно эта мультимедийность позволяет диаспоре не только воспринимать культуру окружающих этносов, но и транслировать свою собственную. В этом восприятии и трансляции преодолеваются бытовой национализм, этноэгоизм и ксенофобия.

Анализируя этнокультурную мультимедийность диаспоры, поддержим тезис Ю.В. Арутюняна и Л.М. Дробижевой о том, что "народы могут варьировать набором и интенсивностью определяющих их социально-культурных черт" (11). Развивая эту мысль, предположим, что переселенческое этническое меньшинство в большей степени способно варьировать этнокультурными характеристиками, чем этнос. Сама сущность этнокультурного анклава предполагает не только иноэтническое окружение, но и активное проникновение в культурное поле диаспоры новых культурных включений. Воспринимая и творчески перерабатывая эти включения, активизируя по мере востребования вектор той или иной культуры, диаспора становится более осведомленной и оснащенной в межэтническом взаимодействии, а, следовательно, и более толерантной.

В начале 90-х гг. В. Тишков предложил рассматривать этнос как "умственную конструкцию" и "воображаемую общность". В рамках этого видения этнические группы представляются как "некое культурное многообразие, мозаичный, но стремящийся к структурности и самоорганизации (курсив наш - М.А.) континуум из объективно существующих, отличных друг от друга элементов общества и культуры" (12). Здесь же предлагается утверждение о превращении умственного конструкта в реальные социальные организмы под воздействием различных историко-политических и социально-экономических обстоятельств. Формы такого превращения могут быть острыми, манифестными, провоцирующими (13). Нам представляется, что в отношении диаспор, как результатов расщепления этноса, использование конструктивистского подхода оправдано. Подвижность конструктивистского метода отвечает некоторым особенностям и потребностям диаспоры в силу подвижности самой переселенческой группы, ее изменчивости во времени и пространстве. Временной и пространственный дрейф создает определенные предпосылки для родовой и видовой изменчивости перемещающихся этнических групп. В ходе временного и пространственного перемещения этнического меньшинства варьируются:

-количественные характеристики;

- уровень этнической дистанции;
- степень компактности - дисперности;
- степень жизнеспособности языка и этнокультурной обрядности;
- содержание этнокультурной идентификации;
- статус социальный и политический.

Диаспора существенно трансформируется в зависимости от окружающих условий, среди которых определяющими могут стать как социально-экономические, так и этнополитические. Нам представляется, что диаспора это:

- первое - результат социобиологического и историко-эволюционного процесса;
- второе - результат импровизированных конструкций времени и места;
- третье - результат сознательного самоопределения и объединения этнической группы для достижения определенной цели.

Сочетание этих трех начал придает диаспоре дополнительную социальную жизнеспособность, а также дополнительные возможности для толерантного поведения. Важнейшей доминантой такого поведения выступают посреднические возможности диаспоры в самом широком социальном понимании посредничества.

Современная мультикультурная и полиэтничная цивилизация выдвигает на авансцену социальных и политических отношений гражданскую общность - народ, демос. Эта общность, во-первых, является результатом этнокультурной толерантности, во-вторых, создает условия общей социокультурной толерантности и терпимости. Уход от преобладания этничности в пользу гражданственности может повлечь за собой "забвение наций во имя народов, государств и культур". Также возможно рассмотрение нации как согражданства, совокупности разных этносов и этнических групп (14). Применяя такой подход к диаспорам, отметим, что они, как никакие другие этнические сообщества, являются равнозначными членами, как этноса, так и демоса. В этом состоит дуалистическое своеобразие диаспор как "разных по численности групп того или иного этноса, которые находятся вне территории (страны) его происхождения, но сохраняют при этом чувство идентификации со своим родным этносом" (15). В этом состоят и веские основы для толерантности диаспор. Подчеркнем, что диаспора:

- во-первых, является членом целостного этнического консорциума (народа-этноса), который объединяет материнский этнос и множество одноименных диаспорных групп - этнокультурных анклавов;
- во-вторых, выступает интегрированным членом целостного гражданского консорциума (народа-демоса), который составлен из множества этносов и этнических групп.

Не стоит считать, что переселенческое этническое меньшинство является второстепенным субъектом межэтнических отношений и его вклад в оптимизацию межэтнических отношений незначителен. Долгое присутствие, новое пополнение и прибывание диаспор превращает этнос-монолит в демос и создает новую систему отношений, которая предполагает взаимопонимание и взаимозаинтересованность этнических групп. На наш взгляд, исчезновение любой из диаспор (в случае полной ассимиляции или в случае миграции) нежелательно как для одноименного этнического консорциума, так и для полиэтничного гражданского консорциума, так как такая потеря ведет к созданию моноэтнического общества.

Несмотря на интегративные, ассимилирующие новации социальной и политической жизни, сущность диаспоры как этнического меньшинства весьма устойчива. Будучи частью этноса, переселенческая группа объединена групповой этнической идентичностью, которая является экзистенциальным залогом существования сообщества. Коллективная идентичность диаспоры, при всей сложности определения ее уровня, имеет конкретные способы воплощения. Она выражается в более или менее развитых формах этнической жизни,

которые сохраняются и развиваются параллельно и в противовес ассимиляции. Среди таких форм можно выделить следующие:

- во-первых, первичные и непосредственные - сохранение типичной внешности, заключение моноэтнических браков, владение родным языком, сохранение конфессиональной принадлежности, знание фольклора, обрядов; приверженность этнической топонимике и антропонимике и т.д.;

- во-вторых, вторичные и опосредованные - создание национально-культурных объединений (общин, союзов, центров, автономий), участие в общественно-политических организациях и движениях, представительство в органах власти, в муниципальном управлении и т.д.

Обратим внимание на то, что коллективная идентичность заключена в этнические границы, которые обеспечивают сохранение национального меньшинства. Этническая граница важна для диаспоры в большей степени, чем для этнического большинства, так как именно она определяет группу и имеет, по мнению Г.У. Солдатовой, множество функций, среди которых выделяются: разделение мира на "чужих" и "своих"; осознание этнического членства; выражение коллективной воли (16).

С фактором этнической границы и этнической дистанции прямо связано складывание как положительных, так и отрицательных этнических стереотипов, а, соответственно, и возможностей к толерантному взаимодействию. Этническая дистанция чрезвычайно устойчива, и является важнейшим симптомом этнокультурной анклавности диаспоры. Этнокультурное расстояние может проявляться во всем - "от религиозных воззрений, влияющих на психологию даже самых убежденных атеистов, до самых незначительных бытовых привычек" (17). Этническая граница в отношении меньшинства выполняет выраженную функцию - функцию ограждения от ассимиляции и растворения. Здесь нам представляется уместным рассмотреть проблему внутренней и внешней этнической границы, которые складываются в ходе этногенеза диаспоры, и которые являются важнейшим признаком анклавности диаспоры.

Внутренняя этническая граница формируется в среде самой диаспоры и является порождением существенных свойств диаспоры, отделенной от ядра этноса и функционирующей в иноэтнической среде. Такая граница строится на основе:

- этнических доминант как системы культурных (в том числе политических, идеологических, религиозных) ценностей, которые созданы в недрах материнского этноса и которые сохраняются диаспорой, несмотря на временную, территориальную, социально-экономическую и политическую оторванность от исторической родины;

- внутрдиаспорной комплиментарности как важнейшей психологической взаимоподдержки в условиях иноэтнического окружения и обострившегося соревнования этносов и этнических групп;

- этнической самоидентификации как сознательного акта коллективного самоопределения, которая, после установления различий с окружающими этносами, обеспечивает выявление сходства между членами диаспоры;

- этнической традиции как совокупности стереотипов и правил поведения, культурных канонов, которые для диаспоры приобретают особую важность в отсутствии государственных форм жизни и различных форм политического участия.

Внутренняя этническая граница формируется на основе таких свойств этнической культуры, как этнические установки, стереотипы и автостереотипы, определяющие степень участия диаспоры во внешнем общекультурном полиэтническом процессе.

Внешняя этническая граница по отношению к диаспоре формируется в среде окружающих этносов и этнических групп. Ее содержание обусловлено фактами и сюжетами истории и современности, тенденциями

межэтнических отношений. Она определяет степень вмешательства иноэтнического элемента в культурный процесс диаспоры. Прозрачность или, напротив, фундаментальность внешней этнической границы прямо связана с опытом взаимоотношения народов, с близостью или отдаленностью этнокультурных типов. Большое значение для прозрачности внешней этнической границы имеют единство веры, единство исторических судеб и совместная деятельность во благо значимой цели. Оптимизации внешней этнической границы в большой мере служит также политическое и социальное покровительство, которое оказывается малочисленным народам или национальным меньшинствам со стороны многочисленных этносов и их государств. Внешняя этническая граница определяет степень взаимного проникновения культур, взаимного признания субъектов межэтнических и национальных отношений.

Внутренняя и внешняя границы имеют выраженную ценностную окраску и полны субъективных моментов. Накладываясь друг на друга, они образуют демаркационную линию, которая ограждает один этнический организм от другого. Можно предположить, что эта линия противодействует толерантному поведению диаспоры. Однако на практике смысл такого ограждения не в этнокультурной изоляции, а в создании оптимальных этноконтактных зон. В этих зонах диаспора строит поведение с позиции своей групповой идентичности, а также в соответствии с целями этнокультурного самоопределения. Этнический компонент, который содержится в культурном комплексе каждого этнического коллектива, рассматривается нами не только как природное свойство, но и как средство построения коммуникативных систем, как "товар" для культурного обмена, т.е., как основа для толерантного межэтнического взаимодействия.

Сохранение анклавной сущности достигается через особое поведение диаспоры в межэтнических связях, внутри которых создается множество этноконтактных ситуаций. Как отмечает Г.У. Солдатова, этноконтактная ситуация характеризуется: межэтническим познанием, пониманием, взаимодействием (18).

Развивая далее версии этноконтактных зон, укажем, что они:

- во-первых, имеют, размытые очертания, обусловленные степенью взаимного этнокультурного проникновения (провалы и протуберанцы межэтнической коммуникации);
- во-вторых, отличаются разной интенсивностью в зависимости от этнокультурной и этнополитической ситуации;
- в-третьих, содержат различные перспективы сопряжения этносоциальных и этнополитических интересов;
- в-четвертых, отличаются разным количеством этнических единиц (коллективных и индивидуальных) - участников межэтнического взаимодействия.

В этноконтактных зонах межкультурное общение строится на базе этнического самосознания, крепость и жизнеспособность которого неодинакова у различных участников контактов. В той же мере, в какой "этничность обязана своим происхождением отношениям неравенства", специфика межэтнического общения обязана своим происхождением этнокультурной неодинаковости (19). Этноконтактная зона становится ареной этнокультурного самоутверждения через межэтническую коммуникацию, в которой проявляются жизнеспособность, организованность и конкурентоспособность этнического меньшинства, как, впрочем, и любого субъекта взаимодействия. В то же время этноконтактная зона является территорией толерантности, терпимости, культурного плюрализма, а в целом, зоной либерализации и демократизации межэтнических отношений. Не стоит, однако, считать, что межэтническая толерантность возникает сама собой. Для ее развития недостаточно лишь естественных исторических, культурных контактов этнических групп. Она должна стать результатом целенаправленных усилий самих субъектов межэтнических отношений, которые должны осознать необходимость мирного сосуществования как смыслообразующую цель.

В различных регионах РФ сложились места компактного проживания представителей различных диаспор. Типология современных диаспор предусматривает выделение следующих групп: а) классические диаспоры, б) новые диаспоры как результат этнической миграции, в) новые диаспоры как результаты распада СССР, д) новые диаспоры как результат нового национально-государственного устройства РФ. Среди диаспор присутствуют этнические группы, представляющие дальнее и ближнее зарубежье (внешние диаспоры), а также компактные группы народов РФ, проживающие вдали от соответствующих национально-государственных образований (внутренние диаспоры). Очевидно, что возможности и пределы взаимной этнокультурной толерантности у всех групп различны. Ресурсы толерантности зависят от множества причин, от различных историко-политических и общих социокультурных обстоятельств. Толерантность диаспоры как способ коллективного поведения, как нам кажется, является результатом сочетания:

- 1) внутренней диаспорной комплиментарности;
- 2) внешней диаспорной комплементарности.

Реализуясь совместно, они оптимизируют как состояние и самочувствие диаспоры, так и систему межэтнических отношений в целом. В то же время при неблагоприятных обстоятельствах этническая граница превращается в непреодолимый этнокультурный барьер, порождает этноцентризм, ксенофобию, ранние проявления которых можно нейтрализовать при следующих условиях: "1) равный статус контактирующих групп; 2) поощрение и поддержка межэтнических контактов властями; 3) кооперативное взаимодействие, предполагающее наличие общей идеи" (20).

Если первое условие отражает правовые, нормативные реалии, а второе - реалии политического и управленческого воздействия на национальные отношения, то третье условие предполагает активную деятельность самого этнического сообщества. На наш взгляд, диаспоры должны прилагать целенаправленные усилия для обеспечения позитивного содержания межэтнических отношений. Общей целью многостороннего взаимодействия должна быть оптимизация бытования и функционирования меньшинства. Усилением своей социальной, гражданской активности диаспора замещает несовершенство правовых, нормативных актов в отношении национальных меньшинств, а также неэффективность политических и управленческих стратегий и тактик. Повышая собственную социальную значимость, диаспора предотвращает и нейтрализует "угрозу (своей - М.А.) позитивной этнической идентичности", которая, по сути, является "угрозой существования этнической общности" (21). Для малочисленного этнокультурного анклава такая угроза реальна, так как статус национального меньшинства отличается заниженными демографическими, социальными и политическими возможностями.

Толерантное сознание и поведение этнических групп особенно актуально в тех регионах, где отмечаются межэтническая напряженность и межэтнические конфликты. В частности, в Северо-Кавказском регионе сформировались места компактного проживания армян, греков, евреев, карачаевцев, даргинцев, ногайцев, немцев, туркмен, чеченцев, осетин и др. Принадлежа к этническим меньшинствам (переселенческим или коренным), они занимают преобладающее, либо доминирующее положение в составе населения конкретных населенных пунктов, либо находятся на втором или третьем месте после основного этноса - русских.

Общение между этими этническими группами осуществляется в условиях специфических северокавказских рисков, которые наносят серьезный ущерб этнополитической стабильности и ставят под сомнение возможность воплощения принципов толерантности. В числе этих рисков:

- 1) партизанская война на территории Чеченской Республики и в регионе;

2) региональный терроризм, переходящий в террор как систему устрашения населения (Чеченская Республика, Ставропольский край Республика Дагестан);

3) противоречия между этносами и этническими группами на основе территориальных споров, политического, военного противостояния (Ингушская Республика и Республика Северная Осетия-Алания, Карачаево-Черкесская Республика, Чеченская Республика и Республика Дагестан);

4) ваххабизм как угроза государственной и социальной структуре, идеологической и мировоззренческой системе северокавказского общества (Чеченская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Ставропольский край, Республика Дагестан);

5) этническая миграция, нарушающая социально-экономический и этнокультурный баланс, провоцирующая межэтнические конфликты (Республика Северная Осетия-Алания, Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская область).

В этих условиях отношения этносов и этнических групп оставляют далеко позади традиционный обмен культурными ценностями. Налицо явная политизация интересов этнических сообществ, которая представляет опасность, во-первых, для этнокультурной целостности региона, во-вторых, для поступательного развития национальных и федеративных отношений в России, в-третьих, для утверждения начал гражданского общества.

Самочувствие этнических групп в субъектах Северного Кавказа отражает, с одной стороны, общие проблемы межэтнических отношений, а с другой - конкретные проблемы конкретных этнических сообществ. По данным Центра социологии национальных и региональных отношений ИСПИ РАН, в 1998 г. определенная часть населения Ставропольского края (48% опрошенных) считала, что в стране есть национальности, которые живут благополучнее других. Об ущемлении своих национальных прав заявили из опрошенных в Ставропольском крае - 35% армян и 12% русских. В то же время в Ставропольском крае число русских, положительно ответивших на вопрос "Есть ли национальности, к которым вы испытываете неприязнь?", более чем вдвое превысило число армян, также положительно ответивших на этот вопрос. 13% опрошенных русских и 11% опрошенных армян Ставрополья считают, что межнациональные проблемы необходимо решать с помощью силы (22). В то же время в Ставропольском крае число опрошенных армян, удовлетворенных уровнем жизни (по отдельным показателям) выше, чем число опрошенных русских. Армяне как представители классической диаспоры меньше "сидят в долгах", в меньшей степени "пали духом", в большей степени "пытаются выжить за счет дополнительных доходов" и в меньшей степени "готовы идти на баррикады". Именно армяне, как свидетельствуют исследования ИСПИ РАН, в большей степени адаптировались к проводимым реформам в Ставропольском крае. Однако это не ликвидирует общего впечатления армян-респондентов об ущемлении прав из-за национальной принадлежности. Об этом свидетельствовали 35% опрошенных армян и 12% опрошенных русских Ставропольского края (23).

Этническое самочувствие армян как диаспоры и как второго по численности этноса Ставропольского края отражает многие проблемы самого этнического коллектива. Самыми очевидными среди них являются: ускоренное и масштабное пополнение диаспоры за счет выходцев из Армении, Азербайджана, Грузии, Средней Азии, Чеченской республики; внутренняя стратификация диаспоры за счет складывания групп на основе общности мест исхода (регионализм); упрочение положения диаспоры во внутрироссийской системе армянских диаспор; конкуренция между разными поколениями диаспоры и т.д.

Внутридиаспорные процессы, являясь закономерными результатами современных этнополитических коллизий, нарушают стабильность самой диаспоры. Кроме того, они создают напряжение в межэтнических отношениях диаспоры с другими этносами и этническими группами края. В этой связи можно пред-

положить, что диаспора должна нацелить усилия самоорганизации и самоуправления на смягчение конфликтогенных факторов. Такие усилия, осуществляемые в тесном сотрудничестве с органами государственной власти, местного самоуправления, этнокультурными объединениями других диаспор должны способствовать распространению толерантных представлений.

Без взаимной этнокультурной терпимости невозможно достижение интересов диаспор как специфических интересов специфических этнических групп. Среди таких интересов необходимо выделить следующие:

- свободное передвижение, выбор места жительства, покупку недвижимости;
- представительство в органах государственной власти, местного самоуправления;
- развитие национально-культурной автономии как формы самоорганизации и самоуправления этнической жизнью, как общественного парламента этнического меньшинства;
- активизация связей с органами государственной власти и местного самоуправления, с организациями казачества, другими общественными объединениями, повышение их роли в этнических и консультативных советах;
- участие в общественной жизни субъектов и региона, в значимых мероприятиях регионального масштаба;
- сохранение и развитие этнической культуры, отправление религиозных обрядов, традиционного образа жизни;
- привлечение к развитию межрегионального (между субъектами РФ) и межгосударственного диалога (ближнее зарубежье - страны СНГ и дальнее зарубежье - Болгария, Греция, Германия, Израиль, Польша, Корея и др.).

В целом, взаимодействие этнических групп в регионе должно быть направлено на достижение главных целей: нейтрализация местных взаимных этнических страхов и негативных стереотипов (страх чеченского, карачаевского, исламского факторов), ликвидация негативного этнического стереотипа "лицо кавказской национальности". Только в этом случае возможны: 1) распространение в регионе общероссийской интегративной идеи при сохранении и развитии традиционных этнопатриотических настроений; 2) развитие элементов гражданского общества с участием этнокультурных общественных объединений;

Реализация этих направлений обеспечит воплощение принципов толерантности, которые послужат основой системы взаимной этнической безопасности, заинтересованности и доброжелательности.

Примечания

1. Тишков В.А. Национальности и национализм в постсоветском пространстве. // Этничность и власть в полиэтничных государствах М., Наука. 1994. С.29.

2. Wallerstein, цит. по Комароффу Дж. Национальность, этничность, современность: политика самосознания в конце XX века // Этничность и власть в полиэтничных государствах. / Отв. ред. Тишков В.А. М., Наука. 1994. С.40.

3. Комарофф Дж. Национальность, этничность, современность: политика самосознания в конце XX века // Этничность и власть в полиэтничных государствах. / Отв. ред. Тишков В.А. М., Наука. 1994. С. 40-43.

4. Кучмезова М.Ч. Роль социальных институтов в функционировании карачаево-балкарской зарубежной диаспоры // IV Конгресс этнографов и антропологов России. Москва. 2001. С.232.

5. Левкович В.П. Позитивная этническая идентичность корейцев Казахстана. // IV Конгресс этнографов и антропологов России. Москва. 2001. С. 232.
6. Никитина Г.А. Удмуртская диаспора в субъектах федерации различного типа. // IV Конгресс этнографов и антропологов России. Москва. 2001. С.232.
7. Степанян А.А. Армянская диаспора и репатриация армян в XX в. // IV Конгресс этнографов и антропологов России. Москва. 2001. С.233.
8. Черных А.В. Проблемы этнической идентификации пермских татар и башкир. // IV Конгресс этнографов и антропологов России. Москва. 2001. С.234.
9. Шепталин А.А. Этносоциальный диапазон функционирования немецкой диаспоры на Урале. // IV Конгресс этнографов и антропологов России. Москва. 2001. С.234.
10. Лаллукка С. Диаспора. Теоретический и прикладной аспекты (опыт анализа групп российских финно-угров) // Социс. 2000. № 7. С.92.
11. Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М. Этносоциология: пройденное и новые горизонты // Социс. 2000. № 4. С.14.
12. Тишков В.А. Советская этнография: преодоление кризиса // Этнографическое обозрение. 1992. № 1. с.78.
13. Тишков В.А. Забыть о нации (постнационалистическое понимание национализма). // Вопросы философии. 1988. № 9. С.17-18.
14. Там же. С. 26.
15. Безвербный А.А., Безвербный А.С. Этнос и межэтнические отношения (философско-политический аспект). Ростов-на-Дону. РГУ. 2000. С.33.
16. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., Смысл. 1998. С.64-77.
17. Паин Э. Межнациональные отношения и миграция // Миграция. 1997. № 1. С.13.
18. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М. Смысл. 1998. С.18-23.
19. Комарофф Дж. Национальность, этничность, современность: политика самосознания в конце XX века // Этничность и власть в полиэтничных государствах. /Отв. ред. Тишков В.А. М. Наука. 1994. С.42.
20. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., Смысл. 1998. С.20.
21. Там же. С. 34.
22. Россия: преодоление национальной катастрофы. Под ред. Г.В.Осипова. М. ИСПИ РАН. 1999. С. 60-61
23. Там же. С.61..

студенческого информационно-аналитического центра ИПЭК при РГУ на тему «Этно-политические конфликты на Юге России».

М.Ю. Барбашин

К ПОНЯТИЮ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА

Пожалуй, даже в конфликтологии, для которой характерна определенная нечеткость и некоторая “размытость” определений, сложно найти другое понятие, которое бы не подвергалось столь многочисленным интерпретациям самого разного толка и часто спекулятивного характера как понятие этнополитического конфликта. Причем не только по особенностям социально-политического характеристик и условий, присущих этому явлению, но и по форме, или, точнее, по названиям, используемым исследователями в научных трудах и периодической печати. Даже беглый взгляд на заголовки статей и монографий предоставляет нам редкое изобилие названий, которые используются для обозначения конфликтности в этнических отношениях, в зависимости от приводимой аргументации, а в некоторых случаях - и от фантазии автора: этнические, этнонациональные, межэтнические, этносоциальные, этноэкономические, ирредентистские, сепаратистские, сецессионные, межклановые, национальные, межнациональные и, наконец, этнополитические конфликты. Поэтому каждый человек в зависимости от своих взглядов, предпочтений и преследуемых задач может подобрать по своему вкусу то или иное определение. Естественно, что подобный теоритический “плюрализм” влияет и на отношение к описываемым явлениям на практике.

Возникает очередной методологический кризис: увеличивается разрыв между существующими теориями и практическим результатом. Ситуация, очень характерная для социальных наук - практика очень мало, чаще всего стихийно использует рекомендации, выводы и предложения ученых. Независимо друг от друга сосуществуют два направления, которые реализуются учеными и практиками. Первые что-то пишут, исследуют, предлагают; вторые прекрасно обходятся без их научных выкладок (Э. Капитонов).

В случаях же, когда в роли объясняющих причины этнической конфликтности выступают государственные эксперты, политики или военные, заинтересованные только в особом освещении конфликта, применяются такие “экзотические” обозначения как “антитеррористическая операция”, “наведение конституционного порядка”, “восстановление законности”, “разоружение бандформирований” и т. п., подкрепляемые соответствующими аргументами. Все это сильно напоминает политическую риторику времен афганской войны, когда советская пропаганда называла участие Советской Армии во внутриафганской смуте вводом “ограниченного воинского контингента”, выполнявшего “-экономической области, они могут достичь своих целей лишь путем обретения определенных властных полномочий, достаточных для осуществления подобных изменений” (А. Ямсков).

С другой стороны, культурные, социальные и религиозные процессы в этнополитическом конфликте столь тесно переплетены, что вряд ли их возможно отделять друг от друга. Является, к примеру, Чеченский конфликт этнокультурным? Разумеется. Ведь налицо разные культурные нормы и архетипы у русских и у чеченцев, причем разнятся они настолько, что дают повод обвинять последних в “нецивилизованности”, “дикости” и “варварстве”. Является ли интернациональный долг”.

В свою очередь, противоположная сторона, представляющая этнос, также не остается в долгу и объясняет конфликт как “движение к самоопределению”, “борьба против имперской политики”, “отражение внешней агрессии”, тоже с весьма разветвленной и подчас довольно убедительной аргументацией. В результате сам конфликт оказывается как бы погребенным под слоем многочисленных, преследующих политические, в лучшем случае узконаправленные научные цели определений, которые объясняют, а главное, оправдывают ситуацию с точки зрения той или иной стороны.

Если попытаться обобщить перечисленные определения, то общее в них одно - наличие мощного этнического фактора (оставляя в стороне сложные вопросы соотношения понятий народа, нации, этноса и клана можно заметить, что в этнополитических конфликтах самоидентификация как минимум одной из сторон происходит по этническим признакам (язык, происхождение, отношение к экзистенциальным ценностям и т. д.) или признакам, которые могут восприниматься в качестве этнических, так в некоторых случаях (например, в Северной Ирландии) религия приобретает этническую окраску). И этот этнический фактор значит столь много в рассматриваемых конфликтах, что всякая иная идентификация человека: социально-профессиональная, политическая, региональная или имущественная - отходит на второй план. По мнению В. Стрелецкого, “ ... корни этнических конфликтов следует искать прежде всего в сфере социально-политических и социально-экономических процессов, этнической же в них выступает ”оболочка”, форма проявления ...”

Вторая составляющая - это политический фактор. “Этнический конфликт всегда представляет собой явление политическое, ибо даже если инициаторы перемен стремятся к изменению ситуации только в культурно-языковой или социальнорассматриваемый конфликт этноэкономическим? Безусловно. Фраза о противоположных интересах сторон по поводу каспийского нефтепровода и чеченской нефти уже успела стать расхожим штампом. Тоже самое можно сказать об этно-религиозном, территориально - статусном, сепаратистско - иррединтистском конфликтах. Схожая ситуация наблюдается в Абхазском, Нагорно - Карабахском конфликтах и во многих других.

В.В. Золотухин

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНФРОНТАЦИЯ В КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЙ РЕСПУБЛИКЕ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ.

Многочисленные и трудноразрешимые проблемы, обрушившиеся на Россию в конце прошлого века, не обошли стороной и Карачаево-Черкесию...

Карачаево-Черкесская Автономная Область (КЧАО) была образована 12 января 1922 года. Она просуществовала лишь 4 года, после чего в 1926 году распалась на Карачаевскую АО и Черкесский национальный округ, преобразованный в 1928 г. в Черкесскую автономную область. В 1930 г. КАО получила Лабинский участок Государственного заповедника, в 1931-32 годах к автономии были присоединены станицы Зеленчукская и Кардоникская, а 1933-1935 гг. в КАО были включены казачьи станицы Круглая и Преградная вместе с их пахотными землями. Затем к КАО отнесли Курджиновский сельсовет Псебайского р-на Краснодарского края. 2 ноября 1943 года, в ныне траурный для всех карачаевцев день, карачаевский народ был противоправно насильственно депортирован в Среднюю Азию и Казахстан.

КАО была упразднена, большая часть ее территории отошла к Грузинской ССР. На землях Карачая стали селиться сваны, г.Карачаевск был переименован в Клухори. Священный для карачаево-балкарцев двуглавый Минги-Тау (Эльбрус) оказался в Грузии.

В 1957 году карачаевцев вернули на их родную землю, и 9 января 1957 года Черкесская Автономная область стала Карачаево-Черкесской (КЧАО). Карачаевцы были возвращены на их исконные земли.

3 июля 1991 года КЧАО отделилась от Ставрополя и была преобразована в Карачаево-Черкесскую Республику.

Конфликтная ситуация, возникшая в КЧР в 90-е годы XX века, к счастью, не вылилась в ярко проявленный межнациональный конфликт, однако межэтническая напряженность давала о себе знать. К развитию конфликта привели многочисленные экономические и политические причины.

Среди общих причин возникновения конфликта можно назвать: 1) полное отсутствие национальной политики Центра или же явно неправильное ее проведение; 2) резкое ухудшение социально-экономических условий и понижение уровня жизни; 3) из-за деидеологизации произошел активный подъем национального самосознания, приведший в предельной форме к ксенофобии и шовинизму; 4) назревшие в КЧР административно-территориальные противоречия между коренными народами республики.

Карачаевцы (129 т.ч., 31,2% нас. КЧР) компактно расселены в Карачаевском, Мало-Карачаевском, Усть-Джегутинском, частично Зеленчукском и Прикубанском районах. Черкесы (40,2 т.ч., 9,7%) и абазины (27,5 т.ч., 6,6%) населяют преимущественно Хабезский и Адыге-Хабльский районы, дисперсно, как и карачаевцы, проживают во всех районах республики. Абазинское население отмечается в Усть-Джегутинском районе. Абазины также компактно проживают в ауле Красный Восток Мало-Карачаевского р-на и ауле Хумара Карачаевского района. Ногайцы же (13,3 т.ч., 3,1%) компактно живут в Адыге-Хабльском р-не КЧР.

Русские дисперсно населяют все районы республики и составляют большинство в Зеленчукском (66,5%), Урупском (76,6%) р-нах и г.Черкесске (67,8%)²⁰. Среди них большую долю составляют люди, причисляющие себя к кубанскому казачеству, особенно в сельской местности.

Демографическая ситуация в КЧР последних лет характеризуется высокой рождаемостью среди карачаевцев и отрицательным приростом у черкесов, абазинов и русских, причем последние, находясь в напряжении от тлеющего этнического конфликта, покидают республику. В результате этого происходит территориальная экспансия карачаевцев на земли, ранее заселяемые русскими, черкесами и абазинами.

Деидеологизация страны в конце 80-х гг. вывела на первый план накопившиеся в КЧАО противоречия между народами, как естественно образовавшиеся в ходе исторического процесса, так и произошедшие ввиду некорректного ведения национальной политики. Эти факторы очень взаимосвязаны между собой. Например, совместная автономия не была нужна ни карачаевцам, ни черкесам. К 1926 году это хорошо поняли, в указе ВЦИК как причина расформирования КЧАО было указано: «ввиду невозможности совместного проживания». В 1957 году ошибку повторили еще раз, образовав КЧАО заново.

Во время перестройки произошло активное возникновение национальных движений, радикальное крыло которых ставило перед собой сепаратистские цели. Так, 17 ноября 1990 года съезд народных депутатов Карачая провозгласил Карачаевскую Республику в составе РСФСР. В это же время, в 1990 и в 1991 году возникли Черкесская, Абазинская, Ногайская республики, русские (казачьи) Зеленчукско-Урупская, Баталпашинская республики и Баталпашинский казачий отдел. Возникла реальная угроза распада КЧР, даже хотя эти предполагаемые образования в принципе невозможно создать, во-первых потому, что их территории взаимонакладываются, а во-вторых из-за высокой степени дисперсности расселения коренных этносов республики.

Интересы коренных этносов в КЧР представляют основные движения: от карачаевцев – «Джамагъат», от черкесов – «Адыгэ Хасэ», от абазинов – «Адгылара», от ногайцев – «Бирлик», от русских (казаков) – «Славяне Карачаево-Черкесии», «Русь» и др.

В 90-е годы проводился опрос среди населения республики по вопросу: хотят ли они выхода своего района и своей национальности из состава КЧР? Как ни странно, наибольший сепаратизм проявили русские (казаки): в Зеленчукском и Урупском р-нах был проявлен наибольший процент сторонников отделения. Часть из них хотели присоединения к Краснодарскому краю (чему способствовал Н.И.Кондратенко), а часть – создания собственного казачьего региона. По другим районам получились противоречивые результаты, окончательный вывод которых состоял в сохранении КЧР в ее нынешнем состоянии. В политических пертурбациях последнего времени русские национальные организации чаще всего поддерживали карачаевцев, в частности, ОПД «Джамагъат». Сейчас можно сказать, что идея раздела КЧР потеряла свою актуальность. Большинство населения решительно признало ее неконструктивной.

²⁰ Данные за 1989 год

В республике проходили жаркие дискуссии по поводу названия столицы: карачаевские и казачьи организации требовали возвращения г.Черкесску его исторического имени Баталпашинск, а радикально настроенные карачаевцы – даже предлагали название «Таулу-Кала» («карачаевский город»). Опасаясь обострения конфронтации, В.М.Семенов наложил мораторий на переименование г.Черкесска.

Межнациональная напряженность сохранялась главным образом между карачаевцами и черкесами, причем она преимущественно инициировалась сверху, от правительства КЧР и ОПД. Центр не знал, кому верить, сыпались перекрестные обвинения: то черкесы писали письмо в Москву, обвиняя карачаевцев в «ваххабизме и исламизме», то карачаевцы отправляли туда же послание по поводу якобы имеющих место «сепаратистских настроений» черкесов. Положение снова усугубилось в 1999 году главным образом из-за конфликта вокруг выборов президента КЧР. Черкесы также имеют свои политические претензии к карачаевцам – по их мнению, они слабо представлены в современном Совмине КЧР и его правительстве. По мнению «Адыгэ Хасэ», черкесы также недостаточно свободны в своих проявлениях, они притесняются, поэтому в 1999 году снова педальировался вопрос о присоединении черкесских районов республики к Ставропольскому краю. Особенно остра была ситуация с единственным в Карачаевском р-не абазинским аулом Хумара. Бытовым инцидентам придавалась этническая окраска, что в конце концов привело в 1999 г. к студенческим волнениям в КЧГПУ, в гг.Карачаевске и Черкесске. Угроза взрыва ситуации впоследствии была во многом разряжена генералом В.Г.Казанцевым.

Усложняет положение и остро обсуждаемый в КЧР вопрос о переброске рек Большой и Малый Зеленчук, что, по мнению черкесских ОПД, угрожает существованию абазинских и адыгских аулов.

Объективно ситуацию понять довольно трудно: конфликтующие стороны подчас дают прямо противоположные трактовки событий, происходящих в республике. Это относится к вопросам этнических процессов на территории КЧР, к экономическим, политическим вопросам. Наиболее ярко это иллюстрирует дело о покушении в 2000 году на председателя Верховного Суда КЧР карачаевца И.Бурлакова и суд над обвиняемыми, черкесами Р.Мидовым и А.Пшемаховым, которые были признаны невиновными на суде в г.Ставрополе, что оспаривается карачаевской стороной. Взаимопротиворечащие заявления с обеих сторон и жесткие политические выпады стали характерной чертой карачаево-черкесской ситуации.

Позиция карачаевцев тоже во многом понятна: они делают упор на свою полную культурную реабилитацию после принудительной депортации 1943 года, ставшей подлинной трагедией этого народа. В карачаевской среде гораздо более, чем в черкесо-абазинской, распространился ислам. В с.Учкекен Мало-Карачаевского района было открыто медресе. Новые мечети открылись и в г.Карачаевске. Чеченские эмиссары пытались привнести в КЧР радикальный ваххабизм, приводящий к национальной нетерпимости и сепаратизму. Карачаевский народ не поддался на эту провокацию, в целом отдав предпочтение традиционному исламу.

Абазины и ногойцы искренне озабочены сохранением своей оригинальной культуры и языка, поэтому они ратуют за создание своих национальных районов в КЧР. Сейчас реализовать такие проекты довольно трудно, ибо это требует большой организационной работы, учитывая то, что абазины живут смешанно с черкесами, как, впрочем и ногойцы. Эти планы, возможно, будут реализованы через некоторое время, когда обстановка в КЧР и на Северном Кавказе более-менее стабилизируется.

Хоть создание объединенной автономии карачаевцев и черкесов и было не совсем верным шагом Советской власти, но необходимо принять ситуацию, какой она есть. Сейчас распада КЧР допустить нельзя, ибо это резко дестабилизирует обстановку на всем Кавказе и вызовет немедленную активизацию фундаменталистских сил во всем регионе.

Эскалация конфликтной ситуации в КЧР сейчас маловероятна. И черкесская, и карачаевская стороны хорошо понимают, что взаимные обвинения и политические провокации не приведут к разрешению накопившихся противоречий, наоборот, они еще более обострят ситуацию. Однако, о некоторой тревожности обстановки говорит и отъезд русского населения, и тема «непокойствия» в КЧР, муссируемая в центральных СМИ, и попытки чеченских боевиков прорваться на территорию Карачаево-Черкесии. Но в основном, националистическая волна пошла на убыль. Карачаевцы и черкесы - тюрки и адыги, всегда были добрыми соседями, кунаками, аталыками друг другу. По моему мнению, идеальным для КЧР оказался бы дагестанский вариант, где первая должность в республике вообще отсутствует. Однако, предпринимаются попытки к достижению паритета власти между этносами, представленными в КЧР. Президентом республики выступает карачаевец генерал В.М.Семенов, председателем Правительства КЧР – черкес А.Х.Карданов, а вице-президентом Республики – русский А.Г.Ляшов. Несмотря на все трудности, этнополитический климат постепенно улучшается, и конфронтация начинает идти на спад.

А.В. Пацев

ТЕРРОРИЗМ – ФОРМА ИНСТИТУАЛИЗАЦИИ КСЕНОФОБИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

В последние годы, в связи с многочисленными террористическими актами в различных странах мира, особо актуальной стала тема терроризма и методы борьбы с ним.

Россия – одна из стран, где на протяжении 90-х гг. XX в. различными экстремистскими организациями неоднократно совершались террористические акты.

Одной из самых «горячих» точек на карте России является Южный Федеральный округ, а центром терроризма и экстремизма на Северном Кавказе продолжает оставаться Чеченская республика. Хотя банд группы в основной своей массе и разгромлены федеральными войсками, все

же время от времени они напоминают о себе, проводя террористические акты против федеральных сил, местной администрации и мирного населения.

Благоприятную почву терроризм и экстремизм здесь находит потому, что во всех республиках Северного Кавказа сложилась кризисная социально-экономическая ситуация. За прошедшие десять лет реформ в регионе остро проявляются многие негативные социально-экономические явления (обнищание людей, рост безработицы), которые приводят к тому, что население Северо-Кавказских республик (особенно молодежь) попадают под влияние религиозных и сепаратистских экстремистов, а также к разного рода зарубежных эмигрантов, которые наводнили Россию в 90-е годы. Поэтому на Юге России и особенно в Северо-Кавказских республиках без радикального улучшения социально-экономической ситуации ликвидировать предпосылки экстремизма и терроризма невозможно.

Тем не менее, сам по себе кризис не обязательно имеет следствием использование протестными силами террористических методов. Во многом они определяются кризисом идентичности народов бывшего Советского Союза. В условиях радикальной попытки модернизации российского общества произошла регенерация закрытых этнических социокультурных систем, в результате чего диалог и взаимодействие культур установившийся в конце XIX – XX вв. сменилось взрывом ксенофобии: русофобии, кавказофобии и исламофобии, которые институализировались в различные формы политического и религиозного экстремизма, включая терроризм.

важно отметить, не впадая в крайности «теории заговора», что распространение религиозно-этнического экстремизма и терроризма в республиках Северного Кавказа происходит без участия некоторых государств Ближнего и Среднего Востока (спецслужбы и частные фонды, организации), а также международных террористических организаций, которые всячески поддерживают террористов с Северного Кавказа, оказывая моральную, материальную и финансовую помощь. Так, известный чеченский террорист иорданец Э. Хаттаб связан с международной террористической организацией «Братья-мусульмане», имел он также контакты с международным террористом Усамой бен Ладеном.

Радикальные организации, некоторые страны Ближнего и Среднего Востока (Саудовская Аравия, Турция, Пакистан и др.) оказывая поддержку террористам на Северном Кавказе, видят в них средство в достижении своих глобальных целей и идей (панисламизм и пантюркизм). Здесь можно заметить еще то, что поддержанием нестабильной обстановки на Северном Кавказе заинтересованы некоторые мировые державы (США, Великобритания), которые объявили Кавказ зоной своих стратегических интересов. Фактически они морально поддерживают террористов и экстремистов на Северном Кавказе, что хорошо видно на примере манипулирования мировым общественным мнением по проблеме Чечни и «ползучего» распространения военного присутствия западных стран в Закавказье.

В настоящее время активность террористов в ЮФО снижается. Этому способствует анти-террористическая политика нашего Президента и руководителей южного Федерального округа. Но наряду с мероприятиями военного, полицейского характера, необходимо активнее использо-

вать информационные, политические рычаги. Комплекс различных мер, в т.ч. преодоление ксенофобии, направлен на предотвращение терроризма на территории России, и, в частности на ее южных территориях.

И. Карпук

КАТЕГОРИЯ «СОГЛАСИЕ» И ФОРМЫ ЕГО ДОСТИЖЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ.

Российское общество, переживающее период кардинального изменения общественного строя, отличается неустойчивостью, нестабильностью во всех основных областях социальной жизни. Период современных преобразований в России характеризуется высоким уровнем социальной напряженности и конфликтогенности. Вместе с тем формирование рыночных отношений и построение демократического общества в России осуществляется не только через конфликты, но и через согласие. Вероятно, в целях стабилизации общества праздник 7 ноября объявлен президентским указом Днем национального согласия и примирения, а 1997 год был назван годом Согласия. Памятна также попытка достижения солидарности общественных и политических движений, когда весной 1994 года Государственная Дума приняла Меморандум Согласия, а Президентом РФ был предложен для подписания широкими общественно-политическими движениями, партиями Договор об общественном согласии.

Однако достижение согласие состоит не только в идеологической аргументации его необходимости. Жизнь показывает, что указами и постановлениями воплотить гуманистическую идею согласия в реальность невозможно. Согласие предполагает общность точек зрения, убеждений и действий по важнейшим общественным проблемам. Общественное согласие - это такие взаимоотношения между различными социальными субъектами, которые подчинены общим жизненно важным целям. Согласие проявляется в поддержке со стороны широких народных масс общественных преобразований, государственной власти, социальной политики и т.д. Согласие цементирует общественные отношения.

Разработка теоретических проблем согласия не соответствует возросшим потребностям общества и социализации современного человека.

Любая научная категория должна иметь точное определение. Понятие "согласие" употребляется лишь на уровне констатации и на сегодняшний день отсутствуют фундаментальные труды, посвященные проблеме категориального

статусирования. В своей работе мы попытаемся приблизиться к теоретической сути вопроса.

В науке такие понятия как "консенсус" и "согласие" часто рассматриваются как синонимы. "Консенсус" происходит от латинского consensus, что в переводе означает согласие, общее мнение; единомыслие, единодушное стремление, единогласное решение.

В. Даль под согласием понимает "соразмерность, взаимное соответствие частей целого, соразмерность, симметрия, или пропорциональность".

С.И. Ожегов дает следующее определение: "согласие - это разрешение, утвердительный ответ на просьбу; единомыслие, общность точек зрения; дружественные отношения, единодушие; стройность, гармония".

В современном экономическом словаре консенсус (согласие) трактуется "как договоренность, согласие по поводу условий осуществления операции, деятельности, в которых заинтересованы несколько сторон".

Большой юридический словарь в понятие "консенсус" вкладывает следующий смысл: "принятие решения или текста договора на международных конференциях, совещаниях и в международных организациях на основе общего согласия участников без проведения формального голосования, если против него не выступает ни один из участников данного форума.

Предпринятые попытки поиска согласия в разных сферах жизнедеятельности общества дают основание для вывода об универсальном характере согласия. Его проявления обнаруживаются в законах механики, физики и химии, в астрономии и минералогии. Согласие обнаруживается в эволюции живой материи от низших форм к высшим, в естественном отборе, взаимодействии, наследственности и среды обитания.

Человек постоянно живет в состоянии согласования своих чувств, хотений, представлений, знаний, действий с себе подобными, с общественным укладом жизни, нормами и пороками своего социума, класса, национальности, к которым принадлежит; вместе с тем он постоянно согласовывает все свои преднамеренно, со своей биологической природой, социальной сущностью, с государственными властями, политическим режимом, нравственными нормами, идеалами и запретами, достоинствами и пороками своего существования.

Таким образом, объем понятия "согласие" достаточно обширен. Во Вселенной нет какого-либо тела или процесса, которые не находились бы в отношениях согласия-несогласия.

Разрозненные идеи, мысли, суждения о согласии, содержатся в трудах философов Древности, Средневековья и Нового времени, в частности Цицерона, Платона, Аристотеля, Гераклита, Шеллинга, Роттердамского, Гегеля, Фрейда, Юнга, Шопенгауэра, Бердяева, Чичерина, Бонхеффера, Лоренца и многих других. Т. Гоббс в работах "О гражданине" и "Левиафан", Ф. Вольтер в работе "Метафизический трактат", Ж.-Ж. Руссо в "Общественном договоре", Р. Вормс в "Общественном организме", П. Гольбах в работе "Об обществе", И. Кант в работе "Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане" высказывают принципиальные в теоретическом плане, но разрозненные идеи о роли согласия во всемирной общественной истории.

Подход О. Конта к согласию как систематизирующей основе общества не получил прямого продолжения в социологии. Р. Парк и Э. Берджесс изучали свойства согласия в межличностном общении людей, находящихся в социальном коллективе. "С точки зрения коллективного поведения, - утверждают авторы, - все элементы культуры, обычаи, нравы, навыки и идеалы могут быть сведены к одному понятию "согласие".

Т. Ньюком дает одно из немногих определений понятия "согласие" в мировой социологической мысли. Под понятием "согласие" я подразумеваю не больше и не меньше, как существование между двумя или более личностями сходных ориентации по отношению к чему-нибудь".

Одним из теоретиков, которые включили согласие в теорию равенства и справедливости является Джон Роулс. Его книга "Теория справедливости" (1971) открыла согласие в обществе как важнейший фактор гражданского мира.

О фундаментальном значении согласия в рамках человеческой коммуникации говорит Э. Шрёдингер, соотнося его с единством мира. При этом он не видит противоречия между всеохватностью согласия и плюрализмом личных позиций.

Идея согласия проникает и в научную литературу современного периода. Как отмечает Т. Майер в работе "Либерализм и социализм", "определенная минимальная форма синтеза социалистических и либеральных представлений о взаимоотношениях индивида, государства и общества и социальных основах индивидуальной свободы, - эта форма синтеза стала своего рода базовым консенсусом (согласием) западных демократий".

Анализ существующих подходов к исследованию согласия и его трактовок позволяет утверждать, что дефиниция "согласия" в социуме в настоящее время разработана недостаточно.

Категориальное поле согласия образуют следующие понятия: единство, мера, интеграция, солидарность, сплоченность, стабильность, устойчивость, порядок, партнерство, целостность. В качестве универсального определения можно принять следующее: согласие - это состояние, признак и процесс взаимодействия различных элементов системы, находящихся в единстве ценностей, интересов, целей, потребностей, при которых система обладает солидарностью, сплоченностью, интеграцией, упорядоченностью, стабильностью, сохраняется как целостность.

Целостность государства покоится на "4-х китах": 1) территориальная целостность; 2) системообразующем единстве пространства (в правовом, экономическом, социальном и во всех других смыслах); 3) территориальная интеграция; 3) общенациональная идеология. Целостность российского государства складывается из целостности региональных систем, а именно способности каждого их элемента согласованно реагировать на внешние и внутренние воздействия.

Современные региональные социальные процессы в России имеют ряд тенденций.

1. Рост поляризации российского пространства по многим социально-экономическим показателям.

2. Увеличение столичной ренты и ренты главных городов регионов, что означает получение дополнительного дохода, получаемого главными городами в связи с его статусным положением.

3. Дезинтеграции и фрагментации российского пространства.

4. Усиление регионализации российского пространства по тяготению к отдельным странам и зонам мира.

5. Двойственность отношений между федеральным центром и субъектами Федерации. С одной стороны, наблюдается слабость центральной власти и непродуманность стратегии. С другой - государство все же выступает главной общественной силой и время от времени прибегает к рег-

ламентации тех областей региональной жизни, которые с позиции конституционного права должны бы находиться в компетенции региональных властей. Вмешательство государства ведет к дроблению объектов социально-экономического управления, неадекватности управленческих воздействий, их двойному подчинению (региональному и федеральному), что усложняет структуру управления и процесс принятия решений. Поэтому проблема согласования федеральных и региональных интересов является ключевой для российской государственной политики, разработки общей доктрины развития и сотрудничества.

6. Зачатки становления региональных идеологий на фоне дефицита единой национальной государственной идеологии.

На сегодняшний день в России отсутствует национальная доктрина согласия. Вместе с тем достижение согласия в обществе - не самоцель. Согласие призвано служить основным средством для выработки ориентиров развития социума. Выход России из сложившейся ситуации политического, экономического и культурного разногласия видится в принятии новой идеологии, идеологии гуманизма.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Арухов Загир Сабирович – к. филос. н., зам руководителя Центра исламских исследований Северного Кавказа при Дагестанском госуниверситете (г. Махачкала).

Аствацатурова Майя Арташесовна – к. истор. н., доц., зам. директора по научной работе ПФСКАГС (Пятигорск)

Барбашин Максим – председатель Студенческого информационно-аналитического Центра ИППК при РГУ.

Бережной Сергей Евгеньевич - ведущий сотрудник Аппарата полномочного представителя Президента РФ в ЮФО, аспирант РГУ.

Волков Юрий Григорьевич - доктор философских н., проф., Заслуженный деятель науки РФ, директор ИППК при РГУ

Дегтярев Александр Константинович – доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Новочеркасского военного института связи

Добаев Игорь Прокопьевич – к. полит. н., докторант, зам. директора Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК при РГУ.

Зартман Уильям – проф. школы передовых международных исследований Джона Гопкинса

Золотухин Всеволод – студент ф-та философии и культурологии РГУ

Карпук Ирина – студентка отделения «Регионоведение» ИППК при РГУ

Козлова Анна Владимировна – аспирант ИППК при РГУ

Мальшева Дина Борисовна – д.ф.н., проф. Института мировой экономики и международных отношений РАН (Москва).

Маркедонов Сергей Мирославович – к. истор.н., доц., зав. отделом проблем межнациональных отношений Института политического и военного анализа (г. Москва)

Мельков Сергей Анатольевич – к.ф.н., докторант военного университета (г. Москва)

Мирошниченко Инна Валерьевна – аспирант Кубанского госуниверситета (г. Краснодар).

Морозова Елена Васильевна – д. филос. н., профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского Госуниверситета (г. Краснодар).

Пацев Александр – студент отделения «Регионоведение» ИППК при РГУ

Ракова Ирина Викторовна – соискатель СКАГС

Рябцев Владимир Николаевич – к. ф. н., доцент РГУ.

Рябцева Ирина Геннадьевна – к. фил.наук., доц. РГПУ.

Сарматин Евгений Сергеевич – к. филос.н., доц. ВФМИУ (Волгоград).

Соловьев Виктор Андреевич – к. полит. н., начальник управления анализа, прогноза и информационного обеспечения представительства Президента Российской Федерации по вопросам урегулирования осетино-ингушского конфликта

Уланов Виталий Петрович – к. соц. н., докторант ИППК при РГУ

Чернобровкин Игорь Павлович – к.филос.н., доц., докторант ИППК при РГУ

Черноус Виктор Владимирович – к. полит. н. доцент, директор Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК при РГУ.

Чубенко Александр Владимирович – аспирант СКАГС

Центр системных региональных исследований и прогнозирования
Института по переподготовке и повышению квалификации
преподавателей гуманитарных и социальных наук
при Ростовском государственном университете.

Создан в сентябре 1999 года.

Основные задачи:

создание информационной базы данных по Южному федеральному округу;
организация и проведение фундаментальных и прикладных региональных (северокавказских) научных исследований;
проведение научных конференций, симпозиумов, семинаров по регионалистике;
разработка образовательных проектов и программ в области регионоведения.

Центр действует в комплексе с отделением «Регионоведение» и кафедрой теоретической и прикладной регионалистики ИППК при РГУ.

С 2001 года издает серию научных проблемных сборников и монографических исследований «Южнороссийское обозрение».

Вып. 1 Ислам и политика на Северном Кавказе. Ростов н/Д.

Изд. СКНЦ ВШ. 2001г. 188 с.

Вып. 2 Русские на Северном Кавказе: вызовы XXI века. Ростов н/Д.

Изд. СКНЦ ВШ. 2001 г. 215 с.

Вып. 3 Добаев И.П. Политические институты исламского мира: идеология и практика. Отв. ред. Ю.Г.Волков. Ростов н/Д. Изд. СКНЦ ВШ. 2001 г. 80 с.

Вып. 4 Современное положение Чечни: социально-политический аспект. Ростов н/Д. Изд. СКНЦ ВШ. 2001 г. 156 с.

Вып. 5 Современные проблемы геополитики Кавказа. Ростов н/Д. Изд. СКНЦ ВШ. 2001 г. 196 с.

Готовятся к печати сборники по проблемам радикализма в исламе; становлению парламентаризма на Юге России; консерватизму и традиционализму.

Более подробно о результатах деятельности Центра можно узнать на <http://www.ippk.rsu.ru>

Приглашаем к сотрудничеству специалистов – кавказоведов.

Выполняем заказы на проведение исследования гуманитарной и социальной проблематики Северного Кавказа.

Контактный адрес: 344006, г. Ростов – на – Дону, ул. Пушкинская, дом 160,

ИППК при РГУ, к. 22

Телефоны: 65-34-51, 64-19-12

Факс: 64-49-33

Е – mail: volkov@iritp.rsu.ru